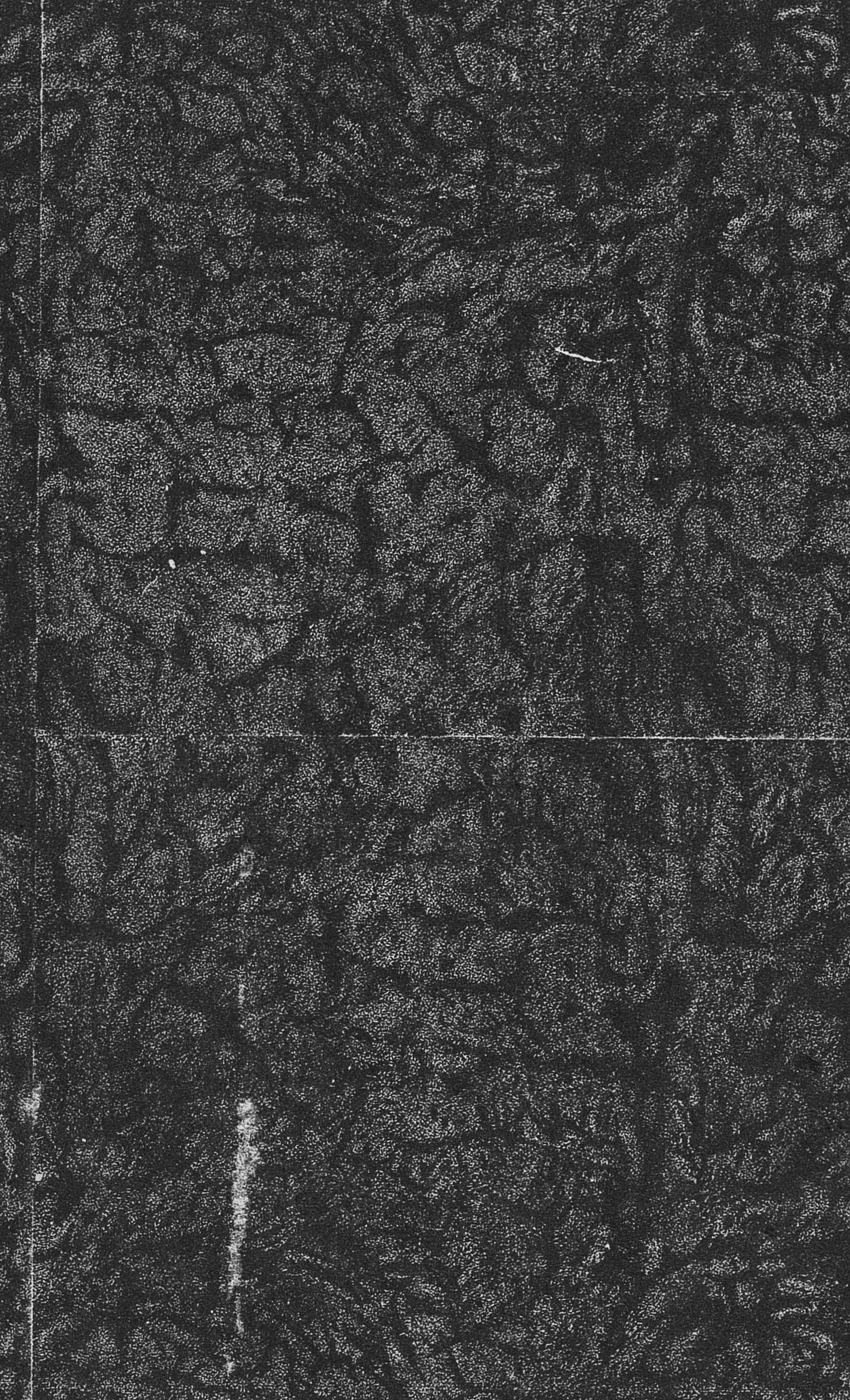
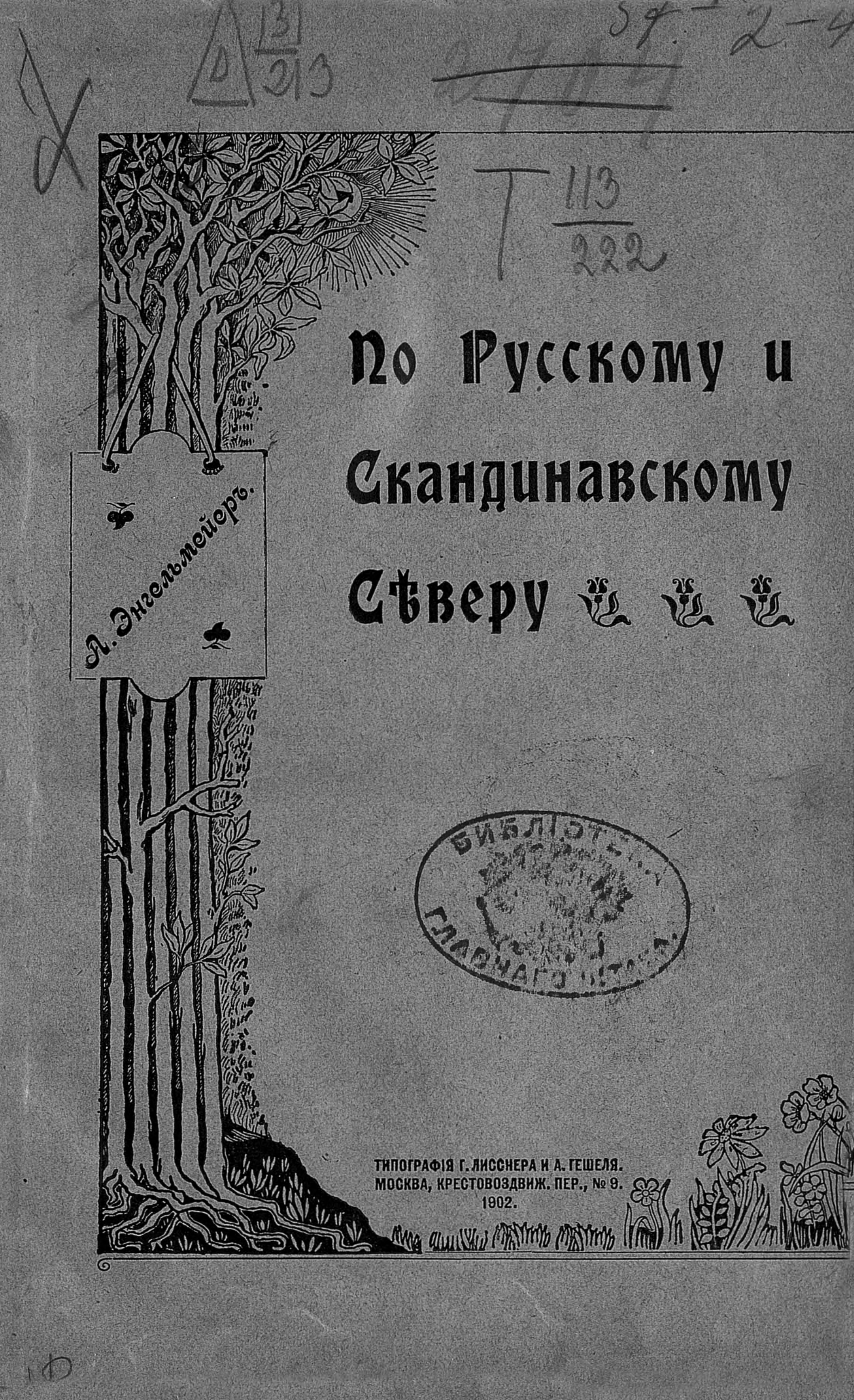
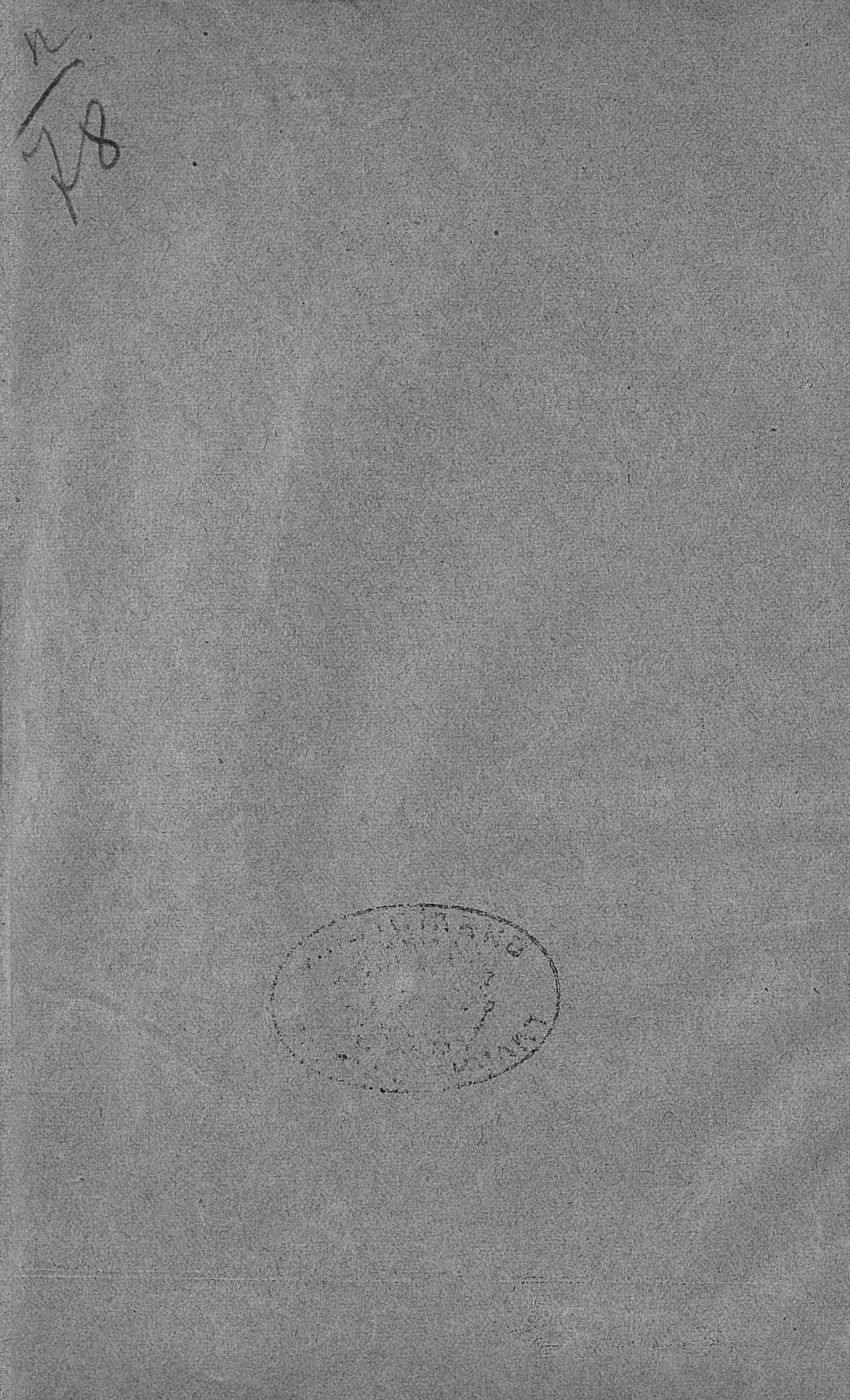

А. Энгельмейеръ.
По Русскому и Скандинавскому Сѣверу
ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИССНЕРА И А. ГЕШЕЛЯ.
МОСКВА, КРЕСТОВОЗДВИЖ. ПЕР., № 9.
1902.

ПО РУССКОМУ И СКАНДИНАВСКОМУ СѢВЕРУ.

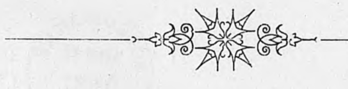

А. Энгельмейеръ.

ПО РУССКОМУ И СКАНДИНАВСКОМУ СѢВЕРУ.

ПУТЕВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ четырехъ частяхъ.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1902.

Посвящается

Эмиліи Энгельмейеръ —

моему лучшему спутнику въ жизни,

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недостаточное знакомство съ описываемыми въ этомъ трудѣ странами, а главное, какое-то равнодушіе къ нимъ у насъ, въ Россіи, побудили и меня попытаться принять посильное участіе въ возбужденіи къ нимъ нѣсколько большаго вниманія и интереса среди русской публики.

У насъ такъ еще недостаточно интересуются нашимъ, а тѣмъ болѣе скандинавскимъ сѣверомъ, такъ мало желаютъ его узнать поближе, что становится положительно обидно за всѣ тѣ интересныя страны, въ особенности же за Скандинавію.

Страна эта, ея народности и ихъ культура заслуживаютъ гораздо большаго интереса къ себѣ, нежели это замѣтно до сихъ поръ между нашими соотечественниками.

Я, по крайней мѣрѣ, долженъ признаться, что посѣщеніе Скандинавіи могу назвать чуть ли не лучшимъ своимъ путешествіемъ.

Хотѣлось бы, чтобы и многіе другіе рѣшились попытать таковое, чтобы и многіе другіе полюбили хоть немного прелестную, высококультурную Скандинавію или даже и весь скандинавскій міръ, къ каковому, безспорно, относятся и Данія, и Финляндія, а отчасти, пожалуй, даже и остальныя Прибалтійскія страны.

Вотъ такія мысли и были главной причиной появленія этого скромнаго труда на свѣтъ Божій или, что̀ то же, передъ нашей читающей публикой.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

ПО РОССІИ.

Вмѣсто вступленія. Отъ дома до Вологды.

ГЛАВА I.

Отъ Вологды до Архангельска.

Стран.

Пароходъ „Луза“. — Семинаристы. — Отплытіе. — Рѣки Вологда и Сухона. — Мельницы. — Хлѣбопашество. — Селенія. — Птицы. — Хвойныя деревья. — Ель. — Дубъ. — Остановки. — Капитанъ. — Служащіе. — На капитанской вышкѣ. — Дербники. — Асфикція. — Пѣніе семинаристовъ. — Вологодская семинарія. — Тотьма. — Красота Сухоны. — „Лось“. — Скотина. — Прохожіе. — Товарищъ по созерцанію. — Народонаселеніе. — Пустыня. — Сокола и кречеты. — „Опоки“. — Устюгъ Великій. — Пароходъ „Десятинный“. — „Пустякй“. — Начальство и прислуга. — Рѣка Югъ. — Малая Двина. — Котласъ. — Стерлядь. — Рѣка Вычегда. — Сѣверная Двина. — Маленькое замѣшательство. — Два писателя. — Остальные пассажиры. — Жилища и храмы. — Продовольствіе пассажировъ. — Гипсъ. — Лиственница и кедръ. — Рѣка Пинега. — Село Вавчуга. — Іоаннъ Кронштадтскій. — Холмогоры. — Прибытіе въ Архангельскъ. — Нѣкоторыя данныя о немъ 3

ГЛАВА II.

Архангельскъ.

Пристани. — Подворья. — Гостиницы. — Пароходы. — Рейсы. — Гостиница „Троицкая“. — Библіотека. — Музей. — Памятникъ Ломоносову. — Спутники. — Соломбала. — Гостиница „Англія“. — Красотка. — Притоны. — Гигіэна и личики. — Домикъ Петра I. — Рынокъ. — Соловецкое подворье. — Тундры и лѣса. — Пароходы „Николай II“ и „Ломоносовъ“. — Опять гостиница „Англія“ и милое видѣніе. — Маленькіе труженики. — Купанье. — Пароходъ „Соловецкій“. — Островъ Моисеевъ. — Маленькое толкованіе. — Топливо. — Рейсы на Новую Землю и Шпицбергенъ. — Передъ отплытіемъ въ Соловки. — Отплытіе и путь до моря. — Пароходная публика. — Капитанъ и прислуга. — Нѣкоторыя данныя о Бѣломъ морѣ. — Нѣкоторыя данныя о Соловкахъ 21

ГЛАВА III.

Соловецкіе острова.

Стран.

Прибытіе въ Соловки.—Гавань благополучія.—Размѣщеніе публики и гостиница.—Чайки.—Купанье.—Святыя ворота.—Главный храмъ.—Икона раненая.—Колокольня „Царская“.—Живопись.—Церковь Троицкая.—Сѣнь пр. Зосимы и Савватія.—Схимникъ.—Пѣніе.—Библіотека.—Церковь пр. Германа.—Ризница.—Пекарня.—Святое озеро.—Докъ.—Гостиница „Архангельская“.—Ограда.—Оружейная палата.—Крѣпость.—Тюрьма.—Мастерскія.—Имущество и хозяйство.—Трапеза.—Поѣздка по окрестностямъ.—Звѣриные промыслы.—Анзерскій скитъ.—Голгоѳо-Распятскій скитъ.—Животныя и люди.—Вологожанки и педагоги.—Голуби, воро́ны и во́роны.—Сѣкирная гора.—Савватіева пустынь.—Грѣшникъ.—Вознесенскій скитъ.—Біологическая станція.—Муксалма.—Сувениры.—Кое-какія подробности.—Малый.—Живоносный источникъ.—Митрополитъ Филиппъ.—Пароходъ „Михаилъ“.—Передъ отъѣздомъ изъ Соловковъ.—Опять на пароходѣ „Соловецкомъ“.—Возвращеніе въ Архангельскъ.......... 38

ГЛАВА IV.

Отъ Архангельска до Вардё.

Температура.—Пароходъ „Ломоносовъ“.—Сборы къ отъѣзду.—Отплытіе.—Знакомый путь.—Нашъ пароходъ.—Порядки.—„Камаринскій мужикъ“.—Команда.—Пассажиры.—Ночи.—Унылыя картины.—Зимняя Золотница.—Полярный кругъ.—„Vogel als Prophet“.—Аварія.—Паруса.—Рѣка Поной.—Непривѣтливые берега.—Животное населеніе.—Три Острова.—Орловскій маякъ.—Сирена.—Поворотъ къ Ледовитому океану.—Рыбопромышленникъ.—Протоколъ объ аваріи.—Еще порядки на пароходѣ „Ломоносовѣ“.—Приближеніе Сѣвера.—Туристы и полярный кругъ.—Туманы.—Святой Носъ.—Первый китъ.—„Сувои“.—Ледовитый океанъ.—Мурманъ.—Іоканскій заливъ.—Акулы.—Провіантъ.—Губа Варзина.—Экспедиціи.—Уменьшеніе рыбы.—„Птичьи базары“.—Полуночное солнце.—Нашъ капитанъ.—Петровъ день.—Погода и температура.—Наши и варяги.—Гаврилово.—Териберка.—Живая провизія.—Ново-Оленье.—Островъ Кильдинъ.—Кое-что о китахъ.—Кольская губа.—Екатерининская гавань.—Экспедиція Н. М. Книпповича.—Городъ Кола.—Починка аваріи.—Господа мурманцы.—Портъ Владиміръ.—Хищныя чайки.—Цыпъ-Наволокъ.—Печенга.—Варангеръ-Фіордъ.—Чужбина.......... 58

ЧАСТЬ II.

ПО НОРВЕГІИ.

ГЛАВА I.

Отъ Вардё до Хаммерфеста.

Стран.

Берегъ Норвегіи. — Чужая сторона. — Вардё. — Климатъ. — Новый спутникъ.— Помѣщеніе. — Нашъ вице-консулъ. — Англійскій консулъ. — Населеніе. — Китоловный промыслъ. — Hôtel Fram. — Герцогъ Абруцскій. — Обѣдъ. — Китоловные заводы. — Ночлегъ. — Бѣгство. — Норвежскій пароходъ. — Атлеты. — Содержаніе.— Туристы. — Второклассники. — Берега къ Сѣверу. — Тана-Фіордъ. — Страна духовъ. — Бойня китовъ. — Лаксъ-Фіордъ. — Нордкинъ. — Нордкапъ. — Музыканты. — Дилетанты. — Оригинальный промыселъ. — Форсангнеръ-Фіордъ. — Островъ Магерё. — Старые знакомые. — Золото. — Отрицательные факты. — Капитанъ. — Иностранцы со мною. — Эхо. — Киты! Киты! — Отъ сѣвера. — Пассажиры. — Сѣвернѣйшій городъ міра. — Гибель парохода „Бургундія". — Въѣздъ въ Хаммерфестъ. — Польщенная національность — Хаммерфестъ. 86

ГЛАВА II.

Отъ Хаммерфеста до Тромзё.

Соотечественники. — Осмотръ Хаммерфеста. — Деспотъ. — Картина отъ Хаммерфеста до Тромзё. — Локлинъ. — Оссіанъ. — Остановки. — Англичане. — Среди третьеклассниковъ. — Свендсенъ. — Олебуль. — Красота страны. — Гротъ-Зундъ. — Тромзё-Зундъ. — Прибытіе въ Тромзё. — Бѣгство съ парохода. — Наше вице-консульство. — Помѣщеніе. — Магазины. — Лопари. — Окрестность. — Городъ. — Нравы. — Ночи. — Купанье. — Музей. — Взглядъ на русскихъ. — Скотъ. — Аптека. — Демократія. — Покосъ. — Дѣти. — Грустныя исключенія. — Температура воды. — Столъ. — Англійскій консулъ. — Гулянье. — Дѣвушки. — Молодежь. — Опять нравы. — Береста. — Провинціальный патріотизмъ.. 105

ГЛАВА III.

Отъ Тромзё до Трондхейма.

Отъѣздъ. — „Так"! — Второй норвежскій пароходъ. — Прощаніе атлетовъ. — Туристы. — Безцѣльное убійство. — Фіорды послѣ Тромзё. — Общая родина. — Фотографія. — Католическіе священники. — Единственный русскій. — Туристскій пароходъ. — Опять туристы. — Норвежки. — Харстадъ. — Тронденесъ. — Бодё. — Прощанье съ солнцемъ. — Вестероленъ и Лофутенъ. — Свольверъ. — Климатъ и здоровье. — Вестъ-Фіордъ. — Послѣдній китъ. — Странности туристовъ. — Верхній край солнца. — Капитанъ и туристы. — Окрестности. — Буря вдали. — Прусская миноноска. — Бисмаркъ. — Опять Оссіанъ. — Первые клочки земледѣлія. — Опять

Стран.

полярный кругъ. — Трондхеймъ. — Сѣвернѣйшая желѣзная дорога Скандинавіи.— Первая купальня. — Опять первый норвежскій пароходъ. — Обходъ Трондхейма.— Данныя о немъ. — Упраздненное поклоненіе. — Соборъ. — Концертъ. — Кладбище.— Мой костюмъ. — Конецъ сѣверныхъ ночей. — Остатки прежнихъ пассажировъ.— Ландшафтъ къ югу. — Христіанзандъ. — Бойня. — Бельгійцы. — Капитанъ и пассажирка. — Охота за личиками. — Заклепка. — Люкъ. — Привилегія II класса.— Растительность и животныя. — Мольде.—„Пасхальное утро".— Красотка съ грязными ручками.— Тишь фіордовъ. — Передъ Бергеномъ. — Штука ресторатора.— Смиреніе. — Оскорбленная національность. 118

ГЛАВА IV.

Бергенъ.

Панорама Бергена. — Помѣщеніе. — Данныя о Бергенѣ. — Ганза. — Параллель Петербурга. — Базары. — Оживленіе. — Статуи. — Выдающіяся части города. — Трамваи. — Выставка. — Письма. — Осмотръ выставки. — Рекреаціи. — Народный ресторанъ. — Начало лѣсоразведенія. — Поиски Э. Грига. — Нутрь страны.— Вилла Трольдхаугенъ.— Охранительница.— Великій человѣкъ.— Станція Нестунъ.— Сельское кладбище. — „Нѣтъ болѣе дѣтей". — На высотѣ. — У Э. Грига. — Ли.— Наша бесѣда. — Ибсенъ о свободѣ. — Сборы въ Россію. — О музыкѣ. — Остальные члены семьи. — Прощанье. — Возвращеніе въ Бергенъ. — Послѣдній осмотръ Бергена. — Народная кухня. — Третій норвежскій пароходъ. — Отъѣздъ. — Капитанъ и его помощникъ. — Берега. 133

ГЛАВА V.

Отъ Бергена до Христіаніи.

Хардангеръ-Фіордъ. — Ставангеръ-Фіордъ. — Поэтъ-городской голова. — Моя покровительница.— Туманъ въ Нѣмецкомъ морѣ. — Экерзундъ. — Пѣніе. — Флекке-Фіордъ. — Нѣкоторые пассажиры. — Листерландъ. — „Носъ липъ". — Мандаль.— Христіанзандъ.— Скагерракъ. — Арендаль. — Крагерё. — Лангезундъ. — Лауервикъ. — Медузы. — Каникулы. — Доброе сердце. — Городъ Зандфіордъ. — Тонсбергъ. — Христіанія-Фіордъ. — Прибытіе въ Христіанію. — Безпокойный ночлегъ. 146

ГЛАВА VI.

Христіанія.

Помѣщеніе. — Данныя о столицѣ Норвегіи. — Купальни. — Розыски Х. Ибсена.— Обходъ города. — Стортингъ. — Масоны. — Университетъ. — Викинги. — Художественный музей. — Художественно-ремесленный музей. — Дворецъ. — Дворцовый паркъ. — Grand Hôtel. — Первое свиданіе съ Ибсеномъ. — Изъ его біографіи. — Бесѣда. — Его популярность. — Объ его творчествѣ. — Нѣкоторыя его сочиненія.—

Стран.

Его пессимизмъ. — О Россіи. — Его послѣдняя работа. — Манія туристовъ. — Церковь нашего Спаса. — Техникъ. — Воскресенье. — Загородные выѣзды. — Мѣстная публика. — Труженики. — Маленькій народъ. — Портреты и книги. — Монополія. — Опять Ибсенъ. — Мизантропъ. — Русскій консулъ. — Лѣсное дѣло. — Еще разъ Ибсенъ. — Blasé. — Послѣдняя встрѣча съ Ибсеномъ. — Сборы къ отъѣзду. — Шведскій пароходъ. — Отплытіе изъ Христіаніи. — Каттегатъ....... 153

ЧАСТЬ III.

ПО ШВЕЦІИ.

ГЛАВА I.

Отъ Норвегіи до Стокгольма.

Швеція. — Гётаэльфъ. — Гётеборгъ. — Данныя о немъ. — Музей. — Кондитерская. — Опять бурная ночь. — Хельзингборгъ. — Хельзингёръ. — Ландскрона. — Эрезундъ. — Мальмё. — Паркъ-кладбище. — Тюрьма. — Графъ Ботвелль. — Берега Швеціи и Норвегіи. — Сокаютники. — Миссіонеръ. — „Человѣкъ бури“. — Алкоголь. — Армія спасенія. — Методисты. — Карльсхамнъ. — Роннебю. — Книксены. — Шведки. — Карльскрона. — Островъ Эландъ. — Кальмаръ. — Его замокъ. — Оскарсхамнъ. — Приближеніе къ Стокхольму. — Знаменитая панорама. — Сутолока европейской жизни. — Помѣщеніе. 167

ГЛАВА II.

Стокхольмъ.

Данныя о столицѣ Швеціи. — Осмотръ ея. — Главныя части города. — Библіотека. — Телеграмма Андре. — Рынокъ. — Вечеръ. — Выпивка. — Проститутки. — Воскресенье. — Дворецъ. — Король. — Месса. — Музей. — Ресторанъ. — Скансенъ. — Грустный диссонансъ. — Лопарская юрта. — Олений паркъ. — Пріятныя встрѣчи въ дорогѣ. — Пушки. — Отвратительная сцена. — Вокзалъ. — Послѣдній день. — Сталь и желѣзо. — Книги. — Магазины. — Синагога. — Большая площадь. — „Кровая баня“. — Домъ рыцарства. — Высокая часть города. — Кладбище „Кровавой бани“. — „Рѣчной цвѣтникъ“. — Странности публики. — Опять оскорбленіе національности. — Опять методисты. — Смерть Бисмарка. — О Россіи. — Отъѣздъ. — Шведскія желѣзныя дороги. — Шведская деревня. — Русская деревня. — Остановки. — Опять Мальмё. 176

ЧАСТЬ IV.

По Даніи. По Сѣверной Пруссіи. Возвращеніе въ Россію.

ГЛАВА I.

По Даніи.

Стран.

Отъѣздъ изъ Швеціи.—Континентъ.—Въѣздъ въ Копенхагенъ.—Таможня.—Помѣщеніе.—Осмотръ столицы Даніи.—Привлекательность города и жителей.—Магазины.—Фринея fin du siècle.—Коллекціи.—Торвальдсенъ.—Національный музей.—Купанье.—Грѣшница.—Храмъ.—Гуляющіе.—Хольбергъ и Эленшлегеръ.—Грѣшныя, но милыя созданья.—Гаде.—Андерсенъ.—Свендсенъ здѣсь.—Шарлоттенборгъ.—Розенборгъ.—Ботаническій садъ.—Прелестная неизвѣстная.—Частная скульптурная галлерея.—Утомленіе.—Тиволи.—Странная сцена.—Арлекинъ, Пьеро и Коломбина.—Игра въ лошадки.—Ночное оживленіе.—Опять странности моды.—Отъѣздъ изъ Даніи.—Страна плодородія.................. 186

ГЛАВА II.

По Сѣверной Пруссіи.

Варнемюнде.—Роштокъ.—Нейбранденбургъ.—Люстровъ.—Провинціальныя картины.—Военщина.—Соотечественники.—Кёнигсбергъ.—Тевтонки.—Континентальная жара.—Военные.—Воскресенье.—Публика.—Язва нашего времени.—Человѣкъ изъ Россіи.—Кранцъ.—Дешевизна.—Афронтъ.—Дюны и облѣсеніе.—Брачная пара.—Балтика.—Обѣдъ.—Наплывъ гуляющихъ.—Нѣмки.—Русская рѣчь.—Публика.—Ночлегъ.—Утро.—Родные отголоски.—Куришъ-Гафъ.—Опять облѣсеніе.—Шварцхорстъ.—Мемель.—Центръ еврейства.—Вице-консулъ.—Его секретарь.. 193

ГЛАВА III.

Возвращеніе въ Россію.

Выѣздъ изъ Пруссіи.—Иммерзаттъ и Ниммерзаттъ.—Полангенъ.—Остатки сезонной публики.—Прежніе знакомые.—Любительскій спектакль.—Данныя о Полангенѣ.—Янтарь.—Магнаты.—Пиры.—Остатки рабства.—Скиѳы.—Латыши и литовцы.—Контрабанда.—Пограничная стража.—Еще о Полангенѣ.—Стремленіе домой.—Голландская шапка.—Бирута.—Отъѣздъ.—Обращеніе мысли назадъ и впередъ.. 203

ЧАСТЬ I.

ПО РОССІИ.

Вступленіе.

Я выѣхалъ отъ себя изъ деревни (Рязанской губерніи) 10 іюня 1898 года. Планъ моего путешествія былъ таковъ: проѣхать по Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ до Бѣлаго моря, тамъ посѣтить Соловецкіе острова, объѣхать морскимъ путемъ нашъ Мурманъ, берега Норвегіи, отчасти Швеціи и Даніи, затѣмъ вернуться сѣверною Пруссіею домой, заѣхавъ въ Полангенъ—прелестное морское купальное мѣстечко въ Курляндіи.

12-го іюня я былъ уже въ Вологдѣ, путь до которой описывать не стану. Дорога эта слишкомъ извѣстна нашей публикѣ. О красавицѣ Волгѣ тоже не буду распространяться. Ее приходится переѣзжать ѣдущимъ на Вологду и Архангельскъ въ Ярославлѣ.

Несмотря на наступленіе страшныхъ жаровъ, дорожная публика упорно притворяла окна, двери и вентиляторы въ вагонахъ.

Наши среднерусскіе жары и стараніе публики о самоудушеніи меня еще болѣе воодушевляли стремиться въ прекрасную Норвегію, съ ея прохладными, красивыми фіордами.

Поѣздка туда, куда я теперь направлялся, меня особенно стала манить, послѣ посѣщенія мною въ послѣднія два лѣта Балтійскаго края и Финляндіи. Мои прежнія путешествія по западной Европѣ, по Крыму, по Кавказу мнѣ уже казались давно банальными, рутинными, словомъ, слишкомъ заурядными. У насъ всѣ и всегда только и стремятся, только и ѣдутъ туда, на югъ даже лѣтомъ. Рѣдко кто вспоминаетъ о сѣверѣ.

Въ Вологду я прибылъ 12-го іюня вечеромъ. Къ моему сожалѣнію, не засталъ въ этомъ городѣ никого изъ своихъ родныхъ или знакомыхъ, хотя ихъ тамъ у меня не мало. Провелъ вечеръ въ поискахъ парохода на Архангельскъ, въ добываніи билета и свѣдѣній о днѣ и часѣ отплытія.

Оказалось, что завтра (совершенно случайно) отходитъ изъ Вологды въ Архангельскъ небольшой пароходъ по имени „Луза" (названіе — притока рѣки Юга).

Ночь я провелъ въ пустой квартирѣ одной своей почтенной родственницы, подъ наблюденіемъ ея горничной, которая меня видѣла тутъ въ первый разъ въ жизни и, кажется, не мало сомнѣвалась въ моихъ родственныхъ узахъ съ ея госпожою. Она не на шутку меня побаивалась, какъ чужого и какъ самозванца.

Съ вечера написалъ письма домой и еще кой-куда. Домой я обѣщалъ писать изъ каждаго города, въ которомъ мнѣ придется останавливаться хоть нѣсколько минутъ, словомъ, изъ каждаго важнаго пункта моего пути.

Ночь была душна. Нѣсколько разъ собиралась гроза. Въ квартирѣ, затворенной на лѣто и накаляемой цѣлыми недѣлями солнцемъ, гдѣ я остановился, было неимовѣрно жарко и удушливо, несмотря на то, что я въ ней тотчасъ же растворилъ настежь всѣ окна.

„Ничего! Пусть! Это пока! Тамъ, на сѣверѣ, около прохладныхъ океановъ и морей отведу душу", такъ думалъ я въ тѣ минуты.

ГЛАВА I.

Отъ Вологды до Архангельска.

Пароходъ „Луза". — Семинаристы. — Отплытіе. — Рѣки Вологда и Сухона. — Мельницы. — Хлѣбопашество. — Селенія. — Птицы. — Хвойныя деревья. — Ель. — Дубъ. — Остановки. — Капитанъ. — Служащіе. — На капитанской вышкѣ. — Дербники. — Асфикція. — Пѣніе семинаристовъ. — Вологодская семинарія. — Тотьма. — Красота Сухоны. — „Лось". — Скотина. — Прохожіе. — Товарищъ по созерцанію. — Народонаселеніе. — Пустыня. — Сокола и кречеты. — „Опоки". — Устюгъ Великій. — Пароходъ „Десятинный". — „Пустяки". — Начальство и прислуга. — Рѣка Югъ. — Малая Двина. — Котласъ. — Стерлядь. — Рѣка Вычегда. — Сѣверная Двина. — Маленькое замѣшательство. — Два писателя. — Остальные пассажиры. — Жилища и храмы. — Продовольствіе пассажировъ. — Гипсъ. — Лиственница и кедръ. — Рѣка Пинега. — Село Вавчуча. — Іоаннъ Кронштадтскій. — Холмогоры. — Прибытіе въ Архангельскъ. — Нѣкоторыя данныя о немъ.

13-го іюня.

Утромъ переѣхалъ на пароходъ „Лузу". Какъ отрадно смѣнить душные, пыльные вагоны и комнаты на пароходъ, съ его свѣжестью и влагою вокругъ!

На тотъ же пароходъ прибыла цѣлая толпа вологодскихъ семинаристовъ, уѣзжавшихъ на вакаціи. Главная часть ихъ состояла изъ окончившихъ уже свое ученье. Послѣдніе покидали семинарію совсѣмъ и направлялись домой, въ разные концы нашего необъятнаго сѣвера. На берегу было не мало провожавшихъ всю эту молодежь. Тамъ виднѣлись и печальныя женскія лица.

Передъ отходомъ парохода нашъ капитанъ пригласилъ всѣхъ помолиться. Пассажиры встали, сняли шляпы и начали креститься, повторяя нѣсколько краткихъ словъ за капитаномъ, испрашивавшимъ у Бога благословеніе на совершеніе предстоявшаго намъ пути.

Пароходъ сталъ тихо отчаливать отъ пристани. Въ эту торжественную минуту на капитанской рубкѣ, гдѣ находилось не мало пассажировъ, а также и вся вышеозначенная партія семинаристовъ, раздалось дружное хоровое пѣніе. Это запѣли звучными молодыми голосами юноши, покидавшіе, быть можетъ, навсегда и семинарію и городъ, гдѣ они воспитывались. Пѣсня эта была торжественная благодарность Творцу, „Который, какъ чадолюбивый отецъ, воскормилъ и воспиталъ ихъ". Приблизительно подобныя слова запомнились мнѣ изъ того пѣнія.

Съ берега махали шляпами и платками.

Все это вмѣстѣ было чрезвычайно трогательно и торжественно. Пароходъ заработалъ колесами... и передо мною открылся огромный водяной путь, въ нѣсколько тысячъ верстъ длиною.

„Удастся ли мнѣ его совершить до конца? И что-то еще тамъ ждетъ въ безбрежныхъ водахъ океановъ и морей?“ пришло мнѣ въ мысли тогда.

Идемъ рѣкою Вологдою, верстъ 35 до слiянiя съ р. Сухоною. Кругомъ зеленое раздолье — лѣса и луга. Лѣса, впрочемъ, весьма молодые. Очевидно, и тутъ они не застаиваются подолгу на корню. Притомъ, здѣсь полное преобладанiе лиственныхъ породъ. Хвойныя замѣшиваются въ нихъ понемногу, лишь начиная верстъ за 75 отъ г. Вологды.

Вода въ рѣкѣ бурая, каковая бываетъ въ боровыхъ ручьяхъ. Она хотя и не мутна, но напоминаетъ цвѣтомъ хвойную смолу.

Селенiя чрезвычайно рѣдки и не обширны. Первое село на берегу рѣки находится въ 80 верстахъ отъ Вологды. Оно называется Наремъ.

Тутъ мы взяли дровъ для парохода. Одна сажень, кажется квадратная, еловыхъ, въ 1 аршинъ длины полѣна, здѣсь стоитъ 1 р. 80 к.

Непрiятно поражаютъ соломенныя крыши, которыя и тутъ, въ странѣ лѣсовъ, иногда попадаются.

Чрезвычайно мизерны на видъ здѣшнiя вѣтряныя мельницы. Это маленькiя избушки, насаженныя на коническiе деревянные срубы.

Впрочемъ, такiя мельнички соотвѣтствуютъ тѣмъ немногочисленнымъ и небольшимъ клочкамъ обработанной земли, которые тутъ виднѣются тамъ и сямъ, среди луговъ и лѣсныхъ полянъ.

Глядя на эти зародыши хлѣбопашества, приходитъ на умъ, что у человѣка заложена къ земледѣлiю какая-то необъяснимая, глубокая любовь, какое-то непреодолимое стремленiе, если даже и здѣсь, въ этомъ раздольѣ и довольствѣ, онъ все-таки думаетъ о немъ.

Не разсчитывая по наслышкѣ ни на что хорошее относительно продовольствiя на нашихъ сѣверныхъ малолюдныхъ путяхъ, я захватилъ съ собою изъ Вологды кой-какихъ закусокъ. Однако, буфетъ на нашей „Лузѣ“ оказался сноснымъ, хотя кухня и сами стряпующiе были далеко непривлекательны на видъ.

Впрочемъ, кухонная область всегда требуетъ нѣкоторой иллюзiи, извѣстнаго сокрытiя ея святилищъ и жрецовъ отъ взоровъ. Самое лучшее во все въ это на близкомъ разстоянiи не вглядываться.

Продовольствiе на пароходѣ „Лузѣ“ было не дорого. Подаютъ часто свѣжую, вкусную рыбу: нерѣдко только-что выловленную нельму и семгу.

Селенія по берегамъ понемногу учащаются. Но все же между ними разстоянія въ десятки верстъ. Притомъ, они весьма не велики. По числу домовъ, хотя и прекрасныхъ и просторныхъ, они напоминаютъ наши маленькіе поселки.

Изъ немногочисленныхъ птицъ, встрѣчаемыхъ нами на Сухонѣ, узнаю нѣсколько видовъ куликовъ: чернышей, песочниковъ и куликасороку. Попадаются различныя чайки, утки и большія красивыя гагары. Но вся эта птица встрѣчается здѣсь чрезвычайно рѣдко, сверхъ моего ожиданія.

Съ движеніемъ нашимъ на сѣверъ, по лѣсамъ начинаютъ преобладать хвойныя. Изъ послѣднихъ преимуществуетъ ель. Чудный богатырь и красавецъ лѣсовъ, дубъ становится все рѣже и невзрачнѣе. Грустнымъ и задумчивымъ онъ кажется здѣсь на чужбинѣ, въ своемъ одиночествѣ.

Капитанъ парохода, повидимому, простолюдинъ, съ самымъ элементарнымъ образованіемъ. Зато онъ чрезвычайно любезенъ и вѣжливъ съ пассажирами. Дай Богъ, чтобы и всѣ капитаны походили хоть немного на него въ этомъ.

Онъ позволялъ пассажирамъ проводить время на капитанскомъ мостикѣ и любоваться прелестными картинами, и нерѣдко подставлялъ даже самъ намъ табуреты.

Я сдѣлалъ ему комплиментъ по поводу его любезности. Добрый человѣкъ покраснѣлъ отъ удовольствія до ушей.

„Сѣверное пароходное общество“, которому принадлежалъ нашъ пароходъ „Луза“, какъ еще довольно молодое общество, въ сравненіи съ старымъ „Сѣверо-Двинскимъ пароходствомъ В. И. Кострова съ Сыновьями“, очевидно, заботилось о своей популярности. Поэтому, конечно, у него и были внимательные служащіе наподобіе нашего милѣйшаго капитана.

Да пошлетъ судьба вообще всякаго преуспѣянія всему нашему сѣверному мореходству! Пора, пора проснуться всѣмъ тѣмъ богатѣйшимъ необъятнымъ краямъ!

По временамъ останавливаемся у нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ селъ, какъ напр. у с. Шуйскаго. Пароходъ приваливаетъ къ самому берегу. Съ него спускаютъ длиннѣйшіе трапы прямо на землю и грузятъ дрова. Публика въ это время спѣшитъ сойти на песокъ, на траву и на землю, чтобы смѣнить подъ ногами однообразное ощущеніе палубы.

Бѣдные, истомленные и заморенные семинаристы торопятся выпить молока, которое въ плошкахъ на пристань выносятъ крестьянки. Пас-

сажиры, особенно изъ третьеклассниковъ, тоже покупаютъ здѣшнее прекрасное молоко.

Я спѣшу оглядѣть хоть сколько-нибудь эти оригинальныя селенія, заглянуть въ дома, поговорить съ людьми и хоть нѣсколько вникнуть въ ихъ любопытную и, повидимому, сытную и привольную жизнь.

Глядя на большіе, просторные дома, на прекрасный скотъ, на рослыхъ, здоровыхъ и красивыхъ людей,—этихъ потомковъ Новгородской вольницы, ея ушкуйниковъ, которые собственно и заселяли русскій сѣверъ, — съ тягостнымъ чувствомъ вспоминаешь наши горемычныя среднерусскія селенія помѣщичьихъ, крѣпостническихъ районовъ, съ ихъ вымирающими, изможденными и отупѣлыми мужичонками, съ ихъ лилипутскою скотинишкою и т. д.

Дома здѣсь всѣ двухъэтажные. Низъ занятъ холоднымъ помѣщеніемъ, гдѣ держатъ провизію, рухлядь и скотину. Послѣдняя зимою тамъ спасается отъ вьюги и лѣсныхъ звѣрей. Сараи и амбары тоже всѣ почти двухъэтажные.

Иной разъ я черезчуръ ужъ увлекался, глядя на все на это, столь новое и невиданное для меня, среднерусскаго жителя, такъ что одинъ разъ даже чуть не опоздалъ на пароходъ. Да и то пришлось бѣжать, какъ зефиръ, съ $^1/_4$ версты на глазахъ у всей публики въ то время, какъ наше судно уже убирало свои трапы.

Не особенно весело было такъ щеголять передъ многочисленными зрителями своею солидностью и рѣзвостью. Но пришлось дѣлать „bonne mine au mauvais jeu“.

На нашемъ пароходѣ любезенъ не только капитанъ, но и остальные служащіе. Какое-то легкое, жизнерадостное настроеніе характеризуетъ всѣхъ ихъ. Въ особенности такимъ свѣтлымъ состояніемъ духа отличался нашъ буфетчикъ.

Это былъ довольно молодой еще человѣкъ. Какъ онъ мнѣ сообщилъ, онъ служилъ прежде въ Петербургѣ въ ресторанныхъ гарсонахъ. Много выпивалъ, особенно пива. Потомъ, наживши деньжонокъ и желая поправить свое пропитое здоровье, онъ основался теперь здѣсь, на скромной „Лузѣ“.

Это былъ чрезвычайно благодушный и радостный человѣкъ. Каждое слово онъ говорилъ съ веселой и нѣсколько самодовольной улыбкой. Впрочемъ, онъ не былъ свободенъ, несмотря на все на это, отъ весьма присущаго большинству нашихъ буфетчиковъ неряшества и неопрятности.

Погода стоитъ великолѣпнѣйшая. Вечера поразительно хороши: совершенно какъ наши майскіе.

Пассажиры засиживаются поздно на капитанской вышкѣ. Хороши вечернія зори послѣ заката, когда рѣка уподобляется зеркалу, въ которомъ отражаются и небо и берега съ лѣсами и съ селами.

Сегодня послѣ заката я любовался игрою мелкихъ соколовъ вверху, надъ рѣкою. Вѣроятно, это были дербники (Litofalco aesalon), судя по виду ихъ. Они какъ будто бы наслаждались, купаясь и нѣжась въ вечерней прохладѣ. Что это не были невинные кобчики или пустельги (Tinunculus alaudaria и Tinunculus vuspertinus), можно было догадаться уже по тому, что въ тѣхъ частяхъ рѣки, надъ которыми появлялись эти хищники, нельзя было замѣтить ни одной ласточки — ихъ главной добычи, хотя здѣсь ласточекъ вообще не мало; въ особенности часто попадается ласточка береговая (Clivicola riparia), живущая въ норкахъ рѣчныхъ береговъ.

Я указалъ кое-кому на любопытныхъ маленькихъ пернатыхъ хищниковъ. Но изъ публики, мало знакомой съ соколами вообще, думаю, немногіе мнѣ повѣрили въ опредѣленіи этихъ птицъ.

Около нѣкоторыхъ селеній, на берегу, близъ воды виднѣются строящіяся суда и барки. Всѣ они весьма неуклюжаго вида.

Несмотря на чудную іюньскую погоду, пассажиры упорно и тщательно притворяютъ въ общей каютѣ II класса всѣ окна. И я тамъ положительно не могу оставаться, — духота и спертость воздуха! Прихожу туда на ночь лишь, когда уже всѣ спятъ и никто не видитъ, какъ я открываю тайкомъ окно у своей койки, чтобы не задохнуться совсѣмъ.

По временамъ, я до такой степени терялъ всякое терпѣніе въ этой асфиксіи, что говорилъ нѣкоторымъ пассажирамъ кое-какія рѣзкости.

Конечно, мои объясненія и взгляды на гигіэну ничему не помогли. Мнѣ говорили съ самымъ несокрушимымъ видомъ, повторяя упорно слова: скозной вѣтеръ, сквознякъ и т. п. банальности.

Теряя всякій разъ терпѣніе въ такихъ мучительныхъ разговорахъ, я въ отчаяніи вылеталъ вонъ изъ каюты наверхъ, на мостикъ, и тамъ уже наслаждался великолѣпнымъ, благовоннымъ воздухомъ сѣверныхъ луговъ и лѣсовъ.

Особенно хорошо бывало тамъ наверху въ минуты поздняго сѣвернаго заката или вскорѣ послѣ него. Ночи становились все свѣтлѣе и свѣтлѣе, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Заря не погасала до самаго разсвѣта.

Съ вечера палуба и мостикъ капитана бывали переполнены публикой. Обыкновенно тутъ же собирались и семинаристы, чтобы еще немного попѣть вмѣстѣ, пока они не разсѣятся окончательно по разнымъ пристанямъ.

Къ сожалѣнію, пѣсни и мотивы у нихъ были передѣланы или, скорѣе, перековерканы на свой ладъ. Иногда нельзя было узнать самыхъ обыкновенныхъ, общеизвѣстныхъ напѣвовъ.

Мой ближайшій сосѣдъ по койкѣ, какой-то хорошенькій, маленькій и очень молодой купчикъ, ѣздившій за отцовскими получками, не мало хохоталъ надъ этимъ панихидообразнымъ исполненіемъ всѣхъ пѣсенъ.

А жаль! Голоса молодыхъ людей были очень не дурны. Хорошее могло бы выйти у нихъ пѣніе, если бы и тутъ не вліяніе всеэаѣдающей бурсы.

Про вологодскую семинарію въ тотъ разъ мнѣ разсказывали не мало ужасовъ.

Позднѣе всѣхъ на палубѣ оставался я. Наконецъ, и меня одолѣвалъ сонъ передъ утромъ, и, немного продрогнувъ, я сходилъ съ сожалѣніемъ въ душную каюту, чтобы тамъ вздремнуть часа три, дабы получить опять возможность любоваться красотами пути.

Говорятъ, здѣсь, на рѣкахъ не рѣдки такіе туманы, что приходится останавливаться и пережидать ихъ довольно долго. Въ такія минуты можно наскочить на какое-нибудь судно, хотя послѣднія здѣсь чрезвычайно рѣдки. Можно засѣсть и на мель и такимъ образомъ дожидаться иногда долго помощи со стороны другого, случайно плывущаго мимо парохода.

14-го іюня.

Въ 4 часа утра пароходъ нашъ причалилъ къ пристани перваго города на пути нашемъ. Это была Тотьма, находящаяся отъ Вологды болѣе, нежели на 200 верстъ. Расположеніе городка красиво. Тотьма стоитъ на высокомъ лѣвомъ берегу Сухоны. Въ ней около 3455 жителей. Есть нѣсколько старинныхъ церквей. Въ окрестностяхъ солеваренный заводъ. Есть свой монастырь и даже свои мощи (Ѳеодосія Суморина). Тотьма была основана въ XV вѣкѣ. Городокъ этотъ тоже претерпѣлъ многія судьбы нашей отечественной исторіи. Тутъ есть и „Царевъ лугъ“ и мѣстечко „Висѣлки“, гдѣ батюшка Иванъ Васильевичъ творилъ надъ жителями свою отеческую расправу. Тутъ свирѣпствовали и его опричники. Тотьму громили и татары. Она принимала участіе и въ смутный періодъ. Сюда батюшка Петръ I сослалъ Лопухина, брата царицы Евдокіи, да и она сама попала послѣ въ здѣшній женскій монастырь.

Изъ пасажировъ нашихъ немногіе пробудились, чтобы взглянуть на Тотьму. Сошло же туда всего нѣсколько человѣкъ. Я, еще не уставшій дорогою путешественникъ, тоже пустился на осмотръ города.

Мнѣ вздумалось перейти въ городъ оврагомъ, который выходитъ къ рѣкѣ. Но этотъ путь оказался неудобнымъ, и я тамъ нѣсколько позадержался, поглядывая вверхъ на прохожихъ, направлявшихся въ Тотьму по мосту надо мною. Боясь, однако, опоздать къ отходу парохода, я поспѣшилъ разстаться со своимъ оврагомъ и пустился тоже черезъ мостъ въ городокъ. Тутъ я повстрѣчался съ однимъ перво-классснымъ пассажиромъ. Это былъ весьма малорослый юноша, блѣдный и съ пискливымъ голосомъ. Несмотря на жаркое утро, онъ былъ одѣтъ въ драповомъ пальто, на шеѣ у него виднѣлся шелковый шарфикъ. Въ рукахъ у него былъ бинокль. Оказалось, что это чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія и любитель археологіи. Онъ оказался большимъ поклонникомъ древнихъ храмовъ, которые собственно обозрѣвать теперь и ѣхалъ.

Въ Тотьмѣ онъ осмотрѣлъ снаружи немногочисленные храмы и возвращался теперь на пароходъ.

Я попросилъ его обойти наскоро городъ еще разъ вмѣстѣ. И любезный человѣчекъ охотно согласился. Онъ опять со вниманіемъ и любопытствомъ сталъ засматриваться въ свой бинокль на колокольни, которыя только-что осмотрѣлъ до меня. Сообщилъ мнѣ, что на будущій годъ опять поѣдетъ на сѣверъ, и тогда тщательнѣе изучитъ и сниметъ фотографіи со всего, что найдетъ интереснаго. Увѣрялъ меня, что, созерцая подобные предметы, онъ испытываетъ истинное эстетическое наслажденіе. Во всякомъ случаѣ, онъ такъ заглядывался на колокольни, не представлявшія, какъ мнѣ казалось, особаго интереса, что я сталъ даже опасаться, какъ бы не опоздать на пароходъ. Пришлось моего компаньона не на шутку потарапливать. Впрочемъ, Тотьму легко было обойти наскоро и вернуться на нашу „Лузу“.

Отъ Тотьмы Сухона становится чрезвычайно красивой. Берега идутъ высокіе и покрытые густыми, смѣшанными лѣсами. Послѣдніе попрежнему съ преобладаніемъ хвои, т.-е. ели.

Теченіе рѣки дѣлается весьма быстрымъ. Подъ водой множество пороговъ. Изъ рѣки торчатъ камни.

Недалеко отъ Тотьмы, ближе къ правому берегу Сухоны, стоитъ въ водѣ огромный валунъ, прозываемый „Лось“, на которомъ царь Петръ I, будто бы, обѣдалъ, въ одно изъ своихъ путешествій къ Бѣлому морю.

Замѣчательный человѣкъ этотъ проѣхалъ и тутъ не разъ, стремясь повсюду къ своей любимой стихіи — къ морю. Не мало преданій объ этомъ колоссѣ еще живы и тутъ, по многимъ мѣстамъ нашего необъятнаго сѣвера.

Кой-гдѣ на лѣсныхъ полянкахъ или по берегамъ рѣки попадаются красивыя и рослыя коровы съ колокольцами на шеѣ.

Нѣсколько разъ случалось, что какой-нибудь прохожій, пастухъ-мальчонка, или даже цѣлая толпа поселянъ встрѣчали нашъ пароходъ съ берега криками „ура" и разными оживленными жестами. Чтобы имъ доставить удовольствіе, добродушный нашъ капитанъ подавалъ пароходный свистокъ, увѣряя, что они этого-то и добиваются.

Утро было чудное, безоблачное. Виды рѣки прекрасны и чрезвычайно живописны. Свѣтлая лента воды блестѣла среди холмистыхъ и лѣсистыхъ береговъ, отражая ихъ въ своихъ ровныхъ струяхъ. Иногда развертывались чудныя перспективы верстъ на десять, на пятнадцать. Такіе прямые плесы нѣсколько напоминали великолѣпный Саймскій каналъ. Только здѣсь эта понорама была величественнѣе.

Этою красотою только и любовались по утрамъ я да одинъ священникъ изъ Казанской губерніи. Симпатичный и любознательный человѣкъ этотъ направлялся съ женою и съ однимъ знакомымъ дьякономъ въ Соловки. Остальные пассажиры преблагополучно себѣ почивали въ ранніе часы по каютамъ. Супруга симпатичнаго батюшки вообще выказывала мало интереса къ путешествію.

А картины нашего пути въ тѣ минуты были до того очаровательны, что мы съ моимъ собесѣдникомъ не находили словъ, чтобы выразить другъ другу свой восторгъ.

Въ такія чудныя минуты путешествія мнѣ особенно остро чувствовалось сожалѣніе о близкихъ людяхъ, которые въ данную минуту не могли видѣть всей этой красоты, всѣхъ этихъ чудныхъ мѣстъ и вмѣсто того теперь выносятъ всѣ дрязги и хлопоты тамъ, дома въ горячую рабочую пору.

А небо и лѣса отражаются въ водѣ, будто и сами любуются собою. И горько и грустно на душѣ! И чувствуешь не то угрызеніе, не то раскаяніе, что не остался тамъ дѣлить житейскія невзгоды...

Сухона весьма мелководна, особенно въ концѣ лѣта. Говорятъ даже, что уже теперь кончаются по ней хорошіе рейсы. Далѣе пойдутъ простои на меляхъ. А дальше, къ осени, ѣзда будетъ совсѣмъ плоха. Да и вообще ходить тутъ могутъ лишь самыя плоскодонныя суда. Наша „Луза" сидитъ, напримѣръ, въ водѣ всего на 6 вершковъ, что и даетъ ей возможность приваливаться прямо къ берегу, безо всякой пристани.

Проплываетъ „Луза" всего около 12 верстъ въ часъ. Освѣщается она однако электричествомъ.

Капитанъ и вся команда носятъ ночью валенки, несмотря на лѣто, точно у насъ въ деревняхъ крестьяне.

Въ обрывахъ и вымоинахъ крутыхъ береговъ часто видны прослойки извести и гипса. Главная же масса — глинистыя породы.

Въ одномъ селѣ, гдѣ забирали дрова на пароходъ, я разговорился съ крестьянами и ихъ дѣтьми, собравшимися къ пристани поглядѣть на насъ. Все это рослый, сытый и довольно красивый народъ. Женщины стройны и съ прекрасными зубами. Глядя на нихъ, догадываешься, что среди нихъ тутъ должны попадаться настоящія красавицы.

Я видѣлъ очень миловидную дѣвочку блондинку лѣтъ двѣнадцати.

Красивъ и мѣстный женскій костюмъ, сохранившійся, повидимому, изъ старины. Между прочимъ, рубаха имѣетъ довольно большой вырѣзъ на груди, въ родѣ „à coeur“ нашихъ дамъ. Это очень идетъ къ дѣтямъ.

Изъ разговоровъ съ крестьянами узнали, что дѣти ихъ учатся въ церковноприходскихъ школахъ, которыя кой-гдѣ и тутъ есть.

Понемногу лѣсная площадь, идущая вдоль береговъ, сокращается. Появляются луга и даже небольшія обработанныя нивки. Чаще виднѣется жилье — этотъ врагъ лѣсовъ. Но пусть! Жилье здѣсь слишкомъ еще рѣдко. Оно здѣсь нужно, очень нужно. И безъ того вся проѣзжаемая нами богатая, привольная страна выглядитъ пустынною, безлюдною.

У всѣхъ насъ пассажировъ была одна и та же мысль, одно и то же соболѣзнованіе, именно о ненаселенности, о заброшенности этихъ громадныхъ богатѣйшихъ земель.

— Вотъ бы какія пустыни нужно заселять прежде всего! Вотъ бы какими необъятными странами намъ заняться.

Такого рода разговоры не разъ возникали между пассажирами. Сѣтовали, горевали и опять замолкали въ своемъ истинно-русскомъ безсиліи и смиреніи.

А край, по которому мы ѣхали, чѣмъ дальше, тѣмъ становился все привольнѣе и пустыннѣе...

Сегодня утромъ видѣлъ надъ лѣсомъ летающаго сокола сапсана (Falco peregrinus). Его старался прогнать маленькій соколъ дербникъ (Litofalco aesalon). Вѣроятно, тамъ было гнѣздо послѣдняго. И какъ ни малъ онъ былъ, въ сравненіи съ могучимъ хищникомъ, тѣмъ не менѣе, его настойчивость, его смѣлость настолько тревожили сапсана, что тотъ полетѣлъ прочь.

Лѣса и горы раздольнаго сѣвера вообще — любимый пріютъ многихъ видовъ великолѣпныхъ, благородныхъ соколовъ и кречетовъ.

Еще наши цари-охотники, какъ, напримѣръ, Іоаннъ Грозный, въ особенности же Алексѣй Михайловичъ, посылали сюда за ловчими птицами своихъ „помытчиковъ".

Вотъ къ вечеру развертывается передъ нашими взорами самый знаменитый видъ на рѣкѣ Сухонѣ. Это, именно, пороги „Опоки", близъ села Пороговъ. Тутъ извилистая рѣка почти бурлитъ отъ подводныхъ камней. Берега здѣсь достигаютъ до 40 саженъ высоты. Обрывистые, отвѣсные отломы ихъ замѣчательны своими цвѣтомъ и рисункомъ. Главная масса ихъ красная, какъ кирпичъ глина, съ бѣлыми гипсовыми прослойками. Отвѣсы, со своими трещинами и промывинами, производятъ впечатлѣніе кирпичныхъ стѣнъ, какихъ то крѣпостныхъ брустверовъ.

Этими красивыми, опасными мѣстами приходится плыть медленно и осторожно, въ виду пороговъ. Любитель фотографій здѣсь можетъ успѣть надѣлать много интересныхъ снимковъ.

Отсюда до Великаго Устюга остается всего около 60 верстъ пути. Берега понижаются. Сама рѣка становится шире и принимаетъ уже физіономію нашихъ крупныхъ рѣкъ. Въ красотѣ и живописности она однако теряетъ.

Около 11 ч. свѣтлой сѣверной ночи мы увидали вдали знаменитый Устюгъ Великій. Весь онъ, съ вереницею своихъ колоколенъ вдоль берега, отражался въ тихой, зеркальной водѣ. А водяная площадь передъ нимъ развертывалась весьма обширная; точно сама рѣка здѣсь разлилась. Эту массу воды приноситъ сюда рѣка Югъ, со своимъ притокомъ Лузою, образуя своимъ сліяніемъ уже Малую Двину.

Почти черезъ 32 часа доѣхали мы отъ Вологды до Великаго Устюга. Когда нашъ пароходикъ „Луза" сталъ у пристани, мы должны были перейти на болѣе крупное судно того же общества по прозвищу „Десятинный". Затѣмъ я пустился поскорѣе въ городъ, чтобы немного оглядѣть его передъ сномъ. „Десятинный" долженъ былъ отойти рано утромъ. Изъ всѣхъ нашихъ пассажировъ только одинъ выразилъ желаніе со мною обойти городъ. Остальные или засѣли за чай, или улеглись спать на новомъ пароходѣ.

Мой теперешній спутникъ по городу мною былъ замѣченъ еще на пароходѣ „Лузѣ". Онъ и его товарищъ, оба пассажиры перваго класса, не походили на мѣстную публику и выглядѣли культурными людьми.

Мы пустились съ моимъ спутникомъ быстро обходить безлюдный, погруженный въ сонъ городъ.

Великій Устюгъ лежитъ на Сухонѣ за четыре версты до Малой Двины, которая образуется водами Сухоны и Юга. Основанъ онъ на „Черномъ Прилукѣ" въ 1212 году. Занималъ въ русской исторіи и

въ торговлѣ видное мѣсто, почему и прозванъ, подобно Новгороду и Ростову, Великимъ.

Отсюда происходятъ родомъ Ероѳей Хабаровъ — покоритель дальней Сибири, и св. Стефанъ — просвѣтитель зырянъ въ XIV вѣкѣ. Въ 1613 году Устюгъ, подъ предводительствомъ воеводы Пушкина, отразилъ набѣгъ поляковъ. Выдерживалъ онъ и набѣги татаръ. Въ XVI вѣкѣ, когда впервые былъ открытъ этотъ путь, т.-е. черезъ Бѣлое море и Ледовитый океанъ, за границу, тутъ завязались первыя торговыя сношенія съ Европой. Сухона посредствомъ канала герцога Александра Виртембергскаго соединила Великій Устюгъ съ бассейномъ Волги и всѣмъ русскимъ югомъ. Вычегда соединяетъ его съ Азіей. Здѣсь главные предметы торговли — хлѣбъ, сало, ленъ, рогожа и т. п. Между прочимъ, тутъ работаются, довольно извѣстныя въ прежнее время, желѣзныя шкатулки, съ секретными и звенящими замками и съ „морозными“ рисунками на отдѣлкѣ. Въ Устюгѣ не мало большихъ и маленькихъ церквей. Есть, конечно, и соборъ. Много видныхъ каменныхъ домовъ, магазиновъ и лабазовъ. Въ соборѣ есть и свои мощи нѣкоего праведнаго (юродиваго) Прокопія, пришельца, будто бы, изъ Германіи! Съ его жизнью связано здѣсь и невѣроятное сказаніе о какой-то тучѣ, разразившейся каменнымъ дождемъ въ окрестностяхъ города. Словомъ, здѣсь есть и свое чудо. Есть свой чудотворный образъ (Одигитрія). Есть мужской и женскій монастырь на Соколиной Горѣ и т. д.

Мы оба спѣшно и быстро обходили городъ по тѣмъ улицамъ, которыя намъ казались повиднѣе и поинтереснѣе; доходили и до окраинъ города или оказывались вдругъ въ неприглядныхъ закоулкахъ.

Въ одномъ прибрежномъ оврагѣ толпилась чрезвычайно подозрительная группа босяковъ, грѣвшихся у костра. Увидавъ насъ, они обратились къ намъ съ довольно краснорѣчивымъ ухарствомъ. Ясно было, что это типичнѣйшая золотая рота.

Наконецъ, мы почувствовали немалую усталость и потребность сна. Пришлось направиться опять на свой пароходъ, чтобы вздремнуть немного, до его отплытія, когда любопытство потянетъ опять на палубу, чтобы видѣть картины интереснаго пути.

Оказалось, что нашъ „Десятинный“, перемѣщаясь отъ одной пристани къ другой, расположенной совсѣмъ рядомъ съ первой, наткнулся на что-то и проломилъ себѣ бокъ подъ ватерлиніей.

Насъ увѣрили, что виною былъ камень на днѣ рѣки и что все это были „пустяки“. Однако „пустяки“ чинили всю ночь. И все это не мало замедлило отправленію парохода.

Думаю, подобнымъ „пустякамъ“ главная причина малокультурность пароходнаго начальства и прислуги. Нашъ теперешній капитанъ, напримѣръ, былъ на видъ еще примитивнѣе, нежели предыдущій. Этотъ былъ въ „пинжакѣ“ и въ сапогахъ по колѣно. На пароходѣ нашемъ находился и самъ управляющій Сѣвернаго пароходнаго общества. Этотъ былъ одѣтъ по-нѣмецки, хотя и съ простонароднымъ оттѣнкомъ. Видно было, что и образованіе этихъ добрыхъ людей было соотвѣтственно ихъ наружному виду. Впрочемъ, управляющій съ пассажирами былъ чрезвычайно любезенъ. Нельзя того же сказать объ угрюмомъ и красноносомъ капитанѣ въ „пинжакѣ“.

Пароходъ „Десятинный“ ходитъ только въ „хорошую воду“ отъ Вологды до Архангельска. Теперь, за убылью воды, онъ уже не могъ пробраться выше Устюга.

15-го іюня.

Ниже, на 4 версты отъ Устюга, какъ я говорилъ, въ Сухону изливаются воды р. Юга. Съ этого мѣста рѣка называется Малой Двиной. Югъ несетъ съ собою массу песку, чѣмъ страшно засоряетъ фарватеръ, образуя перемѣщающіяся мели и цѣлые острова, раздѣляющіе рѣку иногда на нѣсколько рукавовъ.

Малая Двина имѣетъ около 66 верстъ длины. Напоминаетъ она собою Оку или, даже, Волгу въ верховьяхъ послѣдней: ширь, низкіе берега, луга, тальники, изрѣдка небольшіе лѣса вдали отъ воды. Только села еще рѣже и несравненно меньше волжскихъ и окскихъ. Есть и еще какія-то неуловимыя отличія, которыя только чувствуются.

Вотъ знаменитые мысъ и село Котласъ, куда проведена желѣзная дорога отъ Перми черезъ Вятку. На-дняхъ здѣсь былъ великій князь Сергѣй Александровичъ, на открытіи этой дороги. Мы застали на берегу огромную деревянную арку, выстроенную для встрѣчи великаго князя. Пока пароходъ стоялъ у пустой пристани, пассажиры поднялись на возвышенный берегъ, походили по немъ, посидѣли наверху, на тріумфальной аркѣ, поглядѣли издали на село Котласъ, на вокзалъ, находящійся довольно далеко отъ берега, на маневрировавшій поѣздъ, полюбовались съ высоты этого берега на противоположный, низменный берегъ и побрели на свой пароходъ. Скоро онъ поплылъ дальше.

Во второмъ классѣ, въ общей каютѣ ѣхалъ какой-то юноша, весьма молодой и скромный на видъ. Когда онъ собирался пить чай, то непремѣнно приглашалъ кого-нибудь изъ пассажировъ къ себѣ за самоваръ. Одинъ разъ и я попалъ на его чай. Мы разговорились. Оказалось, что юноша этотъ былъ сынъ мѣстнаго богатаго торговца рыбою.

Теперь онъ ѣздилъ по порученію отца и скупалъ живыхъ стерлядей, для отсылки ихъ рѣками въ пробуравленныхъ баркахъ (ради самосмѣняющейся воды) въ города. Этимъ путемъ стерляди отсылаются отсюда, главнымъ образомъ, въ Петербургъ.

Тутъ же сидѣлъ съ нами какой-то родственникъ вышеописаннаго юноши. Они разсказали мнѣ, что стерлядь появилась въ сѣверныхъ рѣкахъ, лишь послѣ соединенія ихъ бассейновъ съ бассейномъ Волги каналомъ Александра Виртембергскаго. Первыхъ, вылавливаемыхъ здѣсь стерлядей рыбаки бросали, какъ нѣчто невѣдомое и подозрительное. Волжская стерлядь, переселившись на сѣверъ, стала еще лучше качествомъ. Теперь, конечно, ее здѣсь усиленно ловятъ, узнавъ ей цѣну. Притомъ ловля этой вкуснѣйшей и, какъ кажется, глупѣйшей рыбы донельзя проста, даже невѣроятна. Стоитъ лишь закинуть переметъ, т.-е. бечевку, съ многочисленными лесками и крючками и, притомъ, непремѣнно пустыми, какъ стерлядь начинаетъ о нихъ тереться (повидимому, играя), пока не зацѣпится какою-нибудь частью тѣла. Иной разъ рана бываетъ такъ серіозна, что бѣдная дурочка отъ нея погибаетъ, и не можетъ даже считаться товаромъ, годнымъ для столицы. А сколько уходитъ раненыхъ стерлядей, и пропадаетъ совершенно безполезно! Мой собесѣдникъ и амфитріонъ разсказалъ мнѣ про одну такую погибшую на крюкѣ рыбу, цѣна которой живой была бы, благодаря ея величинѣ, не менѣе 100 рублей въ Петербургѣ.

Истинно глупое животное! И истинно варварскій способъ ея ловли!

Вотъ справа, со стороны Уральскаго хребта несетъ въ Двину свои воды мощная рѣка Вычегда. Она нѣсколько отличается цвѣтомъ отъ Двины, которая съ этого мѣста уже называется Сѣверною.

Несмотря на большое прибавленіе воды изъ Вычегды, мелей въ Сѣверной Двинѣ не многимъ меньше, нежели это было до сихъ поръ. Приходится зорко промѣрять воду шестомъ на носу парохода, чтобы не засѣсть. И безъ того по временамъ раздается шипѣніе песчанаго дна о кузовъ судна. Берега Сѣверной Двины песчанисты и пустынны. Острова изъ наноснаго песку, поросшіе тальникомъ и травами, иногда такъ велики и многочисленны, что трудно угадать, гдѣ течетъ между ними главное русло рѣки.

Очевидно, что и эта могучая, величественная рѣка подвергается грустной участи всѣхъ русскихъ рѣкъ. Она тоже мелѣетъ.

И все же такія громадныя, многоводныя рѣки, такое раздолье навѣваютъ мысли о величіи нашего отечества въ грядущемъ, если только оно когда-нибудь пробудится отъ своей летаргіи.

Буфетная часть на пароходѣ „Десятинномъ", пожалуй, хуже, нежели на пар. „Лузѣ". Поэтому я еще разъ порадовался, что имѣю при себѣ немного подсобной провизіи.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы выходили на палубу, пароходъ нашъ, ни съ того ни съ сего, остановился среди рѣки и сталъ принимать на буксиръ три огромныя крытыя баржи съ товаромъ.

Пассажиры поняли, какое грозитъ ходу судна замедленіе отъ этого колоссальнаго и непредвидѣннаго груза. Я не вытерпѣлъ и сталъ укорять начальниковъ. Эти слова отъ имени всей публики тотчасъ же подѣйствовали на нашего любезнаго управляющаго. Онъ извинился передъ нами и распорядился отцѣпить несчастныя, неповоротливыя баржи, съ пріунывшимъ на нихъ народомъ.

Въ эту минуту появился на палубѣ спутникъ того пассажира, съ которымъ я обозрѣвалъ ночью Великій Устюгъ. Онъ сильно разгорячился, узнавъ, въ чемъ дѣло. Назвавъ себя писателемъ Л., онъ началъ грозить пароходному обществу печатью. Управляющій сталъ еще усиленнѣе извиняться. Баржи, впрочемъ, и безъ того уже остались неподвижными въ одной изъ заводей рѣки, а мы продолжали свой путь.

Писатель Л., нарушившій свое инкогнито, одинъ изъ любимѣйшихъ народныхъ юмористовъ. Онъ хорошо былъ знакомъ даже здѣшней пароходной публикѣ. И его самоизобличеніе произвело на нашемъ суднѣ немалую сенсацію.

Мой спутникъ по обходу Устюга, путешествующій вмѣстѣ съ г. Л., оказался тоже писателемъ-народникомъ г. Б.

Кромѣ этихъ двухъ, да священника съ дьякономъ, о которыхъ я уже говорилъ, среди пассажировъ, ѣхавшихъ съ нами отъ Вологды, было еще два довольно интересныхъ и симпатичныхъ человѣка. Это были два пожилыхъ супруга — владѣльцы какого-то башмачнаго заведенія въ Москвѣ.

Не знаю, къ какой категоріи отнести мнѣ двухъ молодыхъ педагоговъ изъ Прибалтійскаго края, хотя и русскихъ. Эти только и думали, только и говорили, что о трактирахъ да о „дѣвочкахъ". Они путешествовали въ I классѣ.

Во второмъ классѣ еще выдѣлился какой-то мѣстный становой со своею супругой. Оба эти человѣчка были, повидимому, изъ какой-то глухой глуши. И рѣчь ихъ и наивный взоръ гласили объ этотъ. Кромѣ того, madame становая почивала иногда и днемъ въ общей каютѣ съ босыми, хотя и далеко не обворожительными ногами.

Остальные пассажиры нашего парохода были довольно безцвѣтнаго вида. Всѣ почти эти люди, кромѣ двухъ писателей, направлялись въ Соловецкій монастырь.

Маленькій, пискливый юноша, любитель древнихъ церквей, покинулъ насъ, чтобы возвратиться въ Петербургъ, еще въ Устюгѣ. Между прочимъ, онъ мнѣ пожелалъ счастливо совершить мое путешествіе, назвавъ меня „въ нѣкоторомъ родѣ піонеромъ".

16-го іюня.

Берега Сѣверной Двины попрежнему низки и не представляютъ собою живописнаго интереса.

Мелководность ея нѣсколько уменьшается, съ приближеніемъ къ низовью.

Деревни и жилища намъ встрѣчаются чаще, нежели на Сухонѣ. Типъ ихъ тотъ же, что и тамъ. Деревянные храмы тутъ, на сѣверѣ, имѣютъ совершенно своебразную архитектуру, какую можно, помнится, найти въ картинахъ В. Верещагина. Особенно оригинальны ихъ многоярусныя деревянныя колокольни, каждый ярусъ у которыхъ съ зелеными полукругами или отливами вокругъ, что напоминаетъ, до нѣкоторой степени, хвойныя деревья.

Птицъ попрежнему здѣсь немного на этихъ обширныхъ водахъ. Вѣроятно, въ настоящую минуту большинство изъ нихъ возится въ разныхъ затонахъ и болотахъ съ птенцами. Изрѣдка пролетитъ или проплыветъ утка либо гагара. Иногда пролетитъ какая-нибудь чайка.

Во время остановокъ парохода у прирѣчныхъ селеній, пока забираютъ для машины дрова, публика обыкновенно выходитъ погулять, поговорить съ туземцами или купить себѣ какой-нибудь провизіи. Иногда удается на пристани получить чудную, недорогую, свѣжую рыбу, которую можно на пароходѣ же и сварить (въ кухнѣ). Такимъ путемъ пропитывались отлично многіе изъ пассажировъ III класса.

Мнѣ только не хотѣлось возиться со всѣмъ этимъ, но я вполнѣ оправдывалъ третьеклассниковъ. Они лакомились лучше насъ, не брезговавшихъ пароходной кухней, только по неразборчивости и лѣни нашей. Разъ какъ-то на глазахъ публики у одной пристани, содержатель буфета купилъ свѣжей семги и стерляди.

Самые нетерпѣливые пассажиры I и II классовъ накинулись на него сейчасъ же съ заказами разныхъ кушаній изъ этой соблазнительной провизіи. Никому не пришло въ голову, что, вѣдь, и безъ того эта непрочная провизія войдетъ въ обѣды и во все наше дневное меню за нормальную плату, что потомъ и подтвердилось. Такимъ обра-

зомъ мы всѣ, нетерпѣливые, изрядно порадовали своею поспѣшностью нашего ресторатора, переплативъ ему болѣе, нежели онъ разсчитывалъ въ этотъ день.

Еще часовъ съ 8 утра по обѣимъ сторонамъ рѣки потянулись чрезвычайно интересные и красивые берега. То были невысокіе утесы съ вымоинами, съ пещерами и глыбами. Все это былъ чистѣйшій гипсъ, напоминающій видомъ дешевый мраморъ. Сверху утесовъ лежалъ толстый слой почвы, на которомъ росъ лѣсъ. Въ пещерахъ иногда перепархивали какія-то птицы. Быть можетъ, то были совы — любительницы укромныхъ мѣстъ.

Мы поразились, когда узнали, что такое необъятное добро, какъ гипсъ, валяющійся по обоимъ берегамъ рѣки въ неизмѣримомъ количествѣ, не имѣетъ здѣсь никакого сбыта.

У одной пристани, гдѣ мы вышли, чтобы выкупаться, мы вблизи осмотрѣли глыбы гипса, которыя легко царапались и крошились даже въ рукахъ.

Въ водѣ оказалось 10° R., и намъ нельзя было долго наслаждаться купаньемъ.

Температура воздуха въ тѣни была 19½° R.

Говорятъ, что тутъ, по лѣсамъ попадается не мало лиственницы. Какъ кедръ есть истинный царь и краса хвойныхъ лѣсовъ; такъ лиственница есть настоящая краса и царица въ нихъ. Какъ тотъ, даетъ великолѣпный матеріалъ человѣку, отдавая ему свою жизнь, плоть и кровь; также красавица лиственница есть лучшее строевое дерево для жилищъ и для кораблей. Но и послѣдняя, какъ и драгоцѣнный кедръ, быстро исчезаетъ изъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ. Пора серіозно подумать объ ихъ сбереженіи и возстановленіи.

Съ парохода тщательно разсматривая составъ мѣстныхъ лѣсовъ и вглядываясь въ нихъ вблизи при остановкахъ и прогулкахъ, я такъ и не разыскалъ ни одной лиственницы здѣсь.

Кедръ же начинается, кажется, только съ Уральскаго хребта и распространяется на востокъ. Его тутъ совсѣмъ нѣтъ.

Послѣ, приблизительно, двадцативерстнаго протяженія гипсовыхъ утесовъ, берега Сѣверной Двины опять дѣлаются совершенно плоскими и неживописными.

Часовъ въ 6 утра остановились у какой-то пристани грузить дрова. Кое-кто изъ насъ вышелъ погулять по лѣсу. Наволочно, сыро и жарко. Перепадаетъ дождь.

Я опять старался въ лѣсу разыскать хоть одну лиственницу, но попрежнему не нашелъ. Съ парохода иногда мнѣ казалось, что я вижу ее въ бинокль, но, быть можетъ, и это было лишь заблужденіе.

Тутъ я сорвалъ нѣсколько мѣстныхъ цвѣтовъ, слѣдуя общей сентиментальности туристовъ, и даже послалъ изъ нихъ два-три домой въ письмѣ.

Съ правой стороны показалась рѣка Пинега, съ ея гористыми и густолѣсыми берегами. Вотъ, это уже, поистинѣ, водный путь въ лѣсную глушь, съ медвѣдями, съ волками, рысями и росомахами! Вотъ именно лѣсное и звѣриное царство!

Впрочемъ, недалеко отъ устья Пинеги, на ней виднѣлись барки, нагруженныя лѣсомъ. Видно, и тутъ въ самомъ звѣриномъ царствѣ, человѣкъ тоже уже началъ расхищать лѣсныя богатства. Впрочемъ, здѣсь, при этой подавляющей массѣ лѣса, на его расхищеніе почти не жаль и смотрѣть. Сознаешь, что если не убавится нѣсколько площадь сплошныхъ лѣсовъ, то невозможно будетъ зародиться здѣсь ни жилью, ни земледѣлію, ни, вообще, какой бы то ни было культурѣ.

Проѣхали деревню Усть-Пинегу и село Вавчугу, извѣстное кораблестроеніемъ при Петрѣ I.

Тутъ пришлось услыхать, что знаменитый о. Іоаннъ Кронштадтскій родомъ съ р. Пинеги, что онъ ежегодно ѣздитъ сюда, въ свое родное село „на собственномъ пароходѣ“.

Собственный пароходъ, о которомъ было говорено уже и въ печати! Excusez du peu!

Наконецъ, съ лѣвой стороны Сѣверная Двина образуетъ отдѣльное русло или, скорѣе, рукавъ Курью, омывавшій цѣлую волость Куростровскую, родину нашего великаго Ломоносова, съ городомъ Холмогорами въ ней. За дождемъ было еле возможно различить далеко стоящія отъ Сѣверной Двины Холмогоры (помнится, верстахъ въ 5). Онѣ виднѣлись намъ, какъ сквозь туманъ или тюль. Однако вниманіе наше невольно неслось неудержимо туда, къ этой колыбели русскаго великана. Взоры всѣхъ приковывали къ себѣ эти чуть видныя Холмогоры.

Миновавъ рукавъ Курью, мы увидѣли маленькій пароходикъ, засѣвшій на мель. Съ разрѣшенія пассажировъ, которые почувствовали сожалѣніе къ безпомощному положенію ѣдущихъ на увязшемъ пароходикѣ, нашъ „Десятинный“ взялъ его на буксиръ, и шутя совлекъ съ мели на глубокій фарватеръ. Карликъ-пароходикъ опять оживился и заплавалъ, точно выпущенная въ воду рыбка.

Какъ повеселѣли два-три человѣка, ѣхавшіе на немъ!

Наконецъ, сегодня, послѣ третьихъ сутокъ пути по рѣкамъ отъ Вологды, мы прибыли въ полночь въ знаменитый и извѣстный всему міру торговлею (лѣсомъ и рыбой) Архангельскъ.

Проливной дождь, позднее время и почти полное отсутствіе извозчиковъ на пристани „мірового города", вынудили большинство изъ насъ остаться до утра на пароходѣ. Я былъ изъ числа этого большинства.

Г. Архангельскъ основанъ приблизительно въ 1587 г. Теперь онъ имѣетъ около 20.917 жителей. Площадь земли всей губерніи его, величайшей въ Европ. Россіи, приближается къ 754.744 кв. верстамъ или 78.500.000 десятинамъ. Эта площадь превышаетъ каждое изъ остальныхъ европейскихъ государствъ. (Она въ $1^1/_2$ раза больше Франціи, напримѣръ.)

Городъ Архангельскъ расположенъ узкою полосою вдоль праваго берега С. Двины на много верстъ. Пароходныя пристани находятся на этомъ же берегу. Вокзалъ желѣзной дороги расположенъ на противоположномъ островѣ — Глуховскомъ.

Самъ городъ раздѣляется условно на три части. Первая часть — „Верхній конецъ". Вторая часть или „Центръ города". Третья часть или „Нѣмецкая слобода", гдѣ живутъ преимущественно иностранцы. Далѣе къ сѣверу идетъ селеніе или слобода Соломбала.

Еще съ рѣки бросается въ глаза нѣсколько крупныхъ храмовъ, съ синими куполами и съ золотыми звѣздами на нихъ. Разумѣется — между ними и соборъ. Въ немъ хранится большой деревянный крестъ, чрезвычайно грубой и старой работы, самого Петра Великаго, сдѣланный имъ въ память своего избавленія отъ бури въ Унскихъ Рогахъ (въ Унской же Губѣ).

По набережной виднѣется длинный бульваръ и огромное зданіе таможни. Въ городѣ есть публичный музей, публичная библіотека, губернаторскій домъ, памятникъ Ломоносову, городской банкъ, окружный судъ, домикъ Петра Великаго и т. д.

Петръ I то любилъ Архангельскъ, то тѣснилъ его въ пользу Петербурга. Екатерина II и Александръ I старались поднять его. Александръ II опять на него гнѣвался за что-то. И такъ колебалась судьба этого важнаго города, пока опять наконецъ время не взяло свое и не начало возстановлять его. Теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ отъ Вологды и отъ Вятки до Котласа, его будущее обезпечено.

ГЛАВА II.

Архангельскъ.

Пристани. — Подворья. — Гостиницы. — Пароходы. — Рейсы. — Гостиница „Троицкая“. — Библіотека. — Музей. — Памятникъ Ломоносову. — Спутники. — Соломбала. — Гостиница „Англія“. — Красотка. — Притоны. — Гигіэна и личики. — Домикъ Петра I. — Рынокъ. — Соловецкое подворье. — Тундры и лѣса. — Пароходы „Николай II“ и „Ломоносовъ“. — Опять гостиница „Англія“ и милое видѣніе. — Маленькіе труженики. — Купанье. — Пароходъ „Соловецкій“. — Островъ Моисеевъ. — Маленькое толкованіе. — Топливо. — Рейсы на Новую Землю и Шпицбергенъ. — Передъ отплытіемъ въ Соловки. — Отплытіе и путь до моря. — Пароходная публика. — Капитанъ и прислуга. — Нѣкоторыя данныя о Бѣломъ морѣ. — Нѣкоторыя данныя о Соловкахъ.

17-го іюня.

Утромъ стали пассажиры собираться въ городъ. Извозчиковъ на пристани оказалось еще меньше, нежели вчера, т.-е. ихъ теперь не было совсѣмъ. Пришлось двинуться пѣшкомъ, при помощи носильщиковъ. Пассажиры, направлявшіеся въ Соловецкій монастырь, рѣшили отправиться въ одно изъ подворій этого монастыря, въ каковыхъ обыкновенно богомольцы здѣсь дожидаются рейсовъ на острова Соловецкіе.

Насъ уже предупреждали на пристани, что придется подождать дня два-три прежде, нежели удастся ѣхать въ Соловки. Монастырскій пароходъ только-что ушелъ, а пароходъ товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства отойдетъ туда еще не скоро.

Пристань бѣломорскихъ пароходовъ Архангельско-Мурманскаго общества находится рядомъ съ пристанью, гдѣ остановился нашъ „Десятинный“. (Это пристань Сѣвернаго пароходнаго общества.) Пароходы же океанскіе, того же вышеупомянутаго Архангельско-Мурманскаго товарищества, имѣютъ пристань уже въ другой части города, въ той, которая называется Соломбалой. Тамъ же находится пристань и монастырскихъ пароходовъ и таковое же подворье № 2 для богомольцевъ.

Монастырское подворье № 1 находится около пристани малыхъ пароходовъ, дѣлающихъ рейсы въ Соломбалу и обратно каждые ½ часа. Въ то время какъ мои спутники разбрелись по подворьямъ и по гостиницамъ, я застрялъ тутъ, на этой пристани, разсчитывая собрать кое-какія свѣдѣнія о пароходахъ и подворьяхъ. Ничего нужнаго однако не узналъ. Здѣсь тоже ничего не знаютъ точнаго объ отходѣ пароходовъ въ Соловецкъ; тѣмъ болѣе, что монастырскіе пароходы правильныхъ рейсовъ не придерживаются, а сообразуются лишь съ накопленіемъ пассажировъ.

Вся эта неопредѣленность заставила меня направиться въ гостиницу. Ихъ всего двѣ въ Архангельскѣ: „Троицкая", да „Золотой якорь". Есть еще „Бѣломорскія меблированныя комнаты". Я остановился въ лучшей изъ нихъ — „Троицкой", гдѣ, кромѣ того, остановились и оба писателя.

Съ однимъ изъ нихъ, г. Б., я пустился осматривать пѣшкомъ городъ. Его спутникъ, г. Л., плохой пѣшеходъ, остался въ гостиницѣ за своими рукописями, собираясь послѣ объѣхать городъ на извозчикѣ. Этотъ литераторъ поражалъ меня своимъ трудолюбіемъ. Онъ и на пароходахъ и тутъ, въ гостиницѣ, большую часть времени проводилъ за писаніемъ своихъ путевыхъ замѣтокъ. Я даже задавалъ себѣ не разъ вопросъ: когда же онъ дѣлалъ свои наблюденія для этихъ замѣтокъ?

Осматривая городъ, первымъ дѣломъ я справился въ самой конторѣ Архангельско-Мурманскаго товарищества о пароходахъ, плавающихъ по Бѣлому морю и по океану до Норвегіи.

Оказалось, что только одинъ рейсъ въ недѣлю направляется прямо на Соловецкіе острова, другія же ихнія суда заходятъ туда лишь, обойдя прежде часть береговъ Бѣлаго моря. Изъ архангельско-мурманскихъ пароходовъ вообще заходили на Соловецкіе острова, лишь два парохода. Лучшій изъ послѣднихъ считается „Ольга"[1]). Кромѣ того, съ Соловковъ необходимо вернуться обратно въ Архангельскъ, чтобы пересѣсть на океанскіе пароходы. Поэтому, мимоѣздомъ посѣтить Соловецкіе острова, направляясь въ Норвегію, было невозможно. Получалась теперь для меня непредвидѣнная потеря времени. Но оставить неосмотрѣнными Соловки я не рѣшался.

Эта же непроизводительная трата времени, на неизбѣжное возвращеніе въ Архангельскъ, не дозволила мнѣ объѣхать и берега Бѣлаго моря, что представляетъ, по увѣренію бывавшихъ тамъ, чрезвычайно интересное путешествіе. Послѣднее, конечно, взяло бы у меня minimum недѣлю.

Обходя городъ и знакомясь съ его жизнью, мы рѣшили, что все это далеко не такъ интересно, какъ можно бы ожидать. Впрочемъ, будущность Архангельска еще впереди. Начну свое описаніе этого города съ гостиницы, гдѣ мы остановились („Троицкой"). Она не взрачна и не велика, впрочемъ, дешева и прилична. Тамъ не дуренъ ресторанъ съ органомъ, играющимъ русскія пѣсни, „жестокіе романсы" и прочее, тому подобное. Обѣдъ изъ 4 вкусныхъ и сытныхъ блюдъ

---

[1]) На всѣхъ пароходахъ товарищества Архангельско-Мурманскаго обязательно уплачивать за дневное продовольствіе лишь въ I классѣ.

стоилъ дешево. Квасъ подаютъ чудесный, вкусный и холодный, что было очень кстати въ тогдашнюю жаркую погоду.

Есть въ городѣ крохотная публичная библіотека. Тамъ мы перечитали еще разъ описаніе Соловковъ В. Немировича-Данченко, восторженныя мѣста котораго придавали мнѣ еще болѣе охоты побывать на этихъ островахъ.

Въ музеѣ, тоже миніатюрномъ, видѣли принадлежности мѣстныхъ промысловъ, чучела рыбъ, птицъ и животныхъ, встрѣчающихся въ этихъ странахъ.

Изъ рыбъ здѣсь находится въ спирту одна такая, которой до сихъ поръ никто еще не могъ опредѣлить! Кто же были эти опредѣлители?

Изъ птицъ я обратилъ вниманіе на чучело норвежскаго кречета, (Hierofalco gyrfalco), названнаго на ярлычкѣ почему-то балобаномъ (Falco sacer). Ужъ не такого ли опредѣлителя нашла и вышеупомянутая неизвѣстная рыба?

Интересно чучело ястреба тетеревятника (Astur palumbarius) слетка, т.-е. экземпляра въ перѣ перваго года жизни. Фонъ оперенія его былъ чрезвычайно свѣтелъ. Не объ этомъ ли видѣ писалъ старикъ С. Т. Аксаковъ въ своей статьѣ объ ястребиной охотѣ? Были въ коллекціяхъ музея и чучела дербниковъ (Litofalco aesalon), соколовъ сапсановъ (Falco peregrinus), и болѣе южныхъ видовъ: пустельги (Tinunculus alaudaria), кобчика (Tinunculus vespertinus), и сокола чеглока (Falco arboreus).

Мнѣ сообщилъ сторожъ музея, что всѣ эти чучела и опредѣленія ихъ сдѣланы однимъ мѣстнымъ препараторомъ, нѣкіимъ г. Вальневымъ.

Памятникъ Ломоносова, о которомъ я уже говорилъ, представляетъ его совершенно раздѣтымъ и съ подобіемъ какой-то простыни на плечахъ, съ маленькимъ крылатымъ геніемъ, имѣющимъ арфу въ рукахъ и стоящимъ у его ногъ, на одной колѣнкѣ. Памятникъ этотъ произведеніе академика Мартоса; онъ совсѣмъ не привлекателенъ, чтобы не сказать больше.

Въ городѣ всего одна аптека, одинъ книжный магазинъ. Оптика нѣтъ. Мнѣ пришлось, напримѣръ, чинить очки въ какомъ-то универсальномъ магазинѣ.

Мои спутники-учителя, направлявшіеся, какъ я уже говорилъ выше, также на Соловецкіе острова, еще съ утра переѣхали съ вещами, прямо на ломовомъ извозчикѣ, въ Соловецкое подворье въ Соломбалѣ. Теперь мы съ писателемъ г. Б., расхаживая по городу, встрѣтили ихъ. Пошли всѣ вмѣстѣ обѣдать въ нашу гостиницу. Вытащили изъ его

№ писателя Л., который все еще сидѣлъ за своими письменными работами, безъ жилета, передъ вѣчнымъ, остывшимъ самоваромъ.

Обѣдомъ въ гостиницѣ „Троицкой" всѣ мы остались довольны. Послѣ обѣда мы четверо, кромѣ плохого ходока г. Л., отправились въ Соломбалу на перевозномъ пароходикѣ.

Эти пароходики имѣютъ на Соломбалѣ особую пристань, близъ Соловецкаго подворья, къ пристани котораго имъ приставать, будто бы, монахи не дозволяютъ. Въ конторѣ билетовъ этихъ соломбальскихъ пароходиковъ меня увѣряли даже, что монахи не разъ встрѣчали ихъ публику дубьемъ, если та осмѣливалась только высадиться на монастырскую пристань. Однако, при мнѣ ничего подобнаго не случалось, хотя мы и не разъ причаливали и къ этой монастырской пристани.

Сойдя въ Соломбалѣ, мы первымъ дѣломъ посѣтили Соловецкое подворье и комнату нашихъ спутниковъ учителей. Потомъ обошли набережныя и пристани, гдѣ видѣли одинъ изъ двухъ океанскихъ пароходовъ, именно лучшій изъ нихъ „Николай II". Осматривать его внутри почему-то не пожелали мои компаньоны. Пришлось это отложить до другого случая.

Находившись по улицамъ Соломбалы, подъ чрезвычайно жаркимъ, хотя уже и вечернимъ солнцемъ, мы стали думать о прохладѣ и питьѣ. По совѣту прохожихъ и ихъ указаніямъ, пошли мы въ нѣкую крохотную гостиницу „Англію", скорѣе же трактирчикъ.

Подходя къ этому учрежденію, мы встрѣтили на улицѣ нѣсколько дѣвочекъ лѣтъ 10—12. Одна изъ нихъ, блондиночка, была замѣчательной красоты. Чудные волнистые волосы обрамляли прелестное фарфоровое личико. Голубые, прозрачные глазки глядѣли шаловливо и весело. Наши молодые люди отпустили нѣсколько слишкомъ откровенныхъ похвалъ, когда я обратилъ ихъ вниманіе на эту маленькую красотку. Та ничуть не сконфузилась. Видимо, похвалы были не вновѣ ей.

Мы вошли въ гостиницу, поиграли тамъ на бильярдѣ, выпили неимовѣрное количество квасу, вслѣдствіе нестерпимой жары, и пустились далѣе осматривать Соломбалу и городъ.

Слобода или, скорѣе, предмѣстье Соломбала отдѣляется отъ Архангельска рѣчкою Кузнечихою и отстоитъ отъ центра города верстъ на 5.

Кто-то разсказалъ нашимъ молодымъ спутникамъ-учителямъ, что у рѣки Кузнечихи находятся притоны извѣстнаго сорта. Такъ какъ они все время только и толковали, только и вспоминали, что трактиры да подобныя учрежденія, то и стали настаивать теперь на провѣркѣ

вышеупомянутыхъ слуховъ. Я возражалъ указывая, что въ подобной пригородной трущобѣ, съ полуразвалившимися избами нечего ни разыскивать ни осматривать; я напоминалъ, что въ городѣ мы еще не обошли всего; я говорилъ, что мы, наконецъ, съ г. Б. семейные люди, и т. д. Ничто не помогало. Наши педагоги тянули насъ настойчиво разыскивать „Le Logi del Abramo“, какъ называютъ итальянцы подобные пріюты. Г. Б. согласился на эти розыски, ради изученія мѣстныхъ нравовъ. Я уступилъ съ большою неохотою, не ожидая ничего интереснаго отъ ходьбы по грязной, убогой пригородной окраинѣ.

Мои спутники скоро добились отъ прохожихъ требуемыхъ указаній и нашли искомое. Это оказались жалкія полусгнившія избенки, впрочемъ, такія же, какъ и всѣ остальные дома тамъ. У оконъ виднѣлись несчастныя, убогія дѣвицы, зазывавшія насъ и просившія угостить ихъ „пивцомъ“, „чикаладомъ“ и т. д. Впечатлѣніе получалось ужасное, подавляющее.

Даже наши молодые чудаки почувствовали нѣкоторое охлажденіе къ подобнымъ прелестямъ. Послѣ этого мнѣ, наконецъ, удалось отвлечь всю нашу компанію отъ дальнѣйшаго разыскиванія подобныхъ „мѣстъ нетерпимости“. Я посовѣтовалъ педагогамъ послѣ, отдѣльно позаняться соотвѣтственными розысками гдѣ-нибудь въ городѣ, но во всякомъ случаѣ не въ такихъ трущобахъ, откуда мы только-что теперь выбрались.

Къ удивленію всѣхъ насъ, потомъ оказалось, что на весь большой приморскій городъ Архангельскъ ничего иного, кромѣ ужасной Кузнечихи, въ смыслѣ урегулированной проституціи, и не было.

Разсмотрѣвъ послѣ всего вышеупомянутаго поближе двухъ своихъ спутниковъ учителей, я сталъ подзывать на Соловецкіе острова усиленно и обоихъ писателей, тѣмъ болѣе, что оба они сожалѣли о скудости наблюденій, полученныхъ ими въ I классѣ отъ Петербурга до Архангельска. Но уговорить ихъ продолжать путешествіе до Соловковъ мнѣ не удалось. Оба отговаривались необходимостью вернуться въ столицу. И моими дальнѣйшими спутниками остались двое вышеописанныхъ педагога.

Расхаживая по Архангельску, мы замѣтили, что, несмотря на страшную іюньскую жару, окна въ домахъ были далеко не вездѣ выставлены. Въ мысляхъ возникало невольно подозрѣніе въ нелюбви архангельцевъ къ свѣжему воздуху. Этимъ антигигіэничнымъ образомъ жизни здѣшнихъ жителей хотѣлось объяснить ту массу безцвѣтныхъ, анемичныхъ, часто усыпанныхъ веснушками лицъ, каковыя встрѣчаешь на каждомъ шагу въ Архангельскѣ. Особенно женскія лица отличаются

вышеописанными принадлежностями, хотя иногда черты ихъ и привлекательны.

Домикъ Петра I (каковой, конечно, есть и здѣсь) — почти уже никуда негодная маленькая хибарка, надъ которою, въ видѣ футляра, выстроенъ простой сарай. Помнится, у этого домика нѣтъ ни дверей ни даже сторожа. И мы вошли въ него и вышли опять совершенно свободно и не встрѣтивъ тамъ никого.

Осматривали, между прочимъ, и рыбный рынокъ. Тамъ много интереснаго. Особое вниманіе обращаетъ на себя рыба „палтусъ“ (Rumbus octagenatus), (гигантская разновидность камбалы), которою можно иногда прикрыть цѣлый обѣденный столъ. Интересна „зубатка“ (Anasrchicas lupus) съ крапчатой кожей, годной для разныхъ издѣлій и напоминающей шершавыя кожи змѣй, ящерицъ и т. п. Видѣли рыбу снаружи совершенно розовую, напоминающую видомъ окуня. Къ сожалѣнію, названія не запомнилъ. Масса соленой и свѣжей семги красуется повсюду великолѣпными колерами своихъ чешуи и мяса. И, наконецъ, безчисленные экземпляры извѣстныхъ во всемъ мірѣ сельдей и трески наполняютъ все, что только лишь можно наполнить на рыбномъ рынкѣ здѣсь.

Изъ мѣстныхъ предметовъ торговли, годныхъ, какъ сувениры съ дороги, можно назвать рога оленей и лосей, всевозможныя звѣриныя шкуры и издѣлія изъ нихъ.

Изъ послѣднихъ мнѣ особенно понравились мѣховыя пимы и туфли. Женскія и дѣтскія туфли выглядятъ очень красиво. Впрочемъ, на хорошенькой ножкѣ, вѣдь, все красиво, даже портянки и лапти, а безобразную — ничѣмъ не украсишь, какъ бы ее ни украшать. Помню, видѣлъ разъ, какъ даже крупные брильянты на туфлѣ нимало не могли украсить такую ступню.

Однако, каковы здѣсь ножки, мнѣ убѣдиться не пришлось. Личики, какъ я уже сказалъ, не особенно-таки привлекательны.

18-го іюня.

Писатель Л. оказывается большимъ любителемъ покушать и попить. Впрочемъ, онъ очень много пишетъ, не разставаясь цѣлый день съ самоваромъ. Писатель Б. сообщилъ о себѣ, что онъ работаетъ въ день лишь только три часа утромъ.

Сегодня дождь и прежняя жара. Сносно себя чувствуешь въ чичунчѣ лишь въ пасмурные дни. Въ солнечные — и такой костюмъ не помогаетъ.

Ночи совершенно свѣтлы, такъ что ни свѣчи ни спички не нужны. Впрочемъ, незаходящаго солнца въ Архангельскѣ не бываетъ.

Сегодня и я переселился на Саламбалу, въ Соловецкое подворье, боясь опоздать какъ-нибудь на монастырскій пароходъ, тѣмъ болѣе, что наступилъ уже срокъ его возвращенія изъ монастыря въ Архангельскъ, за новою партіею пассажировъ, быстро возраставшею въ ожиданіи его въ подворьи.

Въ этой сѣрой толпѣ богомольцевъ, стекающихся со всей Россіи, не мало уродовъ, калѣкъ и припадочныхъ, самыхъ разнообразныхъ видовъ. И все это несчастное, горемычное человѣческое стадо вѣритъ твердо, что тамъ, среди морскихъ волнъ, на таинственныхъ, удаленныхъ отъ грѣшнаго міра островахъ, пройдутъ всѣ ихъ горести и печали.

Я поселился на подворьи, въ одной комнатѣ съ двумя знакомыми педагогами изъ Риги. Нашимъ четвертымъ сожителемъ по комнатѣ былъ какой-то рослый, худощавый старикъ, въ поношенномъ сюртукѣ. Это былъ секретарь судебнаго слѣдователя, человѣкъ необыкновенно угрюмый и фанатичный. Онъ вѣрилъ и въ адъ, и въ бѣсовъ, и въ чудеса и не мало возмущался нашими леберальными разговорами; въ особенности меня онъ, кажется, положительно возненавидѣлъ.

Не зная, что дѣлать отъ скуки, въ ожиданіи отъѣзда на Соловки, мы приходили въ дурное настроеніе всѣ четверо, и точно нарочно дразнили угрюмаго, злого фанатика.

Время идетъ невообразимо скучно и медленно въ монастырскомъ подворьи. Парохода нѣтъ какъ нѣтъ. По номерамъ носятъ безъ конца кипящіе самовары — эту обыкновеннѣйшую утѣху русскаго человѣка во всѣхъ его житейскихъ невзгодахъ. Прислужники всѣ монахообразны: они либо въ монастырскихъ синихъ посконныхъ кафтанахъ, либо въ подрясникахъ, какіе бываютъ у служекъ. Волосы у нихъ длинные. На головѣ скуфейки. Обращаясь къ нимъ, ихъ называютъ „отецъ, или братъ, такой-то“. Намъ служилъ симпатичный и довольно красивый отецъ Николай.

Отъ нечего дѣлать мы тоже порядкомъ налегали на самовары, и утруждали ими нашего о. Николая. За чаепитіемъ, именно, и возникали у насъ тѣ разговоры, которые приводили въ отчаяніе и въ озлобленіе нашего угрюмаго фанатика, который съ какимъ-то упорнымъ изувѣрствомъ вѣрилъ и въ провалы во адъ, и въ глаголаніе образовъ, и въ разныя другія чудеса.

Напившись чаю съ семгой или съ другими закусками, что обыкновенно здѣсь, въ подворьи, замѣняетъ всякія трапезы, такъ какъ ни-

какого подобія трактира тутъ нѣтъ, мы обыкновенно шли, куда глаза глядятъ. Иногда же ѣздили на пароходикахъ въ „Троицкую" гостиницу, чтобы какъ слѣдуетъ пообѣдать. Ходили на окраины города или еще куда-нибудь. Вообще мы шлялись, чтобы лишь какъ-нибудь убить время.

Городъ со всѣхъ сторонъ упирается въ тундры и въ лѣса, которые видны даже въ концѣ его улицъ. Мѣстами къ городу примыкаютъ и чудесныя лужайки, съ прекрасными травами, среди которыхъ изрѣдка и сиротливо проглядываютъ даже одинокіе клевера, которые здѣсь — чужеземцы. Между прочимъ, мнѣ удалось осмотрѣть подробнѣе упомянутый уже мною океанскій пароходъ Архангельско-Мурманскаго товарищества „Николай II". Онъ, дѣйствительно, былъ великолѣпенъ. Особенно роскошно выглядѣло помѣщеніе I класса. II классъ былъ тоже не дуренъ. III — конечно плоховатъ, хотя и онъ также давалъ возможность укрыться въ общей каютѣ отъ холода и вѣтра, и полежать тамъ на деревянной койкѣ.

Жаль, что мнѣ не представлялось возможности возвратиться изъ Соловковъ къ отходу этого великолѣпнаго парохода въ Норвегію. На мою долю, по расчетамъ, приходился рейсъ второго по качеству парохода того же общества, именно „Ломоносова".

Пошелъ отъ скуки еще разъ въ маленькую соломбальскую гостиницу „Англію", гдѣ мы вчера играли на бильярдѣ, какъ я уже говорилъ. Тамъ заказалъ свѣжей трески и еще чего-то, не помню. Меня помѣстили въ верхнихъ отдѣльныхъ комнатахъ, гдѣ была и квартира самихъ содержателей гостиницы.

Тамъ наверху было тихо и безлюдно. Нѣсколько старыхъ убогихъ газетъ не могли привлечь къ себѣ моего вниманія до той минуты, пока заказанная мною ѣда не появится на столѣ. И я предался грустнымъ мечтаніямъ, расхаживая по пустымъ комнатамъ и коридору верхняго этажа.

Вдругъ передо мною, какъ видѣніе, промелькнула та прелестная малютка, о которой я уже говорилъ, — малютка, которую мы встрѣтили вчера на улицѣ, направляясь сюда въ гостиницу играть на бильярдѣ. Она была теперь съ распущенными кудрями и босикомъ. Глазенки ея плутовато и съ любопытствомъ глядѣли на незнакомца.

Я заговорилъ съ милымъ ребенкомъ. Она безъ застѣнчивости отвѣчала мнѣ. Оказалось, что ея родители и были содержателями гостиницы „Англія".

„Милый, прелестный ребенокъ! какъ бы я расцѣловалъ тебя всю — и ручки и ножки твои".

Но вмѣсто того я спросилъ, какъ ее зовутъ. Оказалось — Улей. Спросилъ ее, учится ли она гдѣ. Оказалось, что учится въ городскомъ училищѣ. Еще спросилъ я ее о чемъ-то, любуясь ею, какъ бы я сталъ любоваться случайно пролетавшимъ мимо прелестнымъ мотылькомъ или очаровательной птичкой. Малютка, казалось, понимала отчасти восхищеніе передъ нею задумчиваго незнакомца. По крайней мѣрѣ, ея умные глазенки блестѣли самодовольно и весело. „Бѣдная, прелестная Уленька! что-то съ тобою будетъ со временемъ", думалось мнѣ. „Выростешь ты, конечно, умницей, красавицей и, въ результатѣ всего этого, выйдешь замужъ за какого-нибудь мелкаго, полутемнаго торгаша или трактирщика, который будетъ пьянствовать и колотить тебя. Наконецъ, заѣстъ тебя проза пошлой, постылой жизни".

Какъ-то разъ возвращался я изъ города въ Соломбалу. На пароходикѣ среди пассажировъ III класса были какіе-то два маленькіе оборванца, измазанные въ сажѣ и, повидимому, иззябшіе. Въ этотъ день было пасмурно, и ихъ закопченыя лохмотья, конечно, не грѣли. Оказалось, что это два брата лѣтъ по 10. Ѣздятъ они ежедневно изъ Соломбалы въ городъ съ 6 час. утра, чтобы тамъ обивать накипь пароходныхъ котловъ. Жара и грязь въ котлахъ ужасная. Освѣщаютъ свою работу эти маленькіе труженики ручными керосинками. За ними всегда кто-нибудь наблюдаетъ изъ старшихъ, чтобы не случилось съ ними какого-нибудь несчастія. За эту тяжелую работу дѣтямъ платятъ по 50 коп. въ день. Несмотря на все это, маленькая ватага, какъ разсказывали мои собесѣдники, ничуть не тяготится такимъ дѣломъ. Нерѣдко, подъ оглушительный стукъ молотковъ по чернымъ внутренностямъ котловъ, ребятки хохочутъ и поютъ.

Все это мнѣ передавалъ старшій изъ двухъ братишекъ. Онъ былъ некрасивъ, страшно черенъ отъ сажи и, буквально, въ лохмотьяхъ. Но, несмотря на все на это, онъ былъ чрезвычайно симпатиченъ. Отвѣты его были умны, какъ у взрослаго. Онъ, очевидно, порядкомъ иззябъ, и теперь старался согрѣться, припадая грудью и животомъ къ котлу пароходика въ трюмѣ, скрывшись туда отъ вѣтра и дождя.

Невольно, по закону контраста, я вспомнилъ красотку Улю, въ ея обезпеченной жизни, и мнѣ стало еще больше жаль моего маленькаго собесѣдника.

На прощанье я далъ обоимъ мальчикамъ немного мелочи. Они меня за это поблагодарили рукопожатіемъ. Это было такъ забавно и мило.

Между прочимъ, во всемъ Архангельскѣ я не нашелъ ни одной купальни. Нечто подобное находится лишь передъ таможней и принадлежитъ ей. Поэтому, удовлетворяя своей неутолимой потребности

въ купаньи, я долженъ былъ кой-какъ и кой-гдѣ окунуться въ Сѣверную Двину.

19-го іюня.

Въ подворьи толпа богомольцевъ все растетъ и становится все нетерпѣливѣе. При одномъ появленіи какого-нибудь дымящагося судна вдали, уже всѣ бросаются къ окнамъ или на пристань, въ надеждѣ на желанный монастырскій пароходъ.

Надоѣло, надоѣло намъ пребываніе въ подворьи, среди нечистоты, клоповъ, сутолоки, невѣжества, суевѣрія, припадковъ и уродовъ.

Мы, сожители одной комнаты, начинаемъ тоже другъ другу надоѣдать. Угрюмый, свирѣпый старикъ-фанатикъ, очевидно, теряетъ всякое терпѣніе, слушая наши смѣлые разговоры. Онъ даже рѣшается уѣхать раньше, именно, съ пароходомъ Архангельско-Муромскаго товарищества. Вѣроятно, хочетъ убѣжать отъ насъ, отъ трехъ маловѣровъ.

Наконецъ, появился давно желанный монастырскій пароходъ по имени „Соловецкій", съ золоченымъ крестомъ на передней мачтѣ, и биткомъ набитый публикою. Толпа была такъ велика на палубѣ, что все судно накренилось на бокъ, когда пассажиры его подвинулись къ борту въ сторону пристани. На пристани у насъ стояла тоже огромная встрѣчная толпа.

Говорили въ публикѣ, что задержался пароходъ въ пути туманомъ, да еще порчею компаса.

Когда пассажиры сошли съ судна, я да мои два компаньона отправились на его бортъ, чтобы оглядѣть его. Грязь, соръ, запахъ и вообще безпорядокъ были тамъ поразительные. И я не безъ колебанія остался при прежнемъ намѣреніи — ѣхать все-таки съ этимъ пароходомъ, а не съ мурманскимъ. Только ради ближайшаго ознакомленія съ соловецкимъ паломничествомъ могъ я себя къ этому теперь принудить. Какъ мурманскій, такъ и монастырскій пароходъ отойдетъ завтра. И это соблазнило многихъ изъ насъ предпочесть болѣе удобное и пріятное путешествіе на мурманскомъ пароходѣ.

Изъ нашихъ рѣчныхъ спутниковъ остались дожидаться отхода „Соловецкаго" лишь казанскій священникъ съ женою, дьяконъ да двое старыхъ москвичей супруговъ.

Еще скучнѣе тянутся послѣднія сутки въ ожиданіи отхода судна.

Отъ нечего дѣлать наблюдаемъ омелѣніе дна вокругъ островка Моисеева, который находится передъ нашими окнами на С. Двинѣ, шагахъ во ста отъ набережной подворья. Это обмелѣніе происходитъ два раза въ сутки, и есть слѣдствіе приливовъ и отливовъ въ Бѣломъ

морѣ, до котораго отсюда верстъ 60. Переѣзжали въ яликѣ и на самый островъ Моисеевъ, гдѣ находится большая паровая лѣсопильня, каковыхъ десятки по берегамъ на всѣхъ окраинахъ Архангельска. Тамъ, на островѣ я выкупался съ лодки.

Это было очень кстати, такъ какъ температура воздуха въ тотъ день, даже въ 11 часовъ вечера была еще 19⁰ R. Въ водѣ же все время градусовъ 12—13.

Къ моему удивленію, мнѣ пришлось объяснить двумъ моимъ педагогамъ, почему на сѣверѣ не заходитъ солнце. Положимъ, они были филологи, преподаватели одинъ — греческаго, другой — русскаго языковъ, но все же трудно было предположить, что имъ потребуется подобное „маленькое толкованіе".

Какъ-то разъ, гуляя въ гавани океанскихъ судовъ, я разговорился съ капитаномъ и штурманомъ одного англійскаго грузового парохода, который прибылъ сюда и сталъ рядомъ съ мурманскимъ „Николаемъ II". (Мачты и трубы судовъ океанской пристани виднѣются даже изъ оконъ подворья). Оказалось, что весь уголь, которымъ здѣсь отапливаются наши и чужіе морскіе пароходы, привозится изъ Англіи подобными грузовыми пароходами (кажется, по преимуществу, изъ Гуля), какъ баластъ. Здѣсь, въ Архангельскѣ, онъ стоитъ 13 к. пудъ. На его же мѣсто англійскія суда грузятъ лѣсъ, для обратнаго пути.

Безъ угля невозможны морскіе рейсы, въ особености, по безлѣснымъ мурманскимъ берегамъ. Да и вообще никакое топливо не можетъ сравниться, по компактности и интензивности, съ углемъ. Его забираютъ въ одинъ разъ на громадные рейсы. Дрова и нефть приходится забирать гораздо чаще. Лучшій англійскій уголь зовется въ продажѣ bock-head.

Когда я узналъ, что Архангельско-Мурманское товарищество дѣлаетъ два рейса за лѣто на Новую Землю [въ началѣ іюля (10-го) и въ концѣ августа], то пожалѣлъ не на шутку, что не включилъ и эту экскурсію въ свое настоящее путешествіе. Увѣряютъ, что пути туда всего $1^1/_2$ сутокъ. Хотя бы и немного больше, зато была бы исполнена интереснѣйшая экскурсія, каковая потомъ, пожалуй, уже и не удастся въ жизни.

Ахъ, какъ поздно вообще убѣждается человѣкъ, что никогда не нужно откладывать даже на завтра того, что можно сдѣлать сегодня.

Впрочемъ, меня предупредили, что если не удастся попасть обратно къ вышеназваннымъ двумъ рейсамъ на Новую Землю, то рискуешь тамъ остаться на зиму. А это совершенно не входило въ мои рас-

четы. Зазимовать въ подобной пустынѣ, не будучи къ тому приготовленнымъ, положительно ужасно.

NB. На Шпицбергенъ, говорятъ, можно попасть только изъ Гаммерфеста. Изъ Россіи туда пока сообщеній нѣтъ.

20-го іюня.

Наконецъ, сегодня съ утра задымился пароходъ „Соловецкій". Его приготовляютъ и убираютъ. Значитъ, готовятся къ отплытію. Можетъ-быть, онъ, дѣйствительно, пойдетъ сегодня, какъ намъ обѣщали монахи — смотрители подворья. Въ 3 часа дня назначенъ отъѣздъ. Говорятъ, однако, что этимъ обѣщаніямъ довѣрять нельзя.

Погода захолодала и насупилась. На огромномъ корпусѣ морского вѣдомства выкинутъ черный флагъ, предсказывающій бурную погоду на морѣ. Пассажиры съ тревогою посматриваютъ на этотъ зловѣщій знакъ съ балкона подворья.

Тѣмъ не менѣе всѣ съ нетерпѣніемъ столпились у пароходной конторы, въ ожиданіи продажи билетовъ.

Я вошелъ въ самую контору.

Оказалось, что монастырское начальство не брезгуетъ даже принуждать пассажировъ брать билеты болѣе дорогихъ классовъ, нежели они сами того желаютъ. Я долго спорилъ и насилу настоялъ на томъ, чтобы мнѣ выдали билетъ II класса, хотя сначала и отговаривались неимѣніемъ таковыхъ билетовъ въ кассѣ. Мнѣ всячески старались навязать билетъ I класса.

Ѣхать въ III классѣ на монастырскихъ пароходахъ человѣку, самому нетребовательному, положительно, покажется отвратительно. Хотя „Соловецкій" самъ по себѣ и прекрасное судно, построенное въ Финляндіи, но запущено оно до невѣроятія. Поэтому въ тѣсный II классъ здѣсь набивается публики много и изъ той, что, при иныхъ условіяхъ, осталась бы въ III. О картинѣ же III класса, набитаго биткомъ и въ трюмѣ и на палубѣ сотнями бѣднаго, сѣраго и убогаго люда, и говорить нечего. Эта часть пассажировъ находится здѣсь вполнѣ въ положеніи перевозимаго скота, о которомъ никто нимало не заботится. Тамъ сидѣли, стояли или валялись люди, кто какъ могъ; подъ ногами пресмыкались припадочные и ползали дѣти.

Еще разъ вспомнилось мнѣ не безъ грусти объ архангельско-мурманскомъ пароходѣ. На этотъ разъ отходилъ изъ нихъ именно лучшій — „Ольга", который теперь и прошелъ мимо нашихъ глазъ въ 1 ч. дня.

Зато я теперь увидѣлъ, путешествуя на монастырскомъ суднѣ, многія мельчайшія стороны соловецкаго поломничества, которому ежегодно подвергаются десятки тысячъ русскихъ простолюдиновъ.

Нѣкоторыхъ бѣдняковъ допускаютъ къ переѣзду безплатно. Есть, вѣдь, и такіе поломники, которые доходятъ пѣшкомъ до Архангельска изъ южныхъ частей Россіи!

Наступило 3 часа дня. Нашъ пароходъ все еще стоитъ. Толпа богомольцевъ на берегу и на пароходѣ все растетъ. Повсюду грязь, убожество, суевѣріе и страданія!

Чувствуется какая-то безграничная грусть и жалость ко всему этому несчастному, горемычному отдѣлу человѣчества. Думается, глядя на малыхъ сихъ, какъ необъятна должна быть вся сумма страданія людей на земномъ шарѣ. И не видно ей конца, не видно ей исхода.

Неужели же единственнымъ утѣшеніемъ всѣмъ этимъ страждущимъ милліардамъ человѣческихъ существъ останется навсегда только лишь одно суевѣріе?

Тяжко и нехорошо на душѣ. И вся жизнь и само путешествіе кажутся печальными и безотрадными, какъ безотрадны и печальны погода и сумрачная водяная даль, которая разстилается теперь передъ глазами.

Вотъ, передъ отходомъ парохода, въ домовой церкви подворья, совершили напутственный молебенъ. Потомъ слѣдуетъ краткая молитва на самой палубѣ... И въ путь!...

Не безъ ругани и не безъ угрюмыхъ минъ нашъ капитанъ-простолюдинъ отдавалъ приказанія, когда мы отчаливали.

Командованіе его внизъ, въ машину передавалось по циферблату, которому тамъ внизу соотвѣтствовалъ такой же другой циферблатъ. Звонокъ въ этомъ приспособленіи призывалъ машинистовъ ко вниманію.

Соотвѣтственныя передвиженія стрѣлки на циферблатахъ капитанскаго мостика и въ машинномъ трюмѣ показывали: малый ходъ, впередъ, полный ходъ, назадъ и т. д.

Сначала пароходъ обогнулъ островокъ Моисеевъ, потомъ вошелъ въ рукавъ Сѣверной Двины — Маймаксу, и сталъ тихо пробираться между плотами и судами, которыя тутъ снуютъ по фарватеру. По берегамъ потянулись безъ конца многочисленныя лѣсопильни. У ихъ пристаней стояли и грузились безчисленныя суда, они собрались сюда положительно со всего свѣта. Тутъ были и нѣмецкіе, и итальянскіе, и англійскіе, и, кажется, даже испанскіе пароходы, грузившіе лѣсъ, уже распиленный и обдѣланный на доски или на бруски.

Много-много этого лѣса развозится отсюда по всему свѣту.

Но вотъ рѣка понемногу какъ будто бы очищается отъ построекъ и пристаней. Пошли берега и острова, съ лугами, болотами, тальниками и лѣсами.

Всѣ эти мѣста, какъ говорятъ, сущее эльдорадо скотоводства и охоты. Сѣна и дичи тутъ дѣвать некуда!

Наконецъ, Сѣверная Двина расширяется и развертывается въ огромную водяную равнину. Это нето ея устье, нето уже море. Здѣсь фарватеръ обозначается уже черными и красными маяками. Вотъ маякъ Мульюнскій. Вотъ Сѣверо-Двинскій маякъ, или простое судно на якорѣ. А вотъ еще маякъ — Жижгинскій.

Равнина водъ все расширяется и раздается передъ нами. На горизонтѣ она уже давно слилась съ небомъ. Тамъ уже настоящее море, съ его раздольемъ. Начинается маленькая качка. Бѣлое море выглядитъ угрюмой, печальной водяной пустыней тамъ, на горизонтѣ. Небо надъ нимъ еще печальнѣе, еще утрюмѣе.

Во II классѣ публика довольно пестрая. Мужчины начинаютъ уступать дамамъ свои койки, такъ какъ изъ послѣднихъ кое-кого уже укачало. Между тѣмъ здѣсь коекъ не хватаетъ на всѣхъ многочисленныхъ пассажировъ. Многимъ приходится поневолѣ располагаться на ночь на полу.

Въ III классѣ происходитъ невообразимая давка. Тамъ распростерто еще болѣе народа, подъ вліяніемъ качки. Этихъ слабыхъ, убогихъ и тощихъ сухопутныхъ пассажировъ море особенно легко укачивало. По палубѣ текутъ между лежащими отвратительные ручьи всевозможныхъ человѣческихъ изверженій. О самихъ клозетахъ и говорить нечего. Туда безъ ужаса и омерзѣнія невозможно даже и заглянуть. Еще хорошо, что ихъ по временамъ обдаютъ внутри паромъ, проведеннымъ туда изъ котловъ. Такое энергичное средство тамъ хоть на мигъ очищаетъ. Затѣмъ невообразимая нечистота въ нихъ опять быстро нагромождается.

Среди этого ужаснѣе всего видъ несчастныхъ калѣкъ и припадочныхъ, въ особенности эпилептиковъ, которые ползаютъ или корчатся подъ ногами, среди тѣсноты и ужасныхъ изверженій.

Когда я глядѣлъ на такія нечеловѣческія и непоправимыя страданія этихъ послѣднихъ, то на умъ неизбѣжно приходила мысль, что для такихъ лучшимъ исходомъ было бы паденіе за бортъ и успокоеніе въ вѣчныхъ морскихъ волнахъ.

Бѣдное, бѣдное человѣческое стадо существъ обездоленныхъ, иногда, можетъ-быть, и злодѣевъ и виноватыхъ, но чаще всего невинныхъ страдальцевъ, жаждущихъ и чающихъ найти исцѣленіе, милосердіе и прощеніе хоть тамъ, на чудесныхъ, священныхъ, таинственныхъ и далекихъ островахъ! Для малыхъ сихъ и эта вѣра все же облегченіе. Какъ у нихъ отнять еще и ее — это послѣднее въ жизни?

Страшно, страшно за это бѣдное, изстрадавшееся человѣчество...

У меня на умѣ вертѣлось чудное стихотвореніе „Desespoir" Lamartin'a.

Ночью порядкомъ покачало.

Какъ я уже сказалъ, капитанъ парохода былъ угрюмый мореплаватель (изъ поморовъ). Тутъ былъ еще на пароходѣ экономъ. Это былъ человѣкъ въ монастырской скуфьѣ. Субъектъ этотъ пристально и подозрительно вглядывался въ каждаго пассажира, точно разыскивалъ какихъ-нибудь мошенниковъ среди нихъ.

Прислуга на пароходѣ была тоже въ монашескихъ шапкахъ и кафтанахъ. Послѣднюю публика одолѣвала самоварами, такъ что одинъ изъ слугъ, мальчикъ, началъ даже говорить пассажирамъ дерзости. Впрочемъ, это былъ еще совершенный новичокъ изъ деревни, каковыхъ на службу монастырю отдаютъ часто крестьяне, по обѣту или изъ бѣдности.

Ночь провели неудобно и безпокойно. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали утра, т.-е. прибытія и освобожденія отъ парохода.

Пока позволю себѣ привести нѣсколько элементарнѣйшихъ свѣдѣній о Бѣломъ морѣ. Такія отступленія — неизбѣжное зло при описаніи всякаго путешествія.

Бѣлое море собственно — огромный заливъ Ледовитаго океана. Окружено оно лѣсистыми и безлюдными берегами. Называются они такъ: берегъ по Канинскому полуострову зовется Канинскій берегъ, отъ р. Мезени до Сѣверной Двины идетъ Зимній берегъ, отъ Сѣверной Двины до р. Онеги — Лѣтній берегъ, отъ Онеги до рѣки Кеми — Поморскій берегъ, далѣе до р. Кандалакши — Корельскій берегъ, отъ р. Варзухи до мыса Святого Носа — Терскій берегъ.

Границею Бѣлаго моря и океана считается прямая линія со Святого Носа на Канинъ Носъ.

Вода въ южныхъ частяхъ Бѣлаго моря, благодаря большимъ рѣкамъ, изливающимся въ него, образующимъ огромныя устья или заливы, довольно мутна. Чѣмъ дальше же на сѣверъ, тѣмъ она прозрачнѣе и чище. У Святого Носа, напримѣръ, т.-е. на границѣ уже съ океаномъ, она синевата и прозрачна въ глубь футовъ на 35.

Соленость ея весьма значительна.

Приливы и отливы, благодаря близости того же океана, громадны и стремительны. У Трехъ Острововъ, напримѣръ, высота уровня воды во время приливо-отливовъ достигаетъ 20 слишкомъ футовъ. Благодаря такимъ сильнымъ и бурнымъ колебаніямъ уровня, теченія въ Бѣлое море чрезвычайно сильны. У мыса Орлова таковое достигаетъ, напримѣръ, $4^1/_2$ узловъ въ часъ (прибл. около 6—7 верстъ).

Бѣлое море сплошь не замерзаетъ, и по немъ поддерживается, хотя и скудно, сообщеніе почти круглый годъ. Вокругъ острововъ, въ особенности Соловецкихъ, скопляются зимою огромныя массы льда, которыя временами прекращаютъ туда доступъ.

Бѣлое море чрезвычайно важно для насъ, не только какъ сообщеніе съ заморскими странами, но и само по себѣ, какъ мѣсто процвѣтанія многихъ значительныхъ промысловъ. Берега его представляютъ богатѣйшій запасъ лѣсной торговли, а воды его — неизсякаемую сокровищницу рыбнаго и звѣринаго промысловъ.

Здѣсь добывается громадное количество трески (Gadus morrhua), наваги (G. navaga), сайды (G. saida), сельди (Clupea harengus), камбалы (Pleuronectus flessa), корюшки (Osmerus eperlanus), семги (Salmo salar), кумжи (S. trutta), зубчатки (Anarrhichas lupus), палтуса, сортъ камбалы (Rhombus oculealus) и мн. другихъ.

Изъ птицъ замѣчательны многія породы чаекъ (Lari...), чистикъ (Alca torda), свистунъ или кайра (Uria Grylle) и драгоцѣнная „гавка“ или гага (Somateria molissima), которую здѣсь бабы бьютъ на гнѣздахъ, ради ихъ вкусныхъ мяса и яицъ и ради ихъ цѣннаго пуха.

Не правда ли, страшное вандальство, напоминающее владѣльца курицы съ золотыми яицами?

Въ Норвегіи эту цѣнную птицу свято оберегаютъ, и пользуются ея пухомъ только изъ гнѣздъ, когда гага уже выведетъ своихъ птенцовъ. Поэтому цѣнная птица эта въ Норвегіи и ручна и многочисленна. У насъ же она быстро убавляется въ числѣ.

Изъ морскихъ звѣрей въ Бѣломъ морѣ водится много тюленей, нѣсколькихъ видовъ: (Phoca annelatta, vitulina, barbata, graenlandica и т. п.). Водится также нѣсколько видовъ дельфиновъ или китообразныхъ, именно бѣлуха (Delphinopterus leuca), бѣлое какъ снѣгъ животное, и хищная касатка. Касатка (Orca gladiator) водится собственно въ Ледовитомъ океанѣ, гдѣ нападаетъ не только на дельфиновъ, тюленей и т. п., но даже и на китовъ, собираясь для этого въ стаи.

Всѣ вышепоименованные морскіе звѣри составляютъ предметы промысла береговыхъ жителей.

Начало судоходства или, точнѣе, торговли Бѣлаго моря съ Европою относятъ къ 1553 году, когда одинъ англійскій корабль былъ занесенъ бурею въ устья Сѣверной Двины.

Тутъ же позволю себѣ привести нѣкоторыя, тоже самыя неизбѣжныя, данныя относительно Соловецкаго монастыря и принадлежащихъ ему острововъ.

Соловецкіе острова составляютъ цѣлый небольшой архипелагъ. Самый большой изъ нихъ Соловецкій островъ. На сѣверо-востокъ отъ него — островъ Анзерскій. На юго-востокъ — два острова Муксалмы. На юго-западъ — два Заяцкіе острова. Всѣ эти острова гористы и лѣсисты. На нихъ, кромѣ того, много болотъ и нѣсколько сотенъ озеръ (почти до 500). Принадлежатъ они сполна монастырю, по разнымъ дарственнымъ грамотамъ.

Основаніе монастыря на главномъ островѣ относятъ къ 1429 году. Основателями его были пр. Зосима, Савватій и Германъ. Первые двое пришли изъ Валаамскаго монастыря, а послѣдній — изъ Тотьмы. Бояринъ Θедоръ Колычевъ въ 1537 году постригся здѣсь въ монахи и нареченъ Филиппомъ.

Въ послѣдствіи онъ былъ здѣсь настоятелемъ и много способствовалъ процвѣтанію и благоустройству обители. Нѣкогда другъ дѣтства Іоанна Грознаго, потомъ московскій митрополитъ и, наконецъ, безжалостно загубленный мученикъ, онъ и мертвымъ вернулся на время сюда, пока его мощи не были, наконецъ, увезены окончательно въ Москву.

Въ Анзерскомъ скиту принялъ монашество въ 1634 г. московскій священникъ Никита, впослѣдствіи знаменитый патріархъ Никонъ.

Въ 1667 году Соловецкій монастырь не хотѣлъ принять новыхъ богослужебныхъ книгъ, исправленныхъ при Никонѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, и подвергся за это осадѣ или „Соловецкому сидѣнію“.

Петръ Великій три раза посѣтилъ знаменитый монастырь.

Въ 1854 году монастырь выдержалъ бомбардировку англійскихъ кораблей, по случаю Крымской войны.

Императоръ Александръ II тоже былъ тамъ одинъ разъ.

Сколько важныхъ историческихъ личностей, явно или тайно, были сосланы либо заточены въ Соловецкій монастырь, о томъ лишь знаютъ его стѣны однѣ.

Кажется, ни одна обитель монашества, ни Аѳонъ, ни Троицко-Сергіевская, ни даже Кіевская не могутъ сравниться, по важности и чтимости въ народѣ, съ Соловецкою.

ГЛАВА III.

Соловецкіе острова.

Прибытіе въ Соловки.—Гавань благополучія.—Размѣщеніе публики и гостиница.—Чайки. — Купанье. — Святыя ворота. — Главный храмъ. — Икона раненая. — Колокольня „Царская“. — Живопись. — Церковь Троицкая. — Сѣнь пр. Зосимы и Савватія. — Схимникъ. — Пѣніе. — Библіотека. — Церковь пр. Германа. — Ризница. — Пекарня. — Святое озеро. — Докъ. — Гостиница „Архангельская“. — Ограда. — Оружейная палата. — Крѣпость. — Тюрьма. — Мастерскія. — Имущество и хозяйство. — Трапеза. — Поѣздка по окрестностямъ. — Звѣриные промыслы. — Анзерскій скитъ. — Голгоѳо-Распятскій скитъ. — Животныя и люди. — Вологожанки и педагоги. — Голуби, ворóны и вóроны. — Сѣкирная гора. — Савватіева пустынь. — Грѣшникъ. — Вознесенскій скитъ. — Біологическая станція. — Муксалма. — Сувениры. — Кое-какія подробности. — Малый. — Живоносный источникъ. — Митрополитъ Филиппъ. — Пароходъ „Михаилъ“. — Передъ отъѣздомъ изъ Соловковъ. — Опять на пароходѣ „Соловецкомъ“. — Возвращеніе въ Архангельскъ.

21-го іюня (воскресенье).

Утро было туманное и холодное. На палубу я вышелъ только въ 6 часовъ. За туманомъ нельзя было замѣтить перваго, появляющагося передъ глазами ѣдущихъ отъ Архангельска, острова, именно, Анзерскаго. Можно было только различить Заяцкіе острова, мимо которыхъ идетъ пароходъ, уже окончательно подъѣзжая къ главному Соловецкому острову. „Заяцкими“ зовутся они по имени одной породы тюленей, которыхъ промышленники называютъ „морскимъ зайцемъ“.

Но вотъ показался изъ тумана и самый большой островъ Соловецкій (25 верстъ длины и 16 — ширины). На немъ, у самаго берега виднѣются купола и храмы, обнесенные крѣпостною стѣною. Солнце, всходя изъ-за монастырскихъ стѣнъ, освѣщало мутную утреннюю картину и быстро разгоняло ночной туманъ. И картина эта вырисовывалась все отчетливѣе передъ нашими глазами. Виднѣлся передъ нами все яснѣе и яснѣе знаменитый островъ, о которомъ слышишь столько разсказовъ въ народѣ, и куда нерѣдко обращается мысль и фантазія вообще русскаго человѣка.

Вотъ стали явственно видны контуры всей обители, съ ея бѣлыми колокольнями, подъ зелеными куполами, и съ ея сѣрою крѣпостною стѣною вокругъ.

Вотъ видны у берега и разныя другія постройки.

Это — гостиницы, сараи, погреба и зоологическая станція. Вотъ, наконецъ, раскрылась передъ нами и сама тихая пристань, облицованная камнемъ, или „гавань Благополучія“, какъ она здѣсь называется.

Пароходъ останавливается у самой главной монастырской гостиницы, Спасо-Преображенской, каменный бѣлый корпусъ которой на-

ходится на лѣвой сторонѣ гавани, при входѣ съ моря. Это здѣсь лучшая гостиница, предназначенная для самой чистой публики. Такъ какъ въ нее толпилась и *не самая чистая публика*, то пріѣзжихъ у входа сортировали монахи по наружному виду, задерживая для этого ихъ безъ стѣсненія у запертыхъ дверей.

Бѣдная, сѣрая публика, большею частію еще отъ пристани, была уведена въ двѣ другія, второстепенныя гостиницы, изъ которыхъ одна виднѣлась на противоположномъ берегу гавани.

Вотъ, наконецъ, и насъ, т.-е. лучше одѣтыхъ, стали осматривать и разсортировывать монахи. Изъ этой толпы, стоявшей въ нетерпѣливомъ ожиданіи у дверей запертой Спасо-Преображенской гостиницы, отобрали опять овецъ отъ козлищъ, изъ которыхъ послѣднихъ повели еще въ другую, болѣе скромную обитель, по сорту 2-й номеръ. Послѣ этого насъ, наконецъ, впустили въ прекрасное, свѣтлое, просторное зданіе сорта 1-го.

Мнѣ съ двумя педагогами дали хорошій *номеръ*, окнами на гавань и на монастырь. Хотѣли было къ намъ втиснуть еще четвертаго жильца, но намъ удалось отъ него отдѣлаться. „A la guerre — comme à la guerre“.

Въ нашемъ номерѣ было четыре кровати или, скорѣе, дивана, съ грубыми холщовыми простынями и наволоками на подушкахъ. Все это выглядѣло довольно грязно и неизящно. Но что же было дѣлать? Зато монастырь содержитъ и кормитъ каждаго прибывшаго богомольца въ продолженіе трехъ сутокъ, ожидая лишь за это добровольное съ его стороны приношеніе въ кружку.

Всѣ, конечно, принялись тотчасъ же за самовары. Мы, разумѣется, также. У всѣхъ пріѣзжихъ была припасена съ собою всякая, преимущественно, рыбная закуска. У насъ тоже. По большей части даже за чаемъ всѣ здѣсь ѣдятъ семгу, стараясь ею налакомиться на будущее время. Впрочемъ, у меня съ собою былъ и сыръ, еще изъ Вологды. И тутъ я убѣдился, что это самая прочная и выгодная закуска въ дальней дорогѣ.

Объѣдки мы кидали въ окна чайкамъ, тысячи которыхъ уже встрѣчали насъ еще задолго до нашего въѣзда въ пристань. Здѣсь же, въ монастырѣ, онѣ ходили подъ окнами гостиницы, еле уступая дорогу прохожимъ. Жадно хватали онѣ объѣдки, даже кожу и кости отъ соленой рыбы, и уносили все это дѣтенышамъ, которые лежали поодиночкѣ, или партіями на травѣ, тутъ и тамъ. Соловецкія чайки — это самый обыкновенный сортъ морскихъ крупныхъ чаекъ (Larus argentatus), бѣлыхъ съ сѣро-пепельной спиной. Ихъ здѣсь такая масса,

что крикъ и пометъ ихъ достаточно надоѣдаютъ. Птицы эти не только не боятся людей, но еще вступаютъ съ ними въ драку изъ-за дѣтенышей.

Еще передъ чаемъ я отыскалъ мѣста для купанья, и потащилъ въ воду съ собою обоихъ педагоговъ.

Не знаю, купались ли остальные пассажиры въ Святомъ озерѣ, за монастыремъ, какъ это тутъ принято. Мы съ педагогами выкупались въ прекрасной, чистой, соленой и холодной морской водѣ, въ одномъ близлежащемъ тихомъ заливчикѣ. Температура въ водѣ была 9° R., а въ воздухѣ 21° R. въ 8 часовъ утра.

Послѣ чая мы поспѣшили вонъ изъ гостиницы, для того чтобы начать поскорѣе осмотръ выдающихся пунктовъ Соловецкихъ острововъ.

Не буду пространно описывать столько разъ описаннаго подробно знаменитаго Соловецкаго монастыря и его острововъ. Скажу лишь вкратцѣ о главномъ, что здѣсь мнѣ наиболѣе бросилось въ глаза.

Черезъ „Святыя Ворота“ крѣпостной стѣны, богомольцы входятъ въ монастырскій дворъ. Здѣсь, у воротъ находятся лавки съ продажею образовъ и др. предметовъ воспоминаній. Тутъ же продаются и изображенія Соловковъ, но довольно плохія и дорогія. Въ „святыхъ воротахъ“ подвѣшены модели тѣхъ двухъ кораблей, на которыхъ сюда пріѣзжалъ Петръ I.

Въ монастырскомъ дворѣ чаекъ еще больше, нежели за оградой. Тутъ онѣ со своими, уже крупными но еще не летающими птенцами, похожими цвѣтомъ и видомъ на стрепетовъ, положительно кишатъ подъ ногами.

Главный храмъ или соборъ называется Преображенскій. Надъ западнымъ входомъ его находится образъ Знаменія Божіей Матери. Ее зовутъ „раненою“, такъ какъ она пробита англійскою гранатою.

Тутъ у дорожки сложена цѣлая пирамида изъ непріятельскихъ гранатъ. Надъ этою пирамидою выстроена маленькая колокольня „царская“, съ небольшимъ колоколомъ, подареннымъ обители императоромъ Александромъ II. Надпись надъ ядрами гласитъ о чудесномъ избавленіи обители отъ „агарянъ“, съ прибавленіемъ, что бомбардировкою не были ранены ни люди, ни животныя, ни даже птицы и т. п. О бомбардировкѣ этой можно узнать кое-что и отъ уцѣлѣвшихъ здѣсь еще очевидцевъ.

Въ верхнюю, главную часть собора ведутъ лѣстницы и коридоры, сплошь расписанные примитивной живописью, самаго мистическаго и грубаго характера. Тутъ адъ, огонь, цѣпи, черти, черти и черти безъ числа, и во всѣхъ видахъ. Помню — одинъ даже изображенъ въ видѣ

неуклюжей барышни, въ розовомъ платьѣ и въ соломенной шляпкѣ, стрѣляющимъ изъ лука въ сердце какого-то мужчины. Вообще живопись тутъ донельзя наивна и неуклюжа. Передъ подобными изображеніями, даже на лицахъ крестьянъ я подмѣтилъ улыбку.

Главный храмъ или соборъ великъ, съ иконостасомъ въ нѣсколько ярусовъ (какіе вообще бываютъ въ старинныхъ русскихъ храмахъ). Смежная церковь — Троицкая, пристроена вплотную къ собору. Она содержитъ въ себѣ роскошную „сѣнь“ или нишу, съ богатыми серебряными, вызолоченными раками пр. Зосима и Савватія. Тутъ горитъ масса разноцвѣтныхъ лампадъ. Надъ раками находится тройной образъ Іисуса, Іоанна Богослова и Божіей Матери, называемый „Деисусомъ“. На наши коварныя просьбы, пояснить намъ смыслъ подобнаго наименованія, монахи намъ ничего сказать не сумѣли.

Около ракъ, на особомъ отгороженномъ мѣстечкѣ слушаетъ службу изможденный и, повидимому, уже притупившійся ко всему окружающему схимникъ. Одежда его вся испещрена крестами и др. священными изображеніями.

Сюда ясно доносится изъ соборнаго храма, отдѣленнаго отъ церкви съ раками лишь одною дверью, некрасивое, грубое и даже довольно фальшивое пѣніе монастырскаго хора.

Это ужасное пѣніе поражаетъ и, даже, оскорбляетъ слухъ непривычнаго. Никакъ не разсчитываешь его встрѣтить здѣсь такимъ несовершеннымъ, въ то время какъ наше русское церковное пѣніе столь прекрасно, столь своеобразно и имѣетъ такой богатѣйшій выборъ чудныхъ произведеній. Оказывается, что подобное плохое пѣніе даже умышленно поддерживается въ Соловецкомъ, самомъ нашемъ простонародномъ, по преимуществу даже крестьянскомъ монастырѣ. Монаху, де, не прилично стремиться къ искусному и красивому пѣнію. Это, де, не согласно съ суровостью и простотою требованій монашескаго отреченія.

Библіотека здѣшняя бѣдна и почти раздана вся. Она передана главнымъ образомъ въ Казанскую духовную академію. Осталось здѣсь лишь около 4000 рукописныхъ и старопечатныхъ книгъ.

И эти драгоцѣнности здѣсь оказались ненужными: не къ лицу онѣ малограмотнымъ здѣшнимъ монахамъ, отъ которыхъ тутъ требуется только грубый физическій трудъ да безпрекословное послушаніе.

Подъ Троицкою церковью помѣщается церковь пр. Германа. Тамъ находятся и мощи, подъ спудомъ, этого святого, который былъ сотрудникомъ Зосимы и Савватія. Коридорами, размалеванными повсюду все тою же примитивною живописью, во вкусѣ Апокалипсиса,

проходятъ въ ризницу и въ библіотеку, о которой я только-что говорилъ.

Въ ризницѣ не мало драгоцѣнностей и историческихъ предметовъ. Между прочимъ, тутъ находятся и вериги, которыми себя истязали разные мѣстные праведники. Эти вериги охотно на себя надѣваютъ, хотя бы только на одинъ мигъ, богомольцы изъ народа, пока они осматриваютъ ризницу.

Отсюда недалеко коридорами и до огромной общей трапезной, гдѣ будемъ обѣдать, по окончаніи обѣдни.

Внизу, подъ главными корпусами, находится хлѣбопекарня. Въ ней показываютъ камень, служившій нѣкогда изголовьемъ св. Филиппу, который здѣсь когда-то и самъ трудился за хлѣбами. Тутъ находится образъ „Запечной Божіей Матери", явившійся ему во время его послушанія въ этой пекарнѣ.

Наружи, у стѣны собора находятся, подъ особыми плитами, двѣ скромныя и незамѣтныя могилы. Одна изъ нихъ содержитъ останки дѣятеля междуцарствія — Авраама Палицына. Онъ былъ инокомъ Троицко-Сергіевской лавры и сподвижникомъ Минина и Пожарскаго. Другая плита лежитъ надъ послѣднимъ запорожскимъ атаманомъ Кольнишевскимъ, сосланнымъ сюда въ 1776 году за непокорность.

За оградою монастыря находится уже упомянутое „Святое Озеро", упирающееся въ лѣсъ, покрывающій вообще почти весь этотъ и другіе острова. Вода въ озерѣ темна (говорятъ, желѣзистая) и не привлекательна вообще. Послѣднее станетъ весьма понятнымъ, если вспомнить, что въ находящихся тутъ купальняхъ омываются тѣлеса милліоновъ богомольцевъ; кромѣ того, тутъ же моютъ и провизію и бѣлье. Представьте же себѣ, что вода изъ этого-то озера проведена и въ кухню, и въ пекарню, и повсюду въ жилье.

На берегу этого же Св. Озера находится и монастырскій лѣсопильный заводъ.

Переходя на другой берегъ залива, или гавани Благополучія, минуешь сухой докъ, единственный тогда не только на всемъ Бѣломорскомъ, но и Мурманскомъ побережьи. Тогда было такъ, да и теперь, кажется, то же. На той сторонѣ гавани находится старая деревянная гостиница „Архангельская", прострѣленная англійскими ядрами. Тамъ же находится біологическая станція.

Что касается монастырской ограды, то это настоящая крѣпостная стѣна, окружающая монастырь, — длиною въ версту и шириною въ нѣсколько саженъ. Тутъ, говорятъ, проходили монахи крестнымъ ходомъ, во время англійской бомбардировки. Воспоминаніемъ этого со-

бытія служитъ образъ, находящійся около стѣнной пробоины, и само ядро, пробившее ее, т.-е. стѣну. Тутъ, на широкой монастырской стѣнѣ, устроена и мѣстная Оружейная палата, — это цѣлая храмина съ разнымъ стариннымъ оружіемъ, собраннымъ въ ней.

Соловецкій монастырь прежде былъ, до извѣстной степени, и крѣпостью. Въ немъ когда-то была и артиллерія, и даже стрѣльцы. Сами же настоятели обители считались прежде и комендантами крѣпости Соловецкой.

При монастырѣ, въ его оградѣ, есть и неотъемлемая принадлежность всѣхъ крѣпостей — тюрьма. Это та страшная и знаменитая Соловецкая тюрьма, о которой ходитъ столько фантастическихъ сказаній, и гдѣ томилось столько важныхъ узниковъ.

Въ тюрьмы пускаютъ, по особому отъ настоятеля разрѣшенія. Мы удовольствовались лишь тѣмъ, что поглядѣли сквозь рѣшетки въ нижній этажъ и его казематы. Видъ этихъ страшныхъ сводовъ, камеръ и темныхъ коридоровъ былъ достаточно ужасенъ, и при такомъ осмотрѣ.

За послѣднее время тюрьмы Соловецкаго монастыря служили заточеніемъ преступникамъ противъ вѣры, какъ-то: сектантамъ, раскольникамъ, святотатамъ и т. п. Теперь онѣ считаются упраздненными.

Но каково было наше удивленіе, когда мы узнали, что теперь въ этихъ тюрьмахъ содержатъ какихъ-то двухъ несчастныхъ, сумасшедшихъ монаховъ, за то только, что они мнятъ себя высшими духовными лицами, и всѣхъ благословляютъ.

Каковы порядки? Заточать въ тюрьму незлобивыхъ сумасшедшихъ!

Остается добавить, что у монастыря есть разныя мастерскія, необходимыя для его хозяйства: портная, сапожная, швальня, столярная, купорная, сѣтивязальная и рухлядная — родъ кладовой съ платьемъ и обувью для монаховъ и съ предметами костюма и путешествія для пріѣзжихъ. Тутъ можно купить и чемоданы, и сапоги, и портсигары, и бумажники. Послѣднее все дѣлается изъ тюленьей кожи.

Продаваемое здѣсь однако не дешево. Впрочемъ, мнѣ починили чемоданъ и выстирали бѣлье, назначивъ за то и другое „что я благословлю дать", какъ мнѣ скромно сказали принесшіе эти мои вещи монахи.

Въ Соловецкомъ монастырѣ монаховъ человѣкъ 200. Кромѣ того, разныхъ послушниковъ и добровольныхъ работниковъ, по обѣщанію, изъ религіозныхъ убѣжденій, человѣкъ съ 1000. За лѣто перебываетъ тамъ тысячъ до пятнадцати богомольцевъ.

Цѣнность монастырскаго имущества исчисляется нѣсколькими милліонами. Ежегодный доходъ монастыря составляетъ тысячъ двѣсти рублей.

При монастырѣ есть школа грамотности, школа живописи, иконная и позолотная школы, или мастерскія. Есть мукомольный заводъ, лѣсопильня, какъ говорено, и т. д.

Послѣ обѣдни, когда окончаніе ея возвѣстилъ трезвонъ, мы поспѣшили въ трапезную, куда уже направлялись монахи и молящіеся. Мы порядкомъ проголодались. Да и любопытство было возбуждено разсказами и описаніями монастырской ѣды. Особенно интересовались ею мои спутники, педагоги, которые откуда-то наслышались о ней много хорошаго.

Вообще оба эти молодые человѣка, выкупавшись, хотя и почти насильно, со мною въ холодномъ морѣ, почувствовали какое-то радостное настроеніе. Они всему теперь радовались и собирались даже пожить при монастырѣ, какъ на дачѣ и ради морского купанья, недѣли двѣ. Подобное пребываніе здѣсь пріѣзжихъ допускается иногда, съ особаго разрѣшенія настоятеля.

Для моихъ обоихъ вышеупомянутыхъ спутниковъ оставался только неразрѣшеннымъ одинъ вопросъ — это именно вопросъ о доброкачественности монастырской ѣды.

Наконецъ, мы вошли въ довольно уже многолюдную трапезную. Монахи и богомольцы стояли тутъ толпами у своихъ столовъ. Всѣ ожидали прихода настоятеля.

Огромная трапезная со сводами вся разрисована духовною живописью евангельскаго, апокалиптическаго и церковно-историческаго содержанія. Посрединѣ трапезной находится громадной толщины колонна, которая поддерживаетъ своды этого помѣщенія. У этой-то колонны мы трое и заняли мѣста, за однимъ изъ нѣсколькихъ длинныхъ столовъ. Столовъ было еще много тамъ и, какъ мы замѣтили, съ разной сервировкой. Она была кое-гдѣ получше и почище, а кой-гдѣ и похуже и погрязнѣе.

Пришелъ настоятель. Облекли его въ особое одѣянье. Помолились. Сѣли за столы. Настоятель помѣстился со старшими монахами за особый, остальные монахи сѣли за отдѣльные отъ богомольцевъ столы. Одинъ монахъ взошелъ на возвышенный аналой и принялся читать Житіе Святыхъ.

Столы, какъ уже говорено, были накрыты различно, въ смыслѣ чистоты и парадности. Сообразно наружному виду, богомольцевъ сортировали тутъ нѣсколько монаховъ и разсаживали по „лицезрѣнію“ за разную сервировку.

Мы трое выбрали себѣ столъ средней парадности. Убранство нашего стола состояло изъ грубой скатерти и изъ длинныхъ и довольно нечистыхъ полотнищъ холста, служившихъ для утиранія губъ, и разложенныхъ пока прямо поверхъ приборовъ. Подъ этими холстами находились оловянныя тарелки, простые ножи, вилки и алюминіевыя ложки. На каждые четыре прибора была поставлена ендова, съ довольно невкуснымъ квасомъ. Оказывается, что и квасъ, сообразно разряду столовъ, подаютъ здѣсь разнаго достоинства, какъ и самую ѣду. Даже пшеничный хлѣбъ подается не на всѣ столы, вдобавку къ ржаному хлѣбу.

Особенно ужаснуло меня то, что ѣду подаютъ здѣсь въ общихъ чашахъ, въ которыя всѣ залѣзаютъ своими ложками, т.-е. ѣдятъ изъ нихъ сообща, какъ это дѣлается у нашихъ крестьянъ. По этому случаю я всякій разъ торопился захватить себѣ на тарелку порцію кушанья, еще непочатаго. А такъ какъ тарелка была у каждаго изъ насъ всего только одна для всей трапезы, то подъ конецъ на ней получилось такая mêlée parfaite, что только химическимъ анализомъ можно было бы угадать послѣ обѣда, что на этихъ тарелкахъ перебывало. Квасъ тоже всѣ хлебали изъ общей ендовы, каждый своей ложкой.

Такія неприглядныя условія ѣды въ монастырской трапезной тяжелы для мало-мальски культурнаго человѣка. Впрочемъ избраннымъ, какъ я уже говорилъ, подаютъ и чище и лучше. Я видѣлъ, какъ одному генералу лѣсного вѣдомства подали и чистую салфетку, и стеклянный стаканъ, и т. п. Сама ѣда, несмотря на постное время, была весьма не дурна. Меню обѣда того дня было слѣдующее: 1) соленыя сельди, 2) ботвинья съ рыбой, которую себѣ каждый самъ приготовлялъ тутъ изъ общей ендовы и изъ поданныхъ къ столу ея составныхъ частей, 3) похлебка изъ свѣжей сельди, 4) пшенная каша съ постнымъ масломъ.

Отъ времени до времени, по звонку врывается въ трапезную толпа мальчишекъ, которые, громко стуча сапогами, разносятъ кушанья по столамъ. Сѣренькая публика большею частью сама ходитъ въ кухню за ѣдою.

Вас. Немировичъ-Данченко говоритъ въ своемъ описаніи „Соловковъ“, что будто бы мальчики въ локонахъ, хорошенькіе какъ дѣвочки, разносятъ кушанья по трапезной. Мы же видѣли только грязныхъ, нечесанныхъ, некрасивыхъ, тупыхъ на видъ и убого одѣтыхъ мальчишекъ въ трапезной, и вообще повсюду въ монастырѣ, гдѣ эстетика и чистота, повидимому, находится вообще въ загонѣ. Особенно непріятно было видѣть, когда по окончаніи нашей ѣды, эти мальчики бросились убирать со стола, и начали класть тайкомъ въ необъятные свои

карманы куски и крошки недоѣденнаго или вообще уцѣлѣвшаго хлѣба. Повидимому предметъ особаго вожделѣнія представлялъ для нихъ бѣлый хлѣбъ. Между тѣмъ шла торжественная послѣобѣденная молитва.

Глядя на такую краснорѣчивую процедуру, невольно приходитъ на умъ, что жизнь въ Соловецкой обители не должна быть очень сытной для ея обитателей.

Послѣ обѣда, который привелъ моихъ молодыхъ путниковъ въ недоумѣніе, хотя они преблагополучно кушали даже изъ общихъ чашъ, мы пошли къ запряженнымъ линейкамъ, которыя развозятъ путешественниковъ по скитамъ, пустынямъ и другимъ здѣшнимъ достойнымъ вниманія мѣстамъ.

Мы рѣшили начать осмотръ съ самыхъ дальнихъ окрестностей. Поэтому избрали на этотъ разъ линейку, отправлявшуюся къ Анзерскому острову.

Дороги по островамъ вездѣ чудесныя. Проложены онѣ по каменистымъ холмамъ, поросшимъ лѣсами. Въ котловинахъ и долинахъ множество озеръ, тундръ и вообще болотъ. Не мало здѣсь прекрасныхъ покосовъ по луговинамъ.

По дорогамъ кой-гдѣ попадаются каменныя церкви-часовни, обыкновенно знаменующія собою какія-нибудь событія изъ мѣстнаго прошлаго. Линейка проѣзжаетъ 15 верстъ до противоположнаго берега главнаго острова, гдѣ находится поселеніе, или становище Реболда. Тутъ живутъ монахи и „рабочіе", ради ловли тюленей, бѣлухъ и т. п. Они же перевозятъ на баркасахъ черезъ 5-верстный проливъ, или „Салму", на Анзерскій островъ.

День былъ жаркій, и мнѣ стало очень тепло, даже въ моей чечунчовой парѣ.

Въ проливѣ, однако, дулъ сильный и свѣжій вѣтеръ.

Изъ голубоватой, чистой и холодной воды высовывались кроткіе, миловидные тюлени, съ головами мокрой собаки. Вдали показывались бѣлые дельфины или бѣлухи.

Перевозчики Реболды разсказывали намъ кое-что о ловлѣ морскихъ звѣрей, т.-е. бѣлухъ, тюленей и пр. Все это звѣрье здѣсь ловится рыболовными сѣтями. „Тюлень", говорили они, „простъ и попадается въ невода легко". „Попадется, и затомится въ сѣтяхъ (это значитъ захлебнется, отъ невозможности вздохнуть воздухомъ). А который еще живъ, того стукнешь по головѣ палкой. Онъ и готовъ. Слабы они на это".

Я не позавидовалъ такой охотѣ на миловиднаго, кроткаго и смирнаго звѣрька.

Бѣлухи здѣсь рѣже встрѣчаются и еще рѣже попадаются. Перевозчики-промышленники при переѣздѣ и указали намъ въ проливѣ этихъ животныхъ. Ихъ сначала трудно было не смѣшать съ морской пѣной. Они лѣниво и медленно выныривали спинами, вѣроятно, прихватывая воздуха для дыханья и грѣясь на солнцѣ. По временамъ какая-нибудь изъ бѣлухъ выставляла изъ воды весь свой китообразный, горизонтально расположенный хвостъ. Тогда наши перевозчики увѣряли, что она пошла вглубь, и уже больше не покажется. Они говорили, что такая же повадка и у китовъ.

На той сторонѣ, т.-е. уже приставши къ Анзерскому острову, мы прошли 2 версты пѣшкомъ, оставшіяся намъ до самаго Анзерскаго скита. Извѣстенъ этотъ скитъ тѣмъ, что здѣсь принялъ монашество московскій священникъ Никита, будущій патріархъ Никонъ. Находятся тутъ и мощи подъ спудомъ, пр. Елеазара, основателя этого скита. Скитъ собою ничего особеннаго не представляетъ. Это церковь, вокругъ которой находятся жилища монаховъ и хозяйственныя постройки. Словомъ, это цѣлый маленькій монастырь. Таковы приблизительно здѣсь и остальные скиты, иногда называемые пустынями.

Отсюда мы поѣхали дальше на другихъ линейкахъ, которыя заспанные монахи долго и нехотя намъ запрягали. Теперь мы направились въ Голгоѳо-Распятскій скитъ, до котораго оставалось всего 4 версты. Скитъ этотъ помѣщается на горѣ, куда восходятъ по деревянной лѣстницѣ. Съ колокольни храма открывается великолѣпный видъ на окрестность, на острова и на море. Лѣсистые холмы Анзерскаго острова, съ его долинами и озерами представляютъ прелестную панораму. Блѣдная синева моря окаймляетъ живописную картину до горизонта.

Въ Голгоѳо-Распятскомъ скиту ведется самый строгій образъ жизни, въ сравненіи съ остальными здѣшними скитами. Здѣсь идетъ чтеніе псалтыри день и ночь безъ перерыва. Мы застали такое чтеніе въ здѣшнемъ храмѣ. За аналоемъ стоялъ не старый и даже неизможденный монахъ. Онъ съ любопытствомъ обернулся на насъ, оторвавшись отъ своего угрюмаго занятія.

На возвратномъ пути мы, нѣсколько мужчинъ, рѣшились выкупаться на берегу Анзерскаго острова, пока къ лодкамъ подходили и подъѣзжали дамы, и остальная публика. Температура воды была такова, что мы выбѣгали изъ нея, какъ ужаленные, лишь только пробовали въ нее погрузиться. Такой нестерпимой и низкой температуры воды, во время купанья, я даже и въ Ледовитомъ океанѣ послѣ не испыталъ.

Проѣзжая по лѣсамъ, между прочимъ, мы увидѣли близъ дороги бѣлую куропатку, которую мнѣ никакъ не удавалось прогнать или

даже спугнуть. На возвратномъ пути мы видѣли лисицъ, не убѣгавшихъ отъ экипажа далѣе 10—15 шаговъ.

Какъ извѣстно, на Соловецкихъ островахъ строго запрещена ружейная охота. Зато ловля сѣтями, капканами и другими способами, практикуется свободно тамъ, какъ промыселъ. Напримѣръ, ловятъ тенетами и бьютъ на мясо (для вольнонаемныхъ рабочихъ, которыхъ тутъ очень много), даже и кроткихъ и почти ручныхъ сѣверныхъ оленей. Когда узнаешь все это, то всякая идиллія исчезаетъ, и, прославленная довѣрчивость дикихъ обитателей священныхъ острововъ, легко объясняется лишь коварными и тайными способами ихъ уничтоженія. Бѣдныя безсловесныя не догадываются, что ихъ тутъ губитъ все тотъ же страшнѣйшій и безжалостнѣйшій врагъ всего живого на землѣ — человѣкъ.

Жаль, что хоть здѣсь, въ этихъ мѣстахъ отреченія и подвижничества, не процвѣтаетъ настоящее человѣчное покровительство и охраненіе животныхъ! Это было бы такъ умѣстно, такъ прекрасно здѣсь. Между тѣмъ, теперь взаимное довѣріе дикихъ животныхъ и человѣка только обманное, показное, какое-то театральное. Оно основано лишь на лжи и поддерживается на Соловкахъ, конечно, ради воздѣйствія на невѣжественную массу богомольцевъ.

Полной охраной и неприкосновенностью здѣсь всюду пользуются лишь глупыя, докучливыя крикуньи и пачкуньи — чайки. Онѣ заселяютъ здѣсь и дворы и задворки монастыря, и скитовъ, летаютъ, кричатъ и пакостятъ даже на людей. Отъ нихъ стоитъ изрядная вонь вокругъ жилищъ.

Въ поѣздку на Анзеръ, мнѣ пришлось познакомиться съ тремя дамами изъ Вологды, знакомыми моихъ тамошнихъ родныхъ. Благодаря этому наши дальнѣйшія поѣздки по островамъ стали оживленнѣе. Я говорю „наши“, хотя мои педагоги тотчасъ же отстали отъ нашей компаніи, какъ только вологжанки въ нее вступили. Очевидно, они предпочитали другой сортъ дамъ. Впрочемъ, мѣсто педагоговъ въ нашей маленькой компаніи замѣнилъ одинъ господинъ изъ Казани. И дальнѣйшія обозрѣванія окрестностей мы уже производили впятеромъ.

Вообще настроеніе двухъ педагоговъ быстро понизилось послѣ первой трапезы въ монастырѣ, которая оказалась далеко не такою, какъ они ожидали. И проекты ихъ пожить на Соловецкихъ островахъ, ради дачнаго отдыха и купанья, разлетѣлись какъ дымъ. Они окончательно и совсѣмъ уже пріуныли, когда и монастырскіе пироги, заказываемые изъ рыбы (семги и палтуса) въ монашеской пекарнѣ, оказались далеко не паштетами и даже не кулебяками.

22-го іюня.

Сегодня ѣздили въ Савватіеву пустынь, на тѣхъ же линейкахъ. Дорога опять прекрасная. Опять всюду лѣса. Къ лошадямъ и къ людямъ пристаютъ крупные комары и овода. Послѣдніе чрезвычайно цвѣтисты и красивы здѣсь. Надъ озерами и болотами иногда пролетаютъ гаги, галары и утки. Голубей здѣсь почти нѣтъ. Нѣсколько сизарей видно въ главной Соловецкой обители. По скитамъ ихъ совсѣмъ не замѣтно. Вѣроятно, среди лѣсовъ имъ не даютъ развестись сокола и ястреба, которыхъ не мало, конечно, тамъ по горнымъ ущельямъ.

Есть ворбны, но довольно рѣдки. Говорятъ, этихъ птицъ отгоняютъ чайки, зная ихъ, какъ опасныхъ враговъ чужихъ яицъ и птенцовъ. Вброны есть тоже около монастыря. Этихъ чайкамъ прогнать не подъ силу, хотя тѣ и другіе одного роста. Вбронъ слишкомъ золъ и силенъ.

Савватіева пустынь находится въ 12 верстахъ отъ монастыря. Туда ѣдутъ мимо знаменитой Сѣкирной горы, съ длинной, многоярусной на ней деревянной лѣстницей, которая ведетъ вверхъ, къ Вознесенскому скиту. Храмъ его стоитъ на самой вершинѣ горы. Видъ этой горы и скита кажется самый характерный среди соловецкихъ видовъ. Однако, пока мы здѣсь не остановились, рѣшивъ осмотрѣть прежде Савватіеву пустынь, которая находится немного далѣе.

Савватіева пустынь основана когда-то пр. Савватіемъ и Германомъ. Здѣсь есть хорошая, большая церковь и двухъэтажный корпусъ для монаховъ.

Въ корпусахъ и кельяхъ всюду тишина. Кой-гдѣ бродятъ сонные, старые монахи, доживающіе свой вѣкъ. Молодые и сильные изъ нихъ здѣсь, повсюду работаютъ и вообще при дѣлѣ. Праздности и тунеядства на Соловецкихъ островахъ, повидимому, нѣтъ, какъ это существуетъ въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ.

Мы попросили напиться у одного дряхлаго старца, въ темномъ коридорѣ келейнаго корпуса. Онъ уныло и еле внятно указалъ на жбанъ съ квасомъ въ углу, который находился тамъ на табуреткѣ, для всеобщаго употребленія. На жбанѣ висѣлъ ковшикъ. Не многіе изъ насъ, конечно, рѣшились полакомиться этою подозрительно жижею.

Нашимъ дамамъ принесли, по приказанію ихъ знакомаго, здѣшняго священника, квасу „получше“. Но въ этомъ тепломъ и прѣсномъ напиткѣ плавала моль. Я осмѣлился лишь прикоснуться губами къ такому угощенію, чтобы только не огорчить любезнаго батюшку.

На возвратномъ пути отсюда до Сѣкирной горы (которая находится въ 2 верстахъ отъ Савватіевой пустыни), наши вологодскія спутницы сообщили намъ, что вышеупомянутый батюшка сосланъ сюда на покаяніе,

за какую-то невыясненную свѣтскую романическую исторію. Однако онъ увѣрялъ ихъ сейчасъ, что будто бы обрѣлъ здѣсь душевный миръ и успокоеніе.

А если это успокоеніе было только лишь самообманомъ? приходило невольно въ голову. Какой ужасъ быть погребеннымъ заживо въ этихъ лѣсныхъ пустыняхъ, да еще съ израненною въ мірѣ душою!

Да пошлетъ судьба, дѣйствительно, скорѣйшаго успокоенія и забвенія этому злополучному, несчастному грѣшнику, если только это возможно!

Съ колокольни Вознесенскаго скита, который ютится, какъ уже говорено, на самой вершинѣ Сѣкирной горы, открывается и развертывается обширнѣйшая и, положительно, красивѣйшая здѣшняя панорама во всѣ стороны, т.-е. на главный островъ и на остальные второстепенные острова. Отсюда видны безчисленные озера главнаго острова, свѣтящіеся въ котловинахъ между горъ, покрытыхъ хвойными и лиственными лѣсами, изъ кущъ каковыхъ виднѣются колокольни монастыря и другихъ скитовъ. На колокольнѣ Вознесенскаго скита, какъ самаго высокаго по положенію своему изъ всѣхъ Соловецкихъ скитовъ, находится маячный ламповый фонарь, который виденъ въ темныя ночи далеко на морѣ.

Надо сознаться, что всѣ эти скиты и пустыни довольно однообразны. Интересны, главнымъ образомъ, самыя дороги и поѣздки до нихъ, что, впрочемъ, тоже скоро начинаетъ казаться монотоннымъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ все это представлялось таковымъ, въ виду предстоявшаго мнѣ пути по болѣе заманчивымъ и любопытнымъ странамъ, каковы, напр., Норвегія, Швеція и Данія.

Чтобы смѣнить иногда унылыя паломническія впечатлѣнія, я ходилъ отдохнуть на зоологическую станцію.

Тамъ жили во время лѣта нѣкій молодой профессоръ и человѣкъ шесть студентовъ изъ Петербурга. Вставали они не рано, т.-е. почивали себѣ и здѣсь по-столичному. Насъ они встрѣчали дружелюбно. Показывали намъ акваріумы, драги и другія принадлежности своихъ занятій. Мы видѣли тамъ нѣсколько интересныхъ чучелъ мѣстныхъ птицъ, моллюсковъ и рыбъ.

Особенно любопытны и новы были для насъ два моллюска. Одинъ — „морская ворона“ (Limocina arctica), которую мы впрочемъ уже видѣли въ водѣ пролива, между Соловецкимъ и Анзерскимъ островами. Этотъ маленькій черноватый моллюскъ имѣетъ плавательныя лопасти, которыми онъ машетъ въ водѣ, напоминая нѣсколько крылья вороны. Другой замѣчательный моллюскъ былъ морской ангелъ (Clio borealis) —

розовое куклообразное существо, тоже съ подобіемъ крылышекъ. Оно величиною съ $1/4$ сѣмячка ясеня въ своей оболочкѣ, или вдвое больше самаго бохшаго ячменнаго зерна, т.-е. разъ въ десять больше морской вороны, которая вся приблизительно съ чечевичный листокъ, т.-е. линіи въ двѣ длины. Вышеописанный морской ангелъ чрезвычайно хищенъ и жадно пожираетъ бѣдную морскую ворону, даже здѣсь въ акваріумахъ. Обоихъ же этихъ моллюсковъ пожираютъ милліардами величайшіе гиганты земного шара — киты. Оба вышеупомянутые моллюска составляютъ даже главную пищу именно самыхъ большихъ, т.-е. „незубастыхъ китовъ“.

Я получилъ на память со станціи раковину (Cyprina).

Изъ моллюсковъ, водящихся еще въ Бѣломъ морѣ, довольна извѣстна — Littorina, мидія (Mytilus edulis) — извѣстная съѣдобная ракушка, рачки съ мягкимъ тѣломъ (Balanus), сидящіе въ витыхъ раковинахъ, раковины пѣтушки (Baccinum undatum) — съ ракомъ отшельникомъ внутри, морскіе ежи (Echinida), звѣзды (Asterida) и пр. и пр.

Изъ птицъ мы обратили особое вниманіе на чучела гаги (Somateria molissima), ѳомки-разбойника (Lestris parasiticus) — черной хищной небольшой чайки, обыкновенной чайки Соловковъ (Larus argentatus), кайры или чистика (Uria grylle) и нѣк. др.

Изъ небольшой библіотеки, находящейся на станціи, я получилъ, для просмотра, извѣстное описаніе Соловецкихъ острововъ нѣкоего Ѳедорова, который служилъ когда-то здѣсь монастырскимъ докторомъ.

Это сочиненіе написано въ весьма неблагопріятномъ для монастыря тонѣ. Въ Архангельскѣ я не могъ найти этой книги. Видно, ея туда не допускаютъ.

Вообще, вышеупомянутая біологическая или зоологическая станція, хотя и не роскошна, хотя она и не добываетъ особенно богатыхъ матеріаловъ, но тѣмъ не менѣе это все же единственный культурный пунктъ среди соловецкой, суровой и нерадостной жизни.

Ее основали здѣшній покойный настоятель Мелетій и петербургскій профессоръ Вагнеръ.

Въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, станція испытывала на себѣ разныя доказательства несочувствія. Напримѣръ, ей не позволяли вывѣшивать флагъ, какъ это практиковалось раньше, и т. п. Новый настоятель, вышедшій и самъ изъ подпасковъ, какъ разсказывали, считался хорошимъ хозяиномъ, начальникомъ-практикомъ, но не поклонникомъ науки. И недоброжелательство къ ней и къ

біологической станціи, такъ и сквозило тамъ во всѣхъ остальныхъ людяхъ [1]).

Вечеромъ того же дня удалось съѣздить на островъ Муксалму, гдѣ находится монастырскій скотный дворъ.

Интересна каменная гать, или плотина, изъ сваленныхъ вмѣстѣ морскихъ булыжниковъ (валуновъ). Она имѣетъ въ длину около версты слишкомъ и сообщаетъ островъ Муксалму съ главнымъ островомъ Соловецкаго архипелага.

На огромномъ скотномъ дворѣ острова Муксалмы, мы застали немало спящихъ монаховъ. Нѣкоторые изъ нихъ валялись прямо, среди кринокъ и ведеръ молока. Въ стойлахъ было довольно сыро. На наши замѣчанія о недостаткѣ подстилки намъ отвѣчали, что соломы нѣтъ, такъ какъ хлѣба на островахъ не сѣятъ. Мы указывали возражавшимъ на лѣсную и тундровую подстилку, которая находится вокругъ въ изобиліи.

Въ эту минуту монастырское стадо подходило съ пастбища домой. Все это были экземпляры холмогорскаго типа, т.-е. потомки голландской крови, введенной здѣсь, на сѣверѣ, еще Петромъ I.

Нѣкоторые изъ насъ попытались спросить себѣ молока. Оказалось, однако, что во время постовъ здѣсь, на островахъ, запрещено отпускать его даже пріѣзжимъ. Мы подивились, но тѣмъ не менѣе остались ни съ чѣмъ.

23-го іюня.

Ежедневно, по утрамъ купаюсь вмѣстѣ со своими педагогами въ ближайшемъ тихомъ и уютномъ заливчикѣ. Температура воды $9^1/_2$, 10, 11, и только одинъ разъ 15° R.

Ходили въ монастырскія лавки покупать разные сувениры. Образковъ и крестиковъ здѣсь много на разную цѣну, есть даже на 1 копейку. Альбомы же и отдѣльные виды Соловковъ здѣсь и дороги и непривлекательны, какъ уже было говорено мною раньше.

На мѣстныхъ тундрахъ я набралъ нѣсколько вѣтокъ карликовой березы (Betula nana), которая немного напоминаетъ издали небольшіе кусты крыжовника. Нашелъ цвѣты лиловаго и желтаго ятрышника (Ophrys monorchis), корни котораго выглядятъ, какъ двѣ сросшіяся вмѣстѣ человѣческія ручныя кисти.

Въ монастырскомъ докѣ чинится какое-то судно. Въ будущемъ году, говорятъ, будетъ сооружаться здѣсь третій пассажирскій пароходъ.

---

[1]) Какъ извѣстно, біологическая станція уже болѣе не существуетъ на Соловецкихъ островахъ. Она перенесена на Мурманскій берегъ, именно въ Александровскій портъ.

Сегодня въ тѣни 17° R. Ночью былъ густой туманъ.

Чайки орутъ, клохчутъ, лаютъ по-собачьему всѣ дни и ночи напролетъ, летая безъ устали взадъ и впередъ. Не спятъ и остальныя птицы. Ночи, вѣдь, свѣтлы, какъ наши сумерки.

Я и мои два педагога порѣшили еще съ самаго начала не осматривать всѣхъ второстепенныхъ здѣшнихъ окрестностей. Всѣ онѣ были довольно похожи другъ на друга. Мы оглядѣли лишь еще кое-какія подробности въ главной обители. Видѣли стѣну съ отмѣченными на ней мѣстами, куда ударяли нѣкогда англійскія ядра. Осмотрѣли и старую гостиницу, пробитую ими насквозь и т. п.

Сегодня вечеромъ видѣли мы рыбную ловлю неводомъ. При этомъ насъ поразило заигрыванье монастырскихъ рыбаковъ съ однимъ женоподобнымъ, шестнадцатилѣтнимъ малымъ, въ котораго они швыряли живымъ рявцомъ (Cottus scorpio) — рыба, которую здѣсь не ѣдятъ. А малый бѣгалъ отъ нихъ, взвизгивая и жеманясь, какъ крестьянская дѣвушка.

Вечеромъ вологжанки просили насъ пройтись до одной, недалеко отстоящей отъ монастыря церкви, именно до Живоноснаго Источника, или Іисуса Сидящаго. Мои педагоги окончательно задичились дамъ и отказались отъ совмѣстной прогулки. Мы отправились впятеромъ: я, казанецъ да три вышеозначенныя вологжанки. Въ это время въ монастырѣ шла предпраздничная, почти пятичасовая всенощная. По дорогѣ мы развлекались красивыми видами и интересными растеніями, болтали и шутили. Подъ конецъ мы даже начали пѣть и перекликаться, разбредясь по пути. То тутъ, то тамъ пролетали утки, гагары, либо онѣ проплывали по озеркамъ, оставляя на водѣ за собою крутящіяся, серебряныя струйки.

Подвигаясь такимъ образомъ, мы какъ-то забыли, къ какому мѣсту тоски и печали мы приближались. Храмъ Живоноснаго Источника связанъ съ воспоминаніями о многострадальной, свѣтлой личности митрополита Филиппа. Мы перестали пѣть и перекликаться à la tirolienne, лишь подойдя къ оградѣ, когда вдругъ въ кельяхъ отворилось окно, другое окно и быстро опять захлопнулось. Это мы разбудили спящихъ монаховъ. Тогда намъ вдругъ стало стыдно своего слишкомъ веселаго настроенія.

Въ эту минуту окончилась въ монастырѣ всенощная. Наступалъ 12-й часъ ночи. И вдругъ загудѣли могучіе колокола собора и церквей, катя, какъ въ Свѣтлую заутреню, по горамъ и доламъ свои громовыя волны, которыя замирали далеко-далеко въ морѣ.

Тогда мы внезапно притихли и сдѣлались грустными и задумчивыми. Невольно намъ хотѣлось говорить шопотомъ.

Мы посмотрѣли въ запертый храмъ. Тамъ виднѣлась одѣтая статуя Спасителя въ сидячемъ положеніи. И намъ казалось, какъ будто Онъ плакалъ. Около храма мы увидѣли деревянную часовеньку (кажется — изъ лиственницы), въ которую любилъ уединяться для молитвы св. Филиппъ.

Существуетъ преданіе, что въ послѣднюю ночь, т.-е. передъ отъѣздомъ на московскую митрополію, св. Филиппъ здѣсь молился, въ виду своихъ любимыхъ окрестностей, съ развернувшимся вдали моремъ, которое отсюда виднѣется своею свѣтлою гладью на горизонтѣ. Не хотѣлось этому чудному, чистому человѣку ѣхать въ Москву, въ этотъ адъ пытокъ, казней, всякой неправды, разврата и оргій. Страшился онъ увидѣть все это воочію. Чуялъ, что не перенесетъ всѣхъ московскихъ ужасовъ, и погибнетъ. Между тѣмъ, свирѣпый Іоаннъ IV, другъ его дѣтства, звалъ настойчиво его туда. Зачѣмъ? Конечно, до его темной души доходили вѣсти о непорочномъ праведникѣ, когда-то бояринѣ Колычевѣ и другѣ свирѣпаго царя. Хотѣлъ ли онъ вблизи него и самъ очиститься, или же скорѣе, жаждалъ только осквернить, омрачить и это ясное, свѣтлое существованіе, казавшееся ему, конечно, укоромъ.

Св. Филиппъ молился здѣсь въ этотъ послѣдній разъ, какъ нѣкогда молился Іисусъ на горѣ Геѳсиманской. И онъ также здѣсь рыдалъ и скорбѣлъ о своей страшной судьбѣ. И разсказываютъ, что ему явился тутъ въ видѣніи Самъ великій Страдалецъ и утѣшалъ его. Онъ ободрялъ и благословлялъ его принять такъ же мученическій вѣнецъ за страждующее человѣчество, какъ и Онъ Самъ его когда-то принялъ.

Невольно вспоминалась намъ и страшна мучительная смерть св. Филиппа, котораго въ тюрьмѣ за молитвою задушилъ своими проклятыми, окровавленными руками не человѣкъ и даже не звѣрь, а Малюта Скуратовъ — этотъ позоръ царя Іоанна, это пятно на человѣческомъ родѣ.

А ночь вокругъ насъ была свѣтла и спокойна. Заря не потухала. Колокола замолкли. На душѣ у всѣхъ стало грустно,—грустно до безконечности. Страшно и темно стало въ сердцѣ. Но среди всей этой мглы и отчаянія, казалось, все-таки свѣтилась вдали недосягаемая, благословенная фигура лучезарнаго страдальца.

Мы шли тихо и молчаливо домой. Стало клонить ко сну.

Время шло къ восходу солнца.

24-го іюня.

Сегодня утромъ второй монастырскій пароходъ, „Михаилъ“, привезъ еще цѣлую партію богомольцевъ. Это также по преимуществу толпа крестьянъ. Говорятъ, съ приближеніемъ страдной поры число бого-

мольцевъ сильно сокращается, и доходитъ къ осени до своего минимума.

Среди богомольцевъ почти не видно ни веселыхъ, ни красивыхъ людей. Тѣ, конечно, и безъ того счастливы. Имъ сюда не зачѣмъ ѣздить, развѣ только изъ любопытства. Сюда стекаются, какъ и вообще къ святынѣ, несчастные, калѣки и уроды.

Все это, взятое вмѣстѣ съ монастырскимъ режимомъ, подъ конецъ угнетаетъ нашего брата, мірянина-туриста, и страстно хочется отсюда бѣжать, бѣжать поскорѣе и подальше.

На третьи сутки чувство это стало у насъ у всѣхъ почти нестерпимымъ. И мы несказанно обрадовались, когда нашъ пароходъ „Соловецкій", съ приходомъ парохода „Михаила", задымился. Значитъ, затопили котлы. Значитъ — уѣдемъ.

Передъ отъѣздомъ мы спѣшимъ досмотрѣть, чего не успѣли еще видѣть. Закупаемъ еще сувенировъ, хлѣба и т. п.

Сегодня праздникъ — Рожденіе Іоанна Предтечи; кромѣ того, здѣсь огромное скопленіе богомольцевъ. Движеніе въ соборѣ и повсюду большое. Трапеза, говорятъ, будетъ для такого дня получше. Пошли туда. Тамъ къ обѣду собралось множество богомольцевъ. Распредѣленіе пріѣзжихъ по разрядамъ, въ виду ихъ множества, идетъ еще настойчивѣе, еще безцеремоннѣе сегодня.

Нѣкоторые изъ насъ, т.-е. изъ прежняго транспорта, попали теперь за еще менѣе почетные столы, нежели за какими сидѣли раньше. Никакія возраженія не помогали. Отвѣтъ былъ, что „сегодня очень много понаѣхало, и кто знаетъ, сколько и какихъ мѣстъ понадобится".

Ѣда, для праздника, была лучше, но сервировка оказалась немногимъ чище. Только суровыя скатерти, да холсты, замѣнявшие салфетки, были не такъ темны на видъ.

Судя по цвѣту столоваго и постельнаго бѣлья, судя по той стиркѣ, которую претерпѣло и мое бѣлье, я думаю, что мытье его здѣсь не отличается отъ крестьянскаго полосканья и, вѣроятно, производится тоже безъ мыла, т.-е. всего лишь только однѣми вальками.

Низшие разряды публики, вслѣдствіе сутолоки, оказались сегодня еще болѣе обдѣленными за трапезою, нежели обыкновенно. Они должны были сами ходить въ кухню за кушаньемъ и получать тамъ, что оставалось отъ главныхъ столовъ.

Вскорѣ послѣ трапезы, въ Троицкой церкви, смежной съ соборомъ, въ которой находятся именно раки пр. Зосима и Савватія, былъ совершенъ напутственный молебенъ. Такія богослуженія какъ-то особенно трогаютъ даже и невѣрующаго. Каково же должно быть ихъ

вліяніе на людей религіозныхъ передъ отходомъ парохода, да еще въ бурную погоду? На этотъ разъ однако погода была ясная и тихая. И грусть на душѣ была ясная и тихая.

Нѣкоторые богомольцы спѣшили еще разъ совершить приношенія около ракъ преподобныхъ. Тутъ выкладывались деньги, холсты и другіе предметы православной жертвы. Собиралъ все это монахъ, дежурившій около сіявшихъ золотомъ и разноцвѣтными лампадами ракъ. Въ этомъ ему помогалъ равнодушный и безотвѣтный ко всему окружающему схимникъ, о которомъ уже я говорилъ.

Всѣ такія картины возбуждаютъ сначала любопытство, но подъ конецъ все болѣе и болѣе гнетутъ. И, положительно, не дождешься отъѣзда. Тянетъ, тянетъ отсюда туда, въ культурныя, свѣтлыя лютеранскія страны, съ разумною жизнью, съ добрымъ трудомъ и съ человѣчными радостями. И жаль всѣхъ этихъ несчастныхъ, которые обречены здѣсь оставаться навсегда, и испустить даже здѣсь свой послѣдній вздохъ, не извѣдавъ, быть можетъ, иной, лучшей жизни. Особенно жаль молодыхъ людей, которые какъ будто бы съ затаенною завистью и грустью поглядываютъ на готовый къ отплытію пароходъ, и на спѣшащихъ на него пассажировъ.

Наконецъ, вся наша прежняя компанія собралась на пароходѣ. И тотъ же угрюмый капитанъ грубо и уныло отдалъ приказаніе къ отплытію. „Соловецкій“ отвязали, и онъ свободно зазыбился на водѣ. Многіе изъ публики крестились въ послѣдній разъ на соборъ. Судно наше потихоньку заработало винтомъ, и скоро вышло въ открытое море, которое было ясно и спокойно и свѣтилось своимъ блѣдно-голубымъ цвѣтомъ, подъ синеватымъ яснымъ небомъ.

Пассажиры дѣлились своими впечатлѣніями, вынесенными изъ монастыря. И далеко не всѣ отъ нихъ были въ восторгѣ.

Казанскій священникъ, какъ теперь мы узнали, лично участвовалъ во всѣхъ службахъ. Это здѣсь въ обычаѣ для пріѣзжихъ духовныхъ. Поэтому онъ вообще мало видѣлъ остальное.

Нашъ старый знакомецъ, отецъ Николай, экономъ парохода, пронизывавшій пассажировъ своимъ подозрительнымъ взглядомъ, жаловался теперь, уже весьма откровенно на свое положеніе и оброшенность у начальства. Казалось, онъ хотѣлъ, наконецъ, хоть какъ-нибудь насъ тронуть и вызвать на подаяніе, потерявъ всякое терпѣніе передъ нашей нещедростью.

Къ ночи сей хитрецъ, ухаживавшій особенно за какимъ-то дворцовымъ поваромъ, украшеннымъ позументами, который ѣхалъ въ III классѣ, вздумалъ его втиснуть къ намъ во II. Но болѣе твердые

пассажиры изъ насъ энергично воспротивились такому самоуправству. И дѣло отца Николая и его protégé разстроилось.

Вечеръ былъ хорошъ. Море разстилалось, какъ зеркало, отражаясь цвѣтомъ слюды. На плывущихъ деревьяхъ, гладкихъ, какъ отесанныя бревна, которыя здѣсь, по Бѣлому морю, часто тянутся безконечными вереницами, иногда сидѣли тюлени, грѣясь на солнцѣ.

Множество плавучаго въ морѣ лѣса объясняютъ растерею его при кораблекрушеніяхъ и другими ущербами. Но главнымъ образомъ, это смытыя половодьемъ съ береговъ лѣсныя деревья и уже обдѣланныя морскими волнами. Иногда плаваетъ ихъ очень много и по Бѣлому морю, а также и по Ледовитому океану. Изъ этого плавучаго матерьяла возводятъ даже постройки на нашемъ безлѣсномъ Мурманскомъ берегу. Кромѣ того, вся эта масса плавучаго лѣса даетъ прибрежнымъ жителямъ прекрасное топливо.

Подобное явленіе, т.-е. плавучій лѣсъ, замѣчено и вдоль всего нашего сибирскаго берега. Да, конечно, плавучій лѣсъ есть болѣе или менѣе вездѣ въ океанахъ.

25-го іюня.

Утромъ благополучно возвратились въ Архангельскъ. Опять передъ нами этотъ докучный городъ. Опять надоѣвшее Соловецкое подворье на Соломбалѣ. Прибытія нашего парохода ждутъ уже новые богомольцы. И ихъ опять цѣлая толпа на берегу.

Снова передъ глазами „панургово стадо“.

Я ни минуты не забывалъ, что на завтра, т.-е. на 26-е іюня, назначено отплытіе Мурманскаго парохода „Ломоносова“. По этому несказанно былъ радъ своевременному возвращенію въ Архангельскъ. Впрочемъ, это обусловилось лишь скопленіемъ пассажировъ въ Соловкахъ. Иначе „Соловецкій“ могъ опоздать къ отходу океанскаго парохода, и мнѣ грозила бѣда прожить еще дня четыре, въ надоѣвшемъ мнѣ донельзя городѣ.

Мои милѣйшіе спутники, педагоги, настолько охладѣли ко мнѣ, послѣ моего вступленія въ компанію дамъ изъ Вологды, что остановились даже, на этотъ разъ, въ особомъ отъ меня номерѣ подворья. Затѣмъ они уѣхали черезъ нѣсколько часовъ на желѣзную дорогу, даже не простившись со мною. Помнится, они спѣшили доѣхать поскорѣе до перваго большого города, т.-е. до Ярославля, и тамъ поѣсть хорошенько и еще побывать кой-гдѣ, въ своей любимой обстановкѣ. По крайней мѣрѣ, за послѣдніе дни они только и мечтали, что объ ѣдѣ да о проституткахъ.

Признаюсь, это были единственные спутники, за все мое путешествіе, о которыхъ я нимало не пожалѣлъ, разставшись съ ними.

Невыносимо скученъ казался мнѣ послѣдній день въ Архангельскѣ.

Жара была до 22⁰ R. въ тѣни еще около 4 часовъ вечера. Въ комнатѣ она достигала до 20⁰ R. даже около 10½ час. вечера.

Выходить изъ подворья никуда не хочется. Все уже осмотрѣно и порядкомъ надоѣло. Пойти повидать милаго, прелестнаго ребенка, красотку Уленьку... Но какъ, но зачѣмъ, но почему? Fi donc! Почтенный, солидный человѣкъ — и такія сентиментальности! Даже странно и стыдно будетъ послѣ признаться кому-нибудь въ подобной наивности. А между тѣмъ нѣтъ живой души въ городѣ, знакомой и расположенной къ тебѣ. И не къ кому пойти, чтобы хоть разогнать уныніе послѣдняго дня.

Въ подворьи довольно пусто на этотъ разъ. Вернувшіеся изъ Соловковъ уже поразъѣхались. Новыхъ прибываетъ мало. Тишина и просторъ.

Я засѣлъ за свои путевыя замѣтки.

ГЛАВА IV.

Отъ Архангельска до Вардё.

Температура. — Пароходъ „Ломоносовъ“. — Сборы къ отъѣзду. — Отплытіе. — Знакомый путь. — Нашъ пароходъ. — Порядки. — „Камаринскій мужикъ“. — Команда. — Пассажиры. — Ночи. — Унылыя картины. — Зимняя Золотница. — Полярный кругъ. — „Vogel als Prophet“. — Аварія. — Паруса. — Рѣка Поной. — Непривѣтливые берега. — Животное населеніе. — Три Острова. — Орловскій маякъ. — Сирена. — Поворотъ къ Ледовитому океану. — Рыбопромышленникъ. — Протоколъ объ аваріи. — Еще порядки на пароходѣ „Ломоносовѣ“. — Приближеніе Сѣвера. — Туристы и полярный кругъ. — Туманы. — Святой Носъ. — Первый китъ. — „Сувои“. — Ледовитый океанъ. — Мурманъ. — Іоканскій заливъ. — Акулы. — Провіантъ. — Губа Варзина. — Экспедиціи. — Уменьшеніе рыбы. — „Птичьи базары“. — Полуночное солнце. — Нашъ капитанъ. — Петровъ день. — Погода и температура. — Наши и варяги. — Гаврилово. — Териберка. — Живая провизія. — Ново-Оленье. — Островъ Кильдинъ. — Кое-что о китахъ. — Кольская губа. — Екатерининская гавань. — Экспедиція Н. М. Книпповича. — Городъ Кола. — Починка аваріи. — Господа мурманцы. — Портъ Владиміръ. — Хищныя чайки. — Цыпъ-Наволокъ. — Печенга. — Варангеръ-Фіордъ. — Чужбина.

26-го іюня.

Сегодня, около полдня, на солнцѣ 34⁰ R.

Не правда ли, довольно-таки тепло для Архангельска?

Насилу дожилъ до 3 часовъ дня, чтобы перебраться, наконецъ, на давно желанный океанскій пароходъ Архангельско-Мурманскаго товарищества „Ломоносовъ“. Въ 4 часа назначенъ его отъѣздъ.

Паспортъ ревизовалъ таможенный чиновникъ на пристани, въ конторѣ самаго пароходства. Вырвалъ изъ него не тотъ листокъ, кото-

рый вырываютъ, при выѣздѣ за границу. Онъ взялъ именно тотъ, который берутъ изъ паспорта, при возвращеніи въ Россію. Я пустился было въ разъясненія, но г. чиновникъ настаивалъ на своемъ. Пришлось подивиться, но согласиться.

Взялъ я билетъ II класса лишь до Вардё, т.-е. до перваго заграничнаго порта. Прямого сообщенія, дальше за границу, тутъ не существуетъ.

И, вотъ, наконецъ, я нахожусь на величественномъ пароходѣ, который хотя и хуже „Николая II“, но все же не „Соловецкій“, который изъ прекраснаго судна, обратился въ какую-то засаленную и разрушающуюся посуду.

Общая каюта II класса довольно порядочна на „Ломоносовѣ“. Тутъ же находится и почтовое отдѣленіе.

На берегу много публики. Провожающіе всходятъ за уѣзжающими на пароходъ. Съ ними на бортъ пробираются иногда съ берега и собаки. Всѣ онѣ напоминаютъ лаекъ — это здѣсь главный типъ собакъ.

Спрашиваю старшихъ служащихъ, сколько ѣзды до Вардё. Отвѣчаютъ — тысячи полторы верстъ, или менѣе, или болѣе. Слѣдовательно, точно не знаютъ. Я обращаюсь къ капитану, чтобы провѣрить эту странность. Капитанъ тоже опредѣленно сказать не можетъ. Еще болѣе странно.

На палубу приносятъ живую провизію, куръ и двухъ поросятъ. Ихъ помѣщаютъ въ деревянныя клѣтки на носу парохода. Здѣсь же, на такелажъ вѣшаютъ цѣлыми тушами говядину. На мое удивленіе и вопросы, мнѣ отвѣчаютъ, что эта говядина продержится годною, до возвращенія обратно въ Архангельскъ, т.-е. дней пять или шесть. Странно и это. Проходятъ 5 часовъ,— срокъ, въ какой назначено отплытіе, но пароходъ не трогается.

Наконецъ, черезъ нѣкоторое время, начинается безконечная, утомительная, но безплодная возня съ якоремъ. Паровая лебедка „драшпиль“ не захватываетъ якорной цѣпи. „Онъ испорченъ давно“, шепчетъ мнѣ штурманъ, который надъ драшпилемъ бьется самъ, съ помощью нѣскольких матросовъ. На драшпиль льютъ ведрами воду, иначе онъ накаляется донельзя, вслѣдствіе своихъ поломокъ и разстроенности.

На все на это съ капитанскаго моста смотрятъ самъ капитанъ и два важныхъ члена правленія Мурманскаго пароходства, отправляющіеся также съ нами въ путь, въ объѣздъ Скандинавіи; то-есть, на лицо здѣсь собственно главное начальство „Ломоносова“.

Около получаса прошло въ такой вознѣ за якоремъ. Наконецъ, съ помощью какихъ-то ухищреній, якорь подняли или, какъ говорятъ

моряки, „обсушили“, и нашъ пароходъ точно ожилъ, точно задышалъ подъ ногами.

Зазвонилъ колокольчикъ на капитанскомъ мостикѣ. Это сигнальный приборъ. Ему завторилъ глухо другой въ глубинѣ машины. Колоссъ океана величественно и торжественно пробуждался, какъ только-что крѣпко спавшее чудовище. Труба его начинала рычать и пыхтѣть. Винтъ какъ бы нехотя, какъ бы съ трудомъ, точно со сна, пошевеливался.

Съ пристани глядѣли заплаканныя лица на нашу палубу, на которой стояли пассажиры, серіозные и задумчивые.

Торжественна минута отхода морского парохода! Что-то ждетъ его тамъ, въ необъятныхъ водахъ?

Бѣлое море, вѣдь, только величественное преддверье Ледовитаго океана. А что-то будетъ тамъ, впереди, въ безпредѣльныхъ сѣверныхъ водяныхъ пустыняхъ, со страшными чудовищами, съ холодомъ и тьмою, таящимися въ волнахъ этихъ пустынь?

Пароходъ вздрагиваетъ и покачивается, какъ будто не хочетъ, какъ будто боится сдвинуться съ мѣста. Наконецъ, звонъ и циферблатъ возвѣщаетъ: „малый ходъ впередъ“ (по-англійски). Пароходъ начинаетъ двигаться и плыветъ осторожно и тихо среди судовъ, плотовъ и бакановъ по С. Двинѣ, направляясь, уже знакомою мнѣ дорогою, къ Бѣлому морю. Проходимъ опять рукавомъ Маймаксою, потомъ Березовымъ устьемъ; потомъ знакомые маяки: Мудьюнскій, Сѣверо-Двинскій, и еще разъ — Бѣлое море, уже знакомое мнѣ, съ его песчаными и лѣсистыми берегами. Справа отъ насъ потянулся Зимній берегъ, съ лѣвой стороны — Лѣтній берегъ.

Содержаніе во II классѣ не дорого и не обязательно. Впрочемъ, оно не особенно доброкачественно, и сервировано на грязной скатерти и безъ салфетокъ. Характеръ дневныхъ трапезъ уже норвежскій, какъ увѣряютъ меня. Даютъ кофе, завтракъ, обѣдъ, сопровождаемые чаемъ, какъ питьемъ, вечерній кофе и ужинъ. Въ первомъ классѣ, конечно, лучше. Тамъ, какъ уже говорено, плата суточнаго продовольствія обязательна.

Пароходъ „Ломоносовъ“ — пассажиро-грузовой, работанъ въ Англіи у Dobson and C° New-Castl. Это прекрасное судно, съ двумя винтами, но оно оказывается запущеннымъ, и весьма-таки изрядно! Не говорю уже о клозетахъ. Главныхъ парусовъ, напримѣръ, на немъ нехватаетъ: куда-то отданы на время! Какова патріархальность! Нагрузка его была настолько неряшлива во всю дорогу, что онъ шелъ постоянно накренившись на лѣвую сторону. Когда я заговаривалъ объ этомъ съ начальствомъ, мнѣ возражали разными оправданіями и даже вос-

хваляли такое, мною еще никогда не виданное, положеніе судна въ пути.

Идетъ „Ломоносовъ“, по увѣренію однихъ служащихъ, 12, по увѣренію другихъ, 11 узловъ въ часъ. Узелъ составляетъ приблизительно $1^1/_2$ версты.

Мое удивленіе относительно порядковъ на „Ломоносовѣ“ возросло еще болѣе, когда я увидѣлъ къ вечеру повара, нѣсколько лакеевъ и даже матросовъ изрядно выпившими. Одинъ лакей перваго класса еле держался на ногахъ, а поваръ, — такъ тотъ исполнилъ нѣкоторое второстепенное отправленіе прямо на палубу.

И такое состояніе прислуги къ вечеру повторялось каждый день, несмотря на то, что на пароходѣ ѣхало само начальство.

Первый вечеръ пути былъ хорошъ. Когда мы вышли въ открытое море и сдали проводившаго нашъ пароходъ лоцмана на его пунктъ, то матросы, все молодой и симпатичный народъ, сдѣлались нѣсколько свободнѣе отъ хлопотъ, и у нихъ въ трюмѣ зазвучала гармоника. Лихо играли „Камаринскаго мужика“, подпѣвая въ нѣсколько голосовъ грустно-комичныя слова Трефолева. Пароходъ теперь шелъ полнымъ ходомъ по тихимъ волнамъ. Грустно-веселая пѣснь разносилась вокругъ. Это веселье навѣвало какую-то неопредѣленную тоску. Со звуками тоски отзывались въ душѣ какія-то давно умолкнувшія струны. Теперь онѣ заныли опять, но только слабо и грустно.

Не отзвуки ли это незабвенной и давно ушедшей безвозвратно молодости, съ ея радостями и печалями, съ ея надеждами и разочарованіями?

Но дальше, дальше впередъ! Лучше не оглядываться назадъ. Если бы только можно было мчаться быстро и безостановочно на какомъ-нибудь окрыленномъ снарядѣ, чтобы передъ глазами постоянно смѣнялись новыя впечатлѣнія, поглощая все вниманіе и давая возможность позабывать себя, и не сознавать отчетливо своего существованія! Какъ иногда хочется такого неудержимаго передвиженія впередъ, все впередъ, безъ какой-нибудь опредѣленной цѣли.

А пѣснь о „Камаринскомъ мужикѣ“ все звучитъ да звучитъ надъ Бѣлымъ моремъ. И къ концу ея разыгрывается передъ глазами грустная, безнадежная драма этой пѣсни.

А пароходъ себѣ бѣжитъ да бѣжитъ безъ остановки и уже безповоротно ко вратамъ грознаго Ледовитаго океана.

Лѣвый, Лѣтній берегъ понемногу уходитъ вдаль отъ глазъ. Зимній, каменистый теперь все виднѣе. Его холмы и лѣса уходятъ въ глубь материка, туда, на востокъ, въ Азію. Это цѣлое море, цѣлый

океанъ лѣса. Тамъ, среди этихъ лѣсовъ, далеко-далеко течетъ Мезень, за нею Печера, дальше идетъ Уральскій хребетъ, а за нимъ необъятная, суровая Сибирь. И какъ мало жилья на всемъ на этомъ огромномъ пространствѣ! Только звѣрями кишитъ оно. Они сталкиваются, схватываются и гибнутъ тамъ въ этихъ кущахъ, въ этихъ трущобахъ, безъ сочувствія, безъ защиты и помощи. Тамъ въ этихъ чащахъ властны лишь зубы да когти. Тамъ каждый самъ за себя.

Пустыня, великая, русская пустыня! Когда же ты заселишься и оживишься настоящею, радостною человѣческою жизнью?

Разсказываютъ, что на Бѣломъ морѣ и на Ледовитомъ океанѣ бываютъ въ жаркіе, ясные дни настоящія марева.

Команда на „Ломоносовѣ“, начиная съ капитана, по происхожденію простолюдина, китолова и владѣльца нѣкогда своихъ собственныхъ шкунъ, и кончая послѣднимъ матросомъ, была симпатична и любезна. Не говорю уже о трехъ штурманахъ, помѣщавшихся во II классѣ, т.-е. вмѣстѣ со мною. Особенно симпатиченъ былъ старшій изъ нихъ, съ которымъ мы все время упражнялись по-англійски. Этотъ молодой человѣкъ былъ однако серіозно боленъ и изрядно хрипѣлъ, послѣ каждаго ночного дежурства на палубѣ. Второй штурманъ, какъ оказалось, объѣздилъ почти весь свѣтъ. Третій былъ еще очень примитивенъ и молодъ. Онъ неудержимо и открыто сѣтовалъ на то, что ужасно влюбленъ и тоскуетъ.

Матросы, какъ я говорилъ уже, были все народъ молодой и привѣтливый. Грустнымъ выглядѣлъ изъ нихъ только одинъ рослый и рыхлый юноша, довольно симпатичной наружности, хотя и весь въ угряхъ. Его фамилія врѣзалась мнѣ въ память. Его звали Юргенсъ. Другой выдѣлялся изъ остальныхъ, какъ денди. Это былъ Низуткинъ, т.-е. братъ прелестной моей знакомки или, скорѣе, незнакомки Уленьки.

Изъ прежнихъ пассажировъ, съ рѣчныхъ пароходовъ, никого нѣтъ на „Ломоносовѣ“. Всѣ они далѣе Соловковъ не поѣхали. Казанскій священникъ было соблазнился сопутствовать мнѣ до знаменитаго Печенегскаго монастыря, но его супруга захотѣла ѣхать вмѣсто того на Кавказъ и въ Крымъ. Въ первомъ классѣ ѣхали, какъ я уже говорилъ, предсѣдатель правленія Мурманскаго пароходства, еврейскаго типа человѣкъ, да членъ того же правленія, нѣкій прибалтійскій баронъ. Тамъ еще находился одинъ архангельскій рыбопромышленникъ, одѣтый по-европейски, да другой, такой же, одѣтый по-русски. Послѣдній былъ изъ разбогатѣвшихъ мѣстныхъ рыболововъ.

Во второмъ классѣ, у насъ, публика была тоже немногочисленна. Ѣхалъ съ семействомъ какой-то сельскій учитель, еще одинъ мелкій

рыбопромышленникъ и судовладѣлецъ, да два православныхъ священника. Старшій оказался благочиннымъ. Онъ былъ уже съ просѣдью. Младшій былъ мѣстнымъ сельскимъ священникомъ и учредителемъ церковноприходской школы въ Зимней Золотницѣ, и много говорилъ о народныхъ чтеніяхъ и тому подобномъ.

Старшій ѣхалъ къ нему, въ Зимнюю Золотницу, нашу первую остановку отъ Архангельска, ревизовать школу. Оба эти человѣка не походили на нашихъ сельскихъ священниковъ. Это были живые, симпатичные люди, со свѣтлыми взорами и съ простыми манерами. Только типъ ихъ былъ совершенно нерусскій. Въ обоихъ сказывалось, помоему, сильно лапландское происхожденіе. Особенно рѣзко отличался этимъ оттѣнкомъ молодой, маленькій, юркій и симпатичный попикъ. Какъ ни странно, но онъ походилъ на своего начальника, точно сынъ на отца, хотя они, повидимому, были чужіе.

Однако уже время подходило къ полночи. Ночь была свѣтла, какъ день, несмотря на то, что солнце здѣсь все еще заходитъ за горизонтъ. Оно становится виднымъ въ продолженіе всей ночи лишь только, по выходѣ въ Ледовитый океанъ, т.-е. послѣ мыса Святого Носа, который у насъ впереди еще.

Надъ моремъ — угрюмыя тучи. Вѣтеръ посвистываетъ. Зрѣніе утомляется всматриваться въ однообразную картину. Зимній берегъ покрытъ безконечными, безнадежными лѣсами. И у воды лѣса, и на холмахъ, внутри страны, тоже лѣса. Только не видно жилья. И безпредѣльная равнина водъ тоже уныла и безлюдна. На ней тоже почти не замѣтно присутствія человѣка, т.-е. не видно судовъ; такъ они рѣдки здѣсь.

Наконецъ, утомленіе манитъ внизъ, въ теплую каюту, которую, говорятъ, иногда и лѣтомъ топятъ; манитъ на уютную койку. Хорошо на койкѣ въ легонькую качку, когда хочется забыться, задремать, чтобы ничего не видѣть, ничего не сознавать. Смутно, сквозъ сонъ мерещится колыбель, вспоминается дѣтство, незабвенныя мгновенія жизни и милыя, свѣтлыя тѣни прошлаго и настоящаго, которыя теперь всѣ отъ тебя безконечно-безконечно далеки...

27-го іюня.

На разсвѣтѣ остановились въ виду села Зимней Золотницы, откуда выѣхала лодка и увезла обоихъ священниковъ. Это было часа въ 4 утра.

Оставаться въ каютѣ уже не хотѣлось. Тянуло наверхъ, на носовую палубу. Море — какъ зеркало. Тепло на воздухѣ. Пальто было даже не нужно. Достаточно было одной шерстяной пары.

Послѣ Зимней Золотницы пароходъ поворачиваетъ уже прочь отъ Зимняго берега, по направленію къ Терскому берегу, т.-е. въ сторону Кольскаго полуострова, или къ берегамъ печальной Лапландіи, гдѣ живетъ некрасивое, жалкое и вымирающее племя.

Вотъ, понемногу показывается на горизонтѣ Терскій берегъ. Это каменистая и безлѣсая, нѣсколько возвышенная надъ моремъ полоса. Въ разсѣлинахъ ея и въ устьяхъ рѣкъ виденъ кой-гдѣ еще не растаявшій снѣгъ, который сходитъ здѣсь лишь къ концу іюля. Вотъ она, эта безнадежная, непривѣтливая страна, изсѣченная морозами, оборванная бурями и погребаемая снѣгами, безъ защиты, безъ убѣжищъ, безъ топлива и безъ питательныхъ растеній! Какіе-то кусты и мхи выглядываютъ изъ защищенныхъ мѣстъ, точно они прячутся отъ мятелей и вьюгъ. И цвѣтъ этой жалкой растительности не зеленый, а какой-то рыжій, ржавый.

Вдругъ, откуда ни возьмись, появилась чечотка, самочка, какъ это можно было замѣтить по отсутствію розоваго цвѣта на ея груди. Зачѣмъ она залетѣла сюда съ Терскаго берега? До него было верстъ 5. До противоположнаго же берега гораздо болѣе. Это случилось невдалекѣ отъ острова Сосновца, т.-е. при переходѣ нашемъ за полярный кругъ.

Маленькая птичка чирикала и вилась вокругъ парохода, не рѣшаясь присѣсть, но, видимо, собираясь отдохнуть. Я подумалъ, что бы сказалъ суевѣрный человѣкъ. Мнѣ пришла въ голову „Vogel als Prophet“ Шумана, эта чудная миніатюрная пьеска, которою иногда заканчивалъ такъ эффектно свои грандіозные концерты колоссъ А. Рубинштейнъ.

Не успѣлъ я этого подумать, какъ вдругъ въ глубинѣ парохода раздался ударъ. Все судно задрожало и остановилось, тихо поворачивая носомъ въ здѣшнихъ сильныхъ теченіяхъ. Забѣгала команда. Всполошились пассажиры. „Котелъ лопнулъ! Наскочили на камень!“ слышалось тревожно вокругъ.

Но никто ничего не зналъ и не понималъ.

Я инстинктивно измѣрялъ глазами разстояніе до берега, соображая, доплыву или нѣтъ, если будетъ нужно. Спасательныхъ поясовъ на пароходѣ не было нигдѣ замѣтно, каковые бываютъ на черноморскихъ судахъ. Слѣдовательно, нужно было думать о своей личной сноровкѣ.

Въ водѣ было градусовъ 5 или 6, кромѣ того, сюда заплываютъ и большія акулы изъ Ледовитаго океана.

„Теперь наступило... Или нѣтъ еще“, соображалъ я не безъ тревоги, вспоминая всѣ свои до сихъ поръ удачныя путешествія на морѣ и на сушѣ.

„Что-то теперь дѣлаютъ тамъ дома? Подозрѣваютъ ли, что нашъ пароходъ разладился, что мы понесли аварію?“

Однако, бѣда скоро разъяснилась. Сломался одинъ изъ двухъ винтовъ, который, по предположенію штурмана, уже былъ попорченъ въ одну поѣздку „Ломоносова“ на Новую Землю, именно, прошлымъ лѣтомъ, гдѣ онъ наскочилъ на камень.

Начальство и команда бросились какъ-нибудь поправлять дѣло, что было довольно трудно, такъ какъ болты, скрѣплявшіе валъ винта, выскочили всѣ вонъ, и исчезли безвозвратно въ морской глубинѣ. Лопасти или крылья праваго винта безпомощно вертѣлись отъ встрѣчной воды, при поступательномъ движеніи парохода. Изъ боязни обронить и потерять, и эти важныя части, пришлось ихъ подтянуть и сдѣлать неподвижными, посредствомъ проволочнаго троса. Зато, теперь лопасти винта стали упираться въ воду и замедлять, уже и безъ того, замедлившійся ходъ парохода. Мы пошли всего около 6—7 узловъ въ часъ. А между тѣмъ, путь до Вардё оставался еще длинный. Починить же пароходъ, за неимѣніемъ дока гдѣ-нибудь ближе Трондгейма, нечего было и думать, по увѣренію нашего капитана.

Всѣ пріуныли, даже само начальство. Но пришлось смириться. Не ѣхать же было назадъ, въ Архангельскъ! Да, вѣдь, и тамъ нѣтъ доковъ. Докъ Соловецкаго монастыря единственный на всемъ Бѣломъ морѣ и на нашемъ Сѣверномъ побережьи, къ тому же, онъ очень не великъ.

Я нѣсколько разъ принимался доказывать капитану и штурманамъ полезность паруса въ подобныхъ случаяхъ. Мнѣ на всѣ лады возражали на это. Однако, все-таки иногда распускали-таки жалкіе, уцѣлѣвшіе на „Ломоносовѣ“ остатки парусовъ.

Къ счастью нашему, погода была спокойная, ясная и море — какъ зеркало. Все это вмѣстѣ усыпительно дѣйствовало и какъ-то умиротворяло нервы. Не здѣсь ли, на сѣверѣ имъ суждено всего лучше оправляться, въ этой тишинѣ, въ этомъ безлюдьи, въ этихъ малоцвѣтныхъ пейзажахъ и вдали отъ всякихъ соблазновъ и страстей? Море — цвѣтомъ какъ слюда. Берегъ, чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ пустыннѣе. Это все ржавыя, покатыя равнины, съ полосами снѣгу въ береговыхъ трещинахъ.

Хорошо тутъ проѣхать мимолетнымъ зрителемъ! Но каково жить здѣсь!

Вотъ, изъ одной широкой разсѣлины клубится туманъ. Это оказывается устье рѣки Поноя, гдѣ находится село того же имени, жители котораго занимаются ловлею семги и тюленей. Пароходъ останавли-

вается въ виду островка Горяинова, который лежитъ передъ устьемъ р. Поноя, у мыса Корабельнаго, съ мѣстечкомъ того же племени. Мы отъѣхали уже отъ Архангельска 177 миль.

Нѣсколько лодокъ подвезли къ намъ, на палубу пассажировъ — русскихъ и лопарскихъ промышленниковъ. Всѣ эти люди были съ укутанными головами и шеями. Когда они взошли на пароходъ, то мы скоро поняли, въ чемъ дѣло. За ними прилетѣла туча знаменитыхъ лапландскихъ комаровъ. Эти невозможныя животныя исчезли съ парохода лишь на слѣдующій день, когда ихъ поразвѣяло вѣтромъ, и когда ихъ достаточно побили сами пассажиры.

Знающіе Лапландію увѣряютъ, что страна эта превращается лѣтомъ въ сущій адъ отъ комаровъ. Безъ хорошей палатки, безъ тюлевой вуали и безъ курительныхъ свѣчей (Fidibus insettifughi) — тамъ не возможно найти ни минуты покоя.

Русскіе промышленники не хвалятъ эти грустные, непривѣтливые берега. „Если бы не морскіе промыслы, такъ тутъ бы и жить нечѣмъ“, говорятъ они. Безплодно и безпріютно здѣсь. Нѣтъ даже древеснаго матеріала. Строятся и отопляются лишь пловучимъ лѣсомъ.

Изъ сухопутныхъ звѣрей тутъ водятся сѣверный олень, заяцъ, лисица, волкъ и, кажется, медвѣдь. Изъ птицъ много бѣлой куропатки, (Lagopus albus) встрѣчается соколъ, сѣверной разновидности, навѣрное, Falco peregrinus leucogenis, и одинъ изъ представителей красы пернатаго царства, словомъ, одинъ изъ кречетовъ, именно, норвежскій (Hierofalco gyrfalco).

Вотъ огибаемъ „Три Острова“.

Вотъ виднѣется на высокомъ берегу маякъ. Мы его видимъ изъза обѣденнаго стола сквозь люки. Это Орловскій маякъ.

Младшій штурманъ и одинъ молодой пассажиръ — чиновникъ изъ Архангельска разсказываютъ, что на этомъ маякѣ живетъ у своей матери, у смотрительницы маяка, на вакаціяхъ, прехорошенькая гимназистка. Въ любви-то къ ней и признавался все время публично нашъ младшій штурманъ. Да и его пріятель, молодой чиновникъ, ѣхалъ съ нами лишь затѣмъ, чтобы на обратномъ пути „Ломоносова“ прокатиться съ прелестной сиреной, которая должна была выѣхать на пароходъ и проѣхаться съ ними нѣсколько станцій. Оба признавались, что предупредили ее письмомъ объ этомъ.

Молодой чиновникъ ѣхалъ, лишь для отвода глазъ своихъ родителей, до Вардё, не зная даже, что и намъ отвѣчать по этому поводу. Относительно ихъ общей сирены, нѣкоей Нины, онъ признавался мнѣ, что она большая любительница поцѣлуевъ.

Это уже было немного странно — такая откровенность отъ поклонника и обожателя.

За Тремя Островами и мысомъ Орловымъ начинается крутое заворачиванье парохода къ Ледовитому океану.

Навстрѣчу холодъ и вѣтеръ. Термометръ упалъ на 8⁰ R. Погода портится. Видно, старикъ океанъ хмурится и не хочетъ насъ принимать ласково.

Берега — совершенная пустыня съ рѣдкими полосками какой-то мшистой, ржавой растительности. Снѣгу видно больше прежняго въ лощинахъ, трещинахъ и устьяхъ рѣкъ.

Одинъ первоклассный пассажиръ, одѣтый по-русски, какъ оказалось, нѣкогда разбогатѣвшій рыбакъ, разсказывалъ, на палубѣ, что въ молодости онъ здѣсь ѣздилъ самолично за рыбою. Онъ припоминалъ, какія мытарства, какіе ужасы приходилось претерпѣвать вдоль этихъ непривѣтливыхъ береговъ въ осеннія, темныя ночи. Обогащеніе свое онъ объяснялъ тѣмъ, что въ прежнее время пудъ трески стоилъ на Мурманѣ копеекъ 5, а въ Архангельскѣ уже 1 рубль и 2 рубля. Поэтому за рыбой сюда стоило ѣздить, даже съ опасностью жизни.

Сегодня старшій штурманъ составилъ протоколъ о поломкѣ винта и о желаніи самихъ, будто бы, пассажировъ продолжать путешествіе дальше, несмотря на такую аварію. Хотя со стороны пассажировъ никакихъ подобныхъ просьбъ и не было, и насъ даже о согласіи на продолженіе пути никто и не спрашивалъ, но тѣмъ не менѣе, мы не отказались подписать такой протоколъ, необходимый для путевого журнала, какъ намъ сказали. И на самомъ дѣлѣ, по правдѣ говоря, ни одинъ изъ пассажировъ не пожелалъ бы возвращенія назадъ, даже и при болѣе серіозной аваріи.

Нѣсколько разъ пароходъ нашъ принимался страшно ревѣть или, точнѣе, оглушительно гремѣть и дрожать. Мы всякій разъ начинали тревожиться, узнавая въ этомъ шумѣ клокотаніе въ котлахъ пара. Оказывалось, что это вырывался изъ предохранительнаго клапана лишній паръ: новое доказательство наряшества въ обращеніи съ судномъ.

Долго ли, при подобныхъ порядкахъ, здѣсь могутъ служить суда?

Наше поступательное движеніе впередъ идетъ такъ медленно, благодаря одинокому винту, что одинъ огромный, тяжелый „англичанинъ“, весь нагруженный архангельскимъ лѣсомъ, обогналъ насъ, какъ стоячихъ, и сталъ скрываться изъ глазъ впереди, въ океанской дали.

Надъ берегами повисли туманы. Стало еще холоднѣе и вѣтренѣе. Начали вздыматься волны. Закачало. Термометръ въ тѣни упалъ на 5⁰ R.

Пришлось одѣваться во все теплое.

Хотя за полярнымъ кругомъ мы очутились еще послѣ минованія о. Сосновца, гдѣ сломался пароходный винтъ, но погода только теперь стала портиться и серіозно напоминать собою о близости грознаго, смертельнаго сѣвера. Мы приближались къ Святому Носу, т.-е. къ безпредѣльному и холодному Ледовитому океану.

На норвежскихъ пароходахъ, гдѣ интересуются туристами и заботятся вообще о нихъ болѣе, нежели у насъ, переѣздъ парохода черезъ полярный кругъ отмѣчаютъ выстрѣлами изъ маленькихъ пушекъ. У насъ, на „Ломоносовѣ“, никто даже и не вспомнилъ о такомъ важномъ моментѣ путешествія. И я о немъ спохватился не сразу тогда, около острова Сосновца, тѣмъ болѣе, что вниманіе всѣхъ въ ту минуту было отвлечено еще поломкою винта.

28-го іюня.

Утромъ, часа въ 3, насъ окуталъ густой туманъ. Стали раздаваться тревожные, частые свистки на нашемъ пароходѣ, похожіе скорѣе на унылый ревъ или на вой. Свистки раздавались каждыя 10—15 минутъ. Это дѣлается въ предупрежденіе того, чтобы не столкнуться съ какимъ-нибудь судномъ въ туманной полумглѣ.

Всѣ пріуныли.

Однако туманъ сталъ какъ будто бы немного разсѣиваться. Но вскорѣ опять сгустился. Мы приближались къ ужасному, страшному Святому Носу, гдѣ вѣчно бушуютъ и схватываются теченія Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Мѣсто это поглотило уже не мало парусныхъ судовъ, которымъ въ особенности эти, такъ называемые здѣсь, „сувои“ чрезвычайно опасны.

Всѣ пріуныли больше прежняго. Вой свистковъ, и безъ того грустный и робкій, теперь еще болѣе угнеталъ. Старшій почтальонъ парохода, повидимому, еще не совсѣмъ освоившійся со всѣми особенностями здѣшней ѣзды, робѣлъ не мало, и не разъ говорилъ подавленно и грустно по поводу тумана: „Что же дѣлать — воля Божья“.

Черезъ нѣкоторое время туманъ сталъ снова разсѣиваться, и всѣ повеселѣли опять.

Одинъ изъ штурмановъ пришелъ меня кликнуть на палубу, чтобы показать небольшого кита, который, какъ онъ сказалъ, равнялся нѣкоторое время съ пароходомъ. Вóды вокругъ Святого Носа любимое мѣстопребываніе китовъ. Но вышеозначеннаго, перваго кита здѣсь мнѣ не пришлось увидѣть. Когда я взошелъ на капитанскій мостикъ, то животное уже исчезло. Зато скоро показались знаменитые „сувои“.

Это было страшно взбудораженное море, покрытое сталкивавшимися, разбѣгавшимися и безпорядочно колыхавшимися волнами. Такая картина развертывалась по океану версты на двѣ, на три, постепенно успокаиваясь, улегаясь и сглаживаясь вдали.

Говорятъ, здѣсь бываетъ особенно эффекто и даже ужасно во время бури.

Нашъ несчастный инвалидъ „Ломоносовъ" пробивался довольно успѣшно своимъ одинокимъ винтомъ, сквозь ярившiяся вокругъ него волны.

Я подумалъ: что если бы теперь пересталъ работать этотъ второй винтъ? При отсутствiи парусовъ мы, конечно, потерпѣли бы здѣсь настоящее крушенiе. Однако, судно наше благополучно проплыло бурную равнину воды версты въ $1^1/_2$ шириною.

На высокомъ берегу Святого Носа стоитъ бѣлая башня съ „сиреною" или „ревуномъ", которымъ предупреждаются объ опасномъ мѣстѣ суда ночью, а также во время тумана. Маякъ находится версты за двѣ отсюда, у губы Волоковой.

Ну вотъ, теперь, наконецъ-то, я нахожусь въ настоящемъ Ледовитомъ океанѣ, о которомъ случалось вспоминать тамъ, въ сухой и жаркой среднерусской деревнѣ.

Здѣсь начинается и лѣтнiй полярный день, съ незаходящимъ солнцемъ, который продолжается тутъ отъ половины мая и до половины iюля.

Справа и передъ нами теперь необъятная равнина водъ, простирающаяся до неизвѣданнаго, таинственнаго полюса, куда еще ни одинъ человѣкъ не заглянулъ съ рожденiя земли. Какихъ, какихъ чудовищъ, колоссальныхъ, угрюмыхъ и свирѣпыхъ, не таится тамъ, въ этихъ темныхъ, недосягаемыхъ глубинахъ!

Слѣва отъ насъ потянулся совсѣмъ безплодный и все болѣе и болѣе скалистый, и повышающiйся, съ приближенiемъ къ Норвегiи, берегъ Мурманскiй (вѣроятно, перековерканное Норманскiй), нѣкогда принадлежавшiй нашимъ сосѣдямъ.

Мурманъ — это великая страна будущаго, это цѣлая область неисчерпаемыхъ богатствъ и незамерзающихъ гаваней. Это необъятная почва для русской колонизацiи. Морозы въ 15° R. тутъ рѣдкость. Это ли не рай для нашего голоднаго и холоднаго среднерусскаго крестьянина, въ особенности изъ коренныхъ помѣщичьихъ губернiй, гдѣ ему всего хуже? Снѣгу здѣсь видно все меньше и меньше, нежели до сихъ поръ, несмотря на приближенiе наше къ сѣверу.

Вотъ что дѣлаетъ могучiй, добрый великанъ-волшебникъ Гольфштромъ!

Вся береговая полоса отъ Святого Носа до границы Норвегiи (т.-е. до устья Ворьемы) называется Мурманомъ. Кольскiй заливъ дѣлитъ его на двѣ части: на восточную и на западную.

Въ бухтахъ, вообще не замерзающихъ зимою, прiютились поселенiя промышленниковъ, называемыя здѣсь „станами". Бухты же зовутся „становищами". Промышленники здѣшнiе, по большей части, все наши поморы и вообще жители сѣверныхъ береговъ Россiи. Есть и норвежцы, и финны, и лопари.

Главнымъ промысломъ здѣсь, пожалуй, нужно считать ловлю трески (Gadus morrhua), хотя есть и всѣ виды промысловъ Бѣлаго моря, и еще многiе другiе, какъ, напримѣръ, ловля акулъ.

Съѣзжаются сюда промышленники только на лѣто. Къ сентябрю же опять разъѣзжаются.

За Святымъ Носомъ открылся Iоканскiй заливъ, съ островами и рѣкою того же названiя. Одинъ изъ Iоканскихъ острововъ названъ островомъ Витте, въ честь министра, посѣтившаго эти мѣста въ 1894 г. Тутъ находится небольшое поселенiе или, что то же, „погостъ" лопарей.

Къ намъ подъѣхала парусная лодка съ акульщиками, которые нагрузили на пароходъ три огромныя бочки съ ворванью, изъ печени акулъ. Это были мезенцы, прiѣзжающiе сюда лишь на лѣто для своего промысла. Они показали мнѣ крюкъ изъ желѣзнаго прута, толщиною въ палецъ; къ нему былъ прикрѣпленъ другой прутъ, за который привязана была веревка, находящаяся такимъ образомъ внѣ опасности отъ зубовъ акулы. Эта предосторожность необходима потому, что жадная акула проглатываетъ крюкъ съ наживой чрезвычайно глубоко, и цѣпляется за него желудкомъ, а не ртомъ. Лучшая нажива для акулы — это кусокъ тюленя, въ особенности того сорта, который тутъ называютъ морскимъ зайцемъ. Попавшуюся акулу подтягиваютъ за веревку къ лодкѣ, и убиваютъ по головѣ колотушкою или „кутиломъ". Вырѣзавъ у добычи печень, рыбу или бросаютъ обратно въ воду, или оставляютъ волочиться на веревкѣ за лодкой. Этимъ способомъ иногда приманиваютъ еще и другихъ акулъ, которыя подходятъ, чтобы полакомиться тѣломъ своихъ подругъ. Иногда онѣ такъ упорно пристаютъ къ своимъ покойникамъ, что и изъ нихъ удается убить еще какую-нибудь, ударомъ того же „кутила".

Акула — это настоящая гiэна моря или croque-mort океана. Нѣкоторые считаютъ даже названiе „requin" происходящимъ отъ „requiem"*), такъ какъ эта рыба всегда на лицо во время похоронъ на морѣ. Ея на-

*) Реквiемъ — заупокойная обѣдня у католиковъ.

значеніе — подбирать все мертвое въ водѣ и хоронить въ своей ужасной утробѣ. Ходитъ она постоянно по дну, и подбираетъ все, что только тамъ валяется изъ остатковъ животнаго міра. И ротъ у нея совсѣмъ внизу, на горлѣ, какъ у осетровъ, которые тоже подбираютъ свой кормъ на днѣ, „сосутъ дно", какъ выражаются рыбаки. Однимъ словомъ, акула — настоящая потребительница всякой мертвечины въ морѣ.

Главное мѣсто ловли акулъ по Мурману — это Кольская губа, гдѣ ихъ добываютъ зимою. Акулъ тутъ нѣсколько породъ (четыре, кажется), начиная отъ маленькой, аршинной, и кончая огромными (до 40 футовъ длины). Самыя большія попадаются главнымъ образомъ уже по берегамъ Норвегіи. Цвѣтомъ нѣкоторыя почти черныя, другія бурыя или почти сѣрыя.

Здѣшнія сѣверныя акулы прожорливы, но не поворотливы. Онѣ положительно лѣнивы и глупы, какъ говорятъ промышленники. Поэтому онѣ и попадаются такъ просто, поэтому онѣ и не такъ опасны, какъ, напримѣръ, живущія въ жаркихъ странахъ. Приближающуюся акулу часто заранѣе можно узнать по ея верхнему перу, торчащему изъ воды, если только она идетъ неглубоко. Чтобы схватить добычу, не находящуюся подъ нею, она должна повернуться бокомъ. Дѣйствовать иначе ей не позволяетъ расположеніе рта.

Акульщики, сѣвшіе на нашъ пароходъ, разсказали, что они сбываютъ свою ворвань въ заграничный г. Вардё.

Ввозъ только спиртныхъ напитковъ запрещенъ повсюду на Мурманѣ; въ остальномъ всѣ его гавани порто-франко. Тѣмъ не менѣе, товары съ него въ Архангельскѣ иногда подвергаются всякому недовѣрію и часто даже обложенію, почему акульщики и предпочитали сбывать ворвань въ Норвегіи.

Опять вдругъ налетѣлъ на насъ туманъ. Опять унылые, удручающіе свистки нашего парохода. Опять всѣ пріуныли. Но и этотъ туманъ быстро исчезъ. Всѣ повеселѣли. Старикъ океанъ великодушно подшучивалъ надъ нами, попугивая насъ, какъ старикъ дѣтей.

Должно-быть, говядина, вывѣшенная на такелажѣ, не остается безукоризненной, даже въ этихъ холодныхъ странахъ. Конечно, и остальные атрибуты нашей кухни, какъ-то, грязь самихъ ея дѣятелей и помѣщеній, не могутъ проходить совсѣмъ безвредно для пассажировъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Многіе изъ насъ стали жаловаться на страданія желудка, и начали отказываться отъ пароходнаго стола, довольствуясь по необходимости чаемъ да своею собственною провизіей. Подъ конецъ стали раздаваться жалобы даже и на кипятокъ. И онъ вредно дѣйствовалъ на здоровье пассажировъ.

Особенно противно было видѣть ужасныя, совсѣмъ черныя руки поваровъ, которыми тѣ возились въ провизіи.

Обходимъ островъ Кокуевъ и останавливаемся въ прелестной, тихой губѣ Варзинѣ, напоминающей Балаклавскую въ Крыму. Скалы вывѣтрены и безплодны. Это мѣсто гибели двухъ англійскихъ судовъ съ капитаномъ Виллоуби. Онъ и матросы замерзли здѣсь зимою въ 1553 году. Замерзшій Виллоуби былъ найденъ за своимъ печальнымъ дневникомъ, описывавшій ужасы полярной ночи.

Затѣмъ остановка въ устьѣ р. Лицы.

Говорятъ, по Мурману путешествуетъ наслѣдникъ итальянскаго престола на своемъ пароходѣ, который видѣли на дняхъ въ этихъ мѣстахъ. Тутъ, на Мурманѣ, разсказываютъ и про ученую экспедицію отъ Академіи Наукъ, съ проф. Книповичемъ во главѣ.

Изъ птицъ мы видимъ по берегамъ и на водѣ много разныхъ чаекъ, гагъ, гагаръ, баклановъ, чистиковъ и пр.

Температура въ тѣни 11° R.

По всѣмъ становищамъ и факторіямъ раздаются жалобы на оскудѣніе промысловъ.

Уменьшеніе рыбы на Мурманѣ приписываютъ появленію здѣсь прежде малоизвѣстнаго, гренландскаго тюленя—кожи. Это собственно лысунъ (Phoca groenlandica). Промышленники увѣряютъ, что кожа начала приходить сюда отъ Новой Земли, гдѣ стало ей не такъ спокойно и сытно, какъ прежде. А главное, увѣряютъ, что избіеніе китовъ, будто бы которыхъ она боится, повело къ ея размноженію. Совершенно невѣроятно, чтобы какое-нибудь животное боялось другого, безвреднаго для него, каковы, на самомъ дѣлѣ, киты для всякихъ тварей вообще, кромѣ самыхъ мелкихъ рыбъ и слизняковъ.

Сегодня видѣли первые птичьи острова, или „базары“, какъ ихъ тутъ называютъ. Это скалы, стоящія отдѣльно отъ берега, или смежные съ ними утесы, усѣянные милліонами чаекъ, гагаръ, баклановъ, чистиковъ и др. Особенно здѣсь много чаекъ, которыя бѣлѣютъ безконечными вереницами, по каменнымъ уступамъ и вершинамъ „базаровъ“.

Наконецъ я увидѣлъ въ первый разъ въ жизни полуночное солнце. Картина ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго его заката. Только тутъ, за полярнымъ кругомъ, онъ, этотъ закатъ, не оканчивался совсѣмъ, а продолжался всю ночь, до утра.

Нашъ капитанъ принесъ „секстонъ“ (особый приборъ) и показалъ намъ, какъ измѣрить высоту солнца надъ горизонтомъ. Уголъ этой высоты, помнится, былъ около 1°30″.

Въ этотъ разъ нашими собесѣдниками на рубкѣ были еще два воротила правленія Мурманскаго пароходства, о которыхъ я уже говорилъ.

Въ данную минуту оба они отвинтили себѣ по увеличительному стеклу отъ капитанскихъ биноклей, и старались закурить по папиросѣ на полуночномъ солнцѣ. Это однако имъ не удавалось, пока они не примѣнили предварительное обугливаніе папиросы спичкою.

— Ничего, все-таки можно сказать въ Петербургѣ, что закуривали, на полуночномъ „солнцѣ", — утѣшались они[1]).

Погода была чудная. Можно было оставаться на палубѣ безъ пальто. Солнце свѣтило ласково. Океанъ былъ какъ зеркало. По немъ спокойно плавали птицы. Изъ него лѣниво и сонно выныривали изрѣдка морскія животныя.

Глядя на всю эту мирную картину, на скалистые берега, на зеркало водъ, я вспомнилъ невольно берега Ривьеры. Такое сходство пейзажа и вообще береговъ было до нѣкоторой степени поразительно. Только тамъ, на югѣ, было болѣе человѣческаго; тутъ, наоборотъ, больше дикаго, первобытнаго.

Пароходъ шелъ спокойно. Мы болтали на уютномъ капитанскомъ мостикѣ. Капитанъ, видавшій виды, бывавшій и на Новой Землѣ и на Шпитцбергенѣ, и еще много кой-гдѣ, повѣствовалъ намъ случаи изъ своей промысловой и мореходной практики.

Онъ разсказывалъ про стрѣльбу китовъ, которою прежде самъ занимался; про довѣрчивость животныхъ на Новой Землѣ, и про легкость охоты тамъ на бѣлыхъ медвѣдей, которые прежде, будто бы, были очень свирѣпы, а теперь стали робки. Видно, современные экспрессы и разрывныя пули измѣнили совершенно характеръ этого звѣря, такъ сказать, запугали его.

Очевидно, и самъ капитанъ былъ въ духѣ, благодаря чудной погодѣ. Но каково, должно-быть, бываетъ ему въ октябрскія ночи, когда мурманскіе пароходы возвращаются вокругъ Скандинавіи на зимнюю стоянку въ Петербургъ! Подумать только, такъ охватываетъ ужасъ. Впрочемъ, нашъ бравый и бывалый морякъ не нашелъ ничего разсказать намъ о такихъ минутахъ. Очевидно, онъ былъ слишкомъ равнодушенъ ко всему этому, — къ тому, что намъ, сухопутнымъ неврастеникамъ, казалось значительнымъ и ужаснымъ.

О боѣ китовъ онъ тоже не много находилъ, что передать, хотя и увѣрялъ, что „перестрѣлялъ много этихъ животныхъ".

---

[1]) Закуриваніе о полуночное солнце — одна изъ любимыхъ продѣлокъ туристовъ на сѣверѣ.

Во всемъ въ этомъ сказывался нашъ русскій простолюдинъ, который безъ словъ переходитъ черезъ недоступныя горы, молча перебирается черезъ Чортовы мосты и безропотно умираетъ на Шипкѣ. И сколько ихъ, такихъ героевъ, у насъ?

29-го іюня.

Сегодня Петровъ день — день пальбы и массоваго истребленія тамъ, по всей Россіи, всякой пернатой твари, хотя у многихъ птицъ есть еще дѣти въ пуху. Все это приходилось наблюдать въ свои прежнія юношескія охотничьи похожденія.

Океанъ тихъ и привѣтливъ. Погода — прекрасна. Дни и ночи — солнечные. Спать приходится урывками. Иногда проспишь и не увидишь какое-нибудь второстепенное становище или факторію, близъ которыхъ „Ломоносовъ“ бросаетъ якорь. Иной разъ только шумъ якорной цѣпи, да лебедки даетъ знать сквозь сонъ объ остановкѣ. Тамъ забираютъ почту и мѣстный товаръ, или же выгружаютъ привезенное.

Иногда мнѣ случается задремать, даже сидя на палубѣ. Вообще правильность сна нарушена. А не заснуть нельзя: силъ нехватаетъ воспринимать всю ту массу новаго и интереснаго, что проходитъ безостановочною вереницею передъ жадными взорами.

Вотъ когда особенно приходится пожалѣть, что духъ человѣческій бодръ, а плоть немощна.

Утромъ, говорятъ, опять видѣли небольшого кита. Но я и къ этому не поспѣлъ.

Въ тѣни и затишьи температура на воздухѣ $19^{1}/_{2}$° R. Это за полярнымъ кругомъ-то! Впрочемъ, въ водѣ она лишь 6° R.

Какъ ни споритъ нашъ капитанъ со мною, о безполезности для парохода парусовъ, однако, онъ самъ частенько приказываетъ поднимать ихъ жалкіе остатки. Видно, и ему невмоготу медленность дви-движенія парохода.

Только эта медленность и омрачаетъ наше путешествіе. Иначе оно, было бы, поистинѣ, прелестно и удачно. Погода такъ великолѣпна, что нехватаетъ для парусовъ даже вѣтра. И они частенько безсильно треплются, нисколько не помогая.

Видно, и у грознаго старика Ледовитаго океана бываютъ свои хорошія минуты, когда онъ точно нѣжится на солнцѣ въ какой-то сладкой дремотѣ, какъ будто бы замечтавшись. Точно и онъ устаетъ въ своей злобѣ. И у него, какъ будто бы, есть какія-то прекрасныя воспоминанія. Не мерещится ли ему далекое прошедшее его молодости, заря бытія вселенной?

А въ глубинѣ, внутри океана, какой долженъ быть ужасъ! Тамъ вѣчные тьма и холодъ. Тамъ неутихающая война и разбой. Тамъ борьба за существованіе въ недосягаемыхъ потемкахъ, въ безпробудной ночи. Сердца тамъ вѣчно въ трепетѣ и ужасѣ. И нѣтъ имъ отрады, нѣтъ имъ отдыха, нѣтъ передышки. Пожирай, или тебя сожрутъ! Вотъ единственный законъ въ тѣхъ пучинахъ. Солнце даже не проникаетъ въ глубину, не согрѣваетъ никого тамъ. И не къ кому тамъ прильнуть истерзанною, наболѣвшею грудью; забыться нельзя, нельзя даже задремать. Все бѣжитъ и спасается одно отъ другого, въ этомъ холодномъ разсолѣ.

Каменистые, вывѣтренные, дряхлые берега, стоятъ подъ ласковыми лучами солнца, со своими трещинами и разсѣлинами, точно съ морщинами старости. Это свидѣтели тысячелѣтій бурь и морозовъ. Они настрадались, они разрушаются, они отживаютъ, и понемногу нисходятъ частями въ влажную, всепоглощающую могилу, которая давно силится ихъ пожрать, волнуясь тамъ у ихъ ногъ. Какъ будто бы невзгоды и горе избороздили лицо этихъ каменистыхъ, гористыхъ береговъ, и пригибаютъ главы ихъ ницъ.

Человѣкъ, тотъ сюда идетъ лишь затѣмъ, чтобы хищничать, уничтожать и самому гибнуть...

Между прочимъ, наши промышленники сильно жалуются на то, что норвежцы заѣзжаютъ „хищничать", какъ они выражаются, въ русскія воды, т.-е. на Мурманъ. Жалуются, что нѣтъ у насъ за этимъ дѣломъ строгаго наблюденія.

А я думаю, что въ океанѣ на всѣхъ хватитъ добычи, если ею умѣть и желать пользоваться. Русскіе, напримѣръ, до сихъ поръ никакъ не могутъ освоиться съ китовымъ промысломъ, который, рядомъ же, у норвежцевъ идетъ отлично. Нельзя не вспомнить тутъ и о вандальствѣ нашихъ поморовъ относительно гагъ, о чемъ уже было говорено выше. Такъ что мнѣ кажется, нечего жаловаться намъ, что наши примитивные и некультурные промышленники будутъ встрѣчаться, хотя бы и въ нашихъ водахъ, съ болѣе развитыми и искусными западными товарищами по ремеслу, а отчасти, быть можетъ, даже и съ конкурентами. Да, по правдѣ сказать, странно считать каждаго встрѣчнаго конкурентомъ на необъятныхъ, безбрежныхъ водахъ океана.

Насколько наши мурманцы еще зарыты, какъ говорится, по горло въ добрѣ, цѣну каковому добру они еще мало понимаютъ, можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ то, что здѣсь многихъ съѣдобныхъ рыбъ не ѣдятъ, какъ, напримѣръ, рявца или морского ерша, велико-

лѣпнаго ската и др. Здѣсь бросаютъ даже, какъ негодное, раковъ, крабовъ, креветовъ и прекрасныхъ, цѣнныхъ омаровъ.

Одинъ промышленникъ, поморъ, сказалъ мнѣ, что у нихъ нѣтъ такихъ „выдумщиковъ", которые бы затѣяли ѣсть раковъ. Каково!

Полезно ли, послѣ всего этого, ограждать, уединять нашихъ примитивныхъ промышленниковъ отъ ихъ культурныхъ сосѣдей? Это было бы похоже на то, если бы къ намъ перестали пускать иностранныхъ колонистовъ, заводчиковъ, мастеровъ и т. п.

Между тѣмъ какъ относятся къ намъ норвежцы?

Достаточно вспомнить, что во многія мѣста сѣв. Норвегіи русскимъ промышленникамъ предоставленъ совершенно свободный доступъ.

Мы, напримѣръ, дома въ Россіи склонны воображать, что китовый промыселъ потому только не можетъ упрочиться у насъ на Мурманѣ, что стало мало китовъ, которыхъ, де, безбожно истребляютъ хитрые и безпардонные сосѣди — варяги. А между тѣмъ, здѣсь, на самомъ Мурманѣ приходится слышать разсказы совсѣмъ иного свойства. То нехватило денегъ предпріятію, то не умѣли находить китовъ, то утопили китоловное судно, и т. д. въ томъ же родѣ...

Я не упоминаю здѣсь о всѣхъ пунктахъ, мимо которыхъ проѣзжаемъ или же въ которыхъ останавливаемся. Становищъ и факторій здѣсь не мало. Самымъ важнымъ и большимъ становищемъ на Мурманѣ считаютъ Гаврилово. Здѣсь есть больница Краснаго Креста, почтово-телеграфная контора и церковь.

Недалеко отъ Гаврилова находится становище Териберка. Это становище почти такъ же важно, какъ первое.

Рѣка Териберка впадаетъ въ обширную губу того же имени. На песчаной равнинѣ находится само поселеніе или колонія Териберка. Сзади нея возвышаются горы. Заливъ тоже обрамленъ горами. Вся эта безплодная и примитивная природа напоминаетъ героическіе пейзажи Пуссена, старыя миѳологическія гравюры, метаморфозы Овидія. И такъ — весь мурманскій берегъ. Здѣсь природа какъ будто бы только недавно создана.

Когда мы вошли въ Териберкскій заливъ, то въ немъ гулялъ китъ сажени въ двѣ длиною. Онъ выдувалъ изъ носового отверстія вверхъ мелкія брызги наподобіе пара, который свѣтился на солнцѣ и отражался радугою. Это и есть то, что людьми незнающими рисуется наподобіе фонтана, когда они изображаютъ китовъ.

Насъ, нѣсколько человѣкъ пассажировъ, съѣхало на берегъ. Мнѣ удалось, наконецъ, выкупаться въ морской водѣ, послѣ довольно долгаго антракта. Океанская вода была чрезвычайно холодна и солна.

Несмотря на пригрѣвъ солнца, въ ней нельзя было долго оставаться. Только нашъ младшій штурманъ да его товарищъ, молодой чиновникъ изъ Архангельска, рѣшились послѣдовать моему примѣру относительно купанья. Одинъ изъ поименованныхъ мурманскихъ воротилъ приходилъ даже посмотрѣть на нашу храбрость.

Было 4 часа вечера. Выкупавшись, мы пошли обойти Териберкское поселеніе, выстроенное на голомъ, сыпучемъ пескѣ. Недалеко отъ берега мы нашли маленькое кладбище, съ нѣсколькими деревянными крестами и съ одинокой могильной плитой, поставленной товарищами какому-то капитану, утонувшему въ этихъ мѣстахъ недавно, какъ гласила на ней надпись.

Видѣли больницу Краснаго Креста, почту съ телеграфомъ. Доска съ надписью посерединѣ поселка гласила, что тутъ 39 домовъ, семей 45, мужчинъ 96, женщинъ 98. Жители здѣсь всѣ поморы, приходящіе сюда лишь на лѣто.

У одной избы замѣтили пустой гробъ. Оказалось, это умерла хозяйка дома, пока ея мужъ былъ въ морѣ. Теперь онъ вернулся и собирается ее хоронить. Осталось послѣ матери 5 человѣкъ дѣтей. И здѣсь трагедіи и драмы!

Въ поселкѣ Териберки повсюду была развѣшена сушившаяся рыба,— треска по преимуществу. Остатки ея валялись подъ ногами и даже въ водѣ. Подъ ногами попадалась растерянная и высохшая мойва (Mallotus arcticus), главная здѣшняя наживка рыбныхъ промысловъ.

Часа черезъ два мы вернулись на пароходъ и поплыли далѣе вдоль береговъ Мурмана. Я почти все время провожу на носу парохода, чтобы лучше любоваться въ бинокль картинами пути. Тамъ же, на носу, находятся клѣтки съ живой провизіей, т.-е. съ курами и съ двумя уже упомянутыми поросятами, ѣхавшими съ нами изъ Архангельска. Иногда поневолѣ приглядываешься къ этимъ несчастнымъ пассажирамъ и всякій разъ замѣчаешь, когда котораго-нибудь тащатъ на казнь. Особенно привыкъ я къ двумъ маленькимъ поросяткамъ, то ссорившимся, то мирившимся въ невзгодахъ своего заточенія. И мнѣ немало было жаль, когда поваръ унесъ одного изъ нихъ въ кухню. Другой сталъ по немъ скучать въ своей тѣсной, грязной и холодной тюрьмѣ. Вдвоемъ имъ было все-таки теплѣе на здѣшнемъ, необычномъ для нихъ холоду.

Говорятъ, что свиньи на Мурманѣ не выносятъ климата, и ихъ тутъ не разводятъ.

Останавливались еще у одной колоніи, или у становища — Новооленьяго. Говорятъ, что это тоже хорошая и незамерзающая гавань.

Но вотъ, наконецъ, передъ нами знаменитый, оригинальный островъ Кильдинъ, самый большой на Мурманѣ. Это огромная материковая масса, изъ рыхлыхъ породъ, покрытая на своихъ склонахъ зеленью. Со стороны материка островъ Кильдинъ возвышается длинными уступами. На нижнемъ уступѣ находится озеро Могильное съ соленою водою. Оно замѣчательно тѣмъ, что хотя и лежитъ выше уровня моря, но вода въ немъ все-таки соленая, и въ ней водятся даже морскія рыбы, какъ, напримѣръ, камбала и треска.

Островъ Кильдинъ круто повышается къ сѣверу и западу, и кончается отвѣснымъ обрывомъ или стѣною, футовъ въ 600, въ сторону океана. Это фигура какой-то гигантской и неприступной крѣпости. Словомъ, опять впечатлѣніе „героическаго пейзажа", и притомъ подъ освѣщеніемъ ночного солнца и при тихой погодѣ, какова сейчасъ на океанѣ.

На островѣ Кильдинѣ, у бухты Монастырской находится единственное жилье. Это усадьба нѣкоего норвежца Эриксона, поселившагося здѣсь для морскихъ промысловъ. Онъ живетъ тутъ со своимъ семействомъ круглый годъ. Ѣздитъ иногда въ гости къ сосѣднимъ норвежцамъ.

Каково такое существованіе, можно себѣ легко вообразить. Солнце, повидимому, мало освѣщаетъ это мѣсто, вслѣдствіе близости высокаго берега. Иного жилья здѣсь нигдѣ не видно, на далекое разстояніе. Передъ глазами быстро бѣгущая вода пролива между островомъ и материкомъ. А зима, съ ея тьмой и снѣжными бурями! Надо быть именно закаленнымъ, сильнымъ, бодрымъ норвежцемъ, чтобы поселиться въ такой пустынѣ.

Говорятъ, этотъ колонистъ имѣетъ субсидію отъ русскаго правительства.

Нигдѣ не вижу красавца скандинавской фауны, норвежскаго кречета (Hierofalco gyrfalco), хотя отвѣсные берега и птичьи острова должны быть его любимыми пріютами.

Китовъ почти тоже не встрѣчаемъ, хотя они тутъ не рѣдкость.

Мѣстные моряки разсказывали мнѣ, что иногда приходится въ „шнякѣ" или въ баркасѣ очутиться среди стада играющихъ китовъ. Невольный ужасъ охватываетъ пловцовъ, когда водяные колоссы гоняются другъ за другомъ, или же ныряютъ подъ суденышко, не обращая ни малѣйшаго вниманія на присутствіе людей на немъ. Одно средство, говорятъ, тутъ стучать чѣмъ-нибудь о бортъ. Стукъ немного образумливаетъ развеселившихся чудовищъ.

30-го іюня.

Часа въ 4 утра мы вошли въ Кольскую губу и бросили якорь у Екатерининской гавани*). Пассажиры встали отъ сна и пошли смотрѣть знаменитый только-что отстраивающійся портъ.

Тутъ кипитъ работа. Русскіе и норвежцы рвутъ скалы, равняютъ каменистыя дороги, строятъ пристань и деревянный поселокъ изъ архангельскаго дерева (а между тѣмъ тутъ гранитъ прямо подъ ногами). Этотъ поселокъ стоялъ тогда еще совершенно пустымъ. Тамъ жили только фельдшеръ, почтальонъ да рабочіе, и ихъ надсмотрщики. (Здѣсь цѣнятъ гораздо выше норвежскихъ рабочихъ, нежели своихъ, русскихъ.)

Самъ заливъ, предназначенный для гавани, и на видъ, и по мнѣнію знатоковъ, довольно тѣсенъ. Онъ лежитъ въ устьѣ большой и длинной Кольской губы. Характеръ мѣстности почти безъ растительности и съ тундровымъ, сырымъ грунтомъ, даже и на возвышенныхъ мѣстахъ. Въ окрестности много болотъ и озеръ. Со всѣхъ сторонъ несется крикъ гагъ, гагаръ, баклановъ и утокъ.

Какъ человѣкъ, подверженный маніи купанья, я выкупался и тутъ. Увлекъ я на это дѣло съ собою молодого архангельца и мѣстнаго фельдшера, несмотря на присутствіе акулъ въ Кольскомъ заливѣ.

Да не подумаетъ читатель, что послѣдняго я завлекъ съ собою, памятуя о присутствіи здѣсь акулъ и разсчитывая на его просвѣщенную помощь. Нѣтъ, просто я радъ былъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ мѣстныхъ жителей. Выкупать же кого бы то ни было всякій фанатикъ купанья всегда радъ, какъ и алкоголикъ, какъ и морфинистъ, всегда рады совратить кого-нибудь на свой путь.

Тутъ, во время купанья, мы нашли множество красивыхъ раковинъ слизняка Pecten islandicus.

Экспедиція, съ Книповичемъ во главѣ, находилась въ эту минуту въ Екатерининской гавани, въ казенныхъ домикахъ, на противоположномъ берегу, т.-е. на Екатерининскомъ островѣ. Разумѣется, я заглянулъ въ помѣщеніе экспедиціи, гдѣ, благодаря доступности Николая Михайловича Книповича, нѣсколько ознакомился съ ея дѣятельностью. Увидавъ студентовъ-естественниковъ, я подумалъ, что многіе изъ ихъ товарищей позавидовали бы такимъ лѣтнимъ каникуламъ, каковыя проводятъ здѣсь эти счастливцы.

Интересна фауна Ледовитаго океана. Чего-чего тутъ только нѣтъ! Есть, напримѣръ, въ экспедиціонныхъ коллекціяхъ даже студенистыя

*) Она теперь переименована въ Александровскій портъ.

рыбы, изъ глубочайшихъ частей океана, гдѣ строеніе животныхъ вообще слабое, т.-е. плохого сцѣпленія. Есть огромные креветы и мн. др. Хороши въ экспедиціи зоологическіе атласы иностранныхъ изданій.

До г. Колы нужно ѣхать на особомъ небольшомъ пароходѣ „Трифонъ“ миль 30. „Трифонъ“ долженъ былъ везти туда почту съ нашего „Ломоносова“.

Тутъ у насъ чуть было не произошло несчастія съ людьми. Одинъ изъ двухъ нашихъ почтальоновъ, старшій, сильно пилъ всю дорогу (именно тотъ, который больше всѣхъ сокрушался во время тумановъ). Въ настоящую минуту онъ былъ изрядно пьянъ. Между тѣмъ ему пришлось перебираться съ почтою съ нашего парохода на пароходъ „Трифонъ“. Потерявъ равновѣсіе, онъ полетѣлъ съ трапа въ воду, и попалъ между двумя пароходами, которые то раздвигались, то сдвигались, подъ вліяніемъ водяныхъ теченій. За несчастнымъ пьяницей спустился тотчасъ же матросъ по веревкѣ. Но спасаемый сталъ топить и своего спасителя. Мы замерли въ ужасѣ, ожидая, что обоихъ расплющатъ пароходы, сдвигавшіеся въ эту минуту. Всѣ бросились какъ-нибудь помогать бѣдѣ. Наконецъ, послѣ большихъ, хотя и краткихъ усилій, удалось не допустить сближенія судовъ. Между тѣмъ вытащили и обоихъ несчастныхъ, которые барахтались какъ будто бы уже въ пасти самой смерти. Имъ угрожали и кузова пароходовъ, и ледяняща глубина, и, пожалуй, акулы въ ней, каковыми Кольскій заливъ зимою даже кишитъ.

Спасенный почтальонъ, съ новаго мундира котораго струилась на палубу вода, растерянно и безсмысленно улыбался окружающимъ. Послѣ этого везти съ нами почту въ Колу пришлось уже не ему, а его помощнику. Это былъ жалкій, не то забитый, не то очень хитрый на видъ человѣкъ, въ несчастномъ, изношенномъ платьѣ. Я такъ и не узналъ за всю дорогу, хотя и старался разговориться съ нимъ, что это за человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ чрезвычайно молчаливъ и скрытенъ.

Въ Кольской губѣ, около мыса Пиногорья сильно отклоняется магнитная стрѣлка. Вѣроятно, причиной тому должны быть залежи магнитнаго желѣза. Сама губа въ 31 милю длины, ширины до 2 миль. Она чрезвычайно живописна со своими горами и лѣсами. Тутъ, въ затишьи отъ бурь и морозовъ страшнаго сосѣдняго океана, растительность можетъ отлично существовать. Глядя на эти лѣса, забываешь, что находишься на Мурманѣ, за полярнымъ кругомъ.

Пароходъ нашъ бросилъ якорь у Дровяного мыса, версты за три до г. Колы, куда я съ почтальономъ доѣхали уже на лодкѣ.

Кола — маленькій городочекъ съ 760 жителями. Расположенъ онъ въ концѣ залива въ красивой, просторной мѣстности. Высокіе берега и горы не тѣснятъ его. Только одна Суолавараки находится вблизи. Эта гора замѣчательна своимъ отрѣзаннымъ бокомъ, обращеннымъ къ рѣкѣ Колѣ, которая омываетъ городъ съ одной стороны. Разсказываютъ, что этотъ обвалъ бока горы произошелъ отъ землетрясенія. Вторая, довольно широкая рѣка — Тулома, несущая свои обильныя воды изъ озеръ глубокой Лапландіи, омываетъ городокъ съ другой стороны. Обѣ рѣки очень порожисты и бурны. Это настоящіе горные торраны, въ которыхъ водится множество семги и форели. Въ Туломѣ даже есть рѣчной жемчугъ.

Городокъ Кола основанъ въ 1264 г. новгородцами. Здѣсь бывали нападенія шведовъ, англичанъ и другихъ враговъ. Теперь это крошечный деревянный городокъ, населеніе котораго — русскіе моряки и лопари. Послѣдніе представляютъ несчастное, безобразное и вымирающее племя. Женщины ихъ довольно пестро разряжены. Но онѣ оттого нисколько не выигрываютъ.

Климатъ Колы, говорятъ, очень здоровъ. Дичи и рыбы масса. И надо думать, что здѣсь можно бы съ большой пользою проводить лѣто, ради климатическаго лѣченія.

Мѣстный почтмейстеръ оказался очень суровымъ и раздражительнымъ начальникомъ, но весьма любезнымъ къ путешественникамъ. По крайней мѣрѣ, я послѣднее испыталъ на себѣ*).

Между прочимъ, здѣсь на улицахъ я видѣлъ нашу южную, зябкую городскую ласточку (Cheridon urbica). Она и къ намъ-то, въ Рязанскую губернію, прилетаетъ лишь не ранѣе стрижа, т.-е. въ половинѣ іюня только.

Исходить самый городокъ въ 130 домовъ и обойти вокругъ него было дѣломъ не долгимъ.

Въ почтамтѣ насъ скоро отпустили. И я возвратился на плохой пароходикъ „Трифонъ". Наше начальство, т.-е. двое мурманцевъ, оставались на немъ, не принявъ участія со мною въ поѣздкѣ до г. Колы, какъ уже говорено.

Погода была такъ тепла, что даже казалось жарко въ шерстяной парѣ.

Кухня и сами стряпующіе на пароходѣ „Трифонъ" были невозможны на видъ. И я, какъ мнѣ ни хотѣлось ѣсть, не могъ рѣшиться тутъ даже закусить. Зато наши мурманцы-правленцы преблагополучно

*) Онъ меня принялъ положительно за какого-нибудь знатнаго путешественника.

кушали, заказывая себѣ то то, то другое. Капитанъ „Трифона“ мнѣ тоже не понравился. Ему весьма не доставало деликатности въ обращеніи съ людьми.

Еще съ самаго пріѣзда нашего въ Екатерининскую гавань возникла для насъ, ломоносовцевъ, радостная надежда на починку аваріи нашего парохода. И, дѣйствительно, присутствіе въ гавани на русскихъ работахъ норвежцевъ дозволило осуществить эту, казавшуюся сначала несбыточною, мечту. Среди этихъ молодцовъ оказались искусные водолазы, которые и взялись за работу, какая даже нашимъ спеціалистамъ казалась невозможною безъ помощи сухого дока. Для этого поставили пароходъ на мелкое мѣсто, и когда, съ отливомъ, подъ нимъ воды убавилось до minimum'a, то норвежцы-водолазы принялись скрѣплять новыми болтами валъ винта, работая съ передышками часовъ 6.

Когда винтъ былъ готовъ, норвежцамъ заплатили и привели ихъ во второй классъ, чтобы хорошенько угостить. Герои дня держали себя тихо и скромно, какъ будто бы даже не они были нашими благодѣтелями.

Послѣ этого мы дождались прилива, и вышли въ море, опять на двухъ винтахъ. Какое облегченіе почувствовали всѣ!

1-го іюля.

Еще вернувшись изъ г. Колы, господа мурманцы, не желая терять времени въ ожиданіи починки парохода „Ломоносова“, отправились на пароходѣ „Трифонъ“ впередъ, чтобы успѣть посѣтить Печенгскій монастырь.

Большіе океанскіе пароходы останавливаются тамъ ненадолго, не доходя до конца Печенгской губы. Между тѣмъ мѣстоположеніе монастыря, основаннаго пр. Трифономъ — просвѣтителемъ лопарей, чрезвычайно восхваляютъ. И я очень жалѣлъ, что посѣщеніе его для меня осложнялось и дѣлалось слишкомъ затруднительнымъ, въ виду того, что я принужденъ былъ не покидать „Ломоносова“. Господа же мурманцы, какъ настоящіе жирные россіяне, какъ истые биржевики, конечно, не нашли нужнымъ предложить кому бы то ни было изъ пассажировъ, для нихъ самихъ нисколько необременительное, одолженіе проѣхать съ ними на „Трифонѣ“ въ Печенгскій монастырь, хотя, напр., меня они и удостоивали своего „высокаго разговора“ во время плаванія.

Изъ послѣдующихъ остановокъ достоенъ упоминанія „Портъ Владиміръ“, который названъ такъ въ честь великаго князя Владимира Александровича, нѣкогда объѣхавшаго мурманскіе берега. Это великолѣпный, просторный проливъ, между материкомъ и островами Еретикъ

и Шалимъ, проливъ, который даетъ кораблямъ тихое пристанище, даже во время самыхъ страшныхъ бурь на океанѣ.

Портъ Владимиръ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ, на островѣ Еретикѣ, стоитъ послѣднiй брошенный русскiй китобойный заводъ.

Заводъ этотъ купилъ какой-то иностранецъ Гебель, который превращаетъ его энергично въ рыбоконсервный заводъ. Сюда уже выписаны и нѣмцы, и французы, и эстонцы, словомъ, разные спецiалисты рыбоконсервнаго дѣла.

Многiе изъ этихъ иностранцевъ прiѣхали съ завода къ намъ, на палубу, желая получше поѣсть и разогнать скуку, которую они испытываютъ здѣсь, въ этой пустынѣ, со всѣми ея недостатками и лишенiями.

Одинъ пожилой нѣмецъ, чуть не со слезами, жаловался окружающимъ на недостатокъ пива, и купилъ себѣ тутъ же, на пароходѣ нѣсколько дюжинъ. Какой-то русскiй господинъ, изъ ихъ же компанiи, обѣщалъ нѣмцамъ выслать пива изъ Вардё.

Сегодня вечеромъ было наволочно. Солнце скрылось. Эта полутьма ввела меня въ заблужденiе, при наблюденiи пернатаго населенiя океана. Не видавъ никогда прежде хищныхъ чаекъ на волѣ, я чуть было не принялъ ихъ въ первый разъ за кречетовъ: такъ обманчивы были ихъ аллюры, цвѣтъ, величина и даже форма. Только вглядѣвшихъ хорошенько въ нихъ и замѣтивъ, что онѣ, хотя и гоняются за остальными чайками, но послѣднихъ не ловятъ, а лишь отбиваютъ у нихъ добычу, я устыдился своему смѣшенiю „подлыхъ тунеядцевъ“ съ „благородными разбойниками“. Впрочемъ, кто изъ нихъ лучше, сказать трудно.

Послѣ я встрѣчалъ еще другiе виды хищныхъ чаекъ, кромѣ перваго, видѣннаго мною здѣсь, который былъ цвѣта бѣлаго снизу и сѣраго сверху. Я видѣлъ еще большую черную чайку и малую черную, или ѳомку-разбойника. Большихъ хищныхъ чаекъ здѣсь зовутъ рыбаки „солдатами“, вѣроятно, за ихъ нравъ.

Надо видѣть, какъ ихъ боятся остальныя чайки, какъ онѣ съ крикомъ отчаянiя бросаютъ имъ только-что пойманную въ водѣ добычу. До этого доводятъ послѣднихъ тѣ своей злобной погоней и ударами крыльевъ на лету.

Всѣ эти птицы называются въ зоологiи поморниками. Притомъ, черныя: одинъ — большимъ поморниковъ (Lestris catarractes), другой — ѳомка (Lestris pomarina или parasitica). Третiй видъ съ бѣлою грудью не рѣшаюсь назвать какимъ-либо именемъ, не будучи въ состоянiи его точно опредѣлить, среди другихъ поморниковъ.

Глядя на отбиванiе добычи хищными чайками у нехищныхъ, я не могъ себѣ представить, какъ могъ въ первыхъ выработаться такой

инстинктъ. На взглядъ, этотъ пріемъ требуетъ гораздо большихъ усилій, нежели обыкновенное добываніе изъ воды положительно кишащей въ здѣшнихъ моряхъ добычи.

Это мое первое наблюденіе хищныхъ чаекъ произошло при переѣздѣ нашемъ черезъ заливъ Мотовскій. Вскорѣ мы остановились на рейдѣ, передъ становищемъ Цыпъ-Наволокомъ и передъ мысомъ того же названія. Имъ оканчивается большой Рыбачій полуостровъ (почти даже островъ). Тутъ есть хорошая больница Краснаго Креста, церковь, дома колонистовъ и факторія бр. Савиныхъ, какъ говорятъ, самыхъ крупныхъ скупщиковъ рыбы на Мурманѣ.

Какъ и въ прежнія остановки, кромѣ главныхъ, каковы Териберка и Екатерининская гавань, мы не успѣли и въ Цыпъ-Наволокѣ выйти на берегъ. Обыкновенно отъ такихъ становищъ выплывали къ намъ лодки съ товаромъ, съ почтой и съ какими-нибудь немногочисленными пассажирами. Онѣ обмѣнивались всѣмъ этимъ на таковое же съ нашимъ пароходомъ. Стоянки эти длились обыкновенно далеко недостаточно для того, чтобы успѣть съѣхать на берегъ и вернуться опять на пароходъ къ его отходу.

Ночью было темно, и накрапывалъ дождь. Я воспользовался плохою погодою, чтобы, наконецъ, выспаться за все время, такъ какъ оставаться на палубѣ было уже непріятно.

2-го іюля.

Рано утромъ послышалось громыханіе якоря. Взглянувъ въ окно, мы увидѣли, чтс стоимъ въ длинномъ, гористомъ и лѣсистомъ заливѣ, напоминающемъ собою Кольскій. Оказалось, что это губа рѣки Печенги. До знаменитаго монастыря оставалось еще верстъ двадцать, такъ какъ онъ находится въ самомъ концѣ губы. Это разстояніе пассажиры, желающіе посѣтить монастырь, обыкновенно продѣлываютъ на лошадяхъ или на лодкѣ.

Я, во-первыхъ, боялся опоздать къ отходу парохода, да и изрядно уже поусталъ отъ путешествія и не ощущалъ теперь въ себѣ бодрости на подобное отклоненіе отъ своего прямого пути.

Во время нашего стоянья въ Печенгской губѣ воротилы — мурманцы, возвратились изъ Печенгскаго монастыря на пароходѣ „Преподобный Трифонъ“. Оба опять появились на нашемъ суднѣ. Они чрезвычайно хвалили монастырь и его окрестность. Были они также весьма довольны и настоятелемъ, который дѣйствительно производилъ благопріятное впечатлѣніе навсѣхъ. Мнѣ его удалось увидѣть еще въ Соловецкомъ подворьи, на Соломбалѣ.

Когда пароходъ выѣхалъ изъ красивой зеленой мѣстности Печенгской губы снова въ океанъ, то берега Мурмана потянулись опять голые, безплодные и унылые. Они только становились понемногу все возвышеннѣе и скалистѣе на видъ, съ приближенiемъ къ Норвегiи.

Наконецъ, съ лѣвой стороны берегъ сталъ быстро отдаляться и скоро пропалъ совсѣмъ изъ виду. Это распахнулся первый норвежскiй фiордъ — огромный Варангеръ. Вмѣстѣ съ исчезновенiемъ берега, мы покинули и Мурманъ и русскую почву, и теперь переѣзжали уже за границу.

Скоро вдали показался противоположный берегъ Варангеръ-фiорда.

Погода становилась дождливой и бурной. Разыгрывались волны. И на душѣ становилось грустно.

Прощай, родная земля, хотя и столько поносимая и такъ часто ругаемая, но все же дорогая, какъ родина, какъ колыбель дѣтства! Придется ли тебя опять увидѣть! Впереди тысячи верстъ предстоитъ проплыть по океанамъ и по морямъ.

Мнѣ пришла на мысль поэма „Чайльдъ-Гарольдъ" Байрона и чудная симфонiя на эту поэму Берлiоза. Чайльдъ-Гарольдъ, который бѣжитъ отъ родины.

Теперь, черезъ часъ или два, бросимъ якорь въ норвежскомъ городкѣ Вардё. Тамъ придется смѣнять русскiй пароходъ на заграничный. „Ломоносовъ" же черезъ сутки пойдетъ обратно.

Изъ всѣхъ нашихъ пассажировъ собирались ѣхать далѣе, за границу, лишь я да два жирные сердцемъ и умомъ мурманца.

ЧАСТЬ II.

ПО НОРВЕГІИ.

ГЛАВА I.

Отъ Вардё до Хаммерфеста.

Берегъ Норвегіи. — Чужая сторона. — Вардё. — Климатъ. — Новый спутникъ. — Помѣщеніе. — Нашъ вице-консулъ. — Англійскій консулъ. — Населеніе. — Китоловный промыслъ. — Hôtel Fram. — Герцогъ Абруцскій. — Обѣдъ. — Китоловные заводы. — Ночлегъ. — Бѣгство. — Норвежскій пароходъ. — Атлеты. — Содержаніе. — Туристы. — Второклассники. — Берега къ Сѣверу. — Тана-Фіордъ. — Страна духовъ. — Бойня для китовъ. — Лаксъ-Фіордъ. — Нордкинъ. — Нордкапъ. — Музыканты. — Дилетанты. — Оригинальный промыселъ. — Форсангнеръ-Фіордъ. — Островъ Магерё. — Старые знакомые. — Золото. — Отрицательные факты. — Капитанъ. — Иностранцы со мною. — Эхо. — Киты! Киты! — Отъ сѣвера. — Пассажиры. — Сѣвернѣйшій городъ міра. — Гибель парохода „Бургундія". — Въѣздъ въ Хаммерфестъ. — Польщенная національность. — Хаммерфестъ.

Еще 2-го іюля или 14-го іюля новаго стиля.

Мурманъ .и русскія воды остались далеко позади насъ. Мы приближались къ восточному берегу Норвегіи. Качка разыгрывалась, несмотря на то, что уже мы миновали огромный Варангеръ-Фіордъ и что слѣва у насъ опять показался берегъ. Онъ былъ гористъ и безплоденъ. Надъ океаномъ неслись облака и клоки тумана. Качка начинала досаждать серіозно и мутить нѣкоторыхъ пассажировъ до тошноты.

Насъ утѣшаютъ, что все это скоро кончится. Вонъ уже видно Вардё. Смотримъ, какой-то голый каменный островъ, омывается волнами. Тамъ внутри его есть бухты, у которыхъ и находится городокъ Вардё. Съ приближеніемъ къ первымъ камнямъ острова, становится спокойнѣе на морѣ. Качка уменьшается. Входимъ въ глубокую бухту, и передъ глазами крошечный, нарядный норвежскій городокъ, изъ деревянныхъ домиковъ, крытыхъ зеленымъ дерномъ. Высится готическая лютеранская колокольня. По берегу всюду виднѣются рыбные амбары и сушильни. Вездѣ виситъ, лежитъ и валяется рыба и ея остатки. Отъ этого запахъ еще издали поражаетъ насъ. Пейзажъ темнаго цвѣта. Погода угрюма. Все пасмурно и чуждо намъ кругомъ. Бросаемъ якорь.

Въ душѣ копошится какая-то грусть и тоска по родинѣ. Куда сейчасъ направиться, къ кому обратиться? Чужая сторона, и всѣ здѣсь чужіе. Ты самъ всѣмъ здѣсь чужой. Ты здѣсь никому не нуженъ. Ты здѣсь сущее ничто. Даже языка ихъ ты не знаешь...

Впрочемъ, такое угнетенное настроеніе длится недолго. Пришелъ таможенный чиновникъ — норвежецъ, спокойный, вѣжливый, приличный. Онъ же посмотрѣлъ наши саки и чемоданчики. Я объяснился съ нимъ по-англійски. Это ободряетъ меня нѣсколько. Вспоминаю, что въ Вардё есть русскій вице-консулъ, что тамъ будто бы говорятъ и „по-русски". Немногочисленные пассажиры съѣзжаютъ на берегъ. И я ѣду.

Вардё (Vardö) — крошечный, миніатюрный городокъ, выросшій около крѣпости Вардехусъ, основанный еще датско-норвежскимъ королемъ Хакономъ въ 1310 году. Онъ имѣетъ теперь около 2500 жителей. Жизнь его основана на морскомъ промыслѣ, т.-е. главнымъ образомъ, на торговлѣ рыбою. Рыба, рыба и рыба вверху, на землѣ и въ водѣ. Тамъ кишитъ живая и валяется мертвая. Гавань Вардё не замерзаетъ. Да и какъ ей замерзать, коли тутъ, какъ говорятъ, бываетъ minimum лишь 12° R. Вотъ куда бы посылать нашихъ чахоточныхъ, думалъ я, вмѣсто того, чтобы имъ гноить свои легкія въ жаркихъ и пыльныхъ странахъ, какъ Ницца, Алжиръ и Ялта! Такой образъ дѣйствій нашихъ врачей не есть ли только слѣдствіе ихъ незнанія сѣвера или отсутствіе интереса къ тому, что оступаетъ отъ рутины?

Простившись на пароходѣ съ капитаномъ и съ милѣйшими молодыми штурманами, скрашивавшими мнѣ такъ много мое одиночество въ путешествіи, я спустился со своею небольшою кладью въ лодку. Она направилась къ берегу, пробираясь между рыбачьихъ баркасовъ и лодокъ, между рыбныхъ амбаровъ и сушиленъ, выстроенныхъ надъ водою, на сваяхъ.

Мы пристали и вышли на берегъ. Сначала мнѣ показалось, что я очутился въ какомъ-то игрушечномъ городкѣ, въ какомъ-то нарядномъ пріютѣ лиллипутовъ. Чистенькія, шоссированныя и круто выпуклыя улички. Маленькіе, опрятные, крашеные, деревянные домики, съ хорошенькими, изящными магазинчиками. Нѣсколько бодрыхъ жителей кругомъ, которыхъ, казалось, сюда пустили лишь для оживленія картины, какъ статистовъ на сцену. Все это производило впечатлѣніе какого-то театральнаго городка, какихъ-то кулисъ и декорацій, которыя боишься задѣть локтемъ или ногою на ходу.

Я направился прежде всего искать себѣ пристанище. Ко мнѣ присоединился одинъ архангельскій рыботорговецъ, почувствовавши себя одиноко и неуютно въ чужомъ городѣ. Онъ не зналъ ни одного ино-

страннаго языка. Оказалось, что, вопреки разсказамъ и указаніямъ путеводителей, въ Вардё мало понимаютъ по-русски. По крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили здѣсь знанія своей родной рѣчи.

Прошли взадъ и впередъ нѣсколько разъ по главной улицѣ, и, наконецъ, остановились въ одномъ изъ многочисленныхъ здѣсь Privat Hotelets. Впрочемъ, видѣли одну настоящую гостиницу, Fram. Номеровъ свободныхъ въ ней не было. Выбрали просто меблированную комнату въ 3-мъ этажѣ, съ четырьмя постелями, изъ которыхъ мы себѣ наняли, конечно, лишь только двѣ. Архангелецъ г. А. остановился со мною. Впрочемъ, тогда въ городѣ было рѣдко гдѣ не занято. Назывался нашъ пріютъ собственно Noklerheds-café.

Объясниться на какомъ-нибудь языкѣ съ нашими хозяевами намъ не удалось. Они говорили лишь по-норвежски. Прибавленіе же къ Бедекеровскому путеводителю, приспособленное для путешественниковъ краткое разговорно-грамматическое руководство, еще было мнѣ мало знакомо и не могло меня выручить. Я только начиналъ въ него засматривать. Чтобы выйти какъ-нибудь изъ затрудненія, наши хозяева привели какого-то человѣка. Онъ былъ въ униформѣ не то военнаго, не то швейцара, не то лакея. Мы этого такъ понять и не могли. Однако, и этотъ толмачъ только улыбался, отдавалъ намъ честь по-военному, но объясниться съ нами тоже не могъ. Впрочемъ, наконецъ, мы поняли, что за ночлегъ или, точнѣе, за постель изъ насъ каждый долженъ уплатить по 1 кронѣ.

Своего спутника и свои вещи я оставилъ здѣсь, а самъ пустился поскорѣе къ нашему вице-консулу, чтобы заручиться заранѣе указаніями и доступомъ на китовые заводы.

Нашъ вице-консулъ, еще молодой человѣкъ, по имени Владиміръ Александровичъ Березниковъ, принялъ меня любезно и далъ мнѣ письмо къ управляющему одного изъ двухъ здѣшнихъ китоловныхъ заводовъ. Онъ представилъ мнѣ своего секретаря. Предложилъ портвейну, который подала намъ хорошенькая, молоденькая норвежка. Меня спросили, не пріѣхалъ ли съ нами герцогъ Абруцскій, котораго, какъ оказалось, ждали сюда. Онъ путешествовалъ по сѣверу. Какъ мнѣ ни пріятно было бы посидѣть у вице-консула, которому, какъ видно, рѣдкіе путешественники были тоже не втягость, но я спѣшилъ на китовые заводы.

Размѣнять деньги пришлось рядомъ, у англійскаго консула. Это былъ симпатичный норвежецъ или датчанинъ, Holmbö. Онъ же заказалъ мнѣ и лодку на китовые заводы, которые находились, однако, на берегу материка, а не на островѣ, гдѣ былъ самый городокъ.

Я сбѣгалъ домой захватить плащъ, въ виду перепадавшаго дождя. Тамъ засталъ своего компаньона, архангельца, и убѣдилъ его ѣхать вмѣстѣ посмотрѣть китовый заводъ.

Торопился я съ этимъ дѣломъ, въ особенности, потому что мнѣ хотѣлось попасть на китоловное судно, чтобы видѣть самый бой китовъ. Дознаться же въ городѣ, когда можно разсчитывать застать на заводахъ вернувшихся китолововъ, было невозможно. Между тѣмъ, побережный норвежскій пароходъ долженъ былъ отходить сегодня ночью, и намъ не хотѣлось его упускать, чтобы не засѣсть еще въ Вардё на недѣли, такъ какъ тутъ дѣлать было рѣшительно нечего.

Впрочемъ, чтобы получить истинное представленіе объ этомъ благоустроенномъ городкѣ, нужно все-таки упомянуть, что въ немъ имѣются водопроводы, телефоны и телеграфъ. Есть школа, есть общественная продажа крѣпкихъ напитковъ, съ отчисленіемъ части дохода на государственныя нужды.

Народъ здѣсь бодрый, живой и здоровый. Нужно видѣть краснощекихъ парней и дѣвушекъ на улицахъ, чтобы понять степень здоровья мѣстнаго населенія. Мнѣ врѣзалась одна дѣвушка, очевидно няня. Такой упитанности и краснощекости, кажется, не видывалъ въ своей жизни. Точно мѣхъ со свѣжею кровью. Нравы, здѣсь, какъ мнѣ казалось и судя по разсказамъ, довольно легкіе. По крайней мѣрѣ, парни съ дѣвушками перемигивались и заигрывали довольно открыто, прямо на улицахъ.

Мы двинулись съ моимъ компаньономъ черезъ городъ ко второй его пристани. Челнокъ нашъ поплылъ мимо амбаровъ и сушиленъ съ безчисленною рыбою. Милліоны ея, распластанные на половинки, висѣли уже вялеными. И тутъ, какъ и по Мурману, главный товаръ составляла безчисленная въ океанахъ земного шара треска. Виднѣлась и камбала и др.

Въ проливѣ сильно качало. Надъ волнами сгущался туманъ. Наши гребцы не говорили по-русски. Но мы догадывались, по ихъ мимикѣ, что между собою они выражали опасеніе насчетъ возраставшаго тумана. Конечно, можно было наскочить на камни или угодить въ открытое море. Старшій изъ нихъ жевалъ безостановочно табакъ и ежеминутно сплевывалъ противную, бурую слизь. Со вторымъ, ближайшимъ ко мнѣ и менѣе старымъ гребцомъ я всячески пробовалъ заговорить, но онъ только отвѣчалъ мнѣ сочувственными улыбками. Очевидно, онъ не понималъ ни по-нѣмецки ни по-англійски. И я оставилъ всякую надежду что-нибудь выспросить у этихъ двухъ норвежцевъ.

Сообщу здѣсь нѣсколько кратчайшихъ свѣдѣній о китовомъ промыслѣ на здѣшнемъ сѣверѣ.

Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ китовъ, вообще, въ океанахъ земного шара было такъ много, что ловлею ихъ занимались люди всевозможныхъ національностей, даже испанцы. Теперь, когда эти колоссальныя животныя сильно уменьшились въ числѣ и когда они стали попадаться лишь главнымъ образомъ въ сѣверныхъ и южныхъ, т.-е. самыхъ пустынныхъ, океанахъ, добываніе ихъ весьма ограничилось. Впрочемъ, и конкуренція со стороны минеральныхъ жировъ тоже сильно сокращаетъ китовый промыселъ.

Всѣ китообразныя (Cetacea) дѣлятся на зубастыхъ и беззубыхъ китовъ (Denticeta и Mysticete). Крупнѣйшіе виды принадлежатъ къ послѣднимъ. Къ первымъ относятся: опасный, злой кашалотъ (Catodontida), дельфины (Delphinidae), нарвалъ (Monodontida) и т. п. Беззубые киты, самые безвредные и кроткіе, хотя и крупнѣйшіе, питаются лишь мелкими моллюсками и, быть можетъ, случайно, вмѣстѣ съ этимъ и маленькими рыбками. Они-то и составляютъ главную цѣль китоваго промысла. Беззубые киты раздѣляются на два семейства: на полосатиковъ (Balaenopteridae) и на собственно китовъ (Balaenidae). Полосатиками первые называются потому, что у нихъ вся нижняя часть тѣла имѣетъ множество долевыхъ бороздъ или желобковъ, которые напоминаютъ собою кузовъ лодки. Полосатики и есть тѣ киты, которые еще водятся по нашему Мурману и у сѣверныхъ береговъ Скандинавіи. Изъ нихъ здѣсь попадаются: синій китъ (Balaenoptera sibaldii) или Blaahval по-норвежски, мойвенный китъ (B. musculus) или Finhval по-норвежски. Норвежцы бьютъ еще сельдяного кита, или Seihval по-ихнему, кромѣ того еще Knörhval'я.

Въ прежнее время били въ этихъ мѣстахъ лишь гренландскаго кита (Balaena misticetus), какъ самаго крупнаго и смирнаго. Теперь онъ уже почти вездѣ исчезъ на земномъ шарѣ. Теперь здѣсь самымъ крупнымъ китомъ считается синій — (до 90 фут. длины).

Охота на китовъ производится лишь лѣтомъ. Встарину кита били ручнымъ гарпуномъ, или заершеннымъ копьемъ, къ которому привязывался длинный канатъ. Этотъ канатъ прицѣплялся заднимъ концомъ къ лодкѣ гарпунщиковъ. Киты были смирные и подпускали лодку на разстояніе ручного гарпуннаго удара. Затѣмъ китоловы начали метать гарпунъ съ ракетнаго станка или изъ массивныхъ мушкетовъ, прицѣливаясь ими, какъ обыкновеннымъ ружьемъ, съ плеча. Наконецъ, норвежецъ Swend Foyn додумался стрѣлять китовъ особымъ гарпуномъ изъ небольшой пушечки, помѣщаемой на носу китоловнаго пароходика.

Гарпунъ Фойна отличается тѣмъ, что имѣетъ на переднемъ концѣ своемъ разрывную гранату, которая лопается во внутренностяхъ пораженнаго кита.

Убитыхъ такимъ образомъ звѣрей обыкновенно везутъ пароходики на буксирѣ къ заводу и сваливаютъ ихъ туши головами на берегъ. Тамъ съ нихъ сдираютъ цѣпями (паровыми лебедками или ручною тягою) сало, срѣзая его при этомъ длинными полосами. Затѣмъ ободранную уже такимъ образомъ тушу втаскиваютъ по деревянному помосту паромъ въ верхній этажъ завода и приближаютъ къ каменному маховику съ ножомъ. Этимъ колесомъ, имѣющимъ подобіе огромнаго, вертикальнаго жорнова, всю тушу съ костями вмѣстѣ изрѣзываютъ на куски, изъ которыхъ затѣмъ вытапливаютъ паромъ же остальной жиръ. Вываренное мясо и кости перемалываются въ пудретъ, для удобренія полей и для кормленія рогатаго скота. Жиръ идетъ на смазки и освѣщеніе. Роговыя пластинки изо рта беззубыхъ китовъ идутъ на китовый усъ...

Наконецъ, сквозь туманъ показался противоположный берегъ. Тамъ виднѣлось нѣсколько небольшихъ зданій. Это были два китоловныхъ завода и жилище при нихъ.

Передъ нами въ водѣ плавали какія-то огромныя, продолговатыя, красныя массы. Къ удивленію нашему, оказалось, что это были двѣ-три лишенныя жирового слоя китовыя туши, прикрѣпленныя на якоряхъ. А вонъ на берегу лежатъ три черноватыя груды. То были еще необработанные киты.

Мы причалили къ деревянной пристани, и спросили про управляющаго одного изъ двухъ заводовъ, капитана Кастберга, къ которому мое письмо отъ консула и было адресовано. Насъ провели въ контору. Тамъ было пусто. На столѣ лежало нѣсколько скромныхъ счетоводныхъ книгъ. На стѣнѣ висѣло огромное одноствольное ружье, вѣроятно, уточница.

Скоро къ намъ вышелъ крупный человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ отъ сна лицомъ. Онъ прочелъ письмо и предложилъ намъ осмотрѣть заводъ. Все, что тамъ только было, онъ намъ показалъ. Онъ передалъ намъ и всевозможныя подробности самаго промысла.

На берегу, близъ завода, вокругъ его зданій и въ нихъ самихъ, оказалось столько жира и всякой грязи, что было непріятно ходить тамъ, даже въ русскихъ сапогахъ, которые были надѣты на мнѣ въ тотъ разъ.

Запахъ стоялъ вездѣ тяжелый, точно на бойнѣ. И всюду жиръ, жиръ и жиръ.

Китъ — это, вѣдь, цѣлая гора жира, цѣлый живой корабль, нагруженный имъ.

Конечно, безъ такой массы жира эти млекопитающія не могли бы выдерживать того холода, который ихъ постоянно окружаетъ въ водахъ океановъ.

Весь заводъ, со всѣми его чанами, котлами и помостами, на которыхъ разбросаны части колоссальныхъ животныхъ, или же лежатъ они сами, ободранные и обезображенные, производитъ чрезвычайно мрачное, почти тягостное впечатлѣніе. Кромѣ того, во всемъ этомъ, т.-е. въ самомъ промыслѣ, есть что-то богатырское, что-то героическое. Уже однѣ пустыни океановъ и колоссы, за которыми тамъ приходится гоняться, придаютъ китовому промыслу характеръ сказочный, почти былинный.

Но когда мы подошли близко къ самимъ убитымъ колоссальнымъ, но кроткимъ и незлобивымъ животнымъ, когда мы увидѣли ихъ глаза, какъ говорятъ промышленники, совершенно такіе какъ у лошади и, въ особенности, когда мы взглянули близко на ужасные гарпуны, торчавшіе въ тѣлѣ животныхъ и замотавшіеся въ ихъ кишкахъ, то я положительно содрогнулся. Мнѣ представилась тутъ вся масса страданій, мученій и борьбы, словомъ, вся трудность смерти этихъ несчастныхъ колоссовъ, которымъ иногда приходится таскать за гарпунъ пароходъ, нѣсколько десятковъ миль за собою. И я почувствовалъ почти ужасъ передъ китовымъ промысломъ. Я понялъ, что онъ не подъ силу, напримѣръ, нашему брату, утомленному жизнью сухопутнику.

Тутъ я сталъ отчаиваться въ возможности даже дождаться возвращенія китоловныхъ пароходиковъ, которые могли прибыть, Богъ знаетъ когда. Кромѣ того, мнѣ не ручались, что я непремѣнно увижу убой хотя бы одного даже кита, такъ какъ въ этомъ году ихъ было мало, по сю сторону Нордкапа. Большинство ихъ держалось тогда по ту сторону его.

Такимъ образомъ, опасаясь потерять не мало времени въ скучномъ, маленькомъ Вардё, только ради гадательной возможности увидѣть ловлю китовъ, я не рѣшился дожидаться возвращенія китоловнаго пароходика, несмотря на то, что начальники обоихъ заводовъ были очень любезны и соглашались допустить меня на свои суда. Однако имъ я не признался въ своей нерѣшительности. Распростившись съ ними, мы поѣхали обратно въ Вардё.

Скоро мы пристали и вышли на берегъ. Лодочники запросили съ насъ весьма дорого за поѣздку. Я разсердился и сталъ возражать.

Но они пользовались нашимъ незнаніемъ языка, и намъ не удалось соблюсти въ этомъ случаѣ своихъ интересовъ.

Мы были страшно уставши и голодны, поэтому поспѣшили въ Hotel Fram, гдѣ, говорятъ, лучшій столъ въ Вардё.

Тамъ застали одного чиновника изъ Архангельска и какихъ-то двухъ иностранцевъ. Тѣ не могли ничего объяснить хозяйкамъ гостиницы, не зная по-норвежски такъ же, какъ и мы. И мы, всѣ четверо пристали къ архангельцу, прося его за насъ объясниться, такъ какъ онъ немного зналъ этотъ языкъ.

Въ ожиданіи обѣда мы стали разговаривать съ незнакомцами. Одинъ изъ нихъ былъ молодъ. Онъ говорилъ великолѣпно по-французски, какъ парижанинъ. Второй, болѣе почтенный на видъ человѣкъ, объяснялся тоже на этомъ языкѣ, но безъ типичнаго французскаго акцента. Національности ихней я не могъ разгадать. Молодой незнакомецъ казался на видъ еврейскаго происхожденія.

Они разсказали намъ кое-что про Шпицбергенъ, откуда только-что сами вернулись. Говорили о богатой охотѣ, какую тамъ находятъ любители. Самъ островъ Шпицбергенъ и его природа, повидимому, не произвели на нихъ особаго впечатлѣнія.

Когда рѣчь зашла о томъ, кто изъ насъ какой національности или, вѣрнѣе, кто изъ насъ откуда ѣдетъ, то наши незнакомые собесѣдники лаконически отвѣтили, что они изъ Лондона. Тогда архангельскій чиновникъ, или нашъ случайный переводчикъ, отвелъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ, что молодой иностранецъ — герцогъ Абруцскій, племянникъ короля Гумберта. Путешествуетъ онъ инкогнито. Второй былъ какой-то приближенный его.

Послѣ этого неожиданнаго сообщенія мы какъ-то невольно стали сторониться отъ своихъ высокопоставленныхъ собесѣдниковъ. Намъ приходило въ голову, что, быть можетъ, наша компанія принцу крови можетъ показаться тягостной. Но этотъ послѣдній былъ положительно удивленъ чрезмѣрной щепетильностью съ нашей стороны. Молодой человѣкъ, казалось, былъ доволенъ поговорить съ кѣмъ-нибудь хоть по-французски на этомъ германскомъ сѣверѣ.

Обѣдъ хозяева старались сервировать, какъ можно пышнѣе. Его накрыли намъ всѣмъ вмѣстѣ, за однимъ и тѣмъ же столомъ. Тутъ наставили нетолько безчисленныхъ закусокъ, водокъ и пива, какъ это принято въ Норвегіи, но еще и не мало бутылокъ съ различными винами. Взыскали съ насъ по-персонно и, какъ помнится, не дешево, судя по мѣстнымъ цѣнамъ.

Утомленіе брало свое. Я почти засыпалъ за обѣдомъ. Поэтому окончивъ трапезу, я потянулъ своего спутника, архангельскаго рыбопромышленника, домой.

Въ эту минуту вошелъ нашъ милѣйшій вице-консулъ и очень удивился, что я не остаюсь дожидаться китоловныхъ пароходовъ, и вмѣсто того собираюсь уѣхать въ эту же ночь.

Архангельскій чиновникъ увѣрялъ, что мнѣ можно будетъ весьма удобно увидѣть охоту за китами въ Мехавнѣ (Mehavn). Это одна изъ станцій на предстоявшемъ намъ береговомъ пути. Онъ увѣрялъ меня, что въ Mehavn'ѣ бьютъ ежедневно по 5—7 китовъ, и что мнѣ будетъ мало риска задержаться тамъ ради этой охоты. Признаться сказать, я не очень довѣрилъ говорившему, испытавъ неудачу въ этомъ отношеніи въ Вардё. Кромѣ того, ощущалось уже утомленіе отъ форсированнаго пути.

Все это сдѣлало то, что я оставилъ почти безъ вниманія и другія подобныя свѣдѣнія, объ остальныхъ норвежскихъ китоловныхъ заводахъ. А между тѣмъ, оказалось, что кромѣ Mehavn'a (находящагося по сю сторону Нордкапа) есть еще китовые заводы по берегамъ сѣверной Норвегіи, какъ-то: на островѣ Sörö — завѣдующій Ingebrigtsen; около г. Тромзö на островѣ Skorö — представитель англійскій консулъ, норвежецъ Giaever, и еще нѣсколько другихъ. Нашъ консулъ рекомендовалъ мнѣ Skorö, гдѣ большею частью европейскіе путешественники и знакомятся съ этимъ дѣломъ. Тамъ и германскій императоръ ѣздилъ съ китоловами въ море и, говорятъ, самъ стрѣлялъ китовъ. Послѣ, во время моего дальнѣйшаго пути, мнѣ указывали еще и на другіе китоловные заводы въ Норвегіи. Помнится, между прочимъ, на одинъ въ Baadsfiord'ѣ около Langö. Есть еще таковые въ Havö, въ Ingö, въ Sorvür и т. д.

Меня такъ обнадежили относительно завода на Skorö и насчетъ его представителя консула Giaever'a, что я совершенно успокоился. Я былъ увѣренъ, что относительно китовой охоты я обезпеченъ.

Однако теперь пока нужно было спѣшить хоть чуть-чуть отдохнуть, такъ какъ норвежскій пароходъ уходилъ по расписанію въ часъ или въ два ночи. Поэтому, взявъ билеты въ пароходной конторѣ, гдѣ оказалось, что прямое сообщеніе почти не дешевле въ Скандинавіи, нежели короткое, мы поспѣшили въ свою Hotelet. Ложась спать, намъ долго пришлось объяснять нашему хозяину, когда отходитъ пароходъ и когда насъ нужно разбудить. И мы и нашъ хозяинъ взаимно показывали другъ другу карманные часы, и знаки циферблатовъ, и, казалось, послѣ этого хозяинъ нашъ догадался, что намъ во всякомъ случаѣ нужно отправиться рано утромъ.

Вотъ, вдругъ ночью слышу сквозь сонъ, завылъ какой-то пароходъ, и я вскочилъ съ постели, какъ ужаленый. Проснулся и мой компаньонъ. Мы оба бросились разыскивать по дому нашихъ хозяевъ; но сколько ихъ ни искали, найти нигдѣ не могли. Что дѣлать? Кому передать плату за ночлегъ? Между тѣмъ, нужно было спѣшить и на пароходъ. Вещи тоже некому было нести за нами. Поэтому мы схватили ихъ сами и пустились, какъ бѣглецы, изъ Hôtelet'а къ лодкамъ, перевозившимъ пассажировъ на пароходъ.

Тутъ намъ, русскимъ, и не пришло даже въ голову, что слѣдовало просто-напросто оставить плату за постой на столѣ, въ нашемъ же номерѣ или, еще лучше, отдать ее еще съ вечера нашимъ хозяевамъ.

Впрочемъ, мы условились съ моимъ компаньономъ-архангельцемъ, что онъ передастъ деньги за ночлегъ владѣльцу нашего Hôtelet'а, на обратномъ пути. Со мною этотъ господинъ собирался проѣхать лишь до Бергена, гдѣ была въ то время рыболовная выставка.

BN. Между прочимъ, для характеристики здѣшнихъ нравовъ намъ сообщали знающіе люди, что въ Вардё въ баняхъ моютъ дѣвушки и мужчинъ. Провѣрить такой фактъ не пришлось. Помнится, о томъ же утвердительно говоритъ и Нансенъ въ своемъ дневникѣ, при описаніи остановки въ Вардё.

3-го (15-го) іюля.

Когда мы перебрались на норвежскій пароходъ „Хоконъ ярль“ *), то уже было часа 2 утра 3-го іюля, или 15-го іюля по новому стилю.

Недалеко отъ нашего парохода стоялъ въ гавани еще и „Ломоносовъ“, который мы только вчера покинули. Теперь онъ былъ весь изукрашенъ флагами, такъ какъ на немъ отправлялся въ Архангельскъ герцогъ Абруцскій.

Издали я разсмотрѣлъ и узналъ на пароходѣ кое-кого изъ служащихъ.

На норвежскомъ пароходѣ я былъ непріятно пораженъ тѣснотою второго класса. Маленькая общая каюта его была биткомъ набита вещами. Койки были почти всѣ заняты спящими пассажирами. Мы еле помѣстились со своимъ скромнымъ багажомъ.

Оказалось, что спящіе были члены мѣстнаго атлетическаго общества. Ѣхали они на гимнастическій праздникъ въ Тромзё.

Утромъ, въ 4 часа, нашъ пароходъ тронулся въ путь.

Теперь-то, наконецъ, увижу знаменитые, давно желанные фіорды Норвегіи.

---

*) Haakon произносится приблизительно какъ Хоконъ.

Часовъ въ 6 утра рестор採оръ II класса, онъ же и завѣдующій койками и бѣльемъ въ каютахъ, словомъ, въ родѣ нашего начальника даже, всталъ съ одной изъ коекъ и, умывшись, началъ подавать намъ кофе. Атлеты, все больше молодые люди и, по профессіи, торговые приказчики изъ Вардё, пили кофе прямо на койкахъ.

Оказалось, что помѣщались у насъ во II классѣ не только нашъ рестораторъ, но еще и одинъ поваръ. Онъ теперь вставалъ и уходилъ на работу.

Все это меня, русскаго человѣка, начинало немного коробить. Но я утѣшалъ себя, что Норвегія зато страна труда, ума и честности, чего такъ мало у насъ дома, въ особенности по деревнямъ.

Дневное пропитаніе во II классѣ состояло изъ чашки кофе утромъ, изъ завтрака, обѣда, сопутствуемаго кофе или чаемъ, и изъ ужина. Стоило все это 3 кроны 50 ёръ съ персоны, но оказалось весьма невкуснымъ. Особенно, иногда казались подозрительными безчисленныя закуски, которыя подавались и къ завтраку, и къ обѣду, и къ ужину.

Вообще, начиная съ Вардё и продолжая далѣе по Норвегіи, пришлось убѣдиться, что здѣсь на пароходахъ все вниманіе и вся заботливость направлены лишь на I-классниковъ, т.-е. на туристовъ. Всѣ они ѣдутъ въ немъ. Даже изъ мѣстныхъ жителей тѣ, которые на видъ почище, путешествуютъ въ первомъ классѣ по морю.

Бѣднаго второклассника здѣсь угнетаютъ и рестораторъ, и прислуга, и даже нахалы пассажиры изъ III класса. Нѣсколько разъ я замѣчалъ, какъ подобныя личности пробирались, безъ всякаго права, къ намъ, и отвоевывали себѣ на ночь койки. Раза два и мы съ архангельцемъ находили на своихъ койкахъ и вещахъ спавшихъ постороннихъ.

Приходилось мириться со всѣмъ этимъ въ качествѣ иностранцевъ. Но душу подъ часъ и воротило. Между тѣмъ, давъ себѣ сначала слово пропутешествовать въ эту поѣздку во II классѣ, я не хотѣлъ измѣнять своему слову.

Берега отъ Вардё къ сѣверу дѣлались все пустыннѣе и мрачнѣе. Это были скалы темнаго цвѣта со срѣзанными вершинами (конечно, доисторическими льдами). Множество птицъ виднѣлось по нимъ. Растительности, казалось, совсѣмъ не было на нихъ. Погода была мрачна и холодна. Изъ трещинъ и долинъ виднѣлись снѣгъ, и ледъ. Благодаря этимъ запасамъ влаги, здѣсь образуется множество горныхъ потоковъ и водопадовъ, низвергающихся иногда прямо съ высоты берегового обрыва въ море.

Съ нами опять и на этомъ пароходѣ оказались оба мурманскіе воротила.

Иногда пароходъ останавливается у какой-нибудь станціи или факторіи, и забираетъ пассажировъ либо почту. Не стану описывать всѣхъ этихъ мелкихъ станцій, каковы: Havningberg, Syltefjord, Makur, Baadsfjord, Berlevaag и др.

Вечеромъ, часовъ въ 6, заходили въ огромный своею длиною (около 70 килом.) Тана-Фіордъ (Tanafjord). Тутъ, со станціи Vagge, къ намъ сѣло нѣсколько норвежскихъ лопарей, которые отличаются отъ нашихъ своимъ живописнымъ костюмомъ. Впрочемъ, на видъ норвежскіе лопари выглядятъ вообще мизернѣе нашихъ. На первыхъ вымираніе этой расы замѣтнѣе.

Не труднѣе ли имъ здѣсь бороться за существованіе съ болѣе культурными норвежцами, нежели тамъ въ Россіи, съ нашими промышленниками?

Тана-Фіордъ взялъ у насъ цѣлыхъ три часа, пока мы дошли до конца его и вернулись опять въ океанъ. Это былъ собственно въѣздъ въ глубь самой страны, горы которой виднѣлись вблизи и вдали, со своими глетчерами. Словомъ, передъ нами была цѣлая альпійская страна, съ довольно высокими вершинами и хребтами,—только страна сѣверная, непривѣтливая и безплодная. Нигдѣ не видно было ни лѣсовъ, ни луговъ. Кой-гдѣ торчали одинокіе жалкіе кустики или убогая травка, или же мохъ. Да и тѣ приходится здѣсь разыскивать съ усиліемъ. Ни люди, ни животныя не оживляли эту мрачную, угрюмую, но все же красивую страну. Вообще, вся эта панорама вершинъ и ледниковъ напоминала какую-то страну духовъ, именно, норвежскихъ „троллей или трольдовъ". И, дѣйствительно, въ Скандинавіи многія вершины, озера, долины и пр. носятъ названія, напоминающія о духахъ, гномахъ и тому подобномъ.

Ночью останавливались у нѣсколькихъ незначительныхъ станцій, которыя я, впрочемъ, проспалъ, такъ какъ постоянное напряженіе вниманія сильно утомляло нервы. Это были пристани Fingkongkjeilen и Gamvik.

4-го (16-го) іюля.

Утромъ, часовъ въ 5, остановились у китоловнаго завода въ Мехавнѣ (Mehavn). Я взглянулъ съ койки черезъ люкъ и замѣтилъ, что это настоящій пунктъ китоваго промысла, быть можетъ, даже лучшій въ Норвегіи. Во-первыхъ, какъ оказалось, онъ принадлежитъ Свенду Фойну, изобрѣтателю настоящаго огнестрѣльнаго боя китовъ и гарпуна съ гранатою. Наконецъ, достаточно было взглянуть на ту массу ободран-

ныхъ, красныхъ гигантскихъ тушъ, плававшихъ въ огороженномъ затонѣ, чтобы догадаться, что тутъ китоловное дѣло кипитъ. Этихъ ободранныхъ тушъ было здѣсь, по крайней мѣрѣ, штукъ 40 или 50. На берегу лежало два большихъ синихъ кита съ ужасными гарпунами въ боку. Одна ободранная туша виднѣлась подъ навѣсомъ завода, вверху, уже около маховика съ ножомъ, готовая быть изрѣзанной на части и превратиться въ порошокъ.

Страшно было смотрѣть на все это колоссальное уничтоженіе жизни. И я еще разъ подумалъ, что нужно родиться почти богатыремъ для грандіознаго, опаснаго и героическаго китоваго боя. Не даромъ китоловство считалось всегда отличной школой мореплаванья, и поощрялось правительствами многихъ странъ.

Тутъ мнѣ стало ясно, что всего лучше въ Mehavn'ѣ можно ознакомиться съ этимъ интереснымъ и оригинальнымъ дѣломъ. Однако, я къ этому заранѣе не приготовился. Между тѣмъ, на пароходъ съ завода догружали послѣднія бочки съ китовымъ жиромъ и съ гуано, и уже собирались къ отплытію. И мнѣ опять пришлось утѣшить себя, что я уже навѣрно увижу бой китовъ въ Скорё, какъ меня обнадеживалъ нашъ вице-консулъ еще въ Вардё.

Въ огромный Лаксъ-Фіордъ не заворачивали. Нѣтъ тамъ значительныхъ станцій.

Берега все возвышеннѣе и скалистѣе. Они изорваны трещинами, долинками и промывинами. Притупленность вершинъ становится менѣе рѣзкой, опредѣленной.

Съ любопытствомъ жду знаменитаго Нордкина или сѣвернѣйшаго мыса европейскаго материка. Наконецъ, вотъ онъ. Это угрюмый, темный уголъ скалы или, точнѣе, каменное ребро, выступившее въ море, которымъ оканчиваются горы Скандинавіи и весь европейскій материкъ на сѣверѣ. Самъ Нордкинъ (Nordkyn) и окрестныя скалы почти чернаго цвѣта. Черны и море, и небо. Погода пасмурна и туманна. Кой-гдѣ пролетаютъ грустно одинокія чайки и буревѣстники.

Изъ пассажировъ, кажется, никто не вышелъ на палубу полюбоваться Нордкиномъ. Всѣ, конечно, ждали увидѣть почему-то болѣе прославленный Нордкапъ.

Мнѣ совершенно непонятно то предпочтеніе, которое весь міръ отдаетъ Нордкапу передъ Нордкиномъ, считая почему-то первый даже сѣверною оконечностью Европы; несмотря на то, что это оконечность, вѣдь, острова Magerö. Кромѣ того, по рисункамъ и описаніямъ Нордкапъ и Нордкинъ чрезвычайно похожи. Тѣмъ не менѣе, всѣ туристы стремятся на Нордкапъ, гдѣ для нихъ есть даже подходящій пріютъ.

Каждый пріѣхавшій туда туристъ, говорятъ, считаетъ долгомъ своимъ закурить на полуночномъ солнцѣ сигару и выпить бутылку шампанскаго, которое имѣется на этотъ случай тамъ, въ сторожкѣ для туристовъ.

Наши два мурманца сообщили мнѣ, что капитанъ Haakon Yarl'a обѣщалъ имъ обогнуть Nordkap, если только погода не будетъ слишкомъ туманной и бурной, т.-е. опасной.

Этому обѣщанію можно было вѣрить. За обоими мурманцами на норвежскомъ пароходѣ очень ухаживали, вполнѣ какъ за пароходными воротилами. Ради ихъ развлеченія, напримѣръ, на пароходѣ нашемъ везли и кормили безплатно 5 трубачей, которые должны были, во время обѣда и ужина, играть на палубѣ перваго класса, чтобы услаждать внизу, въ столовой, трапезу этихъ важныхъ пассажировъ. Между тѣмъ, какъ потомъ я убѣдился, въ Норвегіи, какіе бы то ни было, музыкальныя банды и даже одинокіе наемные музыканты — большая рѣдкость. Настоящихъ же оркестровъ нѣтъ ни одного во всей странѣ.

Мнѣ объясняли это, во-первыхъ, бѣдностью, во-вторыхъ, слишкомъ большою занятостью всѣхъ среди норвежскаго народа.

Вотъ бы удивились наши неистовые меломаны-любители, расколачивающіе днями и ночами уши, и нервы своимъ ближнимъ! Здѣсь людямъ приходится столько бороться съ природою, чтобы только сносно жить, что имъ некогда „заниматься искусствами", какъ-то дѣлаютъ наши бездѣльницы изъ дамъ и дѣвицъ, воображая наивно, что онѣ въ самомъ дѣлѣ совершаютъ что-то похвальное, разбивая неистово фортепіано. Между тѣмъ, какъ пришлось убѣдиться потомъ, даже и дилетантское искусство въ Скандинавіи, какъ истинная роскошь, тоже не распространено.

Оказалось, что Григъ, знаменитый норвежскій композиторъ, руководилъ въ это время серіей концертовъ на выставкѣ въ Бергенѣ. И туда пришлось выписать оркестръ изъ Голландіи.

Проѣзжаемъ мысъ Svärholtklubben полуострова Spirte-Njarga, усыпанный чайками, чистиками, гагарами, бакланами и др. морскими птицами. Подавляющее большинство однако представляютъ чайки. Онѣ здѣсь плаваютъ по водѣ, усыпаютъ бѣлыми точками скалы и вьются, какъ снѣгъ въ мятель, надъ нами.

Утесы загажены птицами настолько, что кажется мѣстами, будто тамъ наслоена известь.

Здѣсь собираютъ яица чаекъ, для пересылки ихъ въ Англію. Кромѣ того, складываютъ въ ямы трупы мертвыхъ чаекъ и получаютъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ силоса, для кормленія рогатаго скота. Вѣ-

роятно, ради добыванія всего этого здѣсь построены кой-гдѣ, по утесамъ, приставныя лѣстницы изъ шестовъ.

Надо было видѣть, сколько чаекъ поднялось и закружилось въ воздухѣ вокругъ, когда на пароходѣ свистнули, чтобы ихъ спугнуть. Впрочемъ, многія изъ нихъ не слетали совсѣмъ. Это были, вѣроятно, или совсѣмъ не летающія, или уже умудренныя опытомъ, изъ старыхъ.

Останавливались въ Repvaag'ѣ находящемся въ огромномъ Форсангеръ-Фіордъ (Forsangerfjord'ѣ), въ Kjelvik'ѣ и Haaningsvaag'ѣ на островѣ Magerö.

Туманъ все сгущался, и капитанъ не рѣшился огибать Нордкапъ. Пароходъ направился проливомъ Magerö-Sund.

Какъ ни было обидно, но пришлось мнѣ, вѣроятно, навсегда отказаться отъ возможности увидѣть прославленный Nordkap.

Островъ Magerö и берега материка — угрюмыя, темно-сѣрыя скалы. Съ нихъ ползутъ къ океану облака, и сгущаютъ еще болѣе туманы надъ нимъ. Мрачно, жутко и угрюмо кругомъ. Мысль невольно устремляется отсюда. Она рисуетъ себѣ чудныя изумрудно-лазоревыя озера, подъ благодатнымъ, яснымъ небомъ, съ зелеными берегами, улыбающимися домиками и красивыми, счастливыми людьми около нихъ...

Вдругъ вижу несется стая какихъ-то странныхъ птицъ, непохожихъ на окружающихъ насъ. Всматриваюсь. И что же? Простыя наши вороны! Вотъ что значитъ — мысль занеслась слишкомъ далеко.

Я такъ обрадовался этимъ дурнышкамъ, что даже весело засмѣялся. Мнѣ припомнилась матушка Москва, напиханная ими зимою. И на душѣ стало какъ-то тепло и отрадно. Припомнилось и многое дорогое, оставленное тамъ, и дома на родимой сторонѣ.

Оказывается, что и тутъ, въ этой далекой и малолюдной странѣ, тоже интересуются золотомъ. Мнѣ разсказывали второклассные пассажиры, что не мало норвежцевъ уѣхало въ Америку, на Клондейкъ, къ богатѣйшимъ, недавно открытымъ тамъ золотымъ розсыпямъ. Передавали еще анекдотъ, что одинъ изъ нихъ добылъ будто бы золота на семьдесятъ милліоновъ долларовъ, или что-то еще болѣе. И тутъ, и этотъ умный, честный и трудолюбивый народъ мечтаетъ о золотѣ, какъ о нѣкоемъ благѣ.

Когда же, когда золото и брильянты сдѣлаются обыкновенными; когда и они станутъ дешевы и доступны, такъ, чтобы люди не сумасшествовали болѣе изъ-за нихъ?

Побольше, побольше бы розсыпей, какъ клондейкская. Побольше бы равнодушія. Пониже бы цѣна всему этому; чтобы не одни полезные предметы, какъ хлѣбъ, напримѣръ, теряли цѣнность отъ перепроизводства.

Нашъ рестораторъ сегодня оставилъ насъ безъ кофе. На вопросы, что это значитъ, онъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ сливокъ. Однако, вечеромъ онъ взыскалъ съ насъ за полное дневное содержаніе. И никто даже не возразилъ ему на это.

Я поразился. И ничѣмъ не могъ этого объяснить, кромѣ равнодушія пароходнаго начальства ко всему, что не касалось I класса.

Очевидно, что отсутствіе всякаго контроля здѣсь развило и нѣкоторую недобросовѣстность, хотя чрезмѣрное контролированье и недовѣріе ведетъ еще къ худшему, какъ у насъ, въ Россіи, гдѣ каждый другъ другу глядитъ не только подозрительно въ лицо, но еще и старается постигнуть, что дѣлается у другого въ душѣ, и что онъ замышляетъ.

Вспомните, напримѣръ, какъ слѣдитъ у насъ за пассажирами лакей на вокзалѣ, опасаясь, конечно, что или за съѣденное не заплатятъ, или унесутъ тайкомъ что-нибудь со стола.

Вглядываясь въ нѣкоторые порядки парохода и замѣчая, что тамъ даже никого не принуждаютъ брать билеты, я пришелъ къ убѣжденію, что нѣкоторые пассажиры, особенно третьеклассники, ѣздятъ безъ нихъ.

Капитанъ, и тотъ мнѣ успѣлъ солгать. Онъ увѣрялъ меня, что на скорыхъ пароходахъ (т.-е. прямого сообщенія), которые не останавливаются у маленькихъ станцій, въ каковыя заходитъ „Haakon Yarl", плата за проѣздъ выше, нежели на послѣднемъ. Между тѣмъ это оказалось неправдой.

Вообще, роль норвежскихъ капитановъ насъ, русскихъ, поражала. Нашъ капитанъ, какъ говорили два мурманца, только и занимался на пароходѣ, что одними пассажирами I класса. За табль-д'отомъ онъ старался всячески развлечь и занять ихъ. Одинъ разъ, вечеромъ, составилъ даже на палубѣ танцы, изъ нашихъ молодыхъ гимнастовъ и женской прислуги парохода, подъ музыку пяти трубачей. Онъ предлагалъ и нѣкоторымъ изъ насъ принять участіе въ этомъ.

Мы, русскіе пассажиры, прозвали его предводителемъ дворянства, видя его склонность къ увеселенію своихъ опекаемыхъ.

Впрочемъ, нашъ старый, краснолицый и приземистый капитанъ, въ сущности, былъ добродушный человѣкъ. Онъ относился и ко мнѣ довольно хорошо.

Я долженъ сказать, что и всѣ норвежцы, его подчиненные и даже публика относились ко мнѣ тоже весьма ласково. Только моментъ признанія моей національности немного какъ-будто охлаждалъ ко мнѣ иностранцевъ, но потомъ опять все сглаживалось.

Угрюмые, высокіе берега и дальнія горы внутри страны отражали звуки музыки нашихъ пяти трубачей. Особенно эффектно раздавались тамъ, замирая вдали, свистки парохода. Они улетали туда, въ глубь горъ и тѣснинъ, и замолкали на снѣговыхъ высотахъ, на всѣхъ этихъ Tind'ахъ, Top'ахъ и Spinds'ахъ *).

$11^3/_4$ часовъ ночи. Погода чудесная. Солнце свѣтитъ. Только въ сторонѣ океана небо меркнетъ. Тамъ, въ промежуткахъ между островами, виднѣется темнѣющій горизонтъ. Быть можетъ, тамъ, въ открытомъ морѣ, и будетъ ночью неспокойно. Но здѣсь, въ фіордахъ и подъ защитою островов, и камней, гдѣ мы плывемъ, даже буря не страшна намъ.

Вдругъ на пароходѣ раздалось слово „hvaler, hvaler“! (киты, киты). И одинъ изъ гимнастовъ, болѣе другихъ занимавшійся мною, прибѣжалъ ко мнѣ, чтобы позвать взглянуть на китовъ. Я обрадовался, надѣясь наконецъ увидѣть настоящія большія экземпляры, а можетъ-быть, даже и цѣлое стадо. Но то былъ только китоловный пароходикъ, тащившій за собою нѣсколько убитыхъ китовъ. Это было почти цѣлое стадо мертвыхъ колоссовъ. Четыре штуки покачивались сзади судна на канатахъ, пятый — былъ подтянутъ къ правому боку его. Вѣроятно, и съ другой стороны былъ притянутъ къ боку еще одинъ, такъ какъ пароходикъ шелъ совершенно прямо, т.-е. не скренивалась отъ неравномѣрнаго груза, хотя и очень медленно. Мертвые колоссы были сильно раздуты разорвавшимися въ нихъ гранатами. Вся эта группа представляла собою грустную картину. Маленькій зеленый пароходикъ и его колоссальныя, бѣло-синія жертвы напоминали собою какую-то братскую погребальную колесницу. Кто-то сказалъ: „Точно ягдташъ съ бекасами“.

Сознаніе, что мы уже обогнули верхній сѣверный пунктъ нашего пути, и идемъ теперь къ югу, мнѣ казалось пріятнымъ. Какое-то странное чувство отрады зарождалось въ душѣ, отъ одной этой мысли. Къ югу, значитъ, прочь отъ сѣвера: отъ его пустынности и смерти, значитъ, ближе къ людямъ, къ жизни, къ дому.

Не на сѣверъ ли только-что рвался я изъ средней Россіи?

Изъ пассажировъ, которые здѣсь были весьма малочисленны, мнѣ запомнились лишь господинъ и дама, которые казались супругами. Она красивая, отцвѣтаюшая женщина, постоянно задумчивая и грустная, глядѣвшая меньше въ свою книгу, съ которою вѣчно сидѣла, чѣмъ куда-то вдаль. Она точно грустила или не могла раздѣлаться съ ка-

---

*) Вершины, возвышенности и т. п.

кою-то неотвязною мыслью. Ея спутникъ былъ маленькій человѣкъ съ просѣдью, который все время ходилъ передъ нею по палубѣ, стуча своими невѣроятными норвежскими подошвами, напоминавшими доски. Онъ точно усиливался передъ нею выглядѣть молодцомъ. Оба они были, повидимому, норвежцы. Они ѣхали въ I классѣ.

Заинтересовалъ меня, изъ всѣхъ нашихъ пассажировъ, еще одинъ пожилой англичанинъ. Оказалось, что онъ провелъ на Танѣ съ пріятелемъ своимъ нѣсколько недѣль, только ради уженія семги. Наловили они что-то нѣсколько сотъ фунтовъ этой рыбы!... И англичанинъ былъ, кажется, очень доволенъ такими результатами.

Я выразилъ ему свое удивленіе въ томъ, что онъ не заинтересовался китовымъ боемъ, каковой, конечно, несравненно оригинальнѣе, нежели уженіе семги. Англичанинъ какъ-то замялся. Мнѣ пришло въ голову, ужъ не помѣшалъ ли ему страхъ, такъ какъ все-таки китъ, вѣдь, не семга, и можно, пожалуй, иной разъ попасть за нимъ и въ глубь океана.

Я узналъ отъ англичанина-рыболова, что на скалистыхъ берегахъ Таны онъ видѣлъ гнѣздо кречетовъ.

Товарищъ этого рыболова находился уже въ Англіи. Тотъ былъ еще и соколинымъ, какъ оказывалось, охотникомъ, каковымъ и я самъ прежде когда-то состоялъ. И я пожалѣлъ, что его нѣтъ здѣсь, что онъ уже уѣхалъ домой. M-tr Hunter, какъ себя называлъ мой собесѣдникъ, звалъ меня въ Англію, посмотрѣть тамошнюю соколиную охоту.

Въ публикѣ разсказывали о гибели французскаго корабля „Bourgogne“, который былъ разрѣзанъ или опрокинутъ другимъ судномъ на этихъ дняхъ въ Атлантическомъ океанѣ. Подробности этой катастрофы были необыкновенно ужасны. Дѣло въ томъ, что матросы бросились первые въ спасательныя лодки, отбиваясь отъ спасавшейся публики ножами и веслами. Капитанъ и всѣ начальники судна погибли.

Мы останавливались въ Gjesvär'ѣ, Maasö и Havö.

Наконецъ, приближаемся къ знаменитому сѣвернѣйшему городу міра, къ Хаммерфесту (Hammerfest). Скоро увидали его, запрятаннаго въ фіордѣ острова Kvalö.

На мачтахъ нашего парохода подняли флаги, передъ входомъ въ гавань, и наши пять трубачей заиграли. Кой-кто изъ публики обратилъ мое вниманіе на то, что на мачтахъ поднятъ русскій флагъ. Наши спутники, мой архангелецъ и оба мурманца, замѣтили тоже. Они попросили меня узнать у капитана о причинѣ такого явленія. Оказалось, что на норвежскихъ пароходахъ имѣютъ обыкновеніе поднимать, при

входѣ въ пристань, флаги тѣхъ національностей, къ которымъ принадлежатъ ѣдующіе на суднѣ пассажиры.

— Это для васъ, четырехъ русскихъ, поднятъ вашъ національный флагъ,—пояснилъ мнѣ начальникъ пароходной конторы изъ Вардё, который ѣхалъ тоже съ нами на „Haakon-Yarl“.

Двое мурманцевъ, однако, приняли эту любезность исключительно на свой счетъ и рѣшили распить съ капитаномъ въ отвѣтъ на его любезность бутылку шампанскаго.

Вотъ, наконецъ, показалась группа чистенькихъ, миловидныхъ деревянныхъ домиковъ, прилѣпившихся, казалось, къ скалѣ. Это и былъ знаменитый Хаммерфестъ.

Городъ этотъ основанъ въ 1787 г. Имѣетъ приблизительно 2200 жителей. Дома его деревянные, какъ и въ Вардё, несмотря на то, что его не разъ пожирали пожары. Послѣдній большой пожаръ былъ 12-го іюля 1890 года, послѣ котораго Хаммерфестъ отстроился заново. Солнце здѣсь свѣтитъ, не заходя, съ 13-го мая по 29-е іюля новаго стиля. Это главный пунктъ торговли Норвегіи съ Россіей. Отсюда совершаются промысловые и туристскіе рейсы на Шпитцбергенъ. Промышленники ѣздятъ отсюда и на Новую Землю. Главный предметъ торговли здѣсь рыба. Вытапливается изъ печени трески рыбій жиръ, запахъ котораго характеренъ для Хаммерфеста. Солнце покидаетъ здѣсь горизонтъ съ 18-го ноября по 23-го января н. ст. Тогда городъ освѣщается электричествомъ, пользуясь для этого однимъ ближайшимъ водопадомъ.

Разсказываютъ, что дѣти дѣлаются блѣдными и жалкими на видъ въ школахъ Хаммерфеста, подъ вліяніемъ длинной, безпробудной полярной ночи. Но съ возвращеніемъ свѣтлаго здороваго полярнаго лѣта они быстро оживаютъ, расцѣтаютъ, и превращаются опять въ тѣхъ маленькихъ красавцевъ и красавицъ, на которыхъ иной разъ въ Скандинавіи можно положительно заглядѣться.

ГЛАВА II.

Отъ Хаммерфеста до Тромзё.

Соотечественники. — Осмотръ Хаммерфеста. — Деспотъ. — Картина отъ Хаммерфеста до Тромзё. — Локлинъ. — Оссіанъ. — Остановки. — Англичане. — Среди третьеклассниковъ. — Свендсенъ. — Олебуль. — Красота страны. — Гротъ-Зундъ. — Тромзё-Зундъ. — Прибытіе въ Тромзё. — Бѣгство съ парохода. — Наше вице-консульство. — Помѣщеніе. — Магазины. — Лопари. — Окрестность. — Городъ. — Нравы. — Ночи. — Купанье. — Музей. — Взглядъ на русскихъ. — Скотъ. — Аптека. — Демократія. — Покосъ. — Дѣти. — Грустныя исключенія. — Температура воды. — Столъ. — Англійскій консулъ. — Гуляки. — Дѣвушки. — Молодежь. — Опять нравы. — Береста. — Провинціальный патріотизмъ.

5-го (17-го) іюля.

Было два часа утра, когда мы съ музыкой и подъ русскимъ флагомъ стали въ Хаммерфестѣ. Въ гавани было много судовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ русскія. На берегу собралась публика, которая, повидимому, тутъ охотно проводитъ чудныя, свѣтлыя полярныя ночи на воздухѣ.

Почти всѣ наши пассажиры, въ томъ числѣ и гимнасты, рѣшили ѣхать дальше на пароходѣ прямого, т.-е. скораго, сообщенія или по-норвежски „hurtig“. Гимнасты должны были спѣшить на состязаніе въ Тромзё.

Нашихъ двухъ мурманцевъ, ради особаго почета, капитанъ отправилъ на отдѣльномъ яликѣ. И они тутъ показали себя настоящими толстокожими руссаками. Съ нами, со своими соотечественниками, они не подумали хотя бы только кивкомъ проститься.

Истинно по-россійски и по-биржевому. Я не пожалѣлъ, что эти два моржа съ нами болѣе не увидятся, и что они уѣдутъ впередъ на пароходѣ hurtig, на который ихъ и отвезла особая лодка Haakon Yarl'я.

Я съ архангельцемъ переѣхалъ на берегъ. И мы пустились наскоро обходить крошечный, миловидный городокъ. Ночь была свѣтла, какъ день. Но полуночнаго солнца здѣсь не видно, такъ какъ Хаммерфестъ закрытъ съ востока, сѣвера и юга скалами. Спиною онъ стоитъ къ востоку.

Мы направились внутрь городка по его главной улицѣ, идущей вдоль гавани, Grönnervoldsgade. Всюду нарядные дома, магазины и конторы, съ зеркальными окнами и съ выставкою изящныхъ и доброкачественныхъ на видъ предметовъ торговли. Есть и художественные или, скорѣе, туристскіе магазины, какъ, напримѣръ, одинъ нѣкоего Хагена, съ мѣстными видами и національными типами. Особенно интересны были между послѣдними фотографіи красивыхъ скандинавскихъ женщинъ, въ разноцвѣтныхъ и разнообразныхъ національныхъ костю-

махъ. Тутъ же, за стеклами запертыхъ на ночь магазиновъ, виднѣлись разные предметы путешествія, фотографическіе аппараты, обувь, велосипеды и пр. и пр.

Скоро мы вышли на окраину миніатюрнаго городка, гдѣ находились амбары для храненія рыбы, салотопни и т. п. Направившись въ другую сторону, мы тоже скоро очутились за городомъ. Считая, что Хаммерфестъ уже нами достаточно осмотрѣнъ и чувствуя дремоту, и усталость, мы вернулись на свой пароходъ, чтобы немного вздремнуть до его отхода. Сонъ охватилъ меня сразу.

Но вотъ застучалъ драшпиль и цѣпь якоря, который *обсушивали* (поднимали), и скоро задрожалъ пароходъ отъ толчковъ винта.

Я бросился къ умывальнику, заваленному платьями пассажировъ, чтобы поскорѣе умыться и выйти на палубу. Но въ эту минуту проснулся и нашъ деспотъ-рестораторъ. Онъ безъ церемоніи завладѣлъ умывальникомъ, и сталъ методически и тщательно умываться. Окончивъ свой туалетъ, онъ предложилъ тогда и мнѣ сдѣлать то же. Я долженъ былъ смириться передъ этими демократическими порядками, хотя они мнѣ и казались довольно грубыми.

Впрочемъ, картины пути искупали все, лишь только я вышелъ на палубу.

Въ памяти моей осталось впечатлѣніе объ этомъ переѣздѣ отъ Хаммерфеста до Тромзё, куда мы теперь направлялись, какъ о красивѣйшей части всего моего тогдашняго путешествія.

Утро было чудное и настолько теплое, что я съ удовольствіемъ одѣлся въ чичунчевую пару. Солнце освѣщало ярко необыкновенную, поразительную картину. Берега фіордовъ и многочисленныхъ, часто весьма крупныхъ острововъ были чудно хороши. Все это темныя, мрачныя скалы, изъ глинистаго сланца, а иногда и изъ сѣраго гранита. Выглядѣли они почти черными. Фасонъ ихъ былъ тутъ остроконеченъ, какъ у Альпъ. Здѣсь уже почти не замѣтно срѣзанныхъ доисторическими льдами вершинъ, каковыя всюду видны по самому сѣверному берегу Скандинавіи. На этихъ высотахъ здѣсь масса льда и снѣга. Ледъ чистъ, зеленъ и прозраченъ. Солнце, поднимающееся изъ-за горъ, пронизываетъ его своими лучами. Эти глетчеры, въ нижнихъ своихъ частяхъ, превращаются въ безчисленные береговые каскады, которые тутъ и тамъ вьются бѣлыми полосами по чернымъ, мрачнымъ отвѣсамъ скалъ, и сползаютъ съ нихъ молочною рябью, либо мчатся по камнямъ бурными волнами въ океанъ. Растительности здѣсь почти нѣтъ. Кой-гдѣ лишь виднѣется какая-то зеленоватая поросль — это кустарники, мхи и жалкія травы.

Вода фіордовъ, по которымъ мы плыли, а также зеркало океана, который все рѣже и рѣже открывался намъ между островами, были цвѣта берлинской лазури. Можно было даже забыть, что плывешь по полярному морю, а не по какимъ-нибудь живописнымъ озерамъ: до того тиха здѣсь водяная гладь, благодаря защитѣ отъ острововъ со стороны океана. Я увѣренъ, что во многихъ изъ здѣшнихъ фіордовъ бури никогда не бываетъ. И кораблямъ здѣсь можно всегда найти спасеніе и тихій пріютъ, если только они успѣютъ во́-время сюда укрыться съ океана.

Вотъ она настоящая Скандинавія, Loklin пѣсенъ Оссіана! Вотъ страна тѣхъ давнишнихъ кровавыхъ сценъ, о которыхъ упоминается въ этихъ чудныхъ поэмахъ! Сколько въ нихъ и здѣсь, въ этой странѣ, красоты и чудной, несравненной поэзіи!

Только прелестная страна Локлинъ завоевываетъ все болѣе и болѣе симпатію людей, межъ тѣмъ какъ чудныя пѣсни Оссіана въ наше время совершенно отвергнуты и позабыты. Ученая критика ихъ признала искусственнаго, поддѣльнаго происхожденія и осудила на презрѣніе. Ихъ де сочинилъ самъ издатель Макферсонъ и выдалъ за Оссіановы. Но развѣ же въ нихъ не достаточно красоты и своеобразной высокой поэзіи, доказывающей, по крайней мѣрѣ, ихъ народное происхожденіе? Даже, если бы ихъ и сочинилъ только одинъ человѣкъ, то онъ все же вложилъ въ нихъ много таланта, знанія и національнаго шотландскаго духа.

Ученая критика злорадствуетъ, что ихъ уже никакъ не могъ сочинить самъ Оссіанъ — этотъ миѳическій кельтскій бардъ, сынъ еще болѣе миѳическаго и славнаго морвенскаго короля и барда Фингала. Но, вѣдь, эти два поэтическихъ, сказочныхъ героя въ нихъ стоятъ какъ живые. Но, вѣдь, читая пѣсни Макферсона, и теперь еще у нашего брата, современнаго трезвенника, иногда голосъ дрожитъ, и навертываются слезы.

А это ли не поэзія, это ли не сила генія?

О, люди, люди! вѣчныя дѣти, а подъ часъ даже и дикари, да еще часто безсердечные и кровожадные дикари!

Но довольно объ этомъ. Оссіанъ, поруганный „Оссіанъ-Макферсонъ“ — моя слабость. И, быть-можетъ, я къ нему слишкомъ пристрастенъ.

Дальше! Дальше! Картины пути обворожительны. Отъ нихъ невозможно отвести глазъ, хотя и тянетъ ко сну, послѣ слишкомъ короткаго отдыха въ продолженіе стоянки въ Хаммерфестѣ.

Останавливались въ Haafen, Gaashoven, Hasvik, въ Oksfjord и

въ Lörsnäs. Не буду описывать и упоминать всѣ подобныя мелкія остановки. Ихъ по пути много, особенно, когда ѣдешь на почтовомъ пароходѣ, каковъ Haakon Yarl. По всѣмъ этимъ стоянкамъ забираютъ или отпускаютъ почту. Иногда на нашъ пароходъ почту привозятъ женщины, — очевидно, служащія. Обыкновенно, во всѣхъ пунктахъ остановокъ видно одно или два зданія, напоминающія собою гостиницы для туристовъ. И, дѣйствительно, съ пристани великолѣпнаго Bergsfjord'а въ 5 часовъ утра сѣло на нашъ пароходъ многолюдное семейство англичанъ. Тутъ были мать, дочери, начиная съ замужней и кончая дѣвочкой, и молодой супругъ старшей изъ нихъ.

Мать была красивая старушка. Замужняя дочь и одна изъ дѣвицъ тоже были очень недурны собою. Красивъ былъ и ихъ brother in law. Вообще это было типичное зажиточное англійское семейство, путешествующее сообща. Бѣдняжка старшая дочь только чѣмъ-то страдала и не находила себѣ мѣста. По тому равнодушію, съ которымъ остальные семейники относились къ ея недугу, можно было догадаться, что это была просто беременность*).

Сегодня воскресенье, и намъ подали пятое, т.-е. сладкое, блюдо за столомъ.

Каюта наша сильно опустѣла послѣ Хаммерфеста, гдѣ, какъ я говорилъ, многіе пересѣли съ нашего парохода на скорый (hurtig). Этотъ пароходъ былъ того же общества, т.-е. Det Nordenfjeldske Dampskibsselskab, къ которому принадлежалъ и нашъ Haakon Yarl.

Среди нашихъ третьеклассниковъ выдѣлялся какой-то слабоумный крестьянинъ. Одинъ разъ онъ совсѣмъ одиноко представлялъ аукціонную продажу нашего парохода. При этомъ, онъ даже и не обращалъ вниманія на окружающихъ. Онъ забавлялся самъ своимъ представленіемъ, какъ дитя. Наконецъ, кто-то его окликнулъ и увелъ внизъ.

Вчера онъ плясалъ и кривлялся подъ музыку пяти трубачей.

Послѣднихъ однако уже теперь больше не было на пароходѣ. Важные мурманцы уже покинули его. И трубачи наши остались въ Хаммерфестѣ.

Изъ пассажировъ III класса обратило на себя вниманіе своимъ безобразіемъ или, точнѣе, видомъ вырожденія одно, повидимому, крестьянское семейство. Это была безобразная, странная пожилая женщина, ея некрасивая дочь и сынишка. Дочь была молода и, кажется, соблазнила этимъ однимъ помощника капитана, мужчину лѣтъ пяти-

*) Это были чуть ли не послѣдніе англичане, которыхъ я встрѣтилъ въ то мое путешествіе. Среди туристовъ меня поражала ихъ малочисленность. Больше всего я встрѣтилъ по берегамъ Скандинавіи путешествующихъ нѣмцевъ.

десяти. Мнѣ показалось, что и она и сынишка были не совсѣмъ нормальны. Только одинъ молодой мужчина, принадлежавшій также къ этой группѣ, выглядѣлъ совершенно здоровымъ.

Безобразная мать оказалась еще ко всему и горькой пьяницей. Она высмотрѣла двухъ здоровенныхъ норвежскихъ крестьянъ, попивавшихъ чайными чашками коньякъ на носу парохода. И вотъ она принялась за ними ухаживать. Бѣдная уродина спроворила имъ горячей воды для грога. За это она добилась отъ нихъ угощенія коньякомъ. Выпила она съ жадностью, но и съ опаскою. Она оглядывалась боязливо на своихъ сочленовъ, опасаясь, очевидно, возраженій съ ихъ стороны. Дѣйствительно, дочь скоро замѣтила неприличное поведеніе матери, и стала ее горько упрекать, силясь увести прочь. Ихъ молодой спутникъ тоже подошелъ, чтобы отвлечь несчастную пьяницу отъ двухъ угощавшихъ ее мужиковъ, которые хитро перемигивались и посмѣивались, глядя на эту жалкую сцену.

Хотя дѣтямъ и удалось почти силою оттащить свою несчастную мать отъ пившихъ, но она нашла еще не разъ возможность прокрасться къ нимъ. И тѣ ей опять удѣляли нѣсколько разъ порцію коньяку, съ самымъ насмѣшливымъ видомъ притомъ.

Меня эта сцена, наконецъ, вывела изъ себя, и я съ досадой упрекнулъ крестьянъ, какъ умѣлъ, нѣсколькими норвежскими словами.

Изъ разговоровъ съ мѣстною публикою пришлось узнать, что извѣстный норвежскій композиторъ Свендсенъ живетъ въ Копенгагенѣ, гдѣ занимаетъ должность королевскаго капельмейстера или нѣчто подобное.

Нѣкогда знаменитый, теперь уже умершій скрипачъ Олебуль былъ тоже норвежецъ. Впрочемъ, этотъ меня въ дѣтствѣ поразилъ исключительно своимъ фиглярствомъ, а не музыкою. Когда-то, очень давно это было.

Останавливались въ Loppen, въ Skjervö, въ Karlsö.

Берега островов и материка прелестны попрежнему. Нисколько не жаль проволочекъ пути. Просто не насмотришься на всю эту красоту.

И что только вызвало здѣсь ее, эту чудную красоту, изъ безформеннаго хаоса мірозданья, изъ первобытнаго небытія?

Почему столько красоты именно тутъ, и такъ мало ея въ моей бѣдной, какъ будто бы, позабытой небомъ, родинѣ?

Я искренно завидовалъ проѣзжаемой мною странѣ, вспоминая въ то же время наши некрасивыя, безплодныя и часто даже необработанныя равнины или сплошные, измельчавшіе лѣса, или болота, или мелѣющія рѣки, отъ одного вида чего пассажиръ старается поскорѣе завѣсить окно вагона или люкъ парохода, и заснуть.

Но вотъ съ приближеніемъ къ Tromsö, уже въ Гротъ-Зундѣ (Grot-Sund'ѣ) этотъ великолѣпный, грозный, дикій видъ береговъ, этотъ героическій пейзажъ понемногу смягчается. Скалы становятся не такъ черны, не такъ голы и не такъ обрывисты. На нихъ, кой-гдѣ, по уступамъ и въ долинахъ появляется почва съ травою, и съ лѣсною порослью. При этомъ пейзажъ, положительно, теряетъ въ красотѣ.

Особенно пропадаетъ эта красота въ длинномъ и узкомъ, какъ коридоръ, Тромзё-Зундѣ (Tromsö-Sund'ѣ). Изъ него красивый видъ на скалы и ледники, оставшіеся сзади, и освѣщенные полуночнымъ солнцемъ, котораго здѣсь, въ самомъ проливѣ, не видно. Здѣсь сумерки. А тамъ, сзади насъ, остается точно освѣщенная театральная сцена съ горами, съ глетчерами на нихъ и съ остановившимися облачками, бросающими на бѣлыя снѣговыя поляны тѣнь отъ себя.

Наконецъ, часовъ въ 11—12 ночи бросили якорь въ виду Tromsö. Этотъ небольшой городокъ состоитъ преимущественно изъ красныхъ кирпичныхъ домовъ, крытыхъ черепицею.

Тромзё переименованъ въ городъ въ 1794 году. Имѣетъ около 6000 жителей. Это тоже важный торговый пунктъ Норвегіи съ заграницей. Конечно, рыба, сушеная, соленая, какъ-то: треска, сельди, и рыбій жиръ составляютъ здѣсь главные предметы торговли. Вывозятъ отсюда во Францію много тресковой икры, которая служитъ тамъ приманкою при ловлѣ сардинокъ. Здѣсь торгуютъ и пушнымъ товаромъ, т.-е. звѣриными мѣхами.

За позднимъ временемъ мы рѣшили съ моимъ спутникомъ переночевать на пароходѣ.

6-го (18-го) іюля.

Утромъ, часовъ въ 7, мы покинули надоѣвшій намъ пароходъ. Сколько мы ни искали своего антипатичнаго ресторатора, чтобы расплатиться съ нимъ за послѣдній утренній кофе и завтракъ, его нигдѣ не оказывалось. Пришлось уѣхать и здѣсь, опять не расплатившись, какъ въ Вардё. Я былъ увѣренъ, что мы встрѣтимся со своимъ кредиторомъ въ городѣ, такъ какъ „Haakon Yarl" долженъ былъ отойти еще не скоро.

Переправившись въ яликѣ на берегъ, мы зашли по дорогѣ въ русское вице-консульство. Тамъ застали секретаря, г-на Hansen Leonhard'a, симпатичнаго, красиваго, молодого норвержца, который недурно говорилъ по-русски. Самого вице-консула звали Konrad Michael Holmbö. Его еще не было въ консульствѣ. Зашли мы собственно туда, чтобы получить указанія недорогого и приличнаго жилища, чтобы собрать свѣдѣнія о китовомъ промыслѣ на островѣ Skorö, а также и объ его представителѣ, г-нѣ Giaever'ѣ.

Насъ проводили въ нѣкій H. Olsius Spiseforretning на Tr. Langes Gaade. Тамъ намъ обоимъ досталась большая комната, съ четырьмя кроватями. Тутъ же можно было недурно и недорого прокормиться. Мы, немного отдохнувъ, пошли опять въ консульство. Тамъ былъ уже самъ вице-консулъ на лицо.

Меня проводили къ брату Giaever'а, имѣвшему рядомъ съ русскимъ консульствомъ магазинъ разныхъ товаровъ. Оказалось, что его брата — англійскаго консула и представителя китоваго завода — ждутъ съ часу на часъ. Нашъ вице-консулъ, его помощники и самъ братъ Giaever'а обѣщали мнѣ свое содѣйствіе относительно поѣздки на китовъ. И я, успокоившись на этотъ счетъ, пустился осматривать со своимъ спутникомъ хорошенькій, маленькій городокъ, производившій тоже впечатлѣніе декораціи, или большой игрушки, какъ и Вардё, какъ и Хаммерфестъ. Впрочемъ, онъ все-таки былъ больше ихъ и наряднѣе.

Здѣсь много красивыхъ туристскихъ магазиновъ. Среди выставленныхъ въ нихъ предметовъ особенно интересны ручныя издѣлія лапландцевъ, именно, ножи, игрушки, ложки изъ оленьяго рога, куклы и т. п. А главное, интересны здѣсь и красивы, часто вывѣшенные даже наружу, мѣха цѣнныхъ звѣрей, какъ, напримѣръ, цвѣтныхъ лисицъ: чернобурыхъ, голубыхъ и песца; шкуры волковъ, лосей, выдръ, росомахъ, сѣверныхъ оленей и медвѣдей. Особенно эффектны и цѣнны шкуры бѣлыхъ медвѣдей. Я видѣлъ, напримѣръ, экземпляры въ 500 кронъ. Послѣднихъ особенно охотно покупаютъ туристы.

Впрочемъ, здѣсь, какъ и вездѣ, вещи, предназначенныя для туристовъ, не дешевы. Видно, туристы повсюду на одинъ фасонъ, и съ ними вездѣ обращаются, какъ съ дѣтьми, у которыхъ завелись въ карманѣ деньжонки, каковыя имъ невмоготу удержать.

Среди фотографическихъ изображеній всюду виднѣлись все тѣ же красивыя женскія фигурки въ мѣстнымъ костюмахъ, какія мы уже видѣли въ Хаммерфестѣ.

По городу проходятъ цѣлыя партіи лопарей живописно одѣтыхъ и продающихъ иностранцамъ свои ручныя производства, подобныя тѣмъ, какія находятся и въ магазинахъ, только, разумѣется, у носящихъ все это дешевле.

Несчастные дикари эти здѣсь похожи на тощихъ, уродливыхъ гномовъ. Они напоминаютъ собою знаменитыхъ норвежскихъ „трольдовъ". У нѣкоторыхъ изъ нихъ ноги совершенно кривы и съ высохшими икрами.

Теперешніе лопари представляютъ собою вымирающее племя, остатокъ нѣкогда многочисленнаго народа, населявшаго Скандинавію,

Финляндію и С. Россію. Въ настоящее время ихъ не болѣе 30.000 человѣкъ, разбросанныхъ лишь по сѣверу Скандинавіи, по Кольскому полуострову и частью по С. Финляндіи. Здѣсь, въ Норвегіи, вырожденіе и вымираніе лопарей особенно значительно. Всѣ эти жалкія двуногія — истинная пародія на человѣческія существа. Это именно гномы далекихъ замерзлыхъ пустынь и безконечныхъ полярныхъ ночей, съ ихъ мятелями, съ воемъ вѣтровъ, пустынь, освѣщенныхъ то луною, то сполохами. Это карлики фантастической страны, съ таинственными, невѣроятными сказаніями, съ амулетами и заклинаніями въ лачугахъ, и съ óбразами, и тѣнями страшныхъ звѣрей и видѣній, вокругъ въ грозной и суровой природѣ.

Говорятъ, въ окрестностяхъ Тромзё есть цѣлое поселеніе лопарей со стадами сѣверныхъ оленей, куда отправляются туристы. Находятся лопари въ Tromsdal'ѣ на противоположной сторонѣ пролива, который переѣзжаютъ на лодкѣ, причаливая къ Sorstennaes.

Изъ Тромзё есть еще и другія прогулки въ окрестности, напримѣръ, на Flöifjeld, на Tromstind. Все это горы, съ которыхъ, говорятъ, открываются чудныя панорамы на окрестности, на океанъ, на острова и на снѣговыя вершины.

Мы порѣшили съ моимъ спутникомъ не переутомляться побочными экскурсіями. Особенно мнѣ нужно было подумать о сбереженіи энергіи, въ виду предстоящей мнѣ дальней дороги и краткости времени, опредѣленнаго на нее.

Мы предпочли ознакомиться получше съ городомъ. Тѣмъ болѣе, что мой спутникъ вдругъ заскучалъ и рѣшилъ не ѣхать до Бергена, а вернуться съ первымъ же пароходомъ домой.

Въ виду всего этого на окрестности Тромзё мы только полюбовались въ бинокль. Глаза наши, наконецъ, отдохнули на первыхъ березовыхъ рощицахъ, которыхъ мы не видали съ самаго Печенгскаго залива.

Внутри города есть нѣсколько большихъ готическихъ церквей, ратуша, училища, площадь или Torv (по-норв.). Среди гостиницъ есть и здѣсь Grande Hôtel, какъ, вѣроятно, и во всѣхъ городахъ міра.

Встрѣченные нами на улицахъ русскіе изъ Архангельска разсказывали намъ, что вчера въ Grande Hôtel былъ танцовальный вечеръ и что на немъ мѣстныя дамы и дѣвицы поражали ихъ легкостью своихъ нравовъ.

Намъ бросилось въ глаза, что въ Норвегіи молодежь всюду гуляетъ одна и безъ наблюденія, что ея отношенія здѣсь весьма просты и не безъ заигрыванья. При этомъ надо прибавить, что здѣшнія женщины

и, въ особенности, дѣвушки часто очень красивы. Есть между ними и сѣверныя блондинки, и настоящія южныя брюнетки. Все это оживленныя, веселыя, милыя лица, у которыхъ радостно сіяютъ глазки и блестятъ зубки. Руки и ноги, правда, какъ и вообще у всѣхъ германокъ, массивны, но зато стройность и ростъ отличаютъ норвежекъ весьма выгодно.

О молодыхъ мужчинахъ можно только сказать одно, что они у насъ всѣ бы показались колоссами или красавцами: столько въ нихъ жизненности, силы и мужества.

Ночи здѣсь свѣтлы, хотя самое солнце скрывается рано за горы. Оно лишь освѣщаетъ вершины горъ да ледники. Такъ какъ днемъ всѣ заняты, даже и дѣти, которыя нянчятъ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, то все населеніе города начинаетъ гулять лишь часовъ съ 8 вечера. Молодежь даже гуляетъ всю ночь напролетъ. Здѣшніе горожане любятъ гулять и сидѣть на пристани, или по-норвежски, „pa Brygge“. Слышатся веселые голоса гуляющихъ на горахъ и въ лѣсахъ, на той сторонѣ залива, т.-е. въ Sortenaes.

Старость тутъ не мѣшаетъ молодежи наслаждаться на свободѣ весною жизни. Мнѣ думается, что въ отношеніяхъ здѣшней молодежи долженъ настоящій flirt играть большую роль.

Въ первый же день я выкупался, съ утра еще, въ зундѣ Тромзё. Вода была лишь 8⁰ R. Нашелъ здѣсь въ морѣ то же Pecten islandicus, т.-е. тѣ же раковины, что мы набрали въ Екатерининской гавани. Но эти здѣсь были гораздо мельче, хотя и красивѣе цвѣтомъ. Множество водорослей покрывало дно зунда и соблазняло ихъ набирать, но боязнь обремениться въ дорогѣ багажомъ удерживала.

Кромѣ меня положительно никто въ Тромзё не купался. Тамъ даже не существуетъ купаленъ. И надо сознаться, что подобный фактъ способенъ не мало охладить иностранца относительно мѣстныхъ красавицъ. Положимъ, что бани наподобіе русскихъ, говорятъ, весьма въ ходу въ Норвегіи. Но право, всѣмъ этимъ красоткамъ не мѣшало бы хоть иногда окунать свои прелести въ чистую, соленую и холодную океанскую воду.

Въ этотъ же первый день мы посѣтили здѣшній городской музей.

Это нарядное, каменное небольшое зданіе. Стоитъ оно за городомъ на возвышенномъ склонѣ горы, на которой расположенъ Tromsö.

Смотритель его, J. Sparre Schneider, милый молодой человѣкъ, весьма охотно показалъ намъ и объяснилъ прелестныя коллекціи музея, которыя сдѣлали бы честь любому подобному большому учрежденію. Особенно интересны были здѣсь зоологическія коллекціи.

Вниманіе на себя обращали, въ особенности, мѣстные, т.-е. сѣверные, экземпляры. Тюлень кожа (Phoca groenlandica), губитель будто бы рыбныхъ промысловъ на сѣверѣ, бѣлыя лисицы (Vulpes lagopus), самый сѣверный грызунъ — родъ пеструшки (Lemnus norvegicus). Интересна огромная, аршина въ два длины, плоская и серебристая какъ жесть рыба-луна, съ выгибомъ внутрь брюха (Octhagoricus mola). Она здѣсь рѣдкость. Похожа очень на нее, попадающаяся даже у насъ въ Бѣломъ морѣ, рыба сельди-король (Regalus glesne).

Интересны чучела акулъ, начиная съ маленькой въ аршинъ (Acanthias vulgaris); затѣмъ черно-голубая акула (Lamna cornubica) и, наконецъ, гигантская бурая (Scymmus microcephalus). Послѣдняя-то и достигаетъ здѣсь, у береговъ Норвегіи, 40 футовъ, о чемъ я уже упоминалъ въ дневникѣ своемъ по Мурману.

Съ особымъ интересомъ полюбовался я довольно богатою коллекціею соколовъ и кречетовъ. Кромѣ нѣсколькихъ экземпляровъ чуднаго мѣстнаго кречета Hierfalco gyrfalco, здѣсь были еще чучела и гренландскихъ или исландскихъ кречетовъ (т.-е. H. candicans или islandicus), которыхъ натуралисты то соединяютъ въ одинъ видъ, то разъединяютъ на два. Есть въ музеѣ чучела и соколовъ сапсановъ (Falco peregrinus), въ своей сѣверной разновидности (leucogenis). Впрочемъ, послѣдній на такомъ сѣверѣ рѣдокъ. Есть въ коллекціяхъ и дербники (Litofalco aesalon).

Въ коллекціи птицъ есть перепелка (Coturnix dactylisonans) и даже саджа (Syrrhaptus paradoxus), пойманныя тоже здѣсь. Особенно странно появленіе такъ далеко на сѣверѣ саджи, обитательницы нашихъ каспійскихъ и средне-азіатскихъ песковъ. Какъ извѣстно, птицы эти не разъ появлялись, внезапно и необъяснимо, даже въ западной Европѣ, какъ-то, напримѣръ, въ Англіи и въ Испаніи.

Есть чучела дупелей, бекасовъ и вальдшнеповъ. Послѣдніе, говорятъ, здѣсь, за полярнымъ кругомъ, составляютъ тоже рѣдкость. Между тѣмъ, наши русскіе охотники серіозно полагаютъ, что вальдшнепы мелкой разновидности выводятся именно въ Лапландіи.

Я выпросилъ адресъ у г-на J. Sparre Sehneider для нашего извѣстнаго препаратора Ѳ. К. Лоренца, чтобы дать тому возможность мѣняться съ Шнейдеромъ интересными экземплярами. Г. Шнейдеръ говорилъ хорошо по-нѣмецки, но почти не зналъ по-англійски.

Оба эти языка распространены въ Норвегіи. Но рѣдко кто говоритъ на обоихъ вмѣстѣ.

О русскихъ въ Норвегіи не особенно лестнаго мнѣнія, какъ и вездѣ почти за границею, гдѣ къ намъ вообще относятся покровитель-

ственно, какъ къ истымъ дикарямъ. Впрочемъ, здѣсь на сѣверѣ, о русскихъ знаютъ, лишь по нашимъ поморамъ или по архангельскимъ рыбопромышленникамъ.

Здѣсь, въ Тромзё, я впервые увидалъ норвежскій скотъ, коровъ и быковъ. Они всѣ комолые, т.-е. безъ роговъ.

Насколько тутъ всѣ заняты, всѣ трудятся, всѣ работаютъ, можно судить по тому уже, что даже въ аптекѣ, куда я зашелъ себѣ купить кой-чего, я засталъ продающими лѣкарства двухъ (прехорошенькихъ) юнцовъ лѣтъ 14—15, брата и сестру. Положимъ, для такого серіознаго дѣла, какъ аптекарское, это какъ будто бы уже рискованная утрировка, что и подтвердилось на дѣлѣ. Прехорошенькая, молоденькая брюнеточка долго возилась и заливалась румянцемъ, пока, наконецъ, ей удалось отпустить мнѣ требуемые пустяки. Понятно, что завѣдывавшіе въ тотъ разъ аптекою совершенно самосостоятельно юнцы, не были достаточно компетентны для подобнаго, въ высшей степени отвѣтственнаго дѣла.

7-го (19-го) іюля.

Сегодня мой компаньонъ уѣхалъ домой, въ Архангельскъ.

Сколько ни вглядываюсь въ здѣшній народъ, который представляетъ собою истинную демократію (въ Норвегіи нѣтъ ни одного дворянина—послѣдній былъ баронъ Ведель, родъ котораго 100 лѣтъ тому назадъ лишился своего званія), ни разу нигдѣ не замѣчалъ ни грубости, ни звѣрства, ни брани, ни просто пьяныхъ, хотя въ Норвегіи пьютъ не мало. Сколько, наоборотъ, всего этого видишь у насъ, по улицамъ и во многихъ, другихъ общественныхъ мѣстахъ!

Теперь здѣсь идетъ покосъ. И каждый клочокъ луга, каждый уголокъ съ травою тщательно косятъ. Среди луговой поросли, мнѣ бросились въ глаза, за полярнымъ кругомъ, наши старые знакомые: лютики, костеръ, мятлики, щавели, одуванчики, цикорій, лисохвостъ, тимошка и др. Очень рѣдко и, притомъ, единичными экземплярами проскакиваетъ и красный клеверъ.

Очень часто видишь косилки въ дѣлѣ. Ворошатъ сѣно и сгребаютъ его женщины, и дѣти. Дѣти и дѣти всюду на работѣ вмѣстѣ съ большими, гдѣ только можно. И какія же это здоровыя, жизнерадостныя и красивыя дѣти! Какъ мило звучитъ, и безъ того пріятный и благозвучный, норвежскій языкъ въ ихъ маленькихъ ротикахъ!

Ахъ, если бы наши русскія дѣти были таковы на видъ, какъ дѣти этого маленькаго, но могучаго духомъ и тѣломъ народа! Норвежцевъ считается всего только около двухъ милліоновъ въ Скандинавіи.

Грустнымъ исключеніемъ среди всего этого здоровья, мужества,

силы, красоты и трезвости, за все время моего путешествія, были лишь одинъ малоумный, представлявшій вышеописанный аукціонъ на пароходѣ, да другой такой же, проводившій цѣлые дни въ Тромзё на пристани, который всячески кривлялся, и на все наводилъ огромную лупу, даже одинъ разъ на корову. Тутъ же, на пристани, ночью мы встрѣтили одного виднаго, почтеннаго старика, который былъ или безуменъ, или же, скорѣе, пьянъ. Онъ фиглярничалъ передъ кучкой молодыхъ людей. Странно было видѣть его такимъ, и притомъ одѣтымъ въ приличный сюртукъ и цилиндръ. Надъ нимъ всѣ хохотали*).

Утромъ сегодня я опять купался. Было 7° R. въ водѣ. Это энергичное купанье возбуждаетъ всякую жизнедѣятельность, въ особенности же аппетитъ.

Къ столу у насъ подаютъ множество закусокъ, преимущественно же сыровъ. Есть одинъ, кажется, изъ козьяго молока, по названію myseost**). Сначала онъ мнѣ понравился, но скоро сталъ противенъ своею приторностью и сладковатостью. Часто подаютъ прекрасные сорта рыбы, какъ, напр., свѣжую семгу, треску и т. д. Подаютъ водки, пиво, чай и кофе къ ѣдѣ. Всѣхъ трапезъ въ день обыкновенно въ Норвегіи пять: въ 7 ч. утра кофе, въ 9 ч. завтракъ, въ 1 часъ обѣдъ, вечеромъ кофе въ 3 ч. и ужинъ въ 7 ч. приблизительно.

Сегодня мнѣ удалось, наконецъ, познакомиться съ самимъ m-tr Giaever'омъ, англійскимъ консуломъ и представителемъ англо-норвежской китоловной компаніи на островѣ Skorö. Однако этотъ представительный господинъ, съ сильнымъ оттѣнкомъ „себѣ на умѣ“, отклонилъ мое намѣреніе подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ долженъ ожидать партію англійскихъ туристовъ, направляющихся на Шпитцбергенъ. Онъ деликатно прибавилъ, что безъ себя не можетъ мнѣ доставить необходимаго гостепріимства на заводѣ.

Съ этою неудачею я потерялъ послѣднюю надежду видѣть въ то путешествіе бой китовъ. Между тѣмъ именно, въ Норвегіи онъ, поставленъ весьма высоко. Говорятъ, китовый промыселъ существуетъ еще на сѣверѣ Англіи.

Я хотѣлъ было возмѣстить эту неудачу ловлею акулъ. Но оказалось, что исполнить такое желаніе еще труднѣе. Акульи суда уходятъ въ открытое море миль за 100 отъ береговъ, и остаются тамъ для промысла недѣлями.

Пришлось пожалѣть также, что мы опоздали на гимнастическое состязаніе, которое уже кончилось за день до нашего пріѣзда въ Тромзё.

---

*) Семейство съ матерью-пьяницей тоже нужно причислить сюда.

**) Или скорѣе — сыворотки.

Сегодня я попалъ въ городской садъ, который находится на горѣ, надъ городомъ. Забрелъ я туда, услышавъ столь рѣдкую здѣсь музыку. Раздавались звуки мѣдныхъ инструментовъ. Это было часовъ въ 8 вечера. Тамъ было гулянье, устроенное однимъ мѣстнымъ обществомъ трезвости, каковыхъ здѣсь, въ Скандинавіи, вообще много. Говорилъ одинъ извѣстный проповѣдникъ о трудѣ, о воздержаніи и объ умѣренности всякаго рода. Между прочимъ, онъ указывалъ на распущенность, лѣность и пьянство русскихъ, и говорилъ, что норвежскому народу, съ его суровой и безплодной природой, со скалами, вмѣсто плодородной почвы, нельзя поступать такъ же. Это была бы погибель для всей націи.

Больно было слышать такую горькую, обидную правду.

Въ саду еще играли въ faotbal и въ другія гимнастическія игры.

Въ ресторанчикѣ подавали изъ крѣпкихъ напитковъ одно лишь пиво.

Вся молодежь Тромзё была здѣсь. Всѣ дѣвушки, видѣнныя мною тамъ, на улицахъ, въ магазинахъ и другихъ мѣстахъ, были здѣсь на гуляньи. Тутъ было много милыхъ, веселыхъ и плутоватыхъ женскихъ фигурокъ. Одна изъ нихъ даже щеголяла довольно миніатюрными ножками, что составляетъ рѣдкость здѣсь, для чего она тщательно приподнимала подолъ юбки рукою, какъ будто бы оберегая платье.

По окончаніи этого вечера, молодежь еще поздно гуляла вмѣстѣ по улицамъ и за городомъ. На той сторонѣ залива долго слышались веселые молодые голоса по горамъ и рощамъ. Всюду счастливыя молодыя пары.

Хорошо здѣсь молодежи! подумалъ я. Хорошо быть юношей, бодрымъ, мощнымъ и красивымъ въ такой прекрасной странѣ, съ такими прекрасными дѣвушками и женщинами!

Въ раздумьи возвращался я домой спать подъ свѣтлымъ небомъ, въ то время какъ ночное солнце освѣщало ближнія и отдаленныя горы съ ихъ глетчерами. Всюду я натыкался на любовныя сцены. Rendezvous происходили и у велосипедистовъ. Даже наша молодая служанка у входа въ нашъ Spiseforretning краснорѣчиво разговаривала съ какимъ-то уличнымъ волокитой.

NB. Между прочимъ, замѣчу, что здѣсь на сѣверѣ всюду, включая и Мурманъ, существуетъ вывозъ бересты огромными кусками, свернутыми въ цѣлыя кипы. Говорятъ, это идетъ за границу; не для обивки ли садовой мебели, подумалъ я, замѣсто обоевъ, или на легкія крыши?

Жаль, во всякомъ случаѣ, что такимъ путемъ губятся послѣдние

скудные лѣса и безъ того безлѣсной Лапландіи, и сѣверной Норвегіи.

Еще записываю странность. Шведскія деньги здѣсь на сѣверѣ, въ маленькихъ городахъ Норвегіи, очень не популярны. Ихъ многіе отказываются принимать. Что это, патріотизмъ что ли норвежскій, или провинціальное невѣжество? Далѣе, къ югу и въ большихъ городахъ шведскія кроны идутъ уже наравнѣ съ норвежскими, отъ которыхъ онѣ только немного отличаются цвѣтомъ.

ГЛАВА III.

Отъ Тромзё до Трондхейма.

Отъѣздъ. — „Tak"! — Второй норвежскій пароходъ. — Прощаніе атлетовъ. — Туристы. — Безцѣльное убійство. — Фіорды послѣ Тромзё. — Общая родина. — Фотографія. — Католическіе священники. — Единственный русскій. — Туристскій пароходъ. — Опять туристы. — Норвежки. — Харстадъ. — Тронденесъ. — Бодё. — Прощанье съ солнцемъ. — Вестероленъ и Лофутенъ. — Свольверъ. — Климатъ и здоровье. — Вестъ-Фіордъ. — Послѣдній китъ. — Странности туристовъ. — Верхній край солнца. — Капитанъ и туристы. — Окрестности. — Буря вдали. — Прусская миноноска. — Бисмаркъ. — Опять Оссіанъ. — Первые клочки земледѣлія. — Опять полярный кругъ. — Трондхеймъ. — Сѣвернѣйшая желѣзная дорога Скандинавіи. — Первая купальня. — Опять первый норвежскій пароходъ. — Обходъ Трондхейма. — Данныя о немъ. — Упраздненное поклоненіе. — Соборъ. — Концертъ. — Кладбище. — Мой костюмъ. — Конецъ сѣверныхъ ночей. — Остатки прежнихъ пассажировъ. — Ландшафтъ къ югу. — Христіанзандъ. — Бойня. — Бельгійцы. — Капитанъ и пассажирка. — Охота за личиками. — Заклепка. — Люкъ. — Привилегія II класса. — Растительность и животныя. — Мольде. — „Пасхальное утро". — Красотка съ грязными ручками. — Тишь фіордовъ. — Передъ Бергеномъ. — Штука ресторатора. — Смиреніе. — Оскорбленная національность.

8-го (20-го іюля).

Сегодня рѣшился уѣзжать. Отходитъ хорошій и быстрый пароходъ по имени „Vesteraalen"*) (Вестероленъ названіе острововъ, соединяющихъ Лофотены съ материкомъ).

Въ нашемъ Hôtelet взяли съ меня не дорого за $2^1/_2$ сутокъ, которыя я тутъ провелъ. Стирка бѣлья оказалась плохой и недешевой. Наша молодая служанка поблагодарила меня за на чай рукопожатіемъ.

Вообще обращеніе людей съ прислугою здѣсь симпатично, гуманно, равно какъ и публики другъ съ другомъ. Послѣ трапезы всѣ благодарятъ одинъ другого за компанію, а прислугу за хлопоты. (Tak! = благодарю).

На пароходѣ „Вестероленъ" II классъ миніатюренъ до невѣроятія, но зато онъ наряднѣе, нежели на „Haakon Yarl'ѣ".

Въ первомъ классѣ, для котораго отгороженъ почти весь пароходъ, ѣдетъ много туристовъ-иностранцевъ, и партія мѣстныхъ молодыхъ

---

*) Произносится Вастероленъ.

гимнастовъ, принимавшихъ въ Тромзё участіе въ вышеупомянутомъ состязаніи. Послѣдніе весело прощались съ толпою другихъ гимнастовъ, которые имъ махали платками на берегу. Обѣ партіи кричали другъ другу отрывочное „ура", напоминавшее какіе-то взрывы, но никакъ не наше русское протяжное привѣтствіе.

Въ заключеніе, уѣзжавшіе съ нами атлеты, махавшіе платками въ отвѣтъ остающимся, кончили тѣмъ, что сразу, по уговору, бросили свои платки въ море.

Среди туристовъ на нашемъ пароходѣ оказались французы, бельгійцы, нѣмцы и др. Нѣкоторые изъ нихъ возвращались со Шпитцбергена. Они его не находили особенно интереснымъ. Охота тамъ, какъ они говорили, стала не очень легкой и доступной. Любители пострѣлять видѣли лишь одного бѣлаго медвѣдя, да издали нѣсколько сѣверныхъ оленей на Шпитцбергенѣ. Только тюленей тамъ еще очень много, какъ разсказывали туристы. Часто имъ встрѣчались въ отдаленьи киты, въ которыхъ стрѣлки пускали наугадъ пули изъ военныхъ винтовокъ. Вѣроятно, если изъ этихъ пуль и попала какая-нибудь въ океанскихъ колоссовъ, то она имъ должна была показаться лишь легонькою занозою.

Одинъ изъ шпитцбергенскихъ туристовъ, французъ, убилъ съ борта парохода при насъ одного изъ игравшихъ вокругъ дельфиновъ, напоминавшихъ по виду касатку (хищнаго дельфина съ бѣлыми полосами). Это безполезное убійство вооружило нѣмецкую часть пароходной публики. Раздались упреки по адресу стрѣлявшихъ по дельфинамъ французовъ. И тѣ оставили эту забаву. Впрочемъ, и дельфины, точно огорченные враждебностью людей, послѣ убійства ихъ товарища, отстали отъ парохода и какъ-то тихо и грустно выныривали въ дали отъ нашего судна, хотя передъ тѣмъ они съ нами весело перегонялись, ныряя и несясь по два въ рядъ около самаго парохода.

Дѣйствительно, было жаль видѣть, какъ одно изъ этихъ веселыхъ и довѣрчивыхъ животныхъ вдругъ перевернулось, и потонуло, получивъ экспресную пулю въ бокъ шагахъ въ 25.

Стрѣлокъ увѣрялъ, что пуля была разрывная. Винтовка была французская Minié. Все это было около острова Stagnäs.

Послѣ Тромзё фіорды, на мой взглядъ, стали менѣе интересны. Берега и острова съ этого пункта все болѣе и болѣе покрываются растительностью, но они менѣе живописны, нежели сѣверные. Высота горъ понемногу падаетъ. Ледники становятся рѣже и бѣднѣе. Всѣ эти Malangen-Fjord, Solberg-Fjord, Vaads-Fjord и т. п. должны казаться великолѣпными лишь тому, кто идетъ вдоль береговъ Норвегіи

съ юга. Я же сверхъ всего уже испытывалъ пресыщеніе и утомленіе отъ дороги. По этому же самому и большинство остановокъ, особенно второстепенныхъ, не привлекало уже моего любопытства. Однако, я не уходилъ съ палубы и все глядѣлъ и наблюдалъ, пока не подходило время итти на ночлегъ. Впрочемъ, нашъ пароходъ, какъ hurtig (т.-е. быстраго сообщенія), останавливался гораздо рѣже, нежели предыдущій почтовый.

Помнится, мы заходили въ Dyro, въ Stagnäs, Haarstad, Lodingen и др. Отовсюду садятся на пароходъ туристы. Все это главнымъ образомъ мѣстные жители: норвежцы, шведы или датчане. Да и на самомъ дѣлѣ, какъ не путешествовать, какъ не любоваться людямъ на такую страну, на такую родину? Вѣдь, Скандинавія—ихъ общая страна, ихъ совмѣстная родина. Вышепоименованные три народа да еще финны на придачу, конечно, составляютъ одно историческое цѣлое, хотя послѣдніе и совсѣмъ другого происхожденія. У всѣхъ у нихъ одно прошлое, одна исторія, одна религія и, наконецъ, одна культура.

Какъ жаль, что судьба разъединила, разорвала эти симпатичныя народности и ослабила ихъ этимъ! Какъ жаль, что и балтійцы не остались съ ними. Быть можетъ, тогда и на насъ вліяніе всѣхъ этихъ культурныхъ сосѣдей было бы сильнѣе.

У туристовъ можно замѣтить часто съ собою фотографическіе аппараты. Между прочимъ, тутъ я впервые увидѣлъ чрезвычайно портативныя камеры моментальной снимки „Кодака“*), которыя могутъ быть заряжаемы, даже, среди дневного свѣта, такъ какъ, въ нихъ замѣсто стеклянныхъ пластинокъ вставляютъ желатиновыя катушки, окутанныя снаружи темною матеріею, что ихъ и предохраняетъ отъ свѣта.

Я не разъ уже сожалѣлъ, что не запасся умѣньемъ и аппаратомъ фотографированія. Мнѣ было досадно на свое отвращеніе къ этому полезному дѣлу, основанное лишь на его чрезмѣрной, надоѣдливой распространенности въ публикѣ, подобно велосипедному спорту.

Однако нельзя отнять важности и полезности у того, и у другого. Особенно значительны услуги человѣчеству фотографіи.

У многихъ туристовъ, какъ и у меня, есть записныя книжки, для веденія путевыхъ замѣтокъ. Но и они такъ же, какъ и я, все рѣже и рѣже въ нихъ заносятъ дорожныя впечатлѣнія. Очевидно, у всѣхъ у насъ наступаетъ пресыщеніе дорогою.

Среди французскихъ туристовъ есть даже три католическихъ священника, въ ихъ характерномъ черномъ одѣяніи. Одинъ изъ нихъ,

*) Тогда „Кодакъ“ былъ новинкой.

молодой — съ нечистыми зубами, ходитъ все время безъ шляпы, несмотря на холодный вѣтеръ и дождь, которые намъ сопутствуютъ по фіордамъ. Изъ двухъ другихъ и пожилыхъ поповъ одинъ чрезвычайно антипатиченъ. Это типичнѣйшій, закоснѣлый, католическій попъ, съ животомъ беременной женщины и съ унылымъ, недобрымъ, самодовлѣющимъ лицомъ. Только второй пожилой и, какъ оказалось, старшій изъ всѣхъ чиномъ, былъ оживленъ, разговорчивъ и съ умнымъ, хотя и клерикальнымъ лицомъ.

Всѣ эти иностранцы весьма охотно разговариваютъ со мною, съ единственнымъ русскимъ на пароходѣ, а можетъ-быть, и на всемъ этомъ пути. Однако, уваженія или оправданія нашихъ русскихъ порядковъ ни въ комъ здѣсь не видно. Насъ побаиваются, какъ очень многочисленныхъ и младенческихъ дикарей и, слѣдовательно, какъ враговъ цивилизаціи. Впрочемъ, насъ, какъ и всякихъ подавленныхъ и закрѣпощенныхъ дикарей, повидимому, жалѣютъ.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ не доставляло особаго удовольствія признаваться въ своей національности. Пока меня считали англичаниномъ (это случалось всего чаще), до тѣхъ поръ я чувствовалъ къ себѣ уваженіе въ обращеніи иностранцевъ. Когда же оказывалось, что я русскій, уваженіе замѣнялось любопытствомъ. Всѣ начинали меня разсматривать и дивиться тому, что я могу объясняться на другихъ европейскихъ языкахъ, кромѣ русскаго. Словомъ, я чувствовалъ, что отъ меня начинали, какъ будто бы, ожидать всего дикаго и невозможнаго, узнавши, что я русскій.

Въ городкѣ Хорстадѣ (Haarstad'ѣ)*) мы встрѣтили блестящій, нарядный, туристскій пароходъ, направлявшійся на Нордкапъ. Онъ былъ весь изукрашенъ флагами различныхъ національностей. Кажется, на немъ не было лишь русскаго. Видно, наши соотечественники мало ѣздятъ въ чудную Норвегію.

Туристы наполняли палубу. Все это были элегантныя дамы и мужчины, на видъ обезпеченные, веселые и счастливые люди, словомъ, любимцы судьбы. Говорятъ, на такихъ пароходахъ имѣется только одинъ первый классъ, и все тамъ устроено и приспособлено для того, чтобы сдѣлать путешествіе, по возможности, очаровательнымъ.

„Бѣдныя бутылки шампанскаго на Нордкапѣ!“ подумалъ я. „Сколькихъ изъ васъ обезглавятъ тамъ и побросаютъ въ океанъ вотъ эти разряженные баловни судьбы!“

Въ Haarstad'ѣ туристы, ѣдущіе на сѣверъ, въ первый разъ видятъ полуночное солнце.

*) Произносится Хорстадъ.

Пока пароходъ стоялъ, многіе изъ нашихъ туристовъ отправились въ лагерь лопарей, находящійся въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Экипажи, которые на пристани ожидали сѣдоковъ, были чрезвычайно нарядны. Словомъ, начиная съ Тромзё и, даже пожалуй, съ Хаммерфеста, здѣсь все по берегамъ напоминало о туристахъ и о путешествіи. Чувствовалось, что вся эта страна не мало питается ими.

На пристани стояло много мѣстной публики. Это были здѣшніе дачники, большею частью зажиточные люди изъ Хаммерфеста, Тромзё и другихъ норвежскихъ городовъ.

Я замѣтилъ, между прочимъ, что двое изъ нашихъ пассажировъ, одинъ молодой бельгіецъ и какая-то потасканная и раскрашенная дама, театральнаго вида, заспѣшили куда-то вдвоемъ, и исчезли, пользуясь всеобщей суматохой. Дама эта не мало ухаживала за бельгійцемъ во время пути, еще на пароходѣ. И я думаю, что мои подозрѣнія были основательны теперь насчетъ ихъ умысла.

Вообще веселый, жизнерадостный видъ здѣшнихъ дамъ, особенно тѣхъ, что ѣдутъ на пароходѣ, бросается нашему брату, унылому россіянину, въ глаза. У насъ часто думаютъ о норвежкахъ, какъ о какихъ-то холодныхъ и истуканообразныхъ недотрогахъ. Между тѣмъ онѣ чрезвычайно общительны, а пожалуй, и даже болѣе того.

Самъ городокъ Haarstad находится на большомъ островѣ группы Вестероленъ (Vesteraalen), т.-е. на Хиндё (Hindö). Изъ Хорстадта виденъ второй изъ острововъ Vasteraalen, именно Andö.

Здѣсь въ окрестности, въ Тронденесъ (Throndenaes), еще цѣла древнѣйшая и сѣвернѣйшая христіанская церковь Скандинавіи.

9—(21-го) іюля.

Сегодня, около полуночи, стрѣляли на палубѣ изъ крошечныхъ пушечекъ. Это дѣлается здѣсь, какъ я разъ уже говорилъ, чтобы оповѣстить туристовъ о переѣздѣ черезъ полярный кругъ или о встрѣчѣ полуночнаго солнца, либо объ утратѣ его. Въ эту минуту выстрѣлы возвѣшали о послѣднемъ, хотя мы еще и были за полярнымъ кругомъ. Здѣсь солнце уже начало заходить за горизонтъ.

Сегодня все мое вниманіе обращено на открывающуюся передъ нами группу знаменитыхъ острововъ Лофутенскихъ. Группа острововъ Lofooten есть собственно продолженіе группы острововъ Вестероленъ (Vesteraalen*). Только Lofooten идутъ вереницею въ океанъ, направляясь отъ материка на западъ. Черную цѣпь этихъ гористыхъ остро-

*) Произносится приблизительно Лофутенъ и Востроленъ.

вовъ сравниваютъ съ позвоночнымъ столбомъ. Это цѣлый растянутый и довольно обширный архипелагъ, группирующійся вокругъ крупныхъ и главныхъ позвонковъ Öst Vaagö, Vest Vaagö, Gimsö, Flakstadö и Moskenösö.

У юго-западной оконечности послѣдняго острова находятся знаменитые „сувои" или водовороты Mosken Ström, описанные самымъ невѣроятнымъ образомъ въ одномъ изъ невѣроятнѣйшихъ разсказовъ Edgar'a Poe. Хотя издали именно этого интереснаго мѣста и не было видно, но люди, знающіе его, увѣряли, что теперь его сувои ни во что не ставятся моряками. Они такъ же безопасны для пароходовъ, какъ и наши сувои Святого Носа, на которые они вполнѣ и похожи, какъ кажется.

Изъ Лофутенскихъ острововъ мы пристали лишь къ одному, именно, къ острову „Vaago", у мѣстечка Свольверъ (Svolvaer). На пристани рыба, рыба и рыба; преимущественно, конечно, треска.

Ради ея ловли сюда съѣзжаются зимою десятки тысячъ рыбаковъ преимущественно изъ Сѣверной Норвегіи.

Не мало туристовъ посѣщаютъ здѣшнія многочисленныя пристани и мѣстечки. Изъ Svolvaera ихъ, по крайней мѣрѣ, сѣло много на нашъ пароходъ. Нѣкоторые были даже со своею прислугою.

Говорятъ, климатъ на этихъ островахъ прекрасный: лѣтомъ прохладно, а зимой тепло. Что можетъ быть лучше такой станціи для несчастныхъ чахоточныхъ, если вспомнить, что пребываніе на такихъ островахъ, уходящихъ въ даль океана, равняется почти пребыванію на кораблѣ?

Да и на самомъ дѣлѣ, тутъ вездѣ только и встрѣчаешь одни здоровыя, веселыя и жизнерадостныя лица. Всѣ веселы, всѣ довольны жизнью и привѣтливы.

Всѣ эти туристы были опять преимущественно, какъ и повсюду здѣсь, норвежцы.

Въ Svolvaer'ѣ для пріѣзжихъ у самой пристани находится порядочная гостиница.

Скоро пароходъ отошелъ и поплылъ опять къ берегамъ материка черезъ огромный, широкій Вестъ-Фіордъ (Vest Fjord), отдѣляющій отъ берега Лофутенскіе острова, которые теперь стали уходить вдаль отъ глазъ и какъ бы задергиваться флёромъ.

Одинъ матросъ указалъ въ Vest Fjord'ѣ кита. Мы его, однако, не нашли своими биноклями.

Туристы меня поражаютъ тѣмъ, что они въ большинствѣ случаевъ поздно встаютъ, почему и пропускаютъ много прекрасныхъ картинъ.

Утромъ многіе изъ нихъ пропускаютъ и общій кофе и даже завтракъ и едва поспѣваютъ лишь къ обѣду. Очевидно, туристы вездѣ тѣ же безшабашные бонвиваны.

Въ 1 часъ дня останавливались около г. Бодё (Bodö). Это хорошенькій маленькій городокъ наподобіе Тромзё. Въ немъ около 3650 жителей. Старинныя норвежскія постройки, каковыхъ много въ Вардё, замѣняются здѣсь прекрасными современными. Есть двѣ-три небольшія, привлекательныя гостиницы. Бодё — это самый южный пунктъ, изъ котораго въ Норвегіи можно видѣть верхній, незаходящій край полуночнаго солнца (съ 30-го мая новаго стиля).

Въ послѣдній разъ этотъ край можно видѣть на Нордкапѣ 1-го августа новаго стиля.

Изъ Бодё къ намъ сѣла опять масса туристовъ. Все это, какъ я уже говорилъ, ѣдетъ исключительно въ I классѣ. Капитанъ парохода Vesteraalen любезенъ и внимателенъ лишь съ первоклассниками. На второклассниковъ онъ посматриваетъ даже довольно строго, особенно, если тѣ оказываются на палубѣ, въ мѣстахъ, отведенныхъ первымъ. А первымъ, повторю, здѣсь всюду на пароходахъ отведено почти все.

Окрестность дѣлается все менѣе и менѣе гористой и интересной. Даже острова здѣсь ниже и числомъ рѣже.

Передъ вечеромъ погода совсѣмъ испортилась. Дождь идетъ часто, вслѣдствіе чего льются съ горъ многочисленные каскады прямо въ море.

Къ ночи на океанѣ совсѣмъ разыгралась буря. Насъ она доставала только слабо и то лишь изрѣдка, когда между островов открывались незащищенныя мѣста на нашемъ пути.

Въ такіе моменты публика пріунывала. Показывались у нѣкоторыхъ признаки морской болѣзни. Утихали волны въ защищенныхъ фіордахъ, и пассажиры опять становились веселыми.

Въ такія минуты спокойствія мнѣ даже пришлось сыграть съ однимъ французомъ въ шахматы.

Передъ вечеромъ насъ обогнала маленькая желѣзная миноноска, которая летѣла, разсѣкая волны, съ быстротою 19 узловъ въ часъ, какъ опредѣляли наши моряки. Ее признали за прусскую, и порѣшили, что она везетъ какую-нибудь важную депешу для германскаго императора, который въ ту минуту путешествовалъ тоже, какъ и принцы неаполитанскій и абруцскій, гдѣ-то въ норвежскихъ фіордахъ.

Быть можетъ, эта миноноска несла ему извѣстіе о смерти Бисмарка, который какъ разъ умиралъ въ эти дни, чего мы, впрочемъ, тогда еще не знали.

Среди французскихъ туристовъ есть одинъ чрезвычайно комичный молодой человѣкъ. Онъ одѣтъ такъ ярко, такъ пестро, что его лишь можно было принять за лакея котораго-нибудь изъ первоклассныхъ пассажировъ. Однако, онъ возвращался со Шпитцбергена и ѣхалъ тоже въ I классѣ. Кромѣ того, съ нимъ всѣ французы обращались, какъ съ равнымъ.

Его разговоръ и ужимки были столь комичны, что одна прелестная пассажирка, норвежка, даже весело переглянулась со мною.

Это показалось такъ мило и лестно мнѣ, что я вздохнулъ, при мысли о краткости совмѣстнаго нашего съ ней пути. Она ѣхала куда-то недалеко. Это была одна изъ тѣхъ хорошенькихъ, развеселыхъ норвежекъ, которыя мужчинъ ни мало не боятся, но, напротивъ того, ихъ обстрѣливаютъ усиленно своими блестящими, полными жизни глазками.

10 (22-го) іюля.

Сегодня день совсѣмъ пасмурный. Льетъ дождь. Съ океана въ фіорды врывается буря. Качка изрядная. Большинство пассажировъ лежитъ въ каютахъ и на палубѣ по диванчикамъ.

Берега угрюмы и изборождены каскадами, раждающимися отъ дождя.

У младшаго французскаго curé я замѣтилъ въ рукахъ моего любимца Оссіана на французскомъ. Священники разсуждали о немъ. Они говорили, что невозможно помногу за разъ читать Оссіановыхъ пѣсенъ. Я попросилъ книгу себѣ на время, чтобы познакомиться съ ея французскимъ текстомъ. И вотъ мнѣ пришлось еще разъ насладиться своею любимой поэзіею, въ виду угрюмыхъ и пасмурныхъ береговъ самаго Оссіановскаго „Loklin'a“, т.-е. Скандинавіи.

Когда я обратилъ вниманіе молодого curé на чудную пѣснь „О Картонѣ“ съ ея поэтичною, потрясающею драмою, то и онъ согласился со мною, что, на самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ этихъ, украшенныхъ остроумно красивымъ, таинственнымъ именемъ Оссіана, есть чудныя страницы.

Однако, стали показываться первые клочки обработанной земли, послѣ сѣверныхъ безплодныхъ береговъ. Кой-гдѣ запестрѣли и нивки съ хлѣбами и какія-то подобія огородиковъ.

Я забылъ тутъ напомнить, что мы переѣхали уже обратно по сю сторону полярнаго круга, еще вскорѣ послѣ Бодё. И теперь, съ правой стороны, у насъ уже разстилались воды Атлантическаго океана.

Въ 7 часовъ вечера вошли въ гавань Трондхейма или, по-норвежски, Trondhjem. Отсюда начинается сѣвернѣйшая желѣзная дорога Норвегіи. И многіе туристы пересѣли съ парохода на нее. Между про-

чимъ, на вокзалъ уѣхала и моя прелестная незнакомка изъ пассажирокъ, которая меня удостоивала своими молчаливыми взорами.

Я пожалѣлъ о ней втайнѣ.

Въ первый разъ, за весь свой путь по Норвегіи, я нашелъ наконецъ настоящую общественную купальню. Но и тутъ не было никого изъ любителей холодной воды. Впрочемъ, тутъ уже температура ея приближалась къ нормальной лѣтней: было 13° R. И какъ же тепла она мнѣ показалась послѣ сѣверной!

Сторожъ въ купальнѣ полюбопытствовалъ узнать мою національность. Когда я сообщилъ ему, что я русскій, то онъ какъ будто бы постигъ мое стремленіе къ холодному купанью, считая, конечно, что русскіе безъ таковаго существовать не могутъ.

Нашъ пароходъ „Vesteraalen“ далѣе на югъ не шелъ, и мнѣ тоже предстояло съ него перебраться на какой-нибудь другой. На пристани я узналъ своего стараго знакомца—пароходъ „Haakon Yarl“, на которомъ я не расплатился еще окончательно съ ресторатором. Отходилъ въ тотъ же вечеръ еще какой-то датскій пароходъ на югъ. Но я, опасаясь худшаго, рѣшилъ ѣхать съ несовсѣмъ пріятнымъ мнѣ Haakon Yarl'емъ.

Прежде всего я перенесъ туда вещи свои и расплатился съ ресторатором, послѣ чего пошелъ уже обходить красивый и первый большой норвежскій городъ, какимъ представляется Трандхеймъ послѣ сѣверныхъ городковъ Скандинавіи.

Это поистинѣ прекрасный городъ. У норвежцевъ даже есть пѣснь о немъ съ такими словами:

„Det er saa fagert i Trondhjem at hvile“ —
(„Такъ хорошо пребываніе въ Трондхеймѣ“).

Городъ этотъ основанъ въ 1016 году королемъ Олафомъ Святымъ, вводившимъ огнемъ и мечомъ христіанство въ Скандинавіи. Изстари здѣсь короновались короли Норвегіи. Здѣсь совершались и другіе важные моменты исторіи страны. Здѣсь побывали и чума, и страшные пожары. Здѣсь находилось тѣло основателя города, короля св. Олафа, собственно, деспота и кровопійцы, каково большинство изъ нихъ, на поклоненіе которому стекались вѣрующіе, пока реформація не покончила съ этимъ суевѣріемъ, убравъ куда-то трупъ тирана.

Въ настоящее время Трондхеймъ имѣетъ около 30.000 жителей. Выстроенъ онъ, какъ и большинство норвежскихъ городовъ, изъ дерева, несмотря на то, что не разъ страдалъ отъ огня. (Эта наивность — строиться изъ дерева въ обезлѣсенной и каменистой странѣ — порази-

тельна.) Лежитъ онъ у устья рѣки Nidelv'а. По чудному климату мѣстность эту равняютъ съ южной Ирландіей или съ Дрезденомъ. Трондхеймъ-Фіордъ (Trondhjems-Fiord), конечно, не замерзаетъ. Растительность здѣсь положительно роскошна. Я видѣлъ разные клены, ясени, вязы, дикіе каштаны и т. п. Спокойная жизнь, полная удобства, и привѣтливость жителей въ Трондхеймѣ славятся изстари.

Невольно опять напрашивалась мысль — неужели всѣ эти прелестные, небольшіе города Норвегіи не представляютъ великолѣпныхъ климатическихъ станцій? Неужели Крымъ, Ницца, Алжиръ и т. п. раскаленныя, пыльныя и лихорадочныя страны лучше?

Улицы и постройки здѣсь прелестны. Особеннаго вниманія заслуживаетъ великолѣпный соборъ или Domkirke. Онъ построенъ изъ сѣраго камня, по старому образцу, который былъ уничтоженъ въ одинъ изъ грандіозныхъ мѣстныхъ пожаровъ. Знатоки называютъ стиль трондхеймскаго собора смѣшаннымъ или готически-романскимъ. И на самомъ дѣлѣ, для профана даже, въ немъ видны мотивы какъ католическіе, такъ и протестантскіе, которые здѣсь примѣшались одни къ другимъ. Стоитъ онъ среди парка-кладбища.

Я вошелъ въ соборъ около 8 ч. вечера, когда тамъ начался духовный концертъ на органѣ. Это привело меня въ восторгъ, послѣ того какъ я былъ такъ давно лишенъ сколько-нибудь порядочной музыки. Исполняли, между прочимъ, какія-то Allegretto и Andante Мендельсона для органа. Игра была не очень ровна. Органы въ Норвегіи, какъ мнѣ показалось, звучатъ черезчуръ громко и даже грубовато.

Послѣ музыки всѣ сошли въ нижній этажъ собора, гдѣ находилось въ отдѣльномъ помѣщеніи огромное мраморное изваяніе Спасителя. Сумерки здѣсь были уже полныя и такая же тишина. Мы говорили шопотомъ.

Когда публика вся ушла, я остался въ паркѣ-кладбищѣ. Какіе-то одинокіе люди сидѣли или прохаживались между могилами. Въ паркѣ было тихо и спокойно. Деревья стояли безъ движенія. Погода была пасмурна и дождлива. Тишина и грусть зарождались здѣсь, съ наступавшею ночью.

Полуночнаго солнца въ Трондхеймѣ не бываетъ. И ночь приближалась съ ея тьмою.

Я бродилъ по городу въ резиновомъ плащѣ и въ русскихъ сапогахъ, чѣмъ обращалъ на себя совершенно необъяснимое вниманіе и даже вызывалъ досадныя, пошлыя улыбки, въ особенности въ простолюдинахъ, женщинахъ и дѣтяхъ. И все это происходило лишь потому

только, что здѣсь таковыхъ не носятъ, а не потому, что сами предметы были смѣшны, или безобразны.

О люди — вѣчныя дѣти!

Въ Трондхеймѣ встрѣчается не мало красивыхъ женскихъ лицъ. И всѣ они дышатъ жизнью, здоровьемъ и веселостью.

Когда вечеромъ я водрузился на пароходъ „Haakon Yarl", то было въ каютахъ уже темно настолько, что скоро зажгли электрическія лампы. И это было первое искусственное освѣщеніе, которое я увидѣлъ, послѣ своего отъѣзда изъ Москвы. Свѣтлыя сѣверныя ночи кончились. Приходилось уже освѣщаться.

Какъ ни страннымъ можетъ казаться, но этотъ первый намекъ на условія, сродныя моимъ природнымъ мѣстамъ, меня не огорчалъ, — онъ скорѣе былъ даже пріятнымъ мнѣ.

А давно ли такъ спѣшилъ я уѣхать изъ родины?

11-го (23-го) іюля.

Немногіе пассажиры съ парохода „Vesteraalen" оказались теперь со мною вмѣстѣ на пароходѣ „Haakon Yarl'ѣ" Изъ нихъ были здѣсь на лицо два упомянутые уже бельгійца, т.-е. молодой фотографирующій туристъ, за которымъ ухаживала описанная мною уже выше поблекшая искательница приключеній въ Harstad'ѣ, да его пожилой соотечественникъ. Съ этими двумя пассажирами у насъ установились болѣе или менѣе близкія отношенія, хотя мы и путешествовали въ разныхъ классахъ парохода.

Такое сближеніе часто случается въ дорогѣ между пассажирами, ѣдущими нѣкоторое время вмѣстѣ. Невольно льнешь другъ къ другу, тогда какъ кругомъ всѣ и все смѣняется. И тутъ помнишь твердо, что скоро жизнь раскинетъ въ разныя стороны, и притомъ, навсегда. И какъ-то жаль становится другъ друга, какъ-то страшно передъ всеразрывающей судьбой!

Ландшафтъ фіордовъ, береговъ и острововъ становится все блѣднѣе и блѣднѣе, по мѣрѣ нашего передвиженія къ югу. Острова мелки и незначительны. Прибрежныя горы — съ круглыми контурами и вершинами. Зато растительности все больше, и зелень скрашиваетъ картину.

Погода сегодня съ утра чудная, мягкая и безъ вѣтра, хотя и нѣсколько пасмурно.

Въ 11 ч. утра остановились въ Христіанзандѣ (Kristiansand*). Это маленькій, нарядный городокъ съ 10.400 жителей приблизительно.

---

*) Тоже Christiansand.

Опять-таки, и онъ почти весь выстроенъ изъ дерева, хотя здѣсь ломаютъ камень посреди самаго города. Конечно, и здѣсь рыба, рыба и рыба составляетъ главный предметъ торговли, и преимущественно треска. Ее отсюда отсылаютъ даже въ Испанію. Я пустился въ поиски купанья, о которомъ давно уже соскучился. Выходилъ я и за городъ, даже отдалялся отъ него, но нигдѣ не могъ спуститься съ отвѣсныхъ каменистыхъ береговъ къ морю. Наконецъ, мнѣ указали доступный, укромный заливчикъ, позади одного деревяннаго краснаго зданія. Тамъ я и поспѣшилъ выкупаться. Только послѣ этого замѣтилъ, что изъ вышеозначеннаго краснаго зданія сюда, въ море, стекалъ небольшой ручеекъ нечистотъ. Оказалось, что это сочились сукровица и содержимое кишокъ животныхъ. Я догадался, что красное зданіе — бойня и что этотъ ручеекъ — послѣдствіе страданія и смерти. Однако онъ не загрязнялъ прекрасной, прозрачной воды океана, такъ малъ и ничтоженъ онъ былъ передъ ея массою. Возвращаясь въ городъ, я встрѣтилъ телѣжку съ нѣсколькими, мелкими окровавленными шкурами, которыя увозились отъ печальнаго зданія. Это навело меня на размышленіе, что даже и здѣсь, несмотря на обиліе рыбы, ракообразныхъ и моллюсковъ въ морѣ, люди не хотятъ обойтись безъ настоящаго кровопролитія, и безъ жестокости надъ своими друзьями, надъ ручными и преданными слугами своими, надъ домашними животными.

Въ городѣ я повстрѣчался съ обоими бельгійцами. Зашли вмѣстѣ выпить пива, послѣ того какъ молодой изъ нихъ снялъ нѣсколько видовъ въ городѣ. За пивомъ вспомнили Бельгію. Оказалось, что молодой человѣкъ былъ родомъ изъ Брюгге, а пожилой — изъ Антверпена. Я вспоминалъ свое тамъ давнее пребываніе. Помянули прославленнаго брюссельскаго віолончелиста Servais, столь любимаго когда-то въ Россіи.

Когда мы возвращались на пароходъ, то замѣтили, что нашего стараго и неказистаго капитана уводитъ въ городъ одна пассажирка. Это была красивая, но неряшливая особа неизвѣстнаго класса, такъ какъ она перебывала во всѣхъ. Она странно держала себя. Одѣта она была плохо, почти грязно. У нея были какіе-то два компаньона въ третьемъ классѣ. Типъ она имѣла еврейскій.

Куда и зачѣмъ она уводила нашего почтеннаго капитана, намъ узнать не удалось; только вернувшись, онъ имѣлъ чрезвычайно помятый видъ.

На пристани, среди публики, мы замѣтили нѣсколько миловидныхъ дѣвичьихъ лицъ. Въ особенности одно было прелестно. Общими нашими усиліями молодой бельгіецъ снялъ аппаратомъ эту милую рожицу.

Когда мы тронулись въ путь изъ Кристіанзанда, то оказалось, что въ трюмѣ выскочила какая-то заклепка, и мы потеряли всю прѣсную воду, которая тамъ хранилась. Черезъ люкъ, находившійся у насъ въ полу II класса, стали лазать туда люди и чинить аварію.

Погода оставалась тихая и спокойная. Острова здѣсь были малы и рѣдки. Часто между островами открывался нашимъ глазамъ океанъ своею равниною съ правой стороны, на довольно большія пространства.

Какъ я сказалъ, спускъ въ трюмъ находился у насъ въ тѣсной каютѣ II класса. И я испыталъ на себѣ неудобство такого приспособленія, ибо, позабывши о томъ, полетѣлъ туда, такъ какъ его оставили во время чинки открытымъ. Только расправленные во время локти, да какія-то корзины съ бутылками, загремѣвшія отчаянно подъ моими ногами, избавили меня, быть можетъ, еще отъ большихъ пораненій.

Сколько я здѣсь ни встрѣчаю туристовъ и пассажировъ вообще, всѣ носятъ пристяжные, фальшивые воротнички. Только я одинъ, какъ истый дитя степей, осмѣливаюсь оставаться въ дорожныхъ мягкихъ, пестрыхъ рубахахъ. Нѣкоторые щеголи за это на меня косо поглядывали, такъ же какъ и за мои смазные сапоги. Но я, не смущаясь, продолжаю пользоваться привилегіею простоты II класса, въ которомъ странствую.

Хотя съ приближеніемъ къ югу, растительности вездѣ виднѣется больше прежняго, зато звѣри и птицы быстро уменьшаются здѣсь числомъ. Тамъ, на безлюдномъ сѣверѣ, ими кишатъ берега, острова, воды и воздухъ. Тутъ изрѣдка увидишь вдали дельфина или чайку. Вѣроятно, и рыбы здѣсь меньше, въ сравненіи съ сѣверными водами. Тамъ, напримѣръ, чайки не слѣдятъ за судами и не обращаютъ почти вниманія даже на умышленно кидаемый имъ кормъ. Здѣсь онѣ жадно дерутся изъ-за каждой корочки.

Часовъ въ 5 вечера остановились у городка Мольде (Molde) въ прелестномъ, красивомъ Molde-Fjord'ѣ. Окрестность, виды черезъ фіордъ на горы, погода и самый городокъ — все это выглядѣло здѣсь положительно восхитительнымъ. Мнѣ показалось, что Мольде — это самое красивое мѣстечко для жизни, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Норвегіи. Здѣсь многіе богатые люди проводятъ лѣто. Это одно изъ любимыхъ дачныхъ мѣстъ. Среди мѣстной публики я замѣтилъ иностранцевъ — кажется, англичанъ, которыхъ, повторяю, вообще почти не встрѣчалъ въ то путешествіе.

Для пріѣзжихъ у пристани есть довольно привлекательная гостиница. Въ самомъ городкѣ есть нѣсколько видныхъ туристскихъ магазиновъ.

Тамъ продавались всевозможные предметы для путешественниковъ, и, разумѣется, масса туземныхъ фотографій. Между послѣдними выдѣлялась одна копія картины религіознаго содержанія. Оригиналъ находился тутъ же, въ мѣстномъ храмѣ, куда я и пошелъ.

Это была красивая картина большого размѣра одного извѣстнаго норвежскаго живописца изъ Христіаніи, Axel'я Ender'a. Нарисована она въ 1887 году и изображаетъ женъ-мироносицъ, пришедшихъ поклониться ко гробу Христа, Который уже воскресъ, и только красивый юноша-ангелъ возвѣщаетъ имъ объ этомъ происшествіи.

Красота картины, ея свѣтлые, радостные цвѣта, вечернее освѣщеніе сквозь желтовато-зеленыя стекла въ деревянномъ готическомъ храмѣ и органные звуки при этомъ — все это оставило въ памяти самыя хорошія впечатлѣнія. Картина красовалась въ церкви, на алтарной стѣнѣ. Называлась она „Paaskemorgen", т.-е. „Пасхальное утро".

Передъ тѣмъ какъ поплыть дальше, мы посидѣли съ обоими бельгійцами на верандѣ прибрежной гостиницы за холоднымъ пивомъ, любуясь прелестною мѣстностью.

Нашъ разговоръ повернулся невольно на то, что мѣстечки, подобныя Мольде, должны бы привлечь вниманіе европейцевъ, какъ идеальныя климатическія станціи.

Особа подозрительнаго свойства, которую мы съ молодымъ бельгійцемъ за неряшество прозвали „красоткою съ грязными ручками", сошла съ парохода и осталась въ Molde. Ея два таинственныхъ спутника, пассажиры третьяго класса, такъ же сошли съ нею.

Что это могла быть за кампанія людей? Чѣмъ они были связаны? Какая ихъ была цѣль?

Очевидно, они возбуждали любопытство, потому что, пока шли по улицамъ, многіе высовывались на нихъ поглядѣть; въ особенности хитро поглядывала отовсюду женская прислуга на это странное trio.

Мы двинулись далѣе на югъ, все на югъ на нашемъ пароходѣ.

12-го (24-го) іюля.

Дождливо и пасмурно. Съ утесовъ низвергаются въ океанъ и въ фіорды большіе и малые дождевые каскады, и цѣлые водопады. Маленькіе изъ нихъ часто развѣваются вѣтромъ и разлетаются какъ паръ во всѣ стороны.

Вѣтеръ въ открытомъ морѣ, повидимому, силенъ, но мы его здѣсь, въ тиши фіордовъ не чувствуемъ.

Осталось пути до Бергена не болѣе, какъ часовъ на 6 времени.

Дорога теряетъ всякую прелесть. Пробираемся уже не между

островами и не по фіордамъ, а открытымъ моремъ, усѣяннымъ безчисленными, огромными округленными камнями, между которыми приходится осторожно лавировать. Да и подъ водою камней, говорятъ, тутъ достаточно скрыто, на погибель судовъ.

Съ океана катится величественная мертвая зыбь*).

Нашъ ресторатор̃ъ-лакей сегодня выкинулъ преоригинальную штуку.

День былъ воскресный, и мы, сидя за столомъ, совершенно позабыли, что въ этотъ день должно быть еще пятое сладкое блюдо, по обычаю на пароходѣ, и какъ это ранѣе бывало. Подъ этимъ впечатлѣніемъ, по окончаніи обѣда, всѣ стали подниматься изъ-за стола. Въ эту минуту ресторатор̃ъ появился въ дверяхъ съ пирожнымъ. Догадавшись, что наивные пассажиры отъ него болѣе ничего не ждутъ сегодня, онъ быстро повернулся и исчезъ въ своей каютѣ съ сладкимъ кушаньемъ, которое, вѣроятно, и съѣлъ за наше здоровье.

Я разсказалъ и объяснилъ своимъ спутникамъ, въ чемъ дѣло, но былъ и тутъ пораженъ молчаливымъ смиреніемъ, и въ этомъ случаѣ, какъ и ранѣе, во многихъ другихъ подобныхъ.

Пробовалъ я объясниться съ самимъ нашимъ ресторатор̃омъ, но хитрецъ всякій разъ, въ такихъ происшествіяхъ притворялся непонимающимъ и невинно отвѣчалъ лишь: „Not ferstole“ [1]). Такъ же относился онъ къ моимъ заявленіямъ, когда случалось, что на мою койку кто-нибудь залѣзалъ самовольно, чтобы выспаться, не взирая на лежащія на ней чужія вещи.

Передъ вступленіемъ въ гавань Бергена пароходъ нашъ изукрасили флагами всевозможныхъ національностей. На мачтахъ только не оказалось русскаго флага, хотя это и былъ именно тотъ самый „Haakon Jarl“, который входилъ въ Хаммерфестъ исключительно подъ русскимъ флагомъ. Впрочемъ, тогда насъ русскихъ было четверо, кромѣ того, двое изъ этого числа были важными членами Мурманскаго пароходства. Теперь я былъ только одинъ русскій на всемъ суднѣ.

Не знаю, было ли это такъ, но мнѣ показалось, что капитанъ нашъ какъ будто бы спрятался даже на этотъ разъ отъ меня, и я насилу нашелъ даже случай съ нимъ проститься, уходя съ парохода.

---

*) Волны въ штиль пришедшія изъ района вѣтра.

**) Т.-е. „Не понимаю“.

ГЛАВА IV.

Бергенъ.

Панорама Бергена. — Помѣщеніе. — Данныя о Бергенѣ. — Ганза. — Параллель Петербурга. — Базары. — Оживленіе. — Статуи. — Выдающіяся части города. — Трамваи. — Выставка. — Письма. — Осмотръ выставки. — Рекреаціи. — Народный ресторанъ. — Начало лѣсоразведенія. — Поиски Э. Грига. — Нутрь страны. — Вилла Трольдхаугенъ. — Охранительница. — Великій человѣкъ. — Станція Нестунъ. — Сельское кладбище. — „Нѣтъ болѣе дѣтей". — На высотѣ. — У Э. Грига. — Ли. — Наша бесѣда. — Ибсенъ о свободѣ. — Сборы въ Россію. — О музыкѣ. — Остальные члены семьи. — Прощанье. — Возвращеніе въ Бергенъ. — Послѣдній осмотръ Бергена. — Народная кухня. — Третій норвежскій пароходъ. — Отъѣздъ. — Капитанъ и его помощникъ. — Берега.

Бергенъ расположенъ у двухъ небольшихъ фіордовъ Rufjord и Pundefjord. Онъ красиво восходитъ отъ берега на сосѣднія горы и представляетъ чрезвычайно живописную панораму съ моря.

На пристани многочисленная публика ожидала нашъ пароходъ. Тутъ были экипажи, носильщики и представители разныхъ гостиницъ.

Я выбралъ посыльнаго отъ небольшой гостиницы „Nordstjernen" *) на Raadstueplads, куда и дошелъ съ его помощью пѣшкомъ.

Городъ Bergen одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Норвегіи. Онъ основанъ королемъ Olaf'омъ Kyrre въ 1075 году.. Здѣсь тоже совершилось не мало важныхъ историческихъ событій. Не мало и ужасовъ произошло тутъ. Напримѣръ, здѣсь въ 1135 году Harald Gille заточилъ и ослѣпилъ Magnus'a Sigurdsson'a. Затѣмъ вскорѣ послѣ того, Sigurd Slembe убилъ перваго. Въ 1154 году былъ убитъ Sigurd Mund братомъ своимъ Inge. Какъ видите, все типичные факты человѣческой исторіи, которымъ когда-нибудь люди ужаснутся и изрекутъ свое проклятіе.

Процвѣтаніемъ Бергенъ обязанъ главнымъ образомъ Ганзейской конторѣ, которая здѣсь находилась и пользовалась всяческими привилегіями со стороны правителей.

Разумѣется, и Бергенъ, какъ настоящій норвежскій городъ, торговалъ и теперь торгуетъ преимущественно рыбою.

Въ настоящее время Бергенъ довольно большой городъ съ 53,000 жителями приблизительно. Это, пожалуй, самый красивый изъ норвежскихъ городовъ, хотя Христіанія и величественнѣе и параднѣе его. Улицы и зданія въ немъ положительно прекрасны, нѣкоторыя даже роскошны, въ полномъ смыслѣ этого слова. Бергенъ уже по преиму-

*) Т.-е. „Сѣверная звѣзда" на площади ратуши.

ществу городъ изъ камня. Климатъ здѣсь чудный. Несмотря на то, что Бергенъ находится на одной почти параллели съ Петербургомъ, въ немъ морозы не бываютъ ниже 10° С. Здѣсь растутъ дикіе каштаны, буки и т. п. Привѣтливость и веселость бергенцевъ славится въ Норвегіи.

Бергенъ считается въ странѣ важнымъ пунктомъ кораблестроенія и морского дѣла вообще. Кромѣ того, городъ этотъ чрезвычайно важный и оживленный пунктъ туристскаго движенія. Большинство иностранцевъ, особенно англичанъ, пріѣзжаютъ въ Норвегію черезъ Бергенъ.

Среди многихъ здѣшнихъ великолѣпныхъ, роскошныхъ магазиновъ, особенно бросаются въ глаза разные туристскіе базары и бюро, въ которыхъ продаются всевозможные круговые билеты по Европѣ. Тутъ, напримѣръ, находятся конторы: Бейера, Беннета и знаменитаго Кука (F. Beyer, T. Bennet, Th. Cook et Son).

Разумѣется, та струя туристовъ, которая здѣсь протекаетъ лѣтомъ, не мало приноситъ дохода городу.

Впрочемъ, движеніе и жизнь въ городѣ даже и помимо туристовъ велика. Если посмотрѣть на оживленіе въ главныхъ пунктахъ Бергена, то, право, иностранцу не сразу придетъ въ голову, что онъ находится въ сѣверной странѣ, да еще съ народомъ германскаго происхожденія.

Особенно оживлены улицы Strandgade, Torvet и Torve-Almening, гдѣ сгруппированы и лучшія постройки, и магазины, конторы и банки, биржа и почта и пр.

На площади Torve-Almening стоитъ статуя нѣкоего Cristie, предсѣдателя перваго норвежскаго стортинга въ 1814 году. На площади биржи находится статуя основателя датско-норвежской комедіи, Ludwig'a Holberg'a, который здѣсь въ Бергенѣ родился.

Выдающагося и достойнаго вниманія въ Бергенѣ вообще не мало. Есть, что посмотрѣть внимательному и неторопливому туристу. Напримѣръ, Tydskebryggen или нѣмецкая пристань, нѣкогда центръ Ганзы, крѣпость или Bergenhus, полуостровъ Nordnaes съ Fort-Frederiksberg, Observatorium и Lasarett, зданіе художественнаго общества — Bergenske Konstforening*). Здѣсь есть Museum, Johanniskirke, Domkirke и, наконецъ, плохенькій деревянный театръ, совсѣмъ не гармонирующій съ остальнымъ великолѣпіемъ.

Самая главная улица въ Бергенѣ Srandgaden. Самая красивая, пожалуй, Nygaards**) Gaden. Это уже почти загородная часть города,

*) Художественное Общество.

**) Новосадовая улица.

гдѣ блистаютъ своею роскошью виллы мѣстныхъ богачей, разумѣется, все здѣшнихъ комерсантовъ. Здѣсь, въ этой части города, живетъ довольство и достатокъ. Здѣсь я даже слышалъ фортепіано. Это, кажется, случилось лишь во второй разъ въ Норвегіи за всю мою поѣздку. Первый разъ я услышалъ что-то изъ Шумана на фортепіано въ Тромзё. Теперь играли что-то изъ скандинавскихъ композиторовъ. Выдѣляется здѣсь Store Gade. На ней та же роскошь.

Эта улица примыкаетъ къ Nygaardspark'у, гдѣ въ то время находилось художественно-промышленная выставка. Туда я и отправился въ первый же вечеръ, по электрической конкѣ. Здѣсь меня удивило то, что кондукторами при вагонахъ были мальчики, съ кружкою въ рукахъ, въ которую они предлагали публикѣ уплачивать за проѣздъ. Кромѣ того, въ каждомъ вагончикѣ находилось по стеклянной кружкѣ, привѣшенной на стѣнѣ, куда публика тоже могла платить по желанію за проѣздъ. На трамваяхъ этихъ никакихъ билетовъ не существовало. Тутъ каждому оказывали довѣріе. И такое отношеніе къ людямъ, конечно, воспитываетъ публику лучше всякихъ строгостей и грубостей.

Былъ девятый часъ вечера, когда я прибылъ на выставку. Павильоны уже закрывались, и начиналось вечернее гулянье, съ электрическимъ освѣщеніемъ и музыкою. Оркестръ былъ духовой изъ Германіи! Чрезвычайно вѣрно и красиво звучала вся эта „мѣдь", въ особенности басы ея.

Одинъ изъ здѣшнихъ выставочныхъ и весьма представительныхъ сторожей или, скорѣе, смотрителей въ униформѣ, объяснилъ мнѣ, что національные концерты, дававшіеся на выставкѣ, уже кончены. Это были именно тѣ концерты, которыми руководилъ Григъ. Сторожъ же сообщилъ мнѣ, что самого Грига можно иногда здѣсь увидѣть гуляющимъ по вечерамъ, что онъ самъ живетъ въ своей виллѣ „Troldhaugen", близъ станціи жел. дор. „Нор". Доѣхать туда можно было весьма легко.

Послѣднее меня особенно интересовало, такъ какъ уѣзжая, я далъ обѣщаніе своимъ домашнимъ навѣстить и Грига и Ибсена, которые у насъ тамъ, въ деревнѣ, состоятъ въ особенномъ почетѣ. Ибсенъ, какъ всѣмъ было извѣстно, жилъ тогда въ Христіаніи.

Я посидѣлъ и поглядѣлъ на бодрую, жизнерадостную публику, на красивыхъ, молодыхъ женщинъ, не мало и не робко стрѣлявшихъ кругомъ своими блестящими глазами. Потомъ я закусилъ въ народномъ кафе, гдѣ было очень дешево, но прилично. Наконецъ, направился часовъ въ 12 домой, чтобы спать.

Спать, спать хотѣлось. Давно не приходилось выспаться, какъ слѣдуетъ, какъ мы, деревенскіе жители, привыкли высыпаться у себя дома зимою. Поэтому я съ наслажденіемъ завалился въ мягкую и чистую

постель въ своей маленькой комнаткѣ, и заснулъ сномъ праведника, около раскрытаго балкона.

Добавлю здѣсь, что за все время со своего отъѣзда изъ дому, я только въ Бергенѣ нашелъ одно письмо на свое имя, хотя, какъ потомъ оказалось, мнѣ и писали много разъ изъ Россіи. Очевидно, всѣ письма шли черезъ Архангельскъ и Мурманъ, т.-е. мнѣ вдогонъ.

Все это произошло отъ того, что писавшіе не выставляли на адресахъ названія тѣхъ городовъ, черезъ которые слѣдовало направлять письма, а наши почтовые порядки, очевидно, сами этому не могли помочь. И я, за все свое путешествіе по сѣверу, т.-е. въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, оставался почти безъ вѣстей изъ дома.

13-го (25-го іюля).

Съ утра я выкупался въ гавани или въ „Vaagen'ѣ". Вода, конечно, не особенно чиста. Въ ней 10° R, а на воздухѣ 11°. Тутъ же выпилъ я свой утренній кофе въ какой-то кофейной будочкѣ. Затѣмъ поспѣшилъ на выставку или „Det Bergenske Ustilling".

Не стану ея подробно описывать. Скажу лишь вкратцѣ кое о чемъ. Несмотря на ея относительную скромность, она все-таки представляла не мало интереснаго, тѣмъ болѣе, что въ ней участвовали и другія страны, какъ-то: Россія, Данія, Германія, Бельгія, Франція, Соединенные Штаты и др.

Кромѣ платы за входъ, на выставкѣ приходилось платить и еще кое за что; даже за извѣстныя мѣста уединенія было назначено по 10 öre.

Въ промышленномъ отдѣлѣ, который былъ здѣсь по преимуществу богатъ, виднѣлись лыжи, оружіе и рыболовныя снасти. Интересны здѣсь были нѣкоторые, собранные остатки нансеновской экспедиціи, какъ-то: консервы, бутылки съ пивомъ и съ портеромъ, лодка или каякъ, лыжи, спальные мѣховые мѣшки Нансена и капитана Свердрупа, палатка, манекенъ на лыжахъ самого Нансена и, наконецъ, чучела двухъ послѣднихъ собакъ съ парохода „Фрама".

Глядя на эти два чучела, я подумалъ: неужели этихъ вѣрныхъ, преданныхъ спутниковъ и слугъ своихъ люди убили только для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ чучела? Мнѣ припомнились слова самого Нансена, въ которыхъ онъ съ ужасомъ вспоминаетъ объ убіеніи вѣрныхъ своихъ товарищей-собакъ во время путешествія. И я содрогнулся.

Въ томъ же промысловомъ отдѣлѣ были выставлены богатыя коллекціи морскихъ, рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, морского дѣла и судоходства вообще.

Особенно полонъ и обширенъ былъ отдѣлъ С. Штатовъ въ этомъ отношеніи. Мое вниманіе привлекла въ особенности коллекція китоваго промысла. Тутъ были не только интересные рисунки, но даже рельефныя, модельныя изображенія боя китовъ, напримѣръ, кашелотовъ, Spermwhale (по-англ.), или же Spermacet Hval (по-норв.). Эти модели были сдѣланы изъ дерева, очень просто и безъ всякихъ претензій, но, тѣмъ не менѣе, очень толково и, какъ нельзя болѣе, вразумительно.

И тутъ, глядя на все на это, особенно на многочисленныя и разнообразныя орудія китоваго промысла, на картины опасностей и страданій самихъ бѣдныхъ колоссовъ, чѣмъ неизбѣжно все это дѣло сопровождается, я только болѣе убѣждался, что китовый бой требуетъ крѣпкихъ и закаленныхъ людей, съ желѣзными нервами. Повторяю, это какой-то героическій, богатырскій промыселъ. Всѣ эти пики и гарпуны напоминали мнѣ инквизиціонные или современные вивисекціонные приборы (этотъ позоръ человѣчества нашихъ дней).

Тутъ были всевозможные снаряды для убіенія китовъ, начиная съ жалкихъ колючекъ, съ костяными наконечниками, и кончая гарпуномъ, съ разрывною гранатою Svend'a Foyn'a, о которомъ я уже говорилъ, при описаніи Вардё. Между гарпунами были даже и такіе, въ которые помѣщали синильную кислоту, съ цѣлью умерщвленія колоссальныхъ животныхъ! Были и другія ухищренія человѣческаго варварства, среди которыхъ гарпунъ Свенда Фойна кажется даже чѣмъ-то гуманнымъ, какъ гильотина среди орудій инквизиціи.

Охота за кашалотами, повидимому, весьма опасна. Этотъ свирѣпый звѣрь бросается нерѣдко даже на лодку и на людей. Онъ нападаетъ смѣло своими страшными зубами.

Чрезвычайно интересны и даже художественны акварельные рисунки тюленьихъ острововъ и промысла на нихъ. Масса смирныхъ, довѣрчивыхъ и безпомощныхъ существъ, которыя сами толпами жмутся къ человѣку, вѣроятно, изъ любопытства; избіеніе ихъ тысячами посредствомъ простой дубины — все это просто угнетаетъ даже на картинкѣ зрителя. И этотъ промыселъ, какъ вообще всякая эксплуатація животныхъ, обращенъ человѣкомъ въ страшное варварство.

Все вышеописанное находилось въ отдѣлѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Принадлежности китоваго промысла были изъ Provincetawn'a, штата Massachussets'a.

Въ промысловомъ отдѣлѣ интересны еще и коллекціи русскія, датскія (съ Исландіи), бельгійскія, французскія и финляндскія.

Изъ предметовъ мореходнаго дѣла интересны, напр., спасательныя ракеты, стрѣлы или, точнѣе, гарпуны. Послѣдніе бросаются на берегъ изъ такихъ же пушечекъ, какими ихъ бросаютъ въ китовъ. Къ этимъ снарядамъ прикрѣпляютъ бечевку, которую такимъ образомъ переносятъ съ берега на погибающій корабль или же обратно. Къ тонкой бечевкѣ прикрѣпляютъ настоящій, толстый канатъ, который и передаютъ посредствомъ притягиванья тонкой, переброшенной съ гарпуномъ бечевой погибающимъ, такъ что они оказываются соединенными съ берегомъ.

Русскій отдѣлъ бергенской выставки былъ, главнымъ образомъ, изъ Архангельска. Онъ весь состоялъ изъ рыболовныхъ и рыбопромышленныхъ принадлежностей. Здѣсь я познакомился съ его представителемъ, нашимъ извѣстнымъ знатокомъ рыбнаго дѣла, Оскаромъ Андреевичемъ Гримомъ и съ его помощникомъ Карломъ Карловичемъ Гильзеномъ.

О. А. Гримъ сообщилъ мнѣ, что у нашего Охотскаго моря есть китоловный заводъ нѣкоего бар. Г. Г. Кейзерлинга, дѣла котораго идутъ отлично. Это, кажется, единственный въ мірѣ русскій китоловный заводъ. Да и то, бар. Кейзерлингъ оказывается балтійскимъ нѣмцемъ.

О. А. Гримъ обѣщалъ мнѣ выслать домой, въ деревню, свои статьи по китоловству. Онъ меня познакомилъ съ представителями Соединенныхъ Штатовъ съ г. Joseph W. Collins'омъ и его помощникомъ W. H. Abbott'омъ. Первый мнѣ тоже обѣщалъ выслать свои записки по китовому промыслу въ деревню*).

На выставкѣ я познакомился еще съ директоромъ школы рыболевства въ Bodö, нѣкіимъ Fr. Baecker'омъ. Этотъ господинъ меня не мало поводилъ по выставкѣ.

Онъ показалъ мнѣ, между прочимъ, замораживающій аппаратъ. Это была цѣлая постройка на выставкѣ. Тамъ охлаждались и замораживались продукты рыбьяго промысла аммоніемъ. Сводилъ онъ меня еще на біологическую станцію, которая здѣсь существовала еще до выставки. За входъ въ нее назначалась особая плата. Посмотрѣть въ ней было что. Тамъ находились многочисленные акваріи съ морскими животными. Тутъ были и треска, и камбалы, и акулы, и слизняки. Нѣкоторые виды послѣднихъ были чрезвычайно цвѣтисты и красивы. Хищныхъ рыбъ здѣсь кормятъ живыми селедками.

На выставкѣ главный интересъ представляли морскіе промыслы. И вниманіе всѣхъ было до такой степени обращено на это, что о ху-

---

*) Долженъ сказать, что американцы мнѣ выслали обѣщанное въ ту же осень. Отъ русскихъ я теперь еще дожидаюсь того же.

дожественномъ отдѣлѣ выставки никто и не говорилъ. И я о немъ ничего не могъ узнать въ первый день.

Отъ всѣхъ этихъ промысловъ я немного отвелъ душу лишь наверху, на галлереяхъ главнаго павильона, въ отдѣлѣ фотографій. Интересны тамъ были портреты скандинавской королевской фамиліи Бернадотовъ, портреты Нансена, Ибсена, Грига и др. національныхъ знаменитостей, да портреты красивыхъ женщинъ, актрисъ и т. п. Тамъ же, на галлереѣ, оказался церковный органъ, на которомъ по временамъ игралъ самъ представитель фабрики. Онъ исполнилъ, по моей просьбѣ, нѣсколько вещей I. Баха и норвежскій гимнъ: „Ja vi elsker dette Landet“*). По его просьбѣ я попробовалъ сыграть нашъ гимнъ и кой-какія русскія пѣсни. Конечно, любезно похвалили.

Забылъ сказать, что здѣсь въ павильонѣ было выставлено не мало красивыхъ разноцвѣтныхъ мѣховъ сѣверныхъ пушныхъ звѣрей. Мнѣ показали шкурку голубой лисицы (не чернобурой), которой цѣна была 550 кронъ.

Я закусилъ на выставкѣ въ народной кухнѣ, „Folkskjoken“ по-норвежски. Тамъ все было дешево. Прислуживали миловидныя крестьянки, въ національныхъ костюмахъ. Онѣ были любезны и внимательны съ публикою. Я получилъ милое „Tak!“ (благодарю) за данныя мною на чай.

Здѣсь же, на выставкѣ, я узналъ, что въ окрестностяхъ Бергена начали разводить искусственно лѣса на некультурныхъ мѣстахъ, именно, на каменистыхъ горахъ.

Пообѣдавъ также на выставкѣ въ главномъ, самомъ парадномъ ресторанѣ, я направился домой спать.

Въ моемъ номерѣ у пневматическаго звонка хотя и стояло написано, сколько разъ нужно звонить кельнеру или „Tiernen“, сколько чернорабочему — „Dregen“ и сколько горничной — „Stuepigen“, но я ихъ почти не тревожилъ.

14—(26-го) іюля.

Сегодня съ утра отправляюсь разыскивать Э. Грига.

Начальникъ вокзала въ Бергенѣ спросилъ по телефону на станціи Нор, дома ли г-нъ Григъ. Отвѣтъ былъ, что дома, только что онъ не любитъ посѣщеній иностранцевъ.

Я огорчился было, но все-таки рѣшилъ поѣхать, попытать счастія. Маленькій поѣздишко въ 5 вагончиковъ, съ крохотнымъ четырех-

---

*) „Да, мы любимъ этотъ край“.

колеснымъ локомотивчикомъ, полетѣлъ по узкоколейной дорогѣ какъ мышонокъ. Я съ любопытствомъ разсматривалъ внутренніе пейзажи и жизнь страны, куда теперь пришлось въ первый разъ направиться. Горы, озера, лѣса, сады, фермы, дачи и крохотные клочки обработанной земли, которые ютились вездѣ, гдѣ только грунтъ позволялъ,— все составляло пріятный контрастъ и отдыхъ для глазъ, послѣ длиннаго морского пути. Тутъ ничто не напоминало о близости прибрежной жизни.

Въ долинахъ шелъ покосъ. На пышныхъ, зеленыхъ лужайкахъ работали косилки, косцы, конныя грабли и сгребальщики. Въ этой чистой и веселой работѣ принимали участіе и дѣти.

Черезъ двѣ-три остановки, слѣдовавшія быстро одна за другою, нашъ поѣздишко вдругъ остановился у станціи Нор. Я обратился къ начальнику станціи за разъясненіями. А онъ, смотрю, выгружаетъ собственноручно грузъ изъ багажнаго вагона, съ помощью единственнаго поѣздного кондуктора. Поѣздъ скоро побѣжалъ далѣе. Начальникъ станціи мнѣ сообщилъ, отрясая муку со своего платья, что Григъ только-что былъ здѣсь, на станціи, куда онъ обыкновенно по утрамъ приходитъ самъ за почтою, такъ какъ ведетъ не малую корреспонденцію. На его имя, будто бы, получаются письма даже изъ Россіи. Здѣсь дали мнѣ въ проводники какихъ-то двухъ мальчиковъ, и я пошелъ за ними къ виллѣ „Troldhaugen". Мы прошли горною дорогою версты полторы, миновали нѣсколько маленькихъ, нарядныхъ виллъ, и, наконецъ, я увидѣлъ при дорогѣ доску, съ надписью по-норвежски:

Edward Grieg önsker at vaere uforstyrrat til kl. 4 Eftm.

Это значило: Э. Григъ проситъ, чтобы его не тревожили до 4 ч. пополудни. Звучало оно довольно черство и непривѣтливо. Такой смыслъ надписи обнадеживалъ меня весьма мало, тѣмъ болѣе, что я направлялся къ великому человѣку безъ всякой рекомендаціи, просто въ качествѣ туриста. Однако, я двинулся дальше. Проводниковъ своихъ я отпустилъ, такъ какъ и само интересовавшее меня жилище было шагахъ во ста отсюда. Оно виднѣлось на окружавшей его площадкѣ, вокругъ которой росли тѣнистыя деревья того лѣса или парка, который здѣсь покрывалъ, болѣе или менѣе, всю окрестность. Пройдя маленькія ворота, я остановился на лѣстницѣ задняго крыльца. Въ растворенную дверь виднѣлась чистая кухня, съ блестѣвшею посудою, развѣшенною по стѣнамъ. На порогѣ меня встрѣтила служанка среднихъ лѣтъ, заявившая, что хозяина нѣтъ дома. Иначе, какъ по-норвежски, она не говорила, и я ее могъ лишь убѣдить позвать мнѣ кого-нибудь другого.

Появилась дама, которую я принялъ за жену сочинителя. Она говорила хорошо по-англійски, но смыслъ ея рѣчей звучалъ для меня еще печальнѣе, нежели слова предыдущей. Оказывалось, что Григъ былъ дома, но что теперь онъ работаетъ, и поэтому къ нему никого не допускаютъ.

Все, чего могъ я добиться, это было позволеніе еще разъ прійти часовъ въ 5 вечера. „Быть можетъ... приметъ... но я вамъ ничего не обѣщаю", закончила дама.

Я чувствовалъ, что у меня отъ досады готовы заскрипѣть зубы. Но вмѣсто этого я силился изобразить на лицѣ своемъ пріятную улыбку. Во-первыхъ, предо мною была дама. Во-вторыхъ, я сознавалъ свое ничтожество передъ *великимъ человѣкомъ*.

Пришлось итти и бродить по окрестности до означеннаго часа. Я убѣдился, между прочимъ, что мѣстность была очаровательна. Въ особенности выгодно стояла вилла Трольдхаугенъ. Съ ея возвышенности раскрывались чудные виды на ближайшее красивое озеро и на живописныя окрестныя горы.

Бродя такимъ образомъ, я дошелъ до слѣдующей желѣзнодорожной станціи Nestun, при мѣстечкѣ того же имени. Разстояніе ея было „10 kil. fra Bergen", какъ стояло на дощечкѣ. Тутъ шумѣлъ горный потокъ, на которомъ находилась лѣсопильня. Кой-гдѣ виднѣлись дачныя постройки, для лѣтней резиденціи бергенцевъ. Была здѣсь даже одна небольшая гостиница — Hôtel Nestun, въ которой я и пообѣдалъ. Трапеза моя оказалась не изъ вкусныхъ. Особенно страннымъ мнѣ показалась жареная въ маслѣ икра трески, которую мнѣ подали по недоразумѣнію. Вкусное пиво немного скрасило все это. Поглядѣлъ я нѣсколько юмористическихъ норвежскихъ журнальчиковъ. Потомъ опять пошелъ бродить по окрестности. Заходилъ даже отъ скуки на маленькое мѣстное кладбище, окружавшее крошечную церковь. Отъ нечего дѣлать списалъ даже надпись съ одного изъ скромныхъ тамошнихъ памятниковъ:

Petrine Antonette
Myhra
Födt 7-de Mars 1787.
Död 9-de Oct. 1880.
93½ Aar gammel.

Кладбище было пустынно и заросше травою. Могилъ было на немъ очень мало.

Стрѣлка часовъ уже была около IV, и я направился въ сторону интриговавшей меня виллы. Вблизи нея я выбралъ возвышенность, съ широкимъ кругозоромъ, гдѣ сталъ дожидаться назначеннаго часа.

Мимоходомъ я глянулъ машинально въ какой-то придорожный сарайчикъ и увидѣлъ тамъ сконфузившихся меня мальчика и дѣвочку лѣтъ 8—10. Il n'y a plus d'enfants*),—подумалъ я и пошелъ дальше.

Съ возвышенности я, положительно, не могъ достаточно налюбоваться окрестностью, съ прелестнымъ живописнымъ озеромъ и съ островками на немъ или, точнѣе, съ камнями, торчавшими изъ воды. Кой-гдѣ тихую воду бороздили лодки.

Хорошенькая вилла Troldhaugen пробуждалась отъ своего послѣполуденнаго спокойствія. Зеленая штора верхняго большого окна, бывшая еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ опущенною, теперь было отдернута.

Я, наконецъ, пошелъ прямо и смѣло туда. Опять то же заднее крыльцо. Опять та же служанка. Но на этотъ разъ лицо ея было привѣтливѣе. Она побѣжала въ домъ — доложить. И скоро я услышалъ мелкіе, легкіе шаги по гравію. Ко мнѣ подходилъ со стороны площадки маленькій, бѣлокурый человѣчекъ, лѣтъ пятидесяти, въ которомъ я узналъ тотчасъ же Эдварда Грига, благодаря его портретамъ.

Онъ со мною любезно поздоровался и повелъ меня на площадку къ столику, который стоялъ вдали террасы. На столѣ лежалъ „Брандесъ о Гейнѣ", котораго, очевидно, присутствующіе только-что читали. У стола, на одномъ стулѣ сидѣлъ задумчивый, почти суровый старикъ, тесть композитора, какъ онъ мнѣ его представилъ. Это былъ извѣстный норвежскій писатель Ли (Lee).

Мы заговорили оживленно на разныя темы. Меня разспрашивали о моемъ путешествіи, о Россіи, о нашемъ искусствѣ и т. д. Но я, кажется, задавалъ имъ больше вопросовъ со своей стороны, памятуя, что у великихъ людей засиживаться нельзя.

Мнѣ предложили вести бесѣду на нѣмецкомъ, а не на англійскомъ языкѣ. Мои хозяева знали лучше первый. Мнѣ выразили нѣсколько разъ удивленіе, по поводу моего знакомства съ нѣсколькими языками. Я увѣрилъ своихъ собесѣдниковъ, что въ Россіи знаніе иностранныхъ языковъ весьма распространено. Они подмѣтили лишь какой-то особый акцентъ въ моемъ нѣмецкомъ, который они, будто бы, замѣчали и раньше у русскихъ.

Э. Григъ меня утѣшалъ, что давленія, тягота и всякія притѣсне-

---

*) Нѣтъ больше дѣтей.

нія есть лучшая почва для процвѣтанія искусства, что, будто бы, Ибсенъ какъ-то разъ сказалъ: „Я не хочу никакой свободы. Это смерть для искусства".

Я выразилъ еще, что нашему репрессивному образу дѣйствія съ подчиненными намъ народами сочувствуетъ лишь небольшая часть русскаго общества, возбуждаемая нѣсколькими недобросовѣстными и ретроградными органами печати.

Выяснивши отчасти взаимно наши общественные взгляды, мы пустились въ частные разговоры.

Я спросилъ, почему Григъ не ѣдетъ въ Россію. Оказалось, что его звали туда Чайковскій и Кюи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что боится нашего климата, такъ какъ имѣетъ весьма плохое здоровье. Я описалъ ему нашъ сухой, морозный климатъ зимою, наши огромные, удобные желѣзнодорожные вагоны. И миніатюрный-большой человѣкъ сталъ выражать желаніе побывать въ Россіи. Мнѣ не хотѣлось его огорчать своимъ наблюденіемъ того страннаго факта, что его чудныя произведенія у насъ, въ отечествѣ, все еще довольно мало цѣнятся. Глядя на этого еживщагося маленькаго, блѣднаго человѣчка, мнѣ представлялось страннымъ, что это былъ авторъ такой поэтической, мощной и, часто даже, почти титанически-величественной музыки.

Думаю, онъ долженъ страдать нравственно своею физическою ничтожностью среди племени сильныхъ, красивыхъ и рослыхъ людей, каковы норвежцы.

Григи только лѣтомъ живутъ въ Трольдхаугенѣ. Зимы они проводятъ за границей, напр. въ Германіи, Голландіи и т. д.

Онъ выразилъ сожалѣніе, что не имѣетъ дѣтей, но согласился со мною, что все же оставляетъ людямъ потомковъ въ своихъ произведеніяхъ.

Къ русскому искусству и особенно къ музыкѣ онъ относился съ уваженіемъ. Изъ нашихъ композиторовъ онъ ставилъ Чайковскаго выше Рубенштейна. Хвалилъ віолончелиста Давыдова. Изъ иностранныхъ Берліозомъ онъ не такъ восхищался, какъ я. Своего Свендсена, конечно, хвалилъ. Онъ добавилъ, что на бергенскихъ концертахъ фигурировало до 20 норвежскихъ сочинителей. Я выразилъ удивленіе, что маленькій норвежскій (двухмилліонный) народъ далъ міру столько крупныхъ людей, каковы Нансенъ, Ибсенъ, Григъ и т. п.

Мы говорили о грустномъ и низкомъ положеніи нашего крестьянства.

Изъ его сочиненій я позволилъ себѣ хвалить въ особенности Пееръ-Гюнта, сюиту Гольберга и віолончельную сонату. Онъ сообщилъ,

что на выставкѣ въ Бергенѣ исполняли его послѣднее новое, большое сочиненіе для оркестра и хора, „Olaf Trygvasson“.

Мы посмѣялись надъ немузыкальностью англичанъ, хотя и отдали дань народнымъ пѣснямъ Шотландіи и Ирландіи.

Говорили о поголовной грамотности въ Норвегіи, и объ отмѣнѣ въ ней обязательности латинскаго и греческаго языка, для вступленія въ университетъ.

Я спросилъ, почему Григъ не заинтересуется, какъ темою для музыкальнаго произведенія, Оссіаномъ. Онъ возразилъ, что, вѣдь, Оссіанъ— это только тѣнь. Но, вѣдь, прекрасная тѣнь, добавилъ я. И онъ согласился. Мы вспомнили, что шведъ Gade оставилъ послѣ себя оркестровую пьесу „Ossians Klänge“.

Я чувствовалъ, что мои хозяева относились ко мнѣ съ симпатіею. Только самъ Григъ дѣлалъ всякій разъ маленькіе и хитрые глаза, когда я позволялъ себѣ ему посмотрѣть въ лицо.

Въ заключеніе моего затянувшагося посѣщенія, я получилъ отъ Грига подпись на двухъ его имѣвшихся у меня съ собою портретахъ.

Когда я сталъ прощаться, меня вѣжливо удерживали и пригласили наконецъ черезъ террасу въ домъ. Тамъ, въ хорошенькомъ салонѣ, украшенномъ нѣсколькими картинами, портретами и фортепіано, сидѣли его жена, красивая еще, но рано посѣдѣвшая женщина, и ея мать, уже совершенная старушка.

Тутъ я вспомнилъ, что за все время моего посѣщенія ни разу не показалась дама, не допускавшая меня утромъ до композитора. Она, какъ оказалось изъ разговора, была сестрою его жены.

На прощанье подали портвейну, и мы всѣ выпили по стаканчику— за слѣдующее наше свиданіе и за мой счастливый путь. Затѣмъ хозяинъ проводилъ меня до воротъ.

Скоро пришелъ я на станцію Нор. Хотѣлось пить. Начальникъ станціи подалъ мнѣ шипучей воды, которую я и выпилъ, уплативъ ему.

Наконецъ подлетѣлъ къ платформѣ маленькій, юркій поѣздокъ, и я опять скоро очутился на выставкѣ, гдѣ и провелъ остатокъ вечера. На этотъ разъ я опять задержался со своими тамошними знакомцами въ главномъ, т.-е. въ промысловомъ отдѣлѣ и, когда хватился художественнаго отдѣла, то было уже поздно. Начиналось вечернее гулянье. Потомъ я отправился пѣшкомъ домой по освѣщеннымъ и оживленнымъ улицамъ Бергена.

Я намѣревался завтра досмотрѣть выставку уже окончательно.

15-го (27-го) іюля.

Сегодня съ утра я рѣшилъ хорошенько осмотрѣть городъ. Пришлось не мало походить. Пришлось зайти и въ Privat-Bank, чтобы получить немного денегъ на дорогу, по аккредитиву Юнкера и К° въ Москвѣ. Кое-что нужно было и купить. Уставши и проголодавшись, я пообѣдалъ въ народной столовой, изъ любопытства. Тамъ подали миску рыбьяго супа, разварной палтусины и варенаго картофеля. Все это было необыкновенно дешево и обильно, хотя, конечно, не слишкомъ вкусно*).

Отдохнувши немного въ гостиницѣ, я пошелъ еще нѣсколько полюбоваться на привлекательный Бергенъ и его симпатичныхъ жителей, такъ какъ вечеромъ отходилъ хорошій пароходъ, и я хотѣлъ имъ воспользоваться. На выставку уже не хотѣлось итти еще разъ.

Въ этотъ день я восходилъ даже на самыя возвышенныя части города, куда вели длинныя лѣстницы зигзагами.

Изъ двухъ пароходовъ небольшого „Motala-Arondal“, отходящаго въ 6 часовъ вечера и большого почтоваго Рюфюльке („Ryfylke“), отходящаго въ 7 часовъ вечера, я выбралъ послѣдній. Съ нимъ собиралось ѣхать большинство пассажировъ города, какъ я узналъ. И дѣйствительно, пароходъ этотъ оказался превосходнымъ.

Мы вышли изъ Бергена, освѣщеннаго вечернимъ солнцемъ, въ 7½ часовъ вечера. Какъ-то жаль мнѣ было покидать этотъ привлекательный городъ такъ рано!

Капитанъ и его помощникъ на нашемъ пароходѣ были рослые, красивые, любезные люди. Особенно виденъ и симпатиченъ былъ помощникъ.

Берега становятся къ югу иногда живописнѣе, иногда опять хуже. Во всякомъ случаѣ, на мой взглядъ, они вообще здѣсь не могутъ равняться красотою съ берегами, которые идутъ отъ Хаммерфеста до Тромзё.

Ночи становятся темнѣе и теплѣе.

---

*) Чуть ли, помнится, не 8 ёръ (ӧге).

ГЛАВА V.

Отъ Бергена до Христіаніи.

Хардангеръ-Фіордъ. — Ставангеръ-Фіордъ. — Поэтъ-городской голова. — Моя покровительница. — Туманъ въ Нѣмецкомъ морѣ. — Экерзундъ. — Пѣніе. — Флекке-Фіордъ. — Нѣкоторые пассажиры. — Листерландъ. — „Нос липъ". — Мандаль. — Христіанзандъ. — Скагерракъ. — Арендаль. — Крагерё. — Лангезундъ. — Лауервикъ. — Медузы. — Каникулы. — Доброе сердце. — Городъ Зандфіордъ. — Тонсбергъ. — Христіанія-Фіордъ. — Прибытіе въ Христіанію. — Безпокойный ночлегъ.

16-го (28-го) іюля.

На разсвѣтѣ прошли знаменитымъ по красотѣ фіордомъ Хардангеромъ (Hardanger). Къ сожалѣнію, я его проспалъ. Впрочемъ, его проспали и всѣ остальные туристы.

Насъ утѣшали тѣмъ, что предстоявшій еще намъ впереди Stavanger-Fjord не менѣе красивъ.

Однако мнѣ было очень досадно на себя, почему не могу я бодрствовать 12 часовъ въ сутки, хотя бы въ такихъ исключительныхъ случаяхъ. Мнѣ припомнился юноша въ одну изъ моихъ поѣздокъ по Волгѣ. Онъ ѣхалъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы увидѣть Жигулевскія горы, и ихъ-то именно и проспалъ.

Наконецъ, въ $5^1/_2$ часовъ утра вошли въ Ставангеръ-Фіордъ (Stavanger-Fjord) и остановились около города того же имени. Я обошелъ наскоро хорошенькій городокъ. „Stavanger" — это красивый уголокъ южной Норвегіи, главный пунктъ торговли для мѣстности, которая называется „Ryfylke", каковымъ именемъ прозванъ былъ и нашъ пароходъ. Основанъ городъ Ставангеръ еще въ началѣ IX столѣтія. Въ настоящее время въ немъ около 25.000 жителей. Бургомистръ его, нѣкій Alex. Kjeland, одинъ изъ извѣстныхъ поэтовъ Норвегіи. Главный предметъ торговли и здѣсь, конечно, рыба — именно селедка.

Въ городѣ есть соборъ, второй по значенію въ Норвегіи. Есть театръ, музей, небольшой паркъ, маякъ, пожарная каланча, гимназія и т. д. За краткостью времени, конечно, я видѣлъ все это лишь мелькомъ. Между прочимъ, замѣтилъ и тутъ нѣсколько чистыхъ и приличныхъ гостиницъ, изъ которыхъ выходило нѣсколько туристовъ и направлялось на нашъ пароходъ.

Самый „Stavanger" или „Bukken-Fjord", которымъ мы теперь продолжали свой путь, — это длинный и развѣтвленный заливъ, съ красивыми берегами и островами. Красивъ онъ, дѣйствительно. Но послѣ сѣверныхъ фіордовъ и онъ меня уже не поражалъ.

Ни на одномъ норвежскомъ пароходѣ не былъ еще такъ хорошъ II классъ, какъ на „Ryfylke“. Кромѣ того, мнѣ здѣсь было особенно хорошо и удобно, такъ какъ прислужница наша, пожилая женщина, приняла во мнѣ какое-то особое участіе, котораго причины я себѣ такъ и не уяснилъ. Или она ожидала отъ меня щедрыхъ вознагражденій, или еще чего-нибудь. Только она меня помѣстила въ отдѣльную каюту и всячески оберегала мой покой. Если бы я былъ помоложе, то могъ бы подумать, что у нея заговорили материнскія чувства ко мнѣ. Но, увы, я уже давно вышелъ изъ того чуднаго возраста, въ которомъ это было бы возможно! Выяснить наши взаимныя чувства намъ было трудно, такъ какъ она знала лишь по-норвежски.

Въ 8 часовъ утра, въ Нѣмецкомъ морѣ, гдѣ мы теперь плыли, насъ внезапно окуталъ туманъ.

Кстати, сколько я ни спрашивалъ у капитановъ, теперешнихъ и прежнихъ, мнѣ они не могли опредѣленно указать границъ Ледовитаго, Атлантическаго океановъ и Нѣмецкаго моря*).

Туманъ былъ такъ густъ и непроницаемъ, что даже остановили пароходъ, не зная куда итти, хотя по расчету времени мы были въ Экерзундѣ (Ekersund'ѣ). Стали свистать, чтобы предостеречь другія суда отъ столкновенія. Издали откликались намъ другіе свистки. Въ одной сторонѣ слышался не свистъ, а нѣчто въ родѣ звука мѣднаго рожка. Это, какъ говорили, была маленькая паровая сирена на парусномъ суднѣ.

Наконецъ, часамъ къ 11, туманъ сталъ пронизываться солнечными лучами, такъ какъ день былъ ясный и теплый съ самаго утра. Молочная тьма вокругъ насъ стала рѣдѣть. Показалась небесная синева. Клубы тумана полетѣли вдаль, и слѣва открылся берегъ, съ маякомъ на островѣ и съ жилищами. Это былъ городокъ Экерзундъ, соединенный съ Ставангеромъ желѣзной дорогой.

Здѣсь тоже на первомъ планѣ рыба и рыба. На помостѣ одного изъ рыбачьихъ балагановъ валялся большой распростертый скатъ (Rajida). Неужели и здѣсь, какъ и у насъ, на сѣверѣ, не ѣдятъ эту вкусную рыбу, подаваемую на западѣ, какъ лакомое блюдо, подъ названіемъ „raie au beurre noire“? Здѣсь тоже оказались туристы. Говорятъ, въ Экерзундѣ прекрасный климатъ, богатыя охота и уженье, что сюда и привлекаетъ любителей спорта.

---

*) Границы по берегамъ Скандинавіи считаются: между С. Ледовитымъ и Атлантическимъ океанами С. Полярный кругъ, между Атлантическимъ океаномъ и Нѣмецкимъ моремъ 61° широты.

Простояли здѣсь не болѣе полчаса, и погрузивъ кой-какой товаръ или, по-норвежски, „cargo“, да принявъ нѣсколько пассажировъ, пустились далѣе на югъ, все на югъ.

Погода была ясная, теплая, тихая. Нѣмецкое море было спокойно и зеркально. Пароходъ плылъ съ ровнымъ и мѣрнымъ вздрагиваньемъ, и съ глухимъ постукиваньемъ винта, рывшагося въ тяжелой соленой водѣ. Всѣ — и пассажиры, и команда, и начальство, казались мирными и спокойными. Вдругъ чуть слышно, точно съ далекихъ водъ, послышалось пріятное хоровое пѣніе. Голоса были свѣтлые женскіе. Характеръ пѣнія былъ религіозный. Въ немъ звучало благоговѣніе. Оказалось, что это пѣли молодыя крестьянскія дѣвушки, тоже путешественницы, хотя и III класса. Онѣ пѣли какой-то гимнъ.

Мнѣ объяснили, что по окончаніи ученія здѣсь даже молодыя крестьянки часто путешествуютъ по своей чудной, живописной родинѣ. И я въ душѣ вздохнулъ, вспомнивъ свою бѣдную, скучную, унылую страну, по которой ѣхать даже по необходимости, въ большинствѣ случаевъ, считается чѣмъ-то въ родѣ невзгоды.

Часа въ 4 вечера зашли въ городокъ Флеккефіордъ (Flekkefiord), расположенный въ хорошенькомъ, зеленомъ, гористомъ заливѣ того же имени.

Изъ Флеккефіорда сѣли на нашъ пароходъ, между нѣсколькими другими туристами, два француза, мужъ и жена. Они были малы ростомъ, на видъ лѣтъ пятидесяти, некрасивы и непривлекательны наружностью. На нихъ красовались какія-то игривыя туристскія шапочки. Невольно приходило въ голову: вотъ типичные, французскіе, бездѣтные супруги, настоящіе эгоистичные буржуа. У нихъ была въ рукахъ увезенная изъ какой-то библіетеки книга, со штемпелемъ самаго заведенія. И мнѣ они показались окончательно непривлекательными.

Припоминался мнѣ, по этому поводу, кое-кто изъ моихъ соотечественниковъ и ихъ обращеніе съ чужими вещами, особенно наше общераспространенное зачитываніе книгъ.

Въ Flekkefiord'ѣ же къ намъ опять сѣли на пароходъ тѣ двое норвежцевъ, супруги, какъ мнѣ казалось, или, быть можетъ, любовники, о которыхъ я упоминалъ уже, описывая пароходъ „Haakon Yarl“. Она попрежнему вѣчно задумчива и съ книгой въ рукахъ. Онъ все ходитъ передъ ней, вытягиваясь и охорашиваясь, точно хочетъ казаться выше ростомъ.

Среди пассажировъ перваго класса общее вниманіе на себя обращали два маленькихъ и молоденькихъ французика. Вѣроятно, это

была парочка новобрачныхъ, въ томъ или другомъ смыслѣ слова. Они были очень юны и миловидны. Въ особенности она была красива. Но для законной новобрачной она была слишкомъ оригинальна и пикантна, и слишкомъ экцентрично одѣта. Это была глубокая брюнетка еврейскаго типа. Вставали оба юнца и появлялись на палубѣ лишь послѣ полдня, часто даже послѣ обѣденнаго стола.

Въ 6 часовъ вечера мы начали огибать Листерландъ (Listerland). Это низменные берега съ гористою страною внутри материка. Тамъ видна цѣлая панорама цѣпей, хребтовъ и террасъ. Хотя они и не высоки, но тѣмъ не менѣе окутаны прозрачными облаками.

У моря видны рыбачьи поселки. Кой-гдѣ тутъ и тамъ вьется густой дымъ, какъ будто отъ костровъ. Оказывается, что это пережигаются морскія водоросли, для отправки золы ихъ въ Англію, гдѣ изъ нея добываютъ іодъ. Водоросли эти собираются послѣ прибоя, выкинутыми на берегъ.

У насъ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, крестьяне увозятъ выкинутыя моремъ водоросли, для удобренія полей.

Вотъ, наконецъ, обогнули и самую южную точку Норвегіи, мысъ „Lindesnaes“ или „Носъ липъ“.

Вотъ короткая остановка въ „Faresund'ѣ“. Это мѣсто стоянья англо-французскаго флота, во время Крымской войны. Мѣстечко Фарезундъ лежитъ въ прелестномъ заливѣ, съ лѣсистыми и гористыми берегами.

Въ 9 часовъ вечера обогнули „Lindesnaes“ съ маякомъ, который считается самымъ старымъ во всей Норвегіи. Мысъ этотъ обозначаетъ границу между западными и восточными фіордами Норвегіи (vestenfjeldske og ostenfjeldske Norge).

Миновали еще одинъ отдаленный въ морѣ маякъ „Ryvingen“, съ періодически появляющимся электрическимъ свѣтомъ на немъ.

Остановки въ городахъ Мандалѣ и Кристіанзандѣ (Mandal и Kristiansand)*) пришлись въ ночную пору. Стояли тамъ не подолгу. Осмотрѣть ихъ не удалось.

Мандаль (Mandal) — городокъ въ 3800 жителей. Въ окрестности его есть санаторія для больныхъ и, кажется, желѣзистыя ванны. Все это уже признаки близости европейскаго контитента. Во всей средней и сѣверной Норвегіи ничего подобнаго курортамъ нѣтъ. Тамъ люди и безъ того здоровы. Тамъ, повидимому, почти никто и не лѣчится. Даже аптекъ — и тѣхъ почти нигдѣ тамъ не видишь.

---

*) Пишется также и Christiansand.

Kristiansand остается у меня въ памяти, какъ довольно видный городъ, съ отличною пристанью, освѣщенною разноцвѣтными фонариками, со многими кораблями и пароходами въ гавани. Но все это было еле видно сквозь ночную тьму.

Основаніе Кристіанзанда относятъ къ 1641 году. Жителей въ немъ около 12.800 человѣкъ.

Сойти на берегъ здѣсь я не рѣшился, такъ какъ капитанъ предупредилъ насъ, что стоять будемъ недолго. Хотя онъ это и продѣлывалъ всякій разъ на маленькихъ станціяхъ, и всякій разъ остановка затягивалась, но ночью, да еще, когда клонило ко сну, не хотѣлось рисковать запозданіемъ къ отходу парохода.

I.

17-го (29-го) іюля.

Хотя еще вчера, когда обогнули „Lindesnaes“, мы уже вошли въ широкій Скагерракъ (Skagerrak)*) — проливъ между Скандинавіей и Даніей, пользующійся репутаціей бурнаго, однако погода и море оставались чрезвычайно тихи и спокойны, и плаванье наше протекало мирно и безъ приключеній.

Часовъ въ 7 утра остановились у живописно расположеннаго городка Арендаля (Arendal'я) съ 4700 жителями. Это мѣстечко извѣстно своимъ кораблестроеніемъ. Лѣсу здѣсь, по окрестностямъ, довольно. А внутри страны, по горамъ, хотя и невысокимъ, лѣса кажутся, положительно, сплошными и роскошными. Это уже не сѣверная, совершенно оголенная отъ лѣсовъ, Норвегія.

Вдоль берега множество острововъ. Картина мѣстности сильно напоминаетъ финляндскія шкеры. Только здѣсь все грандіознѣе, величественнѣе.

Судовъ здѣсь въ Скагерракѣ видно уже гораздо болѣе, нежели тамъ, въ Нѣмецкомъ морѣ, т.-е. съ западной стороны Скандинавіи. Тутъ они уже болѣе или менѣе скучиваются въ проливѣ. Ведутъ ихъ мѣстные лоцманы.

Проѣхали не останавливаясь городокъ Крагерё (Kragerö), извѣстный добываніемъ аппатита, или особаго минеральнаго удобренія для полей. Здѣсь всего 5700 жителей. Противъ городка лежитъ островъ одного съ нимъ названія.

Въ 1 часъ дня заходили въ городокъ Лангезундъ (Langesund) съ 1400 жителями. Здѣсь производится торговля омарами, крабами

*) Вѣроятно отъ Skak — косой и отъ Rak — лоскутъ.

и устрицами. На прибрежныхъ рыбныхъ баржахъ стояли надписи: „Hummer og oyster“*).

Главнымъ образомъ, торговля омарами и крабами производится въ ближайшемъ, слѣдующемъ за этимъ городѣ Лауервикѣ (Lauervik'ѣ) съ 11.300 жителями, который лежитъ при рѣчкѣ „Ladgen“ въ „Lauerviksfjord'ѣ“. Городокъ этотъ прелестно расположенъ въ гористо-лѣсистой мѣстности. Есть здѣсь желѣзная дорога, идущая черезъ „Skien“ въ Христіанію (Kristiania). Недалеко въ морѣ находятся извѣстныя горы омаровъ (Hummersberge), гдѣ и ловятъ омаровъ и крабовъ.

Поразительно, что и эти съѣстные продукты отсылаются отсюда въ Англію. Мясо, масло, яица, рыба и прочее съѣстное, изъ Россіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, Финляндіи, изъ Африки, изъ Австраліи, изъ Азіи и даже изъ Америки, — все это идетъ на съѣденіе въ Англію. Какъ только могутъ пожирать столько тамъ, на этихъ небольшихъ Британскихъ островахъ, съ 20.000.000 всего населенія! Вѣдь, это обжорство, сказочное, невѣроятно, особенно, для русскаго человѣка, который привыкъ къ недоѣданію своихъ сограждан.

Въ водѣ Скагеррака видно много медузъ, цвѣта сырого мяса. Онѣ напоминаютъ собою плавающую требуху.

Одинъ изъ пассажировъ, мѣстный житель, ѣдетъ со своимъ сыномъ, ученикомъ какого-то училища. Онъ сообщилъ мнѣ, что каникулы въ Норвегіи длятся: лѣтнія - съ 10-го іюля по 24-е августа, а святочныя — три недѣли.

Мнѣ кажется, наши огромныя лѣтнія каникулы разлаживаютъ учащихся за время отъ весны до осени на столько, что нужно послѣ употреблять много усилій, чтобы ученье опять шло, болѣе или менѣе сносно. Разумѣется, куда цѣлесообразнѣе было бы разбить все наше огромное вакаціонное время на нѣсколько короткихъ отдыховъ.

Вышеупомянутый господинъ оказался весьма добрымъ человѣкомъ. Онъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на клѣтки съ цыплятами, которыхъ тутъ помногу возятъ на пароходахъ изъ деревень въ города. Бѣдныя птицы были страшно стѣснены въ нагроможденныхъ клѣткахъ, стоявшихъ притомъ еще на припекѣ солнца. Имъ было невозможно ни ѣсть, ни пить, ни повернуться. Кромѣ того, онѣ положительно задыхались. Сердобольный господинъ этотъ призвалъ матроса, и попросилъ его облегчить участь бѣдныхъ заключенныхъ, приговоренныхъ, и безъ того уже, къ казни. Когда тотъ ихъ устроилъ, то получилъ на чай отъ добраго человѣка, и благодарность на словахъ отъ ближайшей публики.

---

*) Омары и устрицы.

Городъ Зандфіордъ (Sandfjord) проѣхали во время обѣда. Онъ извѣстенъ своими цѣлебными ключами — желѣзистыми, соляными и сѣрнистыми. Тутъ же есть и устроенныя морскія купанья. Вотъ что значитъ близка, совсѣмъ близка Европа, старая, дряхлая и больная Европа!

Наконецъ, вотъ послѣдняя до Христіаніи остановка, уже въ ея огромномъ фіордѣ, у маленькаго городка Тонсберга (Tonsberg). Городокъ этотъ считается самымъ старымъ во всей Норвегіи. Онъ существовалъ уже во времена короля Harald'a Haarfager'a (т.-е. прекрасноволосаго Харальда!). Имѣетъ сколо 7300 жителей. Отсюда выѣзжаетъ много кораблей въ Ледовитый океанъ на рыбные, звѣриные и китовые промыслы.

Здѣсь пароходъ проходитъ черезъ узкій канальчикъ съ разводнымъ мостомъ и идетъ уже по длинному Христіанія-Фіорду (Kristiania Fjord), до самой столицы Норвегіи.

Часовъ въ 9 вечера миновали маленькій каменистый островокъ, расположенный посрединѣ фіорда. Это небольшая вооруженная пушками крѣпость. Она защищаетъ доступъ къ Христіаніи.

По правому берегу залива насъ быстро обогналъ маленькій поѣздъ желѣзной дороги, бѣжавшій тоже по направленію къ Христіаніи.

Наконецъ, уже совсѣмъ въ ночной темнотѣ, т.-е. въ $11^1/_2$ часовъ вечера, и при пасмурной, дождливой погодѣ мы вошли въ гавань главнаго города Норвегіи. Отъ него виднѣлась лишь пристань, мачты да фонари.

Изъ всѣхъ пассажировъ только я одинъ остался ночевать на пароходѣ. Мнѣ казалось, что утромъ я скорѣе и удобнѣе найду себѣ пристанище.

Однако, когда пароходъ опустѣлъ и затихъ, когда на немъ погасили электрическое освѣщеніе, кромѣ того, когда моя отдѣльная каюта оказалась безъ ключа изнутри, тогда я пожалѣлъ о своей затѣѣ. На пристани тоже погасили огни. Тамъ капалъ уныло дождь.

Впрочемъ, я скоро заснулъ, подъ вліяніемъ изрядной усталости. Вдругъ ночью меня что-то разбудило. Чувствую, сквозь сонъ, около себя присутствіе живого существа. Вскакиваю въ безпокойствѣ и обращаюсь къ ночному видѣнію на разныхъ, мнѣ извѣстныхъ и даже на неизвѣстныхъ языкахъ. Видѣніе оказывается человѣкомъ, не понимающимъ меня, но старающимся, тѣмъ не менѣе, меня успокоить какъ-нибудь. Неизвѣстный, вѣроятно, забрался сюда выспаться. Онъ безъ церемоніи легъ на одну изъ коекъ. Робко, вкрадчиво и съ дряннымъ акцентомъ спросилъ онъ меня по-нѣмецки, говорю ли я на этомъ

языкѣ. Во мнѣ бушевала злоба на безцеремонность незнакомца, и я ему что-то сердито въ отвѣтъ проворчалъ. Не зная, что дѣлать съ досады, я взялъ машинально своего всегдашняго спутника — револьверъ изъ-подъ подушки, и сталъ вертѣть въ нетерпѣніи рукою его барабанъ.

Вѣроятно, узнавъ трескъ вращающагося револьвернаго барабана, незнакомецъ счелъ меня за сумасшедшаго, который можетъ, чего добраго, начать палить во всѣ углы каюты, только онъ тихо и осторожно всталъ, и затѣмъ внезапно выскочилъ въ дверь.

Послѣ этого происшествія мнѣ уже не спалось больше. И я рано утромъ отправился искать себѣ пристанища, расплатившись со своею покровительницею, которую еле разыскалъ спящею. Нести свои вещи я кликнулъ какого-то праздношатающагося съ пристани.

ГЛАВА VI.

Христіанія.

Помѣщеніе. — Данныя о столицѣ Норвегіи. — Купальни. — Розыски Х. Ибсена. — Обходъ города. — Стортингъ. — Масоны. — Университетъ. — Викинги. — Художественный музей. — Художественно-ремесленный музей. — Дворецъ. — Дворцовый паркъ. — Grand Hôtel. — Первое свиданіе съ Ибсеномъ. — Изъ его біографіи. — Бесѣда. — Его популярность. — Объ его творчествѣ. — Нѣкоторыя его сочиненія. — Его пессимизмъ. — О Россіи. — Его послѣдняя работа. — Манія туристовъ. — Церковь нашего Спаса. — Техникъ. — Воскресенье. — Загородные выѣзды. — Мѣстная публика. — Труженики. — Маленькій народъ. — Портреты и книги. — Монополія. — Опять Ибсенъ. — Мизантропъ. — Русскій консулъ. — Лѣсное дѣло. — Еще разъ Ибсенъ. — Blasé. — Послѣдняя встрѣча съ Ибсеномъ. — Сборы къ отъѣзду. — Шведскій пароходъ. — Отплытіе изъ Христіаніи. — Каттегатъ.

18-го (30-го) іюля.

Мы пошли подъ дождемъ до ближайшихъ указанныхъ въ путеводителѣ гостиницъ, которыя были еще всѣ заперты за раннимъ часомъ. Насилу достучались въ Hôtel Britania. Остановился я однако въ другомъ небольшомъ Hôtel Angleterre, на углу „Raadhus-Gade" и „Kangens-Gade" (т.-е. улицы ратуши и улицы короля). Меня завели по узкимъ и кривымъ коридорчикамъ въ уединенную, приличную комнатку, гдѣ я и прилегъ вздремнуть немного, чтобы послѣ этого пуститься на осмотръ города со свѣжими силами.

Христіанія — Christiania*) основана Харальдомъ Строгимъ (Harald Hardraade) въ 1050 году. Называлась она нѣкогда „Oslo". Здѣсь про-

---

*) По норвежски пишутъ Kristiania и Christiania.

цвѣтала когда-то тоже Ганза. Были пожары. Одинъ изъ нихъ, въ 1517, былъ даже умышленный со стороны жителей, по случаю осады города шведами.

Теперь это столица Норвегіи съ 160.000 жителей. Здѣсь есть дворецъ короля, высшій судъ страны и стортингъ или парламентъ. Кромѣ того, тутъ находится единственный университетъ Норвегіи. Нельзя не прибавить, что обученіе въ этомъ учебномъ заведеніи, поистинѣ роскошномъ для небогатой каменистой страны съ двухмилліоннымъ народонаселеніемъ, безплатное! Торговля въ Христіаніи, разумѣется, весьма оживленная. Главные предметы ея, какъ и въ другихъ пунктахъ южной Норвегіи: рыба и лѣсъ; кромѣ того еще: сѣра, овесъ, пиво и ледъ! Въ окрестности не мало фабрикъ и заводовъ. Есть желѣзная дорога. Климатъ здѣсь, разумѣется, еще лучше, еще умѣреннѣе, нежели въ болѣе сѣверныхъ частяхъ страны.

Нечего и говорить, что въ Христіаніи очень многое заслуживаетъ вниманія пріѣзжаго, особенно же иностранца. Особый интересъ въ городѣ представляютъ: Главная улица, называемая „Karl Johans Gade", дворецъ короля или „KongsSlot", „Universitaetet", „Storthings-Bygning", музей и собранія коллекцій, какъ-то „Kunstmuseum"; церкви, какова „Vor Frelsers Kirke", „Frimurerslodgen" или ложа массоновъ и пр. и пр.

Есть много интереснаго и въ окрестностяхъ, но послѣднее я, за недостаткомъ времени, исключилъ изъ своей программы. Вообще, имѣя еще передъ собою изрядный путь до дома, мнѣ пришлось не только сокращать и осмотръ, но даже и самое пребываніе въ Христіаніи.

Съ утра я ужъ, разумѣется, выкупался, особенно послѣ нѣсколькихъ дней антракта. Вода была еще прѣснѣе бергенской, гдѣ она уже достаточно отличалась отъ океанской*). На воздухѣ здѣсь было 10°, въ водѣ—13°. Къ тому же, часто принимался итти дождь.

Купанье здѣсь, какъ вообще во всѣхъ большихъ гаваняхъ, не особенно привлекательно. Но что же было дѣлать? До хорошаго купанья далеко: нужно ѣхать на пароходѣ за городъ. А городскія купальни, по крайней мѣрѣ, отъ моего жилища были близки. Онѣ находятся сейчасъ же за крѣпостью или „Akershus Faestning". Называются эти купальни: одна „Hygaea", а другая „Solyst".

Вернувшись въ гостиницу Angleterre, я выпилъ поспѣшно кофе. Затѣмъ спросилъ адресную книгу и давай разыскивать жилище великаго европейскаго драматурга Ибсена (Ibsen). Людей съ такой фамиліей

*) Широта Бергена считается приблизительно границею Атлантическаго океана и Нѣмецкаго моря.

оказалось трое въ городѣ. Одинъ былъ какой-то контористъ, другой — торговецъ и, наконецъ, „Doktor Henrik Ibsen“. Послѣдній-то и былъ писатель, извѣстный всему цивилизованному міру, такъ же, какъ извѣстны E. Zola, гр. Л. Толстой и нѣкоторые другіе. Адресъ его гласилъ: „№ 1. Arbins Gade“.

Кельнеръ ресторанчика нашей Hôtel Angleterre, гдѣ я помѣщался теперь и пилъ свой кофе, сообщилъ мнѣ, что H. Ibsen'а всегда можно видѣть въ Grande Hôtel'ѣ, куда онъ ежедневно ходитъ посидѣть и почитать газеты. Въ такія минуты онъ позволяетъ съ собою заговаривать всякому.

Заручившись этими утѣшительными свѣдѣніями, я пустился поскорѣе обойти сколько-нибудь городъ, чтобы нѣсколько оглядѣть его.

Улицы, строенія и магазины здѣсь еще наряднѣе бергенскихъ. Вообще, городъ на видъ совершенно западно-европейскій. У меня осталось впечатлѣніе, какъ будто бы Бергенъ все-таки оригинальнѣе, интереснѣе и, пожалуй, даже и красивѣе Христіаніи. И я еще разъ пожалѣлъ, что побылъ тамъ слишкомъ мало.

На всю массу имѣющихся здѣсь магазиновъ, иногда даже чрезвычайно роскошныхъ, каковы, въ особенности, туристскія, въ Христіаніи есть всего только одна музыкальная торговля.

Осмотрѣлъ снаружи и изнутри красивое зданіе стортинга. Оно изъ сѣраго камня, и съ національнымъ гербомъ. Гербъ Норвегіи изображаетъ льва съ топоромъ въ занесенной лапѣ. Впрочемъ, никакой подавляющей роскоши внутри стортинга нѣтъ.

Чрезвычайно эффектно и красиво зданіе массонскихъ ложъ. Только съ его фасада, гдѣ терраса, въ немъ помѣщается ресторанъ! Что можетъ быть прозаичнѣе присутствія какого-то трактира для подобнаго пріюта? Къ довершенію прозы приходится еще обращаться въ этотъ самый ресторанъ, за разрѣшеніемъ на осмотръ внутри самихъ массонскихъ ложъ. Когда же оказалось, что я самъ не состою свободнымъ каменщикомъ, то мнѣ въ осмотрѣ ложъ отказали.

Послѣ этого я направился къ университету, который такъ же, какъ и все предыдущее, находится на Karl Johan's Gade.

Мимоходомъ увидѣлъ на той же улицѣ роскошный, блестящій Grande Hôtel, первую гостиницу города и мѣсто давно ожидаемаго свиданія съ великимъ старикомъ.

Universitaetet—роскошное, красивое, почти даже грандіозное зданіе изъ сѣраго камня. Всѣ его этажи соединены съ вестибюлемъ величественными лѣстницами. Во дворѣ или, скорѣе, на площади университета находится статуя одного скандинавскаго ученаго, A. M. Schweigaard'a.

Въ зданіи университета любопытны и богаты коллекціи: зоологическая, зоотомическая, ботаническая, минералогическая, этнографическая, физическая, медицинская и другія.

Не стану всего этого описывать. Скажу лишь, что всѣ коллекціи въ столицѣ, конечно, еще богаче и привлекательнѣе, нежели въ остальныхъ, менѣе важныхъ городахъ Норвегіи.

Въ саду университета, въ особомъ деревянномъ баракѣ, находится старый, черный и почти уже истлѣвшій корабль викинговъ, добытый изъ курана въ „Sandfjod'ѣ“. (Викинговъ хоронили въ ихъ собственныхъ корабляхъ.) Корабль викинговъ въ Христіаніи ни что иное, какъ полуразвалившаяся большая и почернѣвшая отъ времени лодка, напоминающая собою разложившійся трупъ какой-то мрачной, ночной хищной птицы.

Осматривая Художественный музей „Kunstmuseum“, я примкнулъ къ тремъ шведамъ, говорившимъ отлично по-французски. Благодаря имъ, мнѣ было удобнѣе и среди норвежцевъ, языкъ которыхъ, какъ очень близкій къ шведскому, они знали хорошо. Ко мнѣ они относились очень внимательно, какъ и слѣдовало къ одинокому иностранцу среди нихъ. Временное охлажденіе произошло лишь, когда оказалось, что я русскій.

Въ „Kunstmuseum'ѣ“ мнѣ удалось, наконецъ, увидѣть произведенія мѣстныхъ художниковъ. Изъ скульпторовъ помнятся мнѣ: Lexon Hansen, Stephen Sinding и др. Великолѣпная бронза — группа послѣдняго особенно хороша. Она изображаетъ молодыхъ нагихъ мужчину и женщину, сцѣпившихся въ безумномъ человѣческомъ поцѣлуѣ. Названіе этой бронзы по-норвежски „To meneske“ (два человѣка). Изъ живописцевъ мнѣ бросились въ глаза P. N. Arbo — „Валькирія“ и „Дикая охота“, K. Hansen — „Въ тюрьмѣ“, Eilif. Petersen — портретъ Грига. Изъ другихъ выдѣляются художники Amaldus Nielsen и Niels Simonsen. И, наконецъ, поразили меня своею слабостью картины сына короля, Prinds'a Eugen'a. Онѣ декадентскаго направленія и колорита.

Осмотрѣли мы со шведами еще Художественно-ремесленный музей „Kunstindustrie-Museum“, въ зданіи художественнаго общества или „Kunstforening“. Тамъ находились коллекціи художественно-ремесленныя, какъ-то: изящная и старинная мебель, бронза, маіолика, посуда и т. д.

Вмѣстѣ же мы осмотрѣли и скромный, съ европейской точки зрѣнія, дворецъ короля, выстроенный на деньги самой націи. Мои шведы сначала какъ будто бы конфузились немного той скромности, съ которой приходилось мириться именно ихъ королю. Но, когда они увидѣли, насколько симпатичной мнѣ показалась эта скромность, то они успо-

коились. Во дворцѣ не было излишка ни въ чемъ. Даже картинъ было въ немъ не много. Картинъ же Prinds'a Eugene'a было двѣ или три всего на все.

Этимъ дворцомъ или Kongs Slot заканчивается главнаая улица Karl Johans Gade, начинающаяся отъ вокзала желѣзной дороги.

Разставаясь со шведами, я узналъ отъ нихъ, что они еще сегодня утромъ видѣли Ибсена въ Grande Nôtel. Оставшись одинъ, я пошелъ посидѣть въ дворцовый паркъ, около пруда съ лебедями и съ цвѣтными гусями. Птицы эти лѣниво плавали или дремали на берегу подъ не перестававшимъ мелкимъ дождемъ, который шелъ тогда.

Возвращаясь домой, я завернулъ въ Grande Hôtel, и узналъ, что Ибсенъ заходитъ туда ежедневно около полудня и еще разъ, часовъ въ 5 вечера.

Пообѣдавши дома, я пошелъ еще походить по красивому и привлекательному городу. Когда часы показали четыре пополудни, то я направился опять въ Grande Hôtel. Парадные и чрезвычайно солидные швейцаръ, конторщикъ и метръ-д'отель обнадежили меня, каждый въ свою очередь, что писатель долженъ скоро прійти и что его можно видѣть здѣсь, такъ какъ онъ вообще очень любезенъ и доступенъ для всѣхъ.

Я вышелъ изъ гостиницы и встрѣтилъ у ея входа цѣлую вереницу подъѣхавшихъ экипажей съ туристами, возвращавшимися съ какой-то экскурсіи по окрестности. Вдругъ вся эта веселая компанія затихла и устремилась взорами на идущаго приземистаго волосатаго старика. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ и въ сѣрую крылатку. На немъ были калоши, цилиндръ, бѣлый галстукъ. И не нужно было долго вглядываться, чтобы узнать въ проходившемъ хорошо извѣстнаго міру по портретамъ Ибсена. Онъ вошелъ въ гостиницу. Я — за нимъ. Тамъ онъ направился въ читальню, гдѣ находился на шкапу единственный гипсовый бюстъ — именно его. Онъ выбралъ себѣ газету и усѣлся на верандѣ во дворѣ, куда ему подали бутылку съ какимъ-то виномъ.

Я послалъ ему свою визитную карточку, съ просьбою о позволеніи представиться. Меня пригласили. Пройдя черезъ обѣденную залу, я очутился на верандѣ передъ столикомъ, за которымъ сидѣлъ великій старецъ. Мы поздоровались за руку. Онъ попросилъ меня присѣсть.

Говорилъ онъ не то слабымъ, не то слишкомъ сдержаннымъ голосомъ. Между тѣмъ, глаза его казались полными внутренней жизни. Они свѣтились мощью духа и ума. Его большая, волосатая, всклокоченная голова, его морщинистое старческое лицо еще не склонялись подъ тяжестью годовъ, хотя и явно было каждому, какъ старъ и древенъ

онъ былъ. Въ тѣ дни въ Христіаніи только-что отпраздновали его 70-лѣтній юбилей.

Я сидѣлъ теперь передъ умственнымъ титаномъ XIX столѣтія и думалъ: „Долго ли ты еще проживешь, и что-то ты еще дашь міру?“

Біографія его настолько извѣстна въ общемъ, что не стоило бы ее и приводить здѣсь. Напомню лишь изъ нея самое главное. Онъ родился въ 1828 г. отъ датчанина и нѣмки. Послѣ банкротства своихъ родителей-комерсантовъ, Ибсенъ былъ нѣкоторое время провизоромъ въ аптекѣ. Видѣлъ въ жизни нужду и терпѣлъ въ литературѣ много неудачъ. Наконецъ, послѣ немалыхъ гоненій со стороны даже своихъ соотечественниковъ, онъ достигъ большой извѣстности и славы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался пессимистомъ и даже мизантропомъ.

Я спѣшилъ переговорить, какъ можно больше, съ моимъ собесѣдникомъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ. Мнѣ казалось, что я слишкомъ скоро говорю для него.

Мы говорили по нѣмецки, такъ какъ еще швейцаръ предупредилъ меня, что Ибсенъ лучше знаетъ этотъ языкъ, нежели англійскій.

Вѣроятно, великій старикъ былъ пресыщенъ всякими интервьюерами и всевозможными разговорами подобнаго рода. Навѣрное, онъ долженъ былъ уже чувствовать утомленіе въ такія минуты.

Я узналъ отъ него же, что онъ выпускалъ теперь полное, народное собраніе своихъ сочиненій, кромѣ того, велъ переговоры съ нѣкоторыми своими иностранными издателями, и, слѣдовательно, ему приходилось много работать. Отдохнуть отъ этой работы онъ и приходилъ сюда, въ Grande Hôtel, гдѣ прочитывалъ новыя газеты и выпивалъ рюмочку-другую чего-нибудь.

Мы съ нимъ говорили на разныя темы. Я здѣсь скажу вкратцѣ о главномъ. Мы затрогивали вопросъ о его популярности въ Россіи. „Да въ Россіи ко мнѣ очень любезны“, сказалъ онъ.

Онъ спрашивалъ меня о русскихъ писателяхъ. Интересовался главнымъ образомъ гр. Л. Толстымъ.

Когда рѣчь зашла о творчествѣ самого Ибсена, то я позволилъ себѣ его сравнить съ нашимъ Достоевскимъ, что его нѣсколько озадачило. Это сравненіе я старался оправдать болѣзненностью дѣйствующихъ лицъ у того и у другого.

Онъ высказалъ мнѣ, что сочиненія всякаго автора обыкновенно тѣсно связаны съ жизнью его, и часто въ нихъ доискиваются почти автобіографіи. Онъ не признался мнѣ, какое изъ его твореній ему всего дороже.

Восхищаясь его „Брантомъ“ и „Сѣвернымъ походомъ“, я не могъ удержаться, чтобъ не выразить ему своего удивленія по поводу его „Пееръ-Гюнта“, его „Дикой утки“ и, въ особенности, по поводу его „Мастера (или строителя) Сольнеса“.

Конечно, я не посмѣлъ ему намекнуть даже на то, что, читая его послѣднее произведеніе, я приходилъ почти въ отчаяніе. Я сказалъ ему лишь, что не могу понять Сольнеса и другихъ такихъ же.

Онъ какъ будто удивлялся. Но мнѣ казалось, что подобные отзывы о Сольнесѣ онъ уже слыхалъ.

По поводу ненормальности нѣкоторыхъ его дѣйствующихъ лицъ онъ замѣтилъ, что, вѣдь, всѣ люди въ какомъ-нибудь отношеніи да не нормальны, всѣ какъ бы не здоровы душевно.

Онъ не скрывалъ своего пессимизма. „Невольно таковымъ дѣлаешься, если много наблюдаешь людей“, сказалъ онъ. „Впрочемъ, я, вѣдь, только до извѣстной степени пессимистъ“.

Переводомъ его „Брандта“ на нѣмецкій языкъ въ изданіи Реклама онъ не былъ доволенъ. Для чтенія начинающему на норвежскомъ языкѣ изъ его вещей онъ считалъ всего лучше „Сѣверный походъ“.

Онъ соглашался со мною, что слѣдовало бы ему побывать въ Россіи. Спрашивалъ меня про Кавказъ. Европу онъ уже зналъ хорошо. Я ему хвалилъ особенно нашъ Крымъ и Финляндію.

О послѣдней мы, разумѣется, погоревали отъ души. Я увѣрялъ его, что, по крайней мѣрѣ, лучшая часть русскаго общества сочувствуетъ финляндцамъ, балтійцамъ и полякамъ.

Норвегіею я искренно восхищался.

На вопросъ о его послѣдней, еще не оконченной работѣ, онъ отвѣчалъ чрезвычайно уклончиво, такъ что узнать объ этомъ мнѣ ничего не пришлось. Послѣ отъ постороннихъ я услыхалъ, что будто бы на своемъ послѣднемъ юбилеѣ Ибсенъ самъ говорилъ, что занятъ теперь своей біографіей. Между тѣмъ, я хорошо помнилъ, что въ газетахъ послѣднюю работу его называли театральной пьесой и приводили даже ея содержаніе. Кажется тогда онъ писалъ, именно, пьесу: „Когда мы мертвые просыпаемся“.

Подъ конецъ нашего разговора, который я стѣснялся очень растягивать, слѣдуя рутинѣ туристовъ, я заручился обѣщаніемъ дать мнѣ подпись на его портретѣ, который собирался пріобрѣсти. Затѣмъ я откланялся.

19-го (31-го) іюля.

Сегодня воскресенье. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ мѣстнымъ богослуженіемъ и публикою, посѣщающею церковь. Кромѣ того, хотѣ-

лось послушать органъ, за отсутствіемъ здѣсь вообще музыки. Поэтому я и направился въ главную церковь „Vor Frelsers Kirke“ (= церковь нашего Спасителя).

Пока не началась обѣдня, я обратился за разными разъясненіями къ церковному старостѣ. Онъ удивился появленію русскаго въ этомъ храмѣ. Скоро началось богослуженіе. Публика собиралась все больше пестренькая или, скорѣе, сѣренькая. Большая часть молящихся была на видъ изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества. Тутъ были и молодые, но болѣе всего пожилые и старики. Были, конечно, и калѣки.

Во время богослуженія ко мнѣ подошелъ довольно прилично одѣтый молодой ремесленникъ и представился мнѣ, называя себя „техникомъ“. Оказалось, что его прислалъ ко мнѣ господинъ староста, чтобы быть моимъ проводникомъ по городу, если это мнѣ нужно.

Обѣдня длилась не долго. Органъ здѣсь былъ такъ же, какъ и раньше я замѣтилъ въ другихъ церквахъ, громокъ и грубоватъ. Игра на немъ была банальна. Проповѣдь на норвежскомъ, вѣроятно вслѣдствіе моего непониманія языка, показалась мнѣ слишкомъ длинной.

Когда мы вышли изъ церкви, то не мой новый знакомецъ, г. техникъ, направилъ наши шаги, а я повелъ его въ университетъ, куда пошелъ досматривать кое-какія коллекціи. Оказалось, что онъ ихъ и самъ еще не видывалъ, и теперь не мало дивился имъ. Мнѣ пришлось ему многое растолковывать и сообщать самыя элементарныя свѣдѣнія...

Къ счастью, мой компаньонъ послѣ университета меня оставилъ въ покоѣ. На прощанье онъ далъ мнѣ свою карточку, на которой стояло: Th. Gulliksen. Teknikker. Kristiania.

Я написалъ ему въ записной книжечкѣ свои имя, фамилію и адресъ въ Россіи. Повидимому, онъ остался этимъ чрезвычайно польщенъ и доволенъ.

Сегодня, по случаю воскресенья, улицы чрезвычайно оживлены. На нихъ движется масса по-праздничному разодѣтаго и веселаго народа. Миловидны и привлекательны на видъ особенно молодыя женщины и дѣвушки — всѣ въ свѣтлыхъ, частью въ бѣлыхъ, лѣтнихъ платьяхъ. И какія милыя, живыя, умныя и плутоватыя личики встрѣчаются здѣсь!

Утромъ, еще во время моего купанья, я видѣлъ, какъ изъ разныхъ мѣстъ гавани выѣзжали небольшіе пароходы. Они были украшены флагами, нѣкоторые были даже съ музыкантами. На всѣхъ этихъ судахъ ѣхала воскресная публика въ загородныя мѣста, для прогулокъ. И такое движеніе пароходовъ, за городъ и обратно въ городъ,

продолжалось цѣлый день. Конечно, съ утра происходилъ преимущественно отливъ публики изъ города, а къ вечеру — ея обратный приливъ. Тутъ я долго наблюдалъ мѣстную публику. Я видѣлъ и зажиточныхъ, которые теперь-то, именно къ вечеру, и выѣзжали гулять и наслаждаться жизнью. Они ѣхали на болѣе или менѣе нарядныхъ пароходахъ. Тутъ же я видѣлъ и цѣлыя толпы скромныхъ тружениковъ, разныхъ мастеровыхъ и поденщиковъ, которые, наоборотъ, къ вечеру возвращались въ городъ домой, чтобы завтра, рано по утру, опять приниматься за свою вѣковѣчную работу, за свою сѣрую, горевую жизнь.

Этими пассажирами были наполнены до тѣсноты пароходики самаго скромнаго вида. Иногда даже и съ такого суденышка раздавались звуки двухъ-трехъ жалкихъ трубачей.

Скромная публика выѣзжала и возвращалась домой нерѣдко цѣлыми семьями. Иногда на рукахъ родителей спали утомленныя поѣздкою дѣти. Одинокіе мужчины возвращались часто съ удочкою или съ винтовкою, изъ которой они гдѣ-нибудь упражнялись въ цѣль. У большинства изъ этой скромной публики были съ собою сумочки или саквояжи съ провизіей. Велосипеды и фотографическіе аппараты оказывались, наоборотъ, у зажиточной и франтоватой публики.

Я шелъ долго за толпами скромныхъ тружениковъ, возвращавшихся тихо и молчаливо съ воскресной прогулки въ свои унылые кварталы, пока всѣ они не разсѣялись по своимъ угламъ. Тогда я опять очутился среди обыкновенной уличной толпы.

Упомяну и здѣсь, что, несмотря на воскресенье, я не только не замѣтилъ ни одного пьянаго, но не наткнулся даже ни на одну самомалѣйшую сцену грубости или неучтивости.

Маленькій, умный, даровитый и трудолюбивый народъ, создавшій себѣ прочную, культурную жизнь, выстроившій столько прекрасныхъ городовъ и роскошный, безплатный университетъ, мирно и тихо возвращался домой къ своей трудовой, трезвой и полезной жизни, скромно, но разумно и полезно отдохнувъ на берегахъ чудныхъ фіордовъ своей прекрасной родины.

„Намъ нельзя такъ, какъ поступаютъ въ богатой, плодородной Россіи. Мы живемъ на камняхъ. Мы только и сильны трудомъ и трезвостью“. Мнѣ припомнились приблизительно эти слова проповѣдника въ Тромзё. „Мы ко всему еще бѣдны и малочисленны, родина наша не велика“, какъ помнится, еще говорилъ онъ. И перебирая все это въ памяти и глядя на этотъ симпатичный, и счастливый народъ, я завидывалъ ему, я любилъ его.

20-го іюля (1-го августа)).*

Сегодня утромъ я пустился дѣлать покупки скромныхъ и необходимыхъ сувенировъ. Главнымъ же образомъ направился за портретами Ибсена и другихъ знаменитыхъ норвежцевъ. Оказалось, что они совсѣмъ не дешевы, такъ же какъ не дешевы здѣсь и книги. Книгопродавцы объяснили мнѣ, что у нихъ есть договоръ (или, точнѣе, стачка) на цѣны, которыя, дѣйствительно, оказывались во всѣхъ магазинахъ одинаковыми. Оказалось, что на портреты Ибсена даже существуетъ монополія. Великій человѣкъ передалъ право воспроизводить свое изображеніе, конечно, за соотвѣтственное возмездіе, нѣкоему „Nyblin, Christiania. Karl XII. Gade 5. Eneberettiget“. Вотъ это „eneberettiget“ и означаетъ монополію.

Я подосадовалъ на сверхчеловѣка за то, что онъ лишаетъ свой народъ дешевыхъ своихъ портретовъ и твореній. Дѣло въ томъ, что тогда, какъ я уже говорилъ, выходило первое, народное, якобы, дешевое, изданіе его сочиненій, и все-таки оно должно было стоить болѣе 25 кронъ. Не правда ли, дорого для небогатаго, и расчетливаго народа?

Какъ бы то ни было, но я купилъ нѣсколько портретовъ и, между прочимъ, три изъ нихъ Ибсеновскихъ для подарковъ. Походивъ достаточно по городу, я направился въ Grand Hôtel, чтобы застать тамъ великаго старика, и получить его обѣщанную подпись.

Ибсенъ тоже шелъ въ Grand Hôtel. Я его засталъ у входа. Онъ отвѣтилъ мнѣ на поклонъ, вспомнивъ меня и свое обѣщаніе относительно подписи. Въ библіотекѣ, куда онъ направился за газетами, я подошелъ еще разъ къ нему.

— Гдѣ же ваша записная книжечка? — обратился онъ ко мнѣ, намекая на свое обѣщаніе дать мнѣ подпись.

Я вынулъ портреты и сказалъ, что если онъ такъ добръ, то прошу надписать на этомъ.

Старикъ брюзгливо проворчалъ, что онъ даетъ лишь только одну подпись. Это значило, что онъ ее согласенъ написать на одномъ портретѣ. Очевидно, и это была монополія. Дескать, какъ бы не сталъ неизвѣстный торговать подписью сверхчеловѣка-мизантропа. Я сконфузился и быстро спряталъ остальные портреты, послѣ того какъ великій человѣкъ выбралъ одинъ изъ нихъ. Поспѣшно подалъ я ему чернила и перо, опасаясь еще какой-нибудь новой тучи въ его настроеніи. Однако все обошлось благополучно. Старецъ не садясь написалъ свои

*) Старый и новый стиль.

имя и фамилію, толстымъ и жирнымъ почеркомъ, на спинкѣ своего изображенія.

Пришлось мнѣ быть и за это не мало благодарнымъ. Старецъ пошелъ на свою веранду. Я не рѣшился еще утруждать его своими разговорами, на этотъ разъ, хотя мнѣ и очень бы хотѣлось съ нимъ еще обо многомъ поговорить.

Въ виду своего скораго отъѣзда, я порѣшилъ зайти къ русскому консулу, чтобы оставить для моихъ близкихъ по себѣ какой-нибудь слѣдъ въ проѣзжаемыхъ мною городахъ, на случай моего исчезновенія съ этого свѣта. Въ Христіаніи находился нашъ генеральный консулъ г. Тёттерманнъ*). Онъ былъ финнъ, говорившій хорошо по-русски. Тамъ же я познакомился и съ его помощникомъ, датчаниномъ. Этотъ по-русски совсѣмъ не зналъ, почему мы и повели разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ.

Консулъ разсказалъ мнѣ, что въ южной Норвегіи искусственное лѣсовозобновленіе довольно значительно. Особенно удачно идетъ тамъ облѣсеніе южныхъ песчаныхъ береговъ, которые изъ безплодныхъ и пустынныхъ теперь превращаются въ довольно плодородные и обитаемые.

Вообще, оказалось, что давно бы пора въ Норвегіи приняться за серіозное лѣсовозстановленіе, такъ какъ вывозъ лѣса изъ Скандинавіи огромный и такъ какъ уже сѣверъ Норвегіи совсѣмъ опустошенъ въ этомъ отношеніи.

Лѣсной товаръ отсюда доходитъ до Африки и даже до Австраліи. Идетъ онъ отсюда исключительно въ видѣ уже обдѣланныхъ досокъ или брусьевъ, аршинъ 3—4 длины и вершковъ 3—4 ширины и толщины. Все это уже готовый строевой матеріалъ, безъ всего лишняго и ненужнаго, чрезвычайно удобный и портативный. Распиливаютъ и остругиваютъ его паровыми машинами на мѣстѣ отправки.

Мы еще поговорили кое о чемъ, въ особенности о разныхъ сторонахъ русской жизни. Конечно, не много отрадныхъ темъ мы нашли въ этомъ отношеніи для такого собесѣдованія.

Вечеромъ, часовъ въ 6, проходя мимо Grand Hôtel'я, я зашелъ въ него и опять увидѣлъ издали на верандѣ Ибсена. Тутъ я уже не могъ удержаться, чтобы еще разъ не подойти къ нему. Я сказалъ, что мнѣ очень бы хотѣлось задать ему нѣсколько вопросовъ, которыхъ я не рѣшился сдѣлать въ первый разъ. Онъ невозмутимо возразилъ мнѣ, что „изъ принципа“ ни на какіе вопросы никому не отвѣчаетъ. Послѣ такого афронта я уже простился съ нимъ окончательно,

*) Herr Tötterman. Victoria-Terasse. Kristinia. 7.

сказавъ, что ѣду завтра изъ Христіаніи, и пожелавъ ему всего лучшаго*).

Вернувшись въ читальню, я засталъ тамъ четырехъ французовъ-туристовъ, которые болтали между собою, въ ожиданіи обѣда. Одинъ изъ нихъ, среднихъ лѣтъ и на видъ настоящій „blasé fin du siècle“, ругалъ и скандинавскую, и русскую, и, частью даже, свою французскую литературу. Среди нихъ была одна пожилая дама, которая лишь глупо и весело на все на это хохотала.

Вечеромъ, часа черезъ два, я еще разъ увидѣлъ Ибсена, шедшаго домой въ свою Arbins Gade. Я послѣдовалъ издали за нимъ, прощаясь въ душѣ съ великимъ старцемъ. Конечно, я его видѣлъ теперь уже въ послѣдній разъ. Да и вообще мнѣ казалось, что онъ уходитъ отъ міра туда, куда теченіе временъ унесло уже миріады миріадъ человѣческихъ существъ, т.-е. въ то необъятное и великое ничто, куда вѣчно, конечно, будетъ уплывать все живое.

Бѣдный, отживающій свою великую жизнь старикъ шелъ тихо и тяжело. Другіе пѣшеходы его обгоняли. Не всѣ ему кланялись, хотя, кажется, его всѣ знаютъ здѣсь. По временамъ онъ иногда замедлялъ свой шагъ, либо на секунду останавливался, посматривая кругомъ или вглядываясь въ колоссальныя, возводившіяся вокругъ зданія.

Когда онъ скрылся въ своей квартирѣ, я прошелъ далѣе по „Drammensvejen“**), ведущей внизъ позади колоревскаго замка и парка.

Возвращаясь опять мимо жилища великаго старца, минутъ черезъ 15, я видѣлъ, что тамъ у него попрежнему было темно. Вѣроятно, бѣдный старикъ сидѣлъ впотьмахъ или уже лежалъ, быть можетъ, томясь старческою тоскою и безсонницею.

21-го іюля—(2-го августа).

Сегодня уѣзжаю. Выпилъ утренній кофе съ масломъ и сыромъ — cafe med smör og öst.

Въ послѣдній разъ обхожу городъ, покупаю необходимое, разспрашиваю мѣстныхъ жителей о томъ и о семъ.

Наконецъ, пора на пароходъ. Всѣ мои вещи уложены, и я сижу, дожидаясь, что вотъ ихъ сейчасъ понесутъ. Въ моей комнатушкѣ полный безпорядокъ — обыкновенный спутникъ отъѣзда. Даже стѣны

---

*) Я знаю фактъ, когда великій мизантропъ этотъ совсѣмъ не сталъ разговаривать съ одной нашей соотечественницей.

**) Дорога королевы.

глядятъ на тебя какъ-то тоскливо. Тоскливое „прости“ чудится во всемъ въ эти минуты. Тоскливо и на душѣ.

Впрочемъ, что же тосковать, вѣдь, путь идетъ собственно уже домой. Итакъ, радостно впередъ!

Шведскій большой пароходъ оказался очень хорошимъ. Его имя — „Биргеръ Ярль“ (Birger Yarl). Второй классъ въ немъ положительно роскошенъ. Женская прислуга нарядна и кокетлива. Содержаніе отличное и недорогое, такъ что нѣкоторые первоклассники изъ расчета предпочитаютъ даже столоваться во II классѣ.

Нечего и говорить о томъ, какъ хорошъ I классъ, какъ тамъ привлекательна прислуга и вся обстановка.

Начальство и служащіе тоже соотвѣтствуютъ остальному на этомъ пароходѣ. Помощники почтеннаго и благообразнаго капитана всѣ — молодые и видные люди. Нечего и упоминать, что все это народъ чрезвычайно вѣжливый. Все здѣсь наряднѣе и привлекательнѣе, нежели на сѣверѣ, нежели въ бѣдной, малолюдной, каменистой Норвегіи. Видно, что мы переходимъ въ болѣе сильное и болѣе богатое государство. Но въ этомъ послѣднемъ зато нѣтъ теперь ни Ибсена, ни Грига, ни Нансена.

Въ недѣлю только лишь одинъ рейсъ бываетъ отъ Христіаніи до Стокгольма. Именно этотъ путь и совершаетъ „Birger Yarl“.

Часа въ 4 вечера мы вышли изъ Христіаніи и, пройдя обратно ея длинный фіордъ, часу въ девятомъ выбрались въ открытое море или въ „(Kattegat)“ *), который на этотъ разъ поддержалъ свое renommée. Онъ встрѣтилъ насъ начинавшейся бурей, которая ночью разыгралась какъ слѣдуетъ, по опредѣленію даже самихъ моряковъ. Свистъ вѣтра, громовые удары волнъ въ стѣну парохода, его вздыбливаніе кверху и качанье, его глубокое паденіе съ высоты хребтовъ въ долины, образуемыя волнами,—все это было чрезвычайно грозно и эффектно, конечно, и нѣсколько страшно. Хотя я на своемъ вѣку испыталъ уже нѣсколько сильныхъ бурь на морѣ, но долженъ сказать, что и эта была далеко не плоха. Трудно было улежать на койкѣ, не сползая съ нея отъ толчковъ качки на полъ.

Заснуть въ такія минуты вообще почти нельзя. Нападаетъ по временамъ какая-то безпокойная дремота или, скорѣе, кошмаръ. Не то сны, не то бредъ тревожатъ возбужденный умъ.

Мнѣ тогда снилась какая-то другая буря тоже въ мелкомъ морѣ, каковъ и самъ Каттегатъ. Мы неслись съ друзьями на разныхъ пло-

---

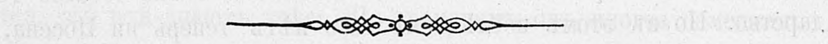
*) Katte — стегать. Gat — вѣроятно, отъ Gade т.-е. дорога.

тахъ съ парусами. Я держался за мачту. Насъ подкидывали волны. Жутко и весело было на душѣ. Мы перекликались. Вокругъ насъ проносились какіе-то плоскіе острова съ садами и съ разноцвѣтными фонариками въ нихъ.

Мнѣ снилось, что кругомъ насъ еще плыветъ нѣсколько такихъ же плотиковъ съ парусами. И все на нихъ милые, дорогіе мнѣ люди. И всѣ мы перекликаемся. И всѣмъ намъ весело, какъ бываетъ весело во время пожара или во время сраженія, по увѣренію испытавшихъ.

Въ эту ночь мы выѣзжали изъ норвежскихъ водъ, и я покидалъ прелестную, привлекательную Норвегію, и, вѣроятно, навсегда.

Мы приближались къ Швеціи.

ЧАСТЬ III.

ПО ШВЕЦІИ.

ГЛАВА I.

Отъ Норвегіи до Стокхольма.

Швеція.— Гётаэльфъ.— Гётеборгъ.— Данныя о немъ.— Музей.— Кондитерская.— Опять бурная ночь. — Хельзингборгъ.— Хельзингёръ.— Ландскрона.— Ёрезундъ.— Мальмё. — Паркъ-кладбище. — Тюрьма. — Графъ Ботвелль. — Берега Швеціи и Норвегіи. — Сокаютники. — Миссіонеръ. — „Человѣкъ бури". — Алкоголь. — Армія спасенія. — Методисты. — Карльсхамнъ. — Роннебю. — Книксены. — Шведки. — Карльскрона. — Островъ Ёландъ.— Кальмаръ.— Его замокъ.— Оскарсхамнъ. — Приближеніе къ Стокхольму. — Знаменитая панорама. — Сутолока европейской жизни. — Помѣщеніе.

Послѣ бурной ночи въ Kattegat'ѣ наступило пасмурное, дождливое утро.

Теперь мы уже плывемъ вдоль береговъ Швеціи. Прекрасная, поэтичная Норвегія осталась сзади. Увижу ли когда ее опять? Едва ли.

Вотъ заходимъ въ рѣку Гётаэльфъ (Götaelf)[1], устье которой служитъ удобною гаванью второму по величинѣ и значенію городу Швеціи. Это Гётеборгъ (Göteborg выговариваютъ тоже Jöteborg). Масса судовъ, торговыхъ складовъ и разныхъ портовыхъ сооруженій сразу убѣждаетъ иностранца въ томъ, что онъ находится въ крупномъ и важномъ пунктѣ жизни зажиточнаго, и сильнаго государства. Даже болѣе того: глядя на большой, роскошно отстроенный изъ камня, парадный Гётеборгъ, можно было подумать, что это городъ какого-нибудь изъ величайшихъ и богатѣйшихъ европейскихъ государствъ. Все это въ особенности поражало меня послѣ норвежскихъ городовъ, маленькихъ и скромныхъ, да еще зачастую почти сплошь выстроенныхъ изъ дерева.

---

[1]) Elf = рѣка. Собственно слѣдуетъ писать Ётаэлофъ.

Гётеборгъ основанъ въ 1619 году Густавомъ-Адольфомъ. Устройство въ немъ каналовъ и улицъ заложено еще голландскими переселенцами. Тутъ, впрочемъ, были колонисты и изъ Германіи и изъ Шотландіи. Жителей въ Гётеборгѣ около 76.400 человѣкъ.

Въ настоящее время это нарядный, большой и благоустроенный городъ. Тутъ есть и крупныя школы, и храмы, и общественныя учрежденія. Публичныя зданія особенно красивы и роскошны. Центръ города площадь „Gustav Adolfstorg“*) со статуею этого короля. Здѣсь перекрещиваются между собою главные каналы: Stora**) Hamnkanal и Ostra Hamnkanal, съ ихъ красивыми набережными и съ городскимъ паркомъ Brunspark. Въ этой же мѣстности находятся и ратуша, и картинная галлерея, и музей и пр.

Обойдя городъ, я успѣлъ лишь еще осмотрѣть въ немъ роскошный, богатый Göteborgs Museum. Не стану перечислять всѣхъ его богатѣйшихъ и интереснѣйшихъ коллекцій, каковыя могутъ смѣло равняться съ подобными же въ главныхъ европейскихъ городахъ. Упомяну только вскользь о прекрасной картинной коллекціи, т.-е. назову въ ней имена выдающихся мѣстныхъ художниковъ. Мы, напр., мало знаемъ живописцевъ, каковы: Tidemand, Gude, d'Unker, Hellqvist, Fosberg, Birger, Cedeström, Liliefors, Hagborg и т. д., а между тѣмъ изъ нихъ многіе представляютъ собою довольно крупныя силы.

Уставши усиленною ходьбою и осмотромъ города, и проголодавшись не на шутку, я зашелъ въ первый, приглянувшійся мнѣ ресторанчикъ, который оказался лишь кофейной или, просто, кондитерской. Тамъ спугнулъ я интимную бесѣду какого-то одинокаго гостя и молодой, но некрасивой прислужницы ресторанчика. Я спросилъ завтракъ. И ее услали хозяева тотчасъ же купить говядины, для заказаннаго мною бифштекса.

Трапеза эта оказалась поистинѣ кондитерскою, во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что я ушелъ отсюда еще голоднѣе, нежели пришелъ сюда.

Наконецъ, усталый и голодный я вернулся на пароходъ, чтобы вздремнуть до ужина. Двинулись мы въ путь часовъ въ 8 вечера.

Наступила опять бурная ночь. Но пароходъ нашъ былъ на этотъ разъ сильно нагруженъ, поэтому онъ мало поддавался качкѣ.

Я чувствовалъ, что все болѣе и болѣе устаю путешествіемъ, и рѣшилъ теперь окончательно не ѣхать далѣе Стокгольма, чтобы оттуда вернуться желѣзною дорогой, и перебраться опять черезъ проѣзжаемыя мною въ настоящую минуту мѣста въ Данію.

---

*) Torg = площадь.

**) Stora = большой, hamn = гавань.

Страна эта была здѣсь подъ бокомъ. И соблазнъ поворотить въ нее и быть ближе къ дому былъ великъ.

Эхъ, мы русскіе домосѣды, захолустники и деревенщины! Сколько ни путешествуешь въ жизни, и все-таки тянетъ назадъ домой, въ свою берлогу, черезъ два-три мѣсяца уже!

А какъ же кругосвѣтное-то плаваніе? Вѣдь его еле можно совершить въ годъ.

23-го іюля (4-го августа).

Утромъ, часовъ въ 7, мы зашли въ ново отстраивающуюся гавань прелестнаго городка Хельзингборга (Helsingborg'a). Въ немъ около 21.400 жителей. Расположенъ онъ весьма красиво, хотя мѣстность и мало гориста. Надъ городомъ, на одной ближайшей вершинѣ, стоитъ высоко старинная башня — свидѣтельница ганзейскихъ войнъ.

Набережная только-что обстраивается гранитомъ. Да и весь городокъ блещетъ новизною и растетъ во всѣ стороны.

Вотъ такъ второстепенное государство! Вотъ такъ безплодный сѣверъ! Откуда же вся эта энергія, все это разрастаніе? Ужъ не уклоненіе ли отъ международной политики, даетъ главную возможность народамъ такъ укрѣпляться во внутренней жизни, такъ устраивать свое благосостояніе? Не забудьте, что народонаселеніе всей Швеціи не превышаетъ 5.000.000 человѣкъ.

Отсюда изъ Хельзингборга перевозятся цѣликомъ желѣзнодорожные поѣзда на особыхъ пароходахъ-понтонахъ въ ближайшій датскій городокъ Хельзингёръ (Helsingör), который довольно хорошо виденъ изъ здѣшней пристани.

Въ 8 часовъ утра еще остановка въ хорошенькомъ городкѣ Ландскрона (Landskrona), который, между прочимъ, хорошо укрѣпленъ. Его я успѣлъ тоже немного обойти и посидѣть въ его общественномъ паркѣ.

Часто встрѣчаются въ Скандинавіи вывѣски и разные плакаты съ любимыми здѣсь именами: Anderssen, Peterssen, Ossian и др. въ этомъ родѣ.

Проѣзжая по Эрезунду (Öresund), видишь даже дымъ, трубы и крыши Копенгагена или, по-датски, Kjopenhavn. Въ зундѣ, не доѣзжая столицы Даніи, передъ нами лежатъ два острова: Saltholm и Amager.

Въ 11 часовъ утра входимъ въ гавань прекраснаго и довольно большого города Мальмё (Malmö), съ 50.500 жителями. Городъ этотъ тоже чрезвычайно важный торговый пунктъ Швеціи, чуть ли не важнѣйшій послѣ Göteborg'a. Это мѣсто вывоза хлѣба изъ провинціи Skåne*). Конечно, рыба и здѣсь играетъ не послѣдній предметъ торговли.

---

*) Шведское å произносится какъ о.

Мнѣ пришлось зайти въ первую по рангу здѣшнюю гостиницу съ ресторановъ. Роскошью и величіемъ этого учрежденія, называемаго по имени содержателя просто Horn, я поразился. Нарядностью лучшихъ частей города и въ особенности тѣнистымъ городскимъ паркомъ Slottparken или Oskarspark*), съ кладбищемъ въ немъ, я не мало любовался.

Мнѣ очень понравилось здѣшнее обыкновеніе устраивать кладбище въ городскихъ паркахъ. Эта мѣра указываетъ на какое-то теплое, любовное отношеніе къ своимъ умершимъ.

Выходя изъ города, тотчасъ же за паркомъ, находится Malmö Slot, нѣкогда мѣстная крѣпость или замокъ, а теперь простая тюрьма для арестантовъ. Замѣчателенъ этотъ Slot тѣмъ, что здѣсь сидѣлъ заточеннымъ цѣлыя 10 лѣтъ графъ Ботвелль (Bothwell), англійскій аристократъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пиратъ, великій интриганъ и, наконецъ, третій мужъ злополучной Маріи Стюартъ. Напоминаетъ о немъ въ Malmö Slot'ѣ лишь только жалкій, темный чуланъ въ каменной стѣнѣ, дверь отъ котораго выходитъ въ столярную арестантовъ. И вотъ поэзія и проза здѣсь опять слились вмѣстѣ или, скорѣе, послѣдняя заслонила первую.

Жизнь, полная приключеній и перемѣнъ, полная недосягаемаго величія и паденія, — жизнь хотя и съ несчастливымъ концомъ, но все же полная поэзіи и очарованія, особенно, если вспомнить Марію Стюартъ, о которой бѣдный, злополучный узникъ не могъ не вспоминать, не мечтать съ сокрушеннымъ сердцемъ здѣсь, въ своемъ темномъ заточеніи; и вдругъ теперь, тутъ же, за самой дверью этого одиночнаго и полнаго страданіями и мечтаніями каземата, вѣчный шумъ арестантской мастерской, конечно, съ ея пошлыми пѣснями, конечно, съ ея уличною рѣчью и руганью.

Несчастный авантюристъ Ботвель умеръ однако не здѣсь, а уже послѣ въ Даніи.

Не стану описывать подробно прекраснаго города. Онъ мнѣ такъ приглянулся, что я рѣшилъ именно черезъ него возвратиться по пути въ Данію.

Берега Швеціи далеко не такъ интересны, какъ берега Норвегіи. Не даромъ говорятъ, что тамъ интереснѣе всего природа, а здѣсь города.

Ночь становилась довольно пасмурна. Пользуясь всѣмъ этимъ, я предпочелъ поранѣе лечь спать.

Въ каютѣ насъ было трое: кромѣ меня еще два шведа. Одинъ

*) Slot = замокъ.

лѣтъ 40 — методистъ. Онъ былъ миссіонеромъ въ Остъ-Индіи отъ Соединенныхъ Штатовъ, откуда и получалъ жалованье. Второй изъ вышеозначенныхъ моихъ сокаютниковъ былъ лѣтъ 35, довольно франтоватый на видъ, вѣроятно, какой-нибудь комерсантъ. Съ первымъ я могъ свободно объясняться, благодаря его знанію англійскаго. Второй говорилъ лишь по-шведски и оставался поэтому для меня истиннымъ незнакомцемъ. Этотъ господинъ спалъ въ койкѣ надо мною.

Когда среди ночи, одинъ разъ качка увеличилась, то ему, очевидно, представилось во снѣ что-то ужасное. Онъ вдругъ вскочилъ, заметался на своей койкѣ и закричалъ дикимъ, неистовымъ голосомъ. Второпяхъ я обратился къ нему на разныхъ языкахъ, какіе мнѣ только приходили на умъ. Понять, однако, намъ другъ друга не удавалось. Наконецъ, проснулся и нашъ третій сокаютникъ, вышеупомянутый миссіонеръ. Тогда объяснился и ужасъ моего сосѣда. Оказалось, что онъ видѣлъ во снѣ бурю и крушеніе нашего парохода.

Утромъ, однако, такое объясненіе всего этого происшествія стало намъ, двумъ спутникамъ „человѣка бури“, еще яснѣе, когда мы увидали нѣсколько незнакомыхъ намъ опорожненныхъ бутылочекъ на умывальномъ столѣ, въ нашей совмѣстной каютѣ. Такъ какъ методистъ былъ непьющій, а я весьма воздерженъ, то мы сразу порѣшили, что опустѣлые флакончики и произвели, въ воображеніи нашего сожителя по каютѣ, бурю. Послѣ этого мы его и окрестили „человѣкомъ бури“ или „бурнымъ человѣкомъ“ — „the stormy dgentelman“.

Вообще съ переѣздомъ въ Швецію сразу замѣчаешь, что въ странѣ этой пьютъ болѣе, нежели въ Норвегіи. Хотя и тутъ разрастаются и размножаются повсемѣстно общества трезвости, но тѣмъ не менѣе попадаются здѣсь довольно часто и опорожненныя бутылки, а иногда даже и люди навеселѣ. Всѣ это мнѣ сильно напомнило Финляндію. И тамъ тоже, какъ и здѣсь, — проповѣди противъ пьянства, а по вечерамъ иногда люди навеселѣ. И притомъ часто оказываются въ такомъ видѣ люди достаточные, не только бѣдные, несчастные простолюдины, у которыхъ алкоголизированіе обыкновенно замѣняетъ всѣ остальныя отсутствующія отрады въ жизни.

Какъ странно, какъ жалко, что такіе умные, высококультурные народы еще не могутъ отдѣлаться отъ слабости, достойной дикарей, несмотря на усиленное движеніе въ ихъ культурѣ противъ пьянства!

Во второмъ классѣ ѣдетъ дѣвица лѣтъ 25, членъ Арміи Спасенія (Frelser's Army)*) или, точнѣе, „офицеръ“ ея, такъ какъ въ Арміи

*) Всемірное религіозно-благотворительное общество. Оно должно собственно называться „Арміею Спасителя“ по-русски.

Спасенія всѣ дѣятели носятъ чины, подобные военнымъ. Ее сразу можно было узнать по типичному костюму и шляпѣ, по синему цвѣту одѣянья и по краснымъ кантамъ. Съ ней была всегдашняя принадлежность представителей Frelser's army, именно, семиструнная гитара и сборникъ религіозныхъ пѣсенъ.

Съ нами же, во второмъ классѣ ѣхало нѣсколько молодыхъ людей, тоже методистовъ, какъ и мой миссіонеръ. Оказалось, что всѣ эти религіозные люди, которыхъ я здѣсь перечислилъ, направлялись въ старинный университетскій городъ Швеціи, въ Упсалу, гдѣ собирался съѣздъ методистской церкви через нѣсколько дней. Они подзывали и меня туда. Но я уже былъ слишкомъ утомленъ и пресыщенъ своимъ далекимъ путешествіемъ, и все болѣе и болѣе мечталъ о возвращеніи домой.

24-го іюля (5-го августа).

Въ 6 час. утра остановились около городка Карльсхамнъ (Karlshamn), съ 7000 жителей. Окрестность симпатичная, довольно живописная. Однако, въ устьѣ мѣстной рѣки Mieå, у самой гавани красуется грандіозный водочный заводъ!

Въ 9 час. утра — остановка у еще болѣе мелкаго мѣстечка или городка Роннебю (Ronneby). Тутъ бѣгаетъ и шумитъ миніатюрная желѣзная дорога, и выгружаютъ съ кораблей каменный уголь изъ Англіи.

Гуляя во время такихъ остановокъ по окрестности, невольно всматриваешься въ мѣстную жизнь загородной, сельской обстановки.

Чрезвычайно комичны и прямо-таки смѣхотворны книксены шведокъ. Это какое-то кривлянье, которое я долго принималъ за фиглярство или за шутки: кивокъ съ подгибаніемъ колѣнокъ.

И какъ странно встрѣчать нѣчто подобное у такого серьезнаго и симпатичнаго народа, каковы шведы и, въ особенности, каковы прелестныя шведки.

А шведки, дѣйствительно, прелестны! Впрочемъ, онѣ настолько извѣстны вообще и такъ прославлены въ этомъ отношеніи, что, кажется, нечего ихъ еще восхвалять. Это, дѣйствительно, француженки сѣвера, только съ прибавкой ума, образованности, силы и здоровья.

Надо поглядѣть, какъ мило, какъ весело и съ какимъ аппетитомъ онѣ кушаютъ и попиваютъ свое пиво: только глазки да зубки блестятъ. И надо отдать справедливость шведамъ въ обращеніи со своими дамами. Они къ нимъ внимательны и любезны, хотя и безъ французской слащавости. Напримѣръ, на нашемъ пароходѣ платы за трапезы съ дамъ полагается меньше, нежели съ мужчинъ.

По окончаніи ѣды всѣ благодарятъ другъ друга за компанію, а прислугу за хлопоты, какъ и въ Норвегіи*).

Въ 11 час. утра, подъ раскаленными лучами солнца, подходимъ къ главному военному пункту не только Швеціи, но и всей Скандинавіи, къ городу-крѣпости Карльскрона (Karlscrona). Доступъ въ гавань этого города идетъ между фортовъ и укрѣпленныхъ подводными минами мѣстъ. Въ одномъ проливѣ оставлено такъ мало безопаснаго, свободнаго отъ минъ прохода, что выѣзжаютъ навстрѣчу входящимъ судамъ крѣпостные лоцмана и указываютъ имъ путь.

Вся эта боевая военщина производитъ здѣсь чрезвычайно тягостное впечатлѣніе. И хорошенькій городокъ и заливы, у которыхъ онъ лежитъ, становятся положительно непріятными.

Впрочемъ, не взирая на все на это и на удушливую жару, заставлявшую съ нѣжностью вспоминать о сѣверной Норвегіи, большинство пассажировъ направилось поглядѣть городъ.

Карльскрона имѣетъ около 21.500 жителей. Это тоже чрезвычайно нарядный, красивый и благоустроенный городъ, какъ вообще всѣ шведскіе города. Надо правду сказать, что внутри его военщина не такъ замѣтна, какъ при въѣздѣ. Здѣсь есть тоже небольшой паркъ съ кладбищемъ. Есть желѣзная дорога. Не мало хорошихъ домовъ. Есть видные магазины и гостиницы. На главной площади стоитъ памятникъ Карлу XI — основателю города.

Однако отрадно мнѣ было уѣхать отъ всѣхъ этихъ торпедъ, фортовъ и пушекъ.

Въ 3 часа дня обогнули южный пунктъ этой части материка, и взяли курсъ на сѣверъ. Впрочемъ, такъ уже разъ было вскорѣ послѣ Istad'a. Справа показался огромный, длинный островъ Эландъ (Öland).

Онъ имѣетъ протяженія верстъ 150, а ширины до 12 верстъ. На немъ есть нѣсколько поселеній и даже городокъ Borgholm съ 1000 жителями. На островѣ этомъ не мало древнихъ каменныхъ кургановъ, напоминающихъ циклопическія сооруженія. Карлъ XV здѣсь любилъ охотиться.

Лишь часовъ съ 5 вечера потянулся этотъ островъ передъ нашими глазами, въ разстояніи какой-нибудь версты или двухъ, съ правой стороны отъ парохода. Слѣва, на такомъ же разстояніи тянулся передъ нами берегъ Швеціи. Мы ѣхали проливомъ Кальмарскимъ, или Kalmar Sund.

Въ 7 часовъ вечера наше судно причалило къ пристани города

*) „Tak for compagnie!“

Кальмара (Kalmar), величественный замокъ-крѣпость котораго, или „Kalmar Slot“, виденъ издали. Кальмаръ шведы называютъ почему-то ключомъ государства — „rikets nyckel“. Въ исторіи онъ игралъ довольно видную роль. Между прочимъ, кто не помнитъ еще изъ уроковъ исторіи Кальмарскаго договора 17 іюня 1397 года, на которомъ произошло соединеніе Швеціи, Даніи и Норвегіи.

Теперь это довольно видный городокъ съ 12.000 жителей. Тутъ есть и соборъ или Domkirke, и желѣзная дорога, и нѣсколько старинныхъ домовъ и брустверовъ. Но главный интересъ здѣсь представляетъ грандіозный замокъ или Kalmar Slot.

Это огромная средневѣковая крѣпость съ колоссальными стѣнами, со рвами, съ подъемными мостами, съ башнями и съ ужасными подземельями и тюрьмами. Крѣпость эта нѣкогда считалась неприступною. Стоитъ ея величественное зданіе у самаго моря. Вокругъ него кустится великолѣпный, современный нарядный паркъ съ клумбами, бесѣдками и ресторапомъ.

Возвращаясь этимъ цвѣтущимъ паркомъ отъ страшнаго, грознаго средневѣковаго замка, гдѣ такъ и летаютъ передъ посѣтителемъ призраки его прошлыхъ ужасовъ, каковы: пытки, казни, осады, голодъ, измѣны и т. п., и любуясь на оживленіе и движеніе современной жизни умнаго и даровитаго народа, невольно мнѣ приходило въ голову: слава Богу, что хоть Скандинавія пережила и, быть можетъ, даже безвозвратно, свой героическій періодъ. Поскорѣе бы и намъ съ нимъ покончить.

Въ 11 час. ночи заходили въ городокъ Оскархаменъ (Oskarshamn). Конечно, и здѣсь я счелъ своимъ долгомъ побродить и поглядѣть. Въ памяти отъ этой прогулки остались лишь темныя, неосвященныя улицы, церковь, да вызолоченный, огромный сапогъ вывѣски, который мы, гуляющіе, назвали единственнымъ освѣщеніемъ маленькаго городка.

Тянуло на койку. Утомленіе превозмогало, и глаза слипались. Масса новаго, ежедневно громоздившагося передъ глазами, по временамъ страшно утомляла вниманіе русскаго захолустника. И организмъ сдавалъ въ энергіи, въ бодрости.

Хорошо въ такія минуты растянуться на удобной койкѣ, съ чистымъ бѣльемъ, въ просторной, нарядной каютѣ, и засыпать подъ медленное раскачиванье отходящаго отъ пристани парохода.

25-го іюля (6-го августа).

Къ утру качка сдѣлалась значительной. Проснувшись я увидѣлъ длинныя, массивныя волны, носившіяся сквозь туманъ по морю. Волны вздымались неровно, превращаясь иногда въ пѣнистые буруны, что

показывало на близость дна — самое опасное для судовъ. Туманъ по временамъ такъ сгущался, что пароходъ приходилось останавливать, такъ какъ его руководители теряли даже на разсвѣтѣ не разъ огни маяковъ. По временамъ вдали виднѣлись и берега. Они были низки и унылы на видъ.

Изъ воды кой-гдѣ торчали маленькіе островки или, просто, камни. Все это далеко не украшало картины.

Перепадалъ по временамъ дождь. И глядя на все на это, не хотѣлось покидать удобной, уютной, теплой койки.

Однако мы приближались понемногу къ Стокгольму, и нужно было, наконецъ, итти за другими на палубу, чтобы увидѣть его знаменитую панораму съ моря.

Мы шли уже безконечными извилинами его фіордовъ, между безчисленныхъ гористыхъ и лѣсистыхъ островов, закрывавшихъ всякій видъ на Балтійское море*). Казалось, пароходъ идетъ какимъ-то озеромъ, напоминавшимъ Саймское, только „en beau“, конечно.

Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ островов были населены. На однихъ были виллы или простые дома. На другихъ виднѣлись бастіоны съ пушками, казармы и т. п., какъ, напримѣръ, Oskars-Frederiksborg, Waxhelm и др.

Передъ самымъ Стокхольмомъ почти вся публика вышла на палубу, въ ожиданіи увидѣть одинъ изъ извѣстнѣйшихъ видовъ земного шара.

Наконецъ, черезъ вершины послѣднихъ, отдѣлявшихъ насъ отъ Стокгольма островов, мы увидѣли его верхнія зданія, расположенныя на возвышенностяхъ. Затѣмъ, скоро раздвинулись послѣднія преграды, и передъ нами открылся роскошный, нарядный, всемірно прославленный красотою и благоустройствомъ городъ. Прежде всего поражаютъ его великолѣпныя набережныя съ домами или дворцами на нихъ, затѣмъ возвышенности или цѣлыя горы гнейса, по которымъ городъ расположился то амфитеатромъ, то просто разостлался ковромъ. Къ одной такой обрывистой возвышенности пристроенъ огромный желѣзный полумостъ, оканчивающійся грандіозной подъемной паровой машиной, называемой здѣсь Katarina-Hissen.

Приближаясь къ этому большому, великолѣпнѣйшему городу съ его разительною, подавляющею роскошью, я, однако, ощущалъ какое-то безпокойство, не то тоску. Съ сожалѣніемъ вспоминалъ я о маленькихъ, привѣтливыхъ и тихихъ городкахъ милой, прелестной Норвегіи, гдѣ такъ спокойно и отрадно больнымъ, надорваннымъ нервамъ на-

---

*) Въ этомъ блѣдномъ и прѣсномъ морѣ мы находились уже, пройдя Зундъ.

шего брата, жителя средней Россіи! Стокгольмъ напоминалъ уже слишкомъ о сутолокѣ европейской жизни. Тутъ чувствовалось уже присутствіе борьбы за существованіе, т.-е. того смертнаго боя, который свирѣпствуетъ во всѣхъ огромныхъ городахъ міра, и который какъ-то незамѣтенъ тамъ, въ маленькихъ городахъ сѣвера.

Пароходъ нашъ остановился у одной изъ пристаней, и публика заспѣшила на берегъ. Я тоже отправился, съ помощью носильщика и его тачки, въ поиски за скромнымъ удобнымъ пристанищемъ.

Въ центрѣ города и вблизи пристаней находится нѣсколько крошечныхъ улицъ, изъ нихъ одна, Nord Smedjegatan, имѣетъ цѣлый рядъ маленькихъ, дешевыхъ, но приличныхъ гостиницъ. Я остановился въ первой по порядку т.-е. въ Hôtel Gustaf Wasa.

Цѣны въ Стокхольмѣ оказались на все болѣе высокими, нежели какія я встрѣчалъ до сихъ поръ въ Скандинавіи.

ГЛАВА II.

Стокхольмъ.

Данныя о столицѣ Швеціи. — Осмотръ ея. — Главныя части города. — Библіотека. — Телеграмма Андре. — Рынокъ. — Вечеръ. — Выпивка. — Проститутки. — Воскресенье. — Дворецъ. — Король. — Месса. — Музей. — Ресторанъ. — Скансенъ. — Грустный диссонансъ. — Лопарская юрта. — Оленій паркъ. — Пріятныя встрѣчи въ дорогѣ. — Пушки. — Отвратительная сцена. — Вокзалъ. — Послѣдній день. — Сталь и желѣзо. — Книги. — Магазины. — Синагога. — Большая площадь. — „Кровая баня“. — Домъ рыцарства. — Высокая часть города. — Кладбище „Кровавой бани“. — „Рѣчной цвѣтникъ“. — Странности публики. — Опять оскорбленіе національности. — Опять методисты. — Смерт Бисмарка. — О Россіи. — Отъѣздъ. — Шведскія желѣзныя дороги. — Шведская деревня. — Русская деревня. — Остановки. — Опять Мальмё.

Стакхольмъ, (Stockholm) столица Швеціи и резиденція короля, имѣетъ около 255.900 жителей. Расположенъ онъ на истокѣ озера Mälaren, при Балтійскомъ морѣ или Öster Sjön по-шведски.

Основанъ онъ около 1255 году, въ видѣ крѣпости, для отраженія эстонцевъ и кореловъ. Малу-по-малу изъ такого укрѣпленнаго пункта разросся первый городъ Скандинавіи, въ которомъ совершались многія важнѣйшія событія исторіи Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Все великолѣпіе этого истинно европейскаго города, въ самомъ широкомъ значеніи слова, описать здѣсь даже отчасти невозможно. Впрочемъ, уже сколько разъ Стокгольмъ былъ описанъ на всѣ лады. Въ этихъ мимолетныхъ, но тѣмъ не меньше слишкомъ растянув-

шихся запискахъ, я скажу лишь кое о чемъ, т.-е. о главномъ изъ всего того, что здѣсь бросается въ глаза, а въ глаза здѣсь бросается многое, до того все здѣсь прекрасно, нарядно и роскошно! Не знаешь, съ чего начать и чѣмъ закончить.

Какъ я сказалъ уже, переулочекъ Nora Smedjegatan, въ которомъ я стоялъ, находился въ самомъ центрѣ города. И мнѣ было удобно дѣлать отсюда осмотръ его. Тутъ же рядомъ тянулись двѣ главныя улицы: Drontninggatan и Regeringsgatan. Нѣсколько далѣе прелестный паркъ-цвѣтникъ Kungsträdgarden со статуями Карловъ XII и XIII. Вокругъ этого сада или сквера находятся роскошные дома, зданіе театра и лучшіе рестораны. Близехонько находится и королевскій дворецъ на островѣ Staden и островъ Riddarsholmen*).

Въ первый свой выходъ я прошелъ по всѣмъ главнымъ частямъ наряднаго города. Заглянулъ въ Berzeliipark со статуей ученаго — Берцеліуса, Humlegarden со статуями химика Scheele и ботаника Linné. Тамъ же, въ этомъ паркѣ, находится и королевская библіотека, гдѣ собрано не мало драгоцѣнностей.

Въ библіотекѣ мнѣ бросилась въ глаза средневѣковая огромныхъ размѣровъ книга, состоящая изъ всевозможныхъ разрисованныхъ изображеній чорта и называемая тамъ „Чортова Библія". Осталось въ памяти еще письмо голубиной почты, за подписью безумнаго воздухоплавателя Андре, подъ № 3; единственное изъ его писемъ, дошедшихъ вообще до людей.

Такъ какъ сегодня суббота, то въ городѣ на рыночныхъ площадяхъ идетъ оживленная торговля съѣстными продуктами, какъ-то: мясомъ, птицей, рыбой, яицами, молокомъ, фруктами, ягодами, цвѣтами и т. п. Особенно любопытно было видѣть рыбный рынокъ, который помѣщается съ мяснымъ въ крытомъ строеніи. Разнообразіе рыбъ и другихъ морскихъ пищевыхъ продуктовъ заинтересовываетъ всегда зрителя. Только тяжело видѣть живучихъ и энергичныхъ угрей, которые и безъ воды, на лоткахъ никакъ успокоиться не могутъ. Они отчаяннно рвутся, бьются и бросаются со столовъ на полъ, ища воды и спасенія отъ ужасной своей участи. Между тѣмъ другія рыбы уже спятъ сномъ успокоенія.

Эти сонныя рыбы! Не ѣдимъ ли мы въ такомъ видѣ по истинѣ дохлыхъ животныхъ?

Вечеромъ все почти населеніе города гуляетъ. Улицы, скверы и сады полны публики. Особенно много ея въ Kungsträdgården'ѣ около Blanch's

*) Holmen = островъ, Riddar = рыцарь, Staden = городъ.

café, гдѣ игралъ оркестръ, кажется, румынъ. Еще любимое мѣстечко гулянья — это садикъ Strömsparterren, находящійся на островкѣ, у самаго моста Norrbrö, ведущаго ко дворцу, т.-е. на островъ Staden, или городъ, что то же. Кругомъ островка быстро течетъ вода Norrstrom'а, истока озера Mälaren. Освѣщеніе этого садика и набережныхъ красиво. Оно отражается въ водѣ, по которой плаваютъ взадъ и впередъ пароходики, и лодки.

Покушать и, въ особенности, выпить здѣшняя публика очень и очень любитъ. Нерѣдко можно встрѣтить даже и приличныхъ мужчинъ навеселѣ.

Помнится, какъ одинъ молодой велосипедистъ долго боролся со своимъ инструментомъ, пока на него не засѣлъ. Видѣлъ я разъ и почтеннаго господина, съ такимъ же шумомъ въ головѣ. Онъ угощалъ пожилую даму и ея маленькихъ дѣтей крѣпкимъ шведскимъ пуншемъ.

Замѣтилъ я, что по ночамъ на улицахъ не мало видно проститутокъ, но всѣ онѣ чрезвычайно непривлекательнаго вида. Очевидно, на эту профессію здѣсь отбрасываются самыя негодныя части женскаго населенія. Здоровыя, молодыя и красивыя женщины всѣ работаютъ, т.-е. служатъ по гостиницамъ, ресторанамъ, и магазинамъ, гдѣ за ними весьма откровенно ухаживаютъ мужчины. И между этими попадаются, дѣйствительно, прелестныя фигурки.

Вообще, можно сказать, что женщины въ Стокгольмѣ весьма красивы. И этому, конечно, много способствуетъ забота о здоровьи: гимнастика, плаванье и пр.

26-го іюля (7-го августа).

Сегодня здѣсь первое воскресенье мѣсяца августа, и за городомъ будетъ обычная въ этотъ день гонка, или парадъ судовъ и лодокъ, нѣчто въ родѣ судоходнаго праздника, называемаго здѣсь Segelregatta. Я не поѣхалъ туда, потому что, во-первыхъ, изрядно моросилъ дождь, а во-вторыхъ, чувствовалъ уже пресыщеніе отъ ѣзды по водѣ.

Въ этотъ день я съ утра осмотрѣлъ эффектный, роскошный дворецъ короля, или точнѣе, главныя части его, какъ напримѣръ, отдѣленіе короля, королевы, наслѣдника съ супругой и т. п. Въ кабинетѣ самого Оскара II висятъ между прочими предметами три маленькія, какъ бы, кукольныя, мужскія шляпы. Это знаки докторской степени изъ трехъ единственныхъ въ Скандинавіи университетовъ: Христіанійскаго, Упсальскаго и Лундскаго. Въ Стокхольмѣ, какъ извѣстно, университета, въ буквальномъ смыслѣ слова, нѣтъ.

Про короля Оскара II говорятъ, что онъ умный, образованный и симпатичный человѣкъ. Къ тому же онъ прекрасный ораторъ. Вообще, этотъ правитель любимъ и популяренъ среди своихъ подданныхъ.

Во дворцѣ не мало драгоцѣнностей и предметовъ искусства, какъ, напримѣръ, статуй, картинъ, бронзъ и пр. Есть нѣсколько блѣдныхъ картинъ и королевскаго принца Евгенія. Это опять все потуги на импрессіонизмъ.

При осмотрѣ разныхъ отдѣленій дворца, приходится каждый разъ обращаться къ особымъ ихъ смотрителямъ, или сторожамъ, называемымъ здѣсь Vaktmästare. Каждому за показаніе его отдѣленія вручаютъ на чай по 1 кронѣ.

Одинъ изъ дворцовыхъ садиковъ здѣсь называютъ Logården или звѣринецъ. Въ немъ, будто бы, встарину содержались хищные звѣри.

Въ то же утро я отслушалъ обѣдню въ ближайшей отъ моей квартиры Jakobskirke. Въ заключеніе мессы органистъ исполнилъ какъ postludium рапсодію Сенъ-Санса № 2, озаглавленную „Pélerinage de St. Paul“. Это — пестрая и мѣстами бурная вещь, которая къ тому же еще была сыграна чрезвычайно неровно.

Послѣ церкви я посѣтилъ National Museum. Самъ онъ чрезвычайно обширенъ и богатъ. Коллекціи его роскошны и разнообразны, какъ, напримѣръ, историческая, керамическая, скульптурная, мебельная, живописная и др. Нѣтъ возможности описать ихъ всѣ. Скажу лишь, что огромный, если не главный интересъ представляетъ здѣсь отдѣлъ живописи, и именно произведенія національныхъ мастеровъ, каковы: Rosen, Kronberg, Tiedemand, Wickenberg, Malmström, d'Unker, Hockert, Wahlbom и др.

Въ историческомъ отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе: отшельнически скромная кровать Карла XII, кинжалъ, которымъ былъ убитъ Gustaf Adolf II, его же клавесинъ и пр. и пр.

Въ этотъ день я пошелъ обѣдать въ Benr's Salonger. Это довольно роскошный и любимый мѣстный ресторанъ. Находится онъ около Berzeliipark'a. Передъ ресторанамъ игралъ оркестръ изъ мальчиковъ.

Все это были на видъ утомленныя, измученныя дѣти, которыя были сданы родителями по контракту антрепренеру-дирижеру. Какъ я у нихъ узналъ, вставать имъ приходится рано и ложиться чрезвычайно поздно, а главное, играть нѣсколько разъ въ день.

Это были венгерцы.

Вечеромъ я направился въ знаменитый Скансенскій садъ или музей на воздухѣ, какъ его еще называютъ. Шведы зовутъ это интересное учрежденіе просто Skansen. По дорогѣ пришлось увидѣть разрушенное

и обнаженное мѣсто послѣдней стокгольмской выставки. Тутъ уцѣлѣли еще зданія такъ называемаго сѣвернаго музея, біологическаго музея съ панорамой скандинавской природы, населенной животными. Здѣсь же тянется застроенный ресторанами, виллами и лѣтними театрами паркъ или, по-шведски, Djurgård (оленій паркъ). Собственно, весь островъ, на которомъ все вышесказанное находится, называется Djurgården.

Скансенскій паркъ — замѣчательно интересное учрежденіе, устроенное по иниціативѣ нѣкоего ученаго Arth. Hardius'a. Тутъ собраны образцы скандинавской природы, животныхъ, жителей и жилищъ. Въ тотъ вечеръ представляли разныя народныя увеселенія, танцы и цѣлыя сцены изъ добраго стараго времени, какъ, напримѣръ, свадьба маркизовъ.

Дешевизна, разнообразіе и добросовѣстное исполненіе всего этого дѣлаютъ Skansensgården весьма привлекательнымъ.

Грустнымъ диссонансомъ въ этихъ скансеновскихъ вечерахъ являются бѣдныя населяющія его животныя, съ ихъ безпокойствомъ и явнымъ признакомъ страданія подъ вліяніемъ свѣта, шума и музыки. Эти несчастные жители лѣсовъ, горъ и морей не имѣютъ покоя въ своихъ клѣткахъ, пока не утихнетъ въ саду гулянье, а оно кончается далеко за полночь.

Уходя изъ сада, я нѣсколько задержался у лопарской юрты, гдѣ два довольно безобразные ея обитателя, мужчина и женщина, заканчивали свой день. Они только-что доужинали, поочереди докуривали одну и ту же трубочку, и собирались, повидимому, уже ложиться. Все это продѣлывалось чрезвычайно вяло и невозмутимо, въ то время какъ въ саду вокругъ нихъ раздавалась музыка, пѣніе и веселый смѣхъ, а по дорожкамъ гуляли веселые, красивые люди.

Выйдя изъ Скансена, я очутился въ Djurgården'ѣ. Кругомъ блистали разноцвѣтные фонари, звучала музыка, толпилась многочисленная пестрая публика, двигались взадъ и впередъ экипажи и трамваи. У меня положительно закружилась голова, и я не зналъ, въ какую сторону двинуться, чтобы попасть въ свою Smedjegatan. Тутъ я увидѣлъ около себя красиваго, рослаго, пожилого господина, почти сѣдого, и съ нимъ прехорошенькую молодую дѣвушку, тоже рослую и стройную, на видъ лѣтъ 17. Я обратился къ симпатичному господину по-англійски. Тотъ чрезвычайно любезно разговорился со мною и предложилъ проводить меня до дому.

Мы отправились вмѣстѣ на одномъ трамваѣ.

Очевидно, эти привлекательные люди были отецъ и дочь. Имъ какъ будто бы хотѣлось обласкать одинокаго, утомленнаго чуже-

странца. И, дѣйствительно, чѣмъ-то хорошимъ и отраднымъ повѣяло отъ нихъ на меня, на мою усталую душу.

Они не шарахнулись отъ меня, какъ это дѣлали многіе другіе, когда узнавали отъ меня, что я русскій. Хорошенькая, худенькая, стройная дѣвушка съ милымъ вниманіемъ слушала мои разсказы.

Наконецъ, я остался одинъ въ своемъ переулочкѣ и, дойдя до своей грустной, уединенной комнатки, затворился въ своемъ одиночествѣ.

Между прочимъ, сегодня день рожденія одной изъ королевскихъ дочерей, принцессы Ingeborg, и утромъ была пушечная пальба изъ морскихъ казармъ, помѣщающихся на островѣ Skeppsholmen'ѣ, въ самомъ городѣ почти. Поэтому пушечный громъ раздавался весьма сильно и звучно по столицѣ.

Вечеромъ, расхаживая по улицамъ, я замѣтилъ одну грубую сцену: мастеровой парень, бывшій, очевидно, навеселѣ, увѣсисто треснулъ по спинѣ проходившую мимо проститутку. Это мнѣ напомнило сильно наши доморощенные нравы. Однако, полицейскій тотчасъ же замѣтилъ это происшествіе и однимъ уже своимъ приближеніемъ положилъ ему конецъ.

Часу въ 12-мъ ночи я зашелъ на главный вокзалъ — Central Bangård и видѣлъ тамошнюю жизнь и движеніе. Свѣтло, чисто, совершенно по-праздничному. Есть гуляющіе. Публика притекаетъ радостная и веселая, для прогулки и встрѣчи. Нарядныя дамы ходятъ тутъ, подъ ясными лучами электрическаго свѣта. Пришелъ поѣздъ, и изъ него высыпала другая публика, не менѣе веселая и нарядная, нежели ожидавшая прихода его. Тутъ были и воскресные дачники, и гулявшіе за городомъ.

Среди мужчинъ я замѣтилъ не мало человѣкъ, возвращавшихся съ винтовками въ рукахъ. Таковые были главнымъ образомъ между скромно одѣтыми. Оказалось, что въ какомъ-то сосѣднемъ городѣ была призовая стрѣльба въ цѣль. Притомъ, я замѣтилъ, что на эти состязанія, какъ въ Норвегіи, такъ и здѣсь, всѣ везли съ собою національныя или, вѣрнѣе, казенныя военныя ружья, которыя вездѣ здѣсь открыто продаются въ ружейныхъ магазинахъ.

Мнѣ показалось это чрезвычайно умнымъ пріемомъ. Вѣдь, такимъ образомъ публика подготовляется къ настоящей военной стрѣльбѣ, къ службѣ и къ защитѣ своего отечества.

Какъ жаль, что у насъ цѣлевая стрѣльба совсѣмъ не въ ходу! Вмѣсто этого русскіе спортсмены только и признаютъ забавнымъ уничтоженіе птицъ и звѣрей, большею частью совершенно безвредныхъ.

27-го іюля (8-го августа).

Сегодня провожу послѣдній день въ этомъ прекрасномъ городѣ. Обхожу, осматриваю все и закупаю кое-какіе сувениры, которыхъ тутъ просто не обобраться, до того здѣсь все привлекательно и красиво сдѣлано. Особенно прелестны здѣсь издѣлія изъ стали и желѣза, какъ, напримѣръ, ножи.

Обходя магазины, я замѣтилъ между выставленными книгами много русскихъ и, по преимуществу, запрещенныхъ у насъ въ отечествѣ. Особенно много ихъ въ нѣкоемъ магазинѣ Bokhandel Minerva, на мосту Norbro.

Есть въ Стокгольмѣ не мало роскошныхъ магазиновъ. Есть и жалкія лавчонки, какъ, напримѣръ, „Petersen's Lumpaffäre". Это значитъ попросту „тряпичная торговля".

Есть здѣсь, какъ говорятъ, и синагога.

Сегодня же я разыскалъ Большую Площадь (Stortorget), знаменитую массовою казнью или „кровавою баней", какъ прозвано это страшное событіе — злодѣяніе свирѣпаго кровопійцы, датскаго короля Христіана II. Это было 8 ноября 1520 года, когда здѣсь безъ суда и слѣдствія сложили 82 знатнѣйшихъ дворянина и духовныхъ свои непокорныя головы, чтобы не мѣшать упроченію престола ненавистнаго датскаго тирана въ Скандинавіи. Впрочемъ, послѣ такого преступленія Христіанъ II, къ счастью, совсѣмъ потерялъ свою власть здѣсь. Скандинавія вскорѣ отложилась отъ Даніи.

Однако не надо думать, что страшное мѣсто Stortorget соотвѣтствуетъ видомъ своей извѣстности и названію Stor, что значитъ большой. Это, просто, маленькая, тѣсная площадка типичнаго, средневѣкового характера, со старинными зданіями.

Тутъ же вблизи находится и дворецъ короля, о которомъ уже говорено, и дворянскій домъ, или Riddarhus.

Вечеромъ отправился въ возвышенную часть города, или Södermalm, куда поднимаются съ помощью элеватора, или Katarinhissen'а. Я пошелъ пѣшкомъ туда. Проходя корабельными и товарными пристанями, видѣлъ драку или, скорѣе, стычку колоссальнаго мулата съ мѣстными матросами. Но и эта буйная сцена кончилась, не успѣвъ разыграться, при приближеніи одного изъ солидныхъ и благообразныхъ здѣшнихъ полисменовъ, имѣющихъ самый привлекательный костюмъ и располагающій видъ.

Тутъ, на высотѣ, въ садикѣ, съ кладбищемъ внутри его, стоитъ Katarinkyrke, знаменитая тѣмъ, что здѣсь были сожжены тѣла 82 жертвъ

стокгольмской „кровавой бани“. Теперь здѣсь находится обыкновенное небольшое кладбище-паркъ, въ которомъ въ тотъ разъ гуляло нѣсколько взрослыхъ и дѣтей скромнаго достатка, да парочка влюбленныхъ ремесленниковъ, имѣвшихъ здѣсь, повидимому, свое rendez-vous. „Sic tempora mutantur, et nos mutamus in illis“.

Сегодняшній вечеръ я досидѣлъ въ Strömparterren у моста Norbro, о которомъ говорилъ уже. Въ ресторанѣ „Цвѣтника“ было много публики. Всѣ столы подъ деревьями были заняты. Подъ вѣтвями горѣли разноцвѣтные фонарики. На эстрадѣ игралъ уже знакомый мнѣ оркестръ мальчиковъ. Въ быстро бѣгущей вокругъ водѣ изъ озера Меларена отражались освѣщенныя набережная и зданія. По ея поверхности скользили лодки и паровые катера.

На нѣсколькихъ приличныхъ дамахъ я увидѣлъ простыя красныя, байковыя одѣяла, замѣсто пледовъ. Онѣ сидѣли въ нихъ преспокойно, точно въ самыхъ модныхъ одѣяньяхъ.

Тутъ я не безъ досады подумалъ: что же теперь оригинальнѣе: эти одѣяла въ публичномъ гуляньи, или мой резиновый плащъ и русскіе сапоги, вызывавшіе всюду здѣсь хитроумныя улыбки, съ раскалываньемъ физіономій до ушей?

Въ Швеціи такъ же охотно носятъ мѣховыя перелины и боа, какъ и въ Норвегіи, даже лѣтомъ.

Еще разъ здѣсь пришлось увидѣть, какъ охотно въ Швеціи пьютъ горячительные напитки, въ особенности мѣстные вкусные пиво и пуншъ.

Оркестръ, подъ конецъ вечера, переигралъ всѣ главные національные гимны Европы, только былъ обойденъ одинъ нашъ русскій.

Это заключеніе привело меня въ грустное настроеніе, и я пошелъ удрученный домой спать.

Возвращаясь къ себѣ, я повстрѣчался съ нѣкоторыми своими спутниками, именно, съ методистами и съ извѣстнымъ уже моимъ читателямъ миссіонеромъ, которые завтра всѣ собирались выѣхать въ Упсалу на съѣздъ своей церкви или вѣры.

Только теперь отъ вышепоименованныхъ моихъ спутниковъ я узналъ о смерти Бисмарка, и, естественно, мы заговорили объ этомъ. Оказалось, что никто изъ насъ его не жалѣлъ. Съ нимъ точно скатился въ могилу какой-то тяжелый камень, лежавшій на Европѣ, хотя онъ уже, этотъ камень, и лежалъ втунѣ и какъ бы поросъ мохомъ забвенія. Еще поговорили о конфликтѣ, зарождавшемся по поводу какого-то недоразумѣнія на востокѣ между Англіей и Россіей.

28-го іюля (9-го августа).

Уѣзжаю сегодня утромъ по желѣзной дорогѣ черезъ Malmö въ Данію, хотя меня и соблазняло проѣхать въ Упсалу. Однако утомленіе влекло скорѣе къ дому. Слишкомъ много пришлось проѣхать въ короткое время.

На вокзалѣ увидавъ, насколько прилична была публика, бравшая билеты въ третьемъ классѣ, я самъ порѣшилъ ѣхать въ немъ же. Оказалось, что и въ III классѣ шведскихъ желѣзныхъ дорогъ чрезвычайно хорошо.

Остановки очень коротки, такъ какъ поѣзда вообще идутъ быстро въ Скандинавіи. Поэтому ѣсть приходилось спѣшно. Ѣда хороша и не дорога. Но вѣчный вареный картофель, который и въ Скандинавіи, какъ и въ Финляндіи, подаютъ ко всякому кушанью, а также ячменный, повсемѣстный тамъ и тутъ сухарь, не то блинъ, надоѣли до смерти.

Мимо оконъ вагона проносятся невысокія, лѣсистыя горы, зеленыя долины, плодородныя нивы, съ полегшими тучными хлѣбами. Кой-гдѣ блестятъ изо всей этой роскошной зелени озера и рѣки. Виднѣются одинокіе сельскіе домики, или мызы, какъ въ Финляндіи. Иногда эти жилища группируются въ маленькіе поселки.

На поляхъ идетъ уборка хлѣба, и созрѣваетъ второй или уже третій урожай травъ. Пшеница роскошно дозрѣваетъ, овесъ почти поспѣлъ, а рожь уже вся почти сжата или скошена.

Всюду довольство и зажиточность. Всюду спокойствіе, трудолюбіе и благосостояніе.

Припомнилась мнѣ русская деревенская жизнь, гдѣ теперь тоже шла уборка несчастныхъ, тощихъ урожаевъ жалкими, оскудѣвшими, заморенными, невѣжественными людьми и полуживыми животными. Припомнилось мнѣ тамъ теперь отчаяніе, переутомленіе, взаимное раздраженіе, непріязнь, ругань и проклятія и, въ результатѣ, голодовка и нужда областями, необъятными какъ цѣлыя страны, какъ цѣлыя государства.

Въ 1 ч. дня останавливались въ Норркёпингѣ (Norrköping). Это важный фабричный пунктъ Швеціи съ 34.000 жителей. Останавливались въ Eksund'ѣ. Но, конечно, всѣ эти и другіе города при желѣзной дорогѣ остались мною не посѣщенными, за краткостью остановокъ.

Должно замѣтить, что этотъ путь черезъ южную часть Швеціи, послѣ побережнаго объѣзда Скандинавіи, показался мнѣ почти совсѣмъ неинтереснымъ. И я былъ доволенъ, когда онъ кончился.

А кончился онъ въ 10 часовъ вечера, когда поѣздъ прибылъ въ Malmö, мнѣ уже хорошо знакомое и видѣнное мною немного раньше.

Мѣстные жители мнѣ рекомендовали дешевую и очень хорошую, по ихъ словамъ, гостиницу Hôtel Danemark. Но тамъ не оказалось свободныхъ номеровъ, и я поневолѣ долженъ былъ обратиться въ ближайшую и самую роскошную Hôtel Horn, о которой уже говорилъ выше, при описанiи Мальмё. Тамъ я получилъ за двѣ кроны всего роскошную комнату съ прекрасной обстановкой: умывальникъ, электрическiй свѣтъ по желанiю, великолѣпную постель съ чуднымъ, чистымъ бѣльемъ. Всего этого я не имѣлъ за всю длинную свою дорогу. Поэтому, походивши немного ночью по городу, темнѣвшему и успокоивавшемуся, я съ удовольствiемъ вернулся спать въ свой номеръ.

29-го iюля (10-го августа).

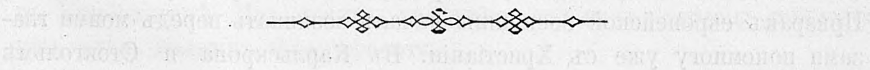
Утромъ напрасно поискалъ морского купанья. Купальни были въ передѣлкѣ, а вольнаго мѣстечка вблизи нѣтъ.

Когда я тутъ пожелалъ прикупить еще кое-что на память и для подарковъ домашнимъ, то, несмотря на множество магазиновъ, не нашелъ ничего подходящаго. Все здѣсь было далеко до тѣхъ изящныхъ и недорогихъ предметовъ, каковыхъ такъ много въ Стокгольмѣ.

То же со мной было и въ Норвегiи, когда я пропускалъ случай прiобрѣсти что-нибудь нужное въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, даже въ Бергенѣ и въ Христiанiи почти нельзя было отыскать изображенiй нѣкоторыхъ сѣверныхъ городовъ и мѣстъ, каковы, напримѣръ, Вардё и др.

Однако, надо было попасть хоть на второй пароходъ, идущiй въ Данiю. Первый я пропустилъ. Всѣхъ ихъ отходитъ отсюда въ Копенгагенъ ежедневно шесть, по одному черезъ каждые полтора часа.

Второй пароходъ отходилъ въ 9½ ч. утра. Это было видное, хорошее судно. Публики было на немъ много, особенно первоклассной, т.-е. нарядной. Общiй обѣдъ былъ положительно роскошенъ. Его подавали всѣмъ въ I классѣ.

ЧАСТЬ IV.

По Даніи. По сѣверной Пруссіи. Возвращеніе домой.

ГЛАВА I.

По Даніи.

Отъѣздъ изъ Швеціи. — Континентъ. — Въѣздъ въ Копенхагенъ. — Таможня. — Помѣщеніе. — Осмотръ столицы Даніи. — Привлекательность города и жителей. — Магазины. — Фринея fin du siècle. — Коллекціи. — Торвальдсенъ. — Національный музей. — Купанье. — Грѣшница. — Храмъ. — Гуляющіе. — Хольбергъ и Эленшлегеръ. — Грѣшныя, но милыя созданья. — Гаде. — Андерсенъ. — Свендсенъ здѣсь. — Шарлоттенборгъ. — Розенборгъ. — Ботаническій садъ. — Прелестная неизвѣстная. — Частная скульптурная галлерея. — Утомленіе. — Тиволи. — Странная сцена. — Арлекинъ, Пьеро и Коломбина. — Игра въ лошадки. — Ночное оживленіе. — Опять странности моды. — Отъѣздъ изъ Даніи. — Страна плодородія.

29-го іюля (10-го августа).

Послѣ двухъ часовъ ѣзды на пароходѣ изъ шведскаго города Мальмё, изъ котораго уже нѣсколько виденъ Копенхагенъ, по крайней мѣрѣ, его дымъ, мы настолько приблизились таперь къ этому городу, что ясно различали его гавань, корабли и дома.

Близость континента сказывалась въ военщинѣ, которая тутъ всюду проявлялась: и форты, и броненосцы, и миноноски, и пр. и пр. столь надоѣвшее тамъ дома, на родинѣ, да и повсюду въ Европѣ. Призракъ европейской военщины началъ возникать передъ моими глазами понемногу уже съ Христіаніи. Въ Карльскрона и Стокгольмѣ онъ увеличился. А теперь въ Копенхагенѣ онъ разросся во всю свою величину.

Въ пристани на рейдѣ стоялъ огромный, трехтрубный военный пароходъ, казавшійся ужаснымъ, подавляющимъ колоссомъ, среди

всѣхъ остальныхъ судовъ тамъ. Это оказалась наша „Полярная звѣзда“. Говорили, что Государыня-мать гостила у своего отца въ тотъ разъ.

Въ таможнѣ багажъ пассажировъ осмотрѣли необыкновенно снисходительно. Зато цѣны на носильщиковъ, извозчиковъ и въ гостиницахъ оказались здѣсь выше, нежели въ Скандинавіи. Кромѣ того, качества моего номера и самой Hôtel Göteborg, рекомендованной путеводителемъ Бедекеромъ, были чрезвычайно низкаго качества.

Въ первый разъ въ жизни, мнѣ приготовили постель въ гостиницѣ безъ подушки, а лишь съ валикомъ для головы, покрытымъ не наволокою, а тою же простынею, какою былъ постланъ и тюфякъ. Каково! Однако комната была единственная, и мѣнять ее ради двухъ дней казалось безразсуднымъ. Hôtel Göteborg находится въ центральномъ мѣстѣ города, т.-е. на St. Annasplads. Изъ моего окна виденъ былъ королевскій дворецъ.

Оправившись немного отъ дороги, я поспѣшилъ итти осматривать столицу Даніи — Kjopenhavn, какъ ее здѣсь называютъ.

Большой, многолюдный городъ этотъ, съ его многочисленными колокольнями, фабричными трубами и массою судовъ на морѣ, и въ пристаняхъ, съ его крѣпостями, пушками и всею военщиною произвелъ на меня, несмотря на всю свою нарядность, гнетущее впечатлѣніе. Въ сравненіи съ болѣе красивымъ Стокгольмомъ, здѣсь чувствовался еще сильнѣе оттѣнокъ континентальной жизни, или имперіализма, если хотите, съ его сутолокой, съ его политикой, съ его судорожнымъ безпокойствомъ, съ его капитализмомъ; хотя городъ и находится не на континентѣ, а на островѣ Зеландіи.

Впрочемъ, такое настроеніе вскорѣ стушевалось, когда все вниманіе поглотилось роскошью зданій города и превлекательностью его жителей. Особенно симпатичны и часто красивы были здѣсь молодыя дѣвушки. Мнѣ показалось, что датчанки красотою и привлекательностью превосходятъ даже своихъ скандинавскихъ сосѣдокъ и соотечественницъ, если хотите. Мнѣ казалось, что я нигдѣ въ остальной Европѣ не видалъ на улицахъ столько прелестныхъ, стройныхъ, веселыхъ и красиво, хотя и просто одѣтыхъ женскихъ фигурокъ, какъ въ Копенхагенѣ. Изъ десяти, навѣрное, половина недурны собою, и ужъ одна, положительно, красотка.

Въ городѣ, разумѣется, много роскошныхъ магазиновъ. Въ одной витринѣ, среди другихъ фотографій, были выставлены разнообразные портреты одной извѣстной пѣвицы-красавицы, неаполитанки, которую, кажется, знаетъ весь міръ за ея, дѣйствительно, изумительную кра-

соту и наготу на портретахъ. Это такъ называемая mademoiselle Kavalieri или чудная, прелестная Фринея нашего fin du siècle*).

Въ Копенхагенѣ подавляющее количество разныхъ музееевъ, коллекцій и галлерей. По крайней мѣрѣ, таково было мое впечатлѣніе, послѣ скромной, бѣдной Норвегіи и даже послѣ нарядной и уже нѣсколько болѣе зажиточной Швеціи. Я не зналъ, на чемъ остановиться, что осматривать въ короткій промежутокъ времени, который мнѣ оставался на пребываніе здѣсь.

Я остановился для начала на самомъ интересномъ и характеристичномъ, по-моему, для столицы Даніи, именно, на музеѣ Торвальдсена. Цѣлый музей произведеній одного изъ величайшихъ геніевъ! Мало того, тамъ же собраны и его личныя вещи и книги. И самъ онъ, вдобавокъ, покоится посрединѣ двора роскошнаго, огромнаго зданія, какъ нѣкое божество среди своего храма. Онъ похороненъ подъ каменною плитою, обвитою плющомъ.

Жизнь и дѣятельность величайшаго, пожалуй, скульптора конца XVIII и начала XIX столѣтія Европы — Торвальдсена протекла безоблачно и лучезарно. Достаточно посмотрѣть на его работы, на его собственный бюстъ, на таковые же его портреты, чтобы убѣдиться, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ на свѣтѣ удачниковъ. Его совершеннѣйшія произведенія, трактующія главнымъ образомъ объ эротѣ, винѣ и весельи, или изображающіе его самого, либо великихъ и счастливыхъ міра сего — все это дышитъ жизнерадостью и спокойствіемъ, даже эгоизмомъ; словомъ, чѣмъ-то олимпійскимъ. Тутъ нѣтъ любви къ человѣчеству, тутъ нѣтъ страданія за него. Что-то гётевское, что-то сверхчеловѣческое во всемъ этомъ. И геній самъ представляется жестокимъ.

Въ этихъ запискахъ невозможно подробно или даже хоть приблизительно описать богатѣйшія коллекціи Торвальдсеновскаго музея. Для характеристики мотивовъ его работъ назову лишь нѣсколько: напримѣръ, „Геркулесъ или Сила“, „Пастушка съ гнѣздомъ амуретокъ“, „Амуръ, жалующійся Венерѣ на укушеніе пчелы“, „Танецъ музъ на Геликонѣ“, „Венера съ яблокомъ“, „Марсъ и Амуръ“, „Прощаніе Гектора съ Андромахой“, „Меркурій, убивающій Аргуса“, „Ганимедъ съ орломъ Юпитера“ и, наконецъ, одинъ барельефъ, изображающій *обольщеніе* мальчика зрѣлымъ мужемъ!

Послѣ Торвальдсена я осмотрѣлъ еще Національный музей (Nationalmuseum), съ его археологической, исторической и др. коллекціями. Всѣ эти принадлежности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ,

*) Писано въ концѣ 19 столѣтія.

всѣ эти угрюмыя изображенія царей, всѣ эти доспѣхи войны, казни и пытки такъ тягостно гнетутъ, въ особенности, уставшее вниманіе и воображеніе, что мнѣ часто хочется поскорѣе бѣжать изъ подобныхъ мѣстъ. Такъ и тогда я былъ радъ возвратиться на свѣтлую, многолюдную улицу, съ ея оживленною толпою.

Попробовалъ выкупаться вечеромъ въ морѣ. Но сразу охладѣлъ къ этому удовольствію здѣсь. Морскія купальни помѣщаются чрезвычайно далеко, совсѣмъ почти за городомъ, гдѣ уже расположены виллы, такъ что нужно туда долго ѣхать и мѣнять трамваи. Кромѣ того, здѣсь въ Öresund'ѣ, вода уже совершенно прѣсная, какъ въ Балтійскомъ морѣ. И все это — послѣ энергичныхъ купаній Ледовитаго и Атлантическаго океановъ, гдѣ я только что ими наслаждался.

На возвратномъ пути въ одинъ трамвай со мною вскочила поспѣшно и безпокойно хорошенькая глубокая брюнетка лѣтъ 30—35. Она высказывала столько тревоги, робости и особаго возбужденія. Костюмъ ея былъ тоже въ подозрительномъ безпорядкѣ. Наконецъ, она съ трудомъ выносила пристальные взгляды постороннихъ.

Все это вмѣстѣ взятое было такъ характерно и краснорѣчиво, что нужно было быть совсѣмъ неопытнымъ или слѣпымъ, чтобы не догадаться, что эта красотка — невѣрная подруга, возвращающаяся съ запретнаго свиданія.

Съ наступленіемъ сумерекъ я вошелъ въ одну мѣстную церковь. Тамъ кончалась служба. Органъ доигрывалъ свои заключительныя модуляціи. Въ храмѣ была полутьма. Толпа молящихся была не многочисленна и печальна на видъ. Опять бросилось мнѣ въ глаза, и здѣсь, что мѣсто въ храмѣ лишь угнетеннымъ, да оскорбленнымъ. Тутъ были старики, бѣдно одѣтые и грустные на видъ молодые, да калѣки. Тихо побрела вся эта невзрачная публика, по окончаніи обѣдни, изъ церкви на улицу, гдѣ жизнь била ключомъ, гдѣ ежеминутно встрѣчались нарядные, красивые и веселые люди. Часто проносились велосипедисты и велосипедистки. Вездѣ зажигались огни. Освѣщались рестораны и кабачки. Во многихъ изъ нихъ звучала музыка, по большей части, лишь піанино.

Главная струя гуляющихъ двигалась по центральной площади — Kungens Nytorv. На этой улицѣ находится театръ со статуями Хольберга (Holberg), прозваннаго отцомъ датско-норвежской комедіи и Эленшлегера (Oehlenschläger), творца таковой же драмы. Отсюда публика текла по главной изъ 13 начинающихся здѣсь улицъ, именно, по Östergade и ея продолженіямъ: Amagetorv, Vimmelskaftet, Frederiksbreitgade и, наконецъ, Vesterbroespass. Послѣдняя улица имѣетъ множество загородныхъ увеселительныхъ садовъ и ресторановъ.

Здѣсь находится и любимое копенхагенцами „Tivoli“.

Среди гуляющихъ замѣтно много веселыхъ и миловидныхъ грѣшныхъ созданій. Особенно около сада „Tivoli“.

Вообще Копенхагенъ производитъ впечатлѣніе оживленнаго, развеселаго города, гдѣ хорошо живется его счастливымъ, здоровымъ и трудолюбивымъ жителямъ.

Однако, я уже стремился домой, въ свою унылую, бѣдную родину. Поэтому еще передъ вечеромъ справился о пароходахъ, идущихъ въ Пруссію, черезъ которую я намѣревался возвращаться, т.-е. приблизительно черезъ Warnemünde, Stettin и т. д. Оказалось, что въ пятницу, въ 3 часа вечера, отойдетъ туда пароходъ „Dronning Lovisa“ (королева Луиза).

Возвращаясь въ свою квартиру, я замѣтилъ, что на St. Annasplads стоитъ статуя композитора Гаде (Gade).

30-го іюля (11-го августа).

Какихъ-либо интересныхъ, оригинальныхъ мѣстныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, сувенировъ, я не нашелъ здѣсь.

Меня очень удивило, что во всемъ Копенхагенѣ оказалось лишь два или три портрета знаменитаго датскаго писателя Андерсена (Andersen). Да и тѣ были лишь репродукціи съ другихъ портретовъ.

Извѣстнаго норвежскаго композитора Свендсена (Svendsen), который находится въ Копенхагенѣ, въ качествѣ королевскаго капельмейстера, я навѣстить не собрался.

Меня предупредили, что онъ очень боится кредиторовъ и подозрѣваетъ ихъ въ каждомъ посѣтителѣ.

Сегодня пошелъ въ замокъ Шарлоттенборгъ (Charlottenborg), гдѣ должна была находиться одна изъ мѣстныхъ картинныхъ галлерей. Но тамъ оказалась выставка картинъ нашего В. Верещагина, и именно его Наполеоновскій походъ, уже знакомый мнѣ по Москвѣ. Здѣшнія же картины были перенесены въ другое мѣсто, именно въ Kunstmuseum, который находится въ одномъ изъ прекрасныхъ копенгагенскихъ парковъ, именно въ „Östre Anlaeg“.

Здѣсь коллекція картинъ весьма богата. Кромѣ того, есть нѣсколько хорошихъ статуй. Остались въ памяти: „Adam og Eva“ — Schultze, т.-е. наши прародители, послѣ ихъ грѣхопаденія. Еще группа на ту же тему съ подписью „God Kaldte“, т.-е. „Богъ позвалъ“, работы Gude Petersen'а.

Послѣ этого музея толкнулся было въ замокъ Розенборгъ (Rosenborg), съ богатѣйшими историческими коллекціями принадлежностей

датскихъ королей. Но тутъ потребовалось дожидаться накопленія, по крайней мѣрѣ, 12 человѣкъ, чтобы получить входный билетъ, который стоитъ 6 кронъ. И у меня не хватило терпѣнія.

Вмѣсто того я провелъ съ часъ времени въ ботаническомъ саду. Впрочемъ, тамъ удалось видѣть лишь то, что находилось на открытомъ воздухѣ. Оранжереи были заперты. Изъ растеній на воздухѣ меня заинтересовала моя соловецкая знакомая, карликовая береза (Betula nana), да похожая на нее, только выше ростомъ — Betula alpestris.

Здѣсь, въ ботаническомъ саду я увидѣлъ необыкновенно красивую и очень смуглую брюнетку, напоминавшую какой-то изъ южныхъ типовъ. Она была чрезвычайно декольтирована, особенно сзади; гуляла она съ какими-то дѣтьми по саду. Что это былъ за субъектъ, трудно было догадаться, — бонна, кокотка, актриса или еще что?

Мужчины ею залюбовывались.

Изъ ботаническаго сада я поспѣшилъ въ Скульптурную галлерею (Nycarlsberg Glyptothek). Это не очень большое, но красивое зданіе, съ богатой коллекціей скульптуръ, собранныхъ частнымъ лицомъ, нѣкіимъ г. H. Jacobsen'омъ, затѣмъ подаренное имъ городу. Особенно интересны тамъ произведенія французскихъ скульпторовъ, напримѣръ худ. Barrias — „Les premières funérailles“ (похороны Авеля Адамомъ и Евою). Въ этой группѣ масса содержанія, драмы и глубины. Затѣмъ остались въ памяти худ. Leonard'a — „Vision de Faust“ (Маргарита за прялкой) и др.

Пообѣдалъ въ одномъ довольно большомъ ресторанѣ и, отдохнувъ тамъ немного за газетами, я направился въ Handelsbank, чтобы получить остальныя деньги по акредитиву Юнкера изъ Москвы. Послѣ этого вернулся въ свою Hôtel Göteborg на St. Annasplads, чтобы еще отдохнуть. Утомленіе сказывалось все сильнѣе и сильнѣе. Спѣшность пути не давала времени для настоящаго отдыха. Жаль было тратить на это драгоцѣнное время. Дома, въ деревнѣ, думалось, успѣю насидѣться, успѣю отоспаться. Вѣдь, только и дѣла тамъ, только и утѣшенія, что отсыпаться, да отъѣдаться. Эхъ, русская деревня! Не привлекательна ты!

Послѣдній вечеръ въ прекрасномъ Копенгагенѣ. Хожу по немъ и стараюсь наглядѣться на все. Оживленіе на улицахъ невольно увлекаетъ. Забрелъ по пути, за другими гуляющими, и въ Тиволи (Tivoli). Туда я сначала было не собирался, считая это банальнымъ кафешантаннымъ садомъ. Отчасти оно такъ и оказалось. Тамъ театры, балаганы, рестораны и просто пивныя. Свѣту, движенія, музыки и

шума довольно. Поразило меня здѣсь то, что посѣтители сюда приходили цѣлыми семьями, даже съ дѣтьми лѣтъ 10—12; и это, вѣдь, въ 9—10 часовъ вечера. У многихъ входившихъ въ садъ я замѣтилъ абонементные билеты. Этотъ фактъ еще болѣе подтверждалъ предположенiе, что Тиволи считается весьма любимымъ мѣстомъ гулянья.

На верандѣ одного ресторана, недалеко отъ меня помѣстились двѣ молодыя женщины, очевидно, легкаго пошиба, актрисы или кокотки, и сильно навеселѣ. Онѣ были воодушевлены какою-то необыкновенною страстью другъ къ другу, ибо нѣсколько разъ замирали въ безконечныхъ объятiяхъ съ бурными поцѣлуями. Проходившiе съ удивленiемъ посматривали на такую странную картину.

На одной открытой сценѣ представляли старинную итальянскую пантомиму Arlequin, Pierrot et Colombine*). Отъ души похохоталъ я на всю эту наивную, древнюю смѣхотворную шутку. Весьма кстати бываетъ иногда и подобное разсѣянiе.

Подивился я, глядя на карусели съ качающимися лошадками, когда увидѣлъ, что на нихъ важно и серiозно возсѣдали не только дѣти, но даже и большiе, увлекаясь не на шутку этою пародiей на скачку. Я, какъ деревенскiй житель, и нѣкогда заядлый спортсменъ, отъ души подивился на этихъ умныхъ и серiозныхъ датчанъ.

Возвращаясь домой часамъ къ 12 ночи, я встрѣчалъ еще много гуляющихъ по улицамъ. Не мало попадалось и тутъ развеселыхъ, молодыхъ и красивыхъ дамъ, иногда, повидимому, проститутокъ. Взадъ и впередъ проносились велосипедисты. И все это жило, веселилось и отдыхало подъ прекраснымъ лѣтнимъ небомъ, среди великолѣпнаго, роскошнаго города, съ тѣмъ чтобы завтра утромъ опять приняться за дѣло, за трудъ.

Здѣшнiя щеголихи часто носятъ и въ эту теплую пору перелины, боа и другiя украшенiя изъ мѣховъ, подобно своимъ скандинавскимъ соотечественницамъ.

31-го iюля (12-го августа).

Утро. Уѣзжаю. Спѣшу обмѣнить датскiя деньги на русскiя. Банкиры еще закрыты. Обращаюсь въ маленькiя мѣняльныя лавки, и мнѣ насилу удается получить требуемое. Спѣшу на вокзалъ, такъ какъ меня воодушевляетъ мысль, что, вѣдь, это возвращенiе домой. Мой извозчикъ проситъ ему заплатить впередъ, въ то время какъ я сажусь къ нему изъ гостиницы, а на вокзалѣ онъ преблагополучно получаетъ, бла-

---

*) Арлекинъ, Пьерро, Коломбина и Пантальоне — главные герои ст. ит. народной комедiи „Camedia del arte“.

годаря моей торопливости, съ меня еще вторую плату и, какъ ни въ чемъ не бывало, отъѣзжаетъ прочь.

Вагоны, въ которые я попалъ, — прямого сообщенія до Пруссіи. Ихъ перевозятъ черезъ проливы, т.-е. между датскими островами, Sjaelland, Falster, и до прусскаго берега на особыхъ пароходахъ-понтонахъ, такъ что пассажиры почти изъ нихъ не выходятъ, развѣ за тѣмъ, чтобы поѣсть въ каютахъ понтона, гдѣ приготовленъ для этого роскошный столъ и буфетъ.

Быстро проѣхали мы по зеленой, плодородной Даніи, съ ея земледѣльцами въ поляхъ и лугахъ, и съ ея тучными стадами. Какой-то влажный, зиждительный паръ висѣлъ надъ всею этою благословенною землею.

ГЛАВА II.

По Сѣверной Пруссіи.

Варнемюнде. — Роштокъ. — Нейбранденбургъ. — Люстровъ. — Провинціальныя картины. — Военщина. — Соотечественники. — Кёнигсбергъ. — Тевтонки. — Континентальная жара. — Военные. — Воскресенье. — Публика. — Язва нашего времени. — Человѣкъ изъ Россіи. — Кранцъ. — Дешевизна. — Афронтъ. — Дюны и облѣсеніе. — Брачная пара. — Балтика. — Обѣдъ. — Наплывъ гуляющихъ. — Нѣмки. — Русская рѣчь. — Публика. — Ночлегъ. — Утро. — Родные отголоски. — Куришъ-Гафъ. — Опять облѣсеніе. — Шварцхорстъ. — Мемель. — Центръ еврейства. — Вице-консулъ. — Его секретарь.

Я вспомнилъ теперь жары, засухи и неурожаи тамъ, дома, и т. п.

Въ 1½ часа дня остановка въ Варнемюнде. Это чрезвычайно оживленное и заселенное морское купанье сѣверной Пруссіи. Публика вездѣ уже нѣмецкая, далеко не такая симпатичная и красивая, какъ въ Даніи, и особенно, какъ тамъ, въ милой, поэтичной и прекрасной Скандинавіи.

Теперь я прощался мысленно и уже окончательно съ тѣми чудными странами, съ ихъ сильными, кроткими, умными, трудолюбивыми и красивыми народами. Я еще разъ въ жизни искренно, сердечно пожалѣлъ, что судьба такъ безжалостно, расторгла столь родственные и дружественные народы, какъ: Скандинавія, Данія, Финляндія и Балтійскія страны. Какое бы культурное, сильное и цивилизующее для сосѣднихъ народовъ государство могли составить всѣ эти страны вмѣстѣ! Какъ бы сильны и непобѣдимы были онѣ сами передъ лицомъ задорной и алчной Европы!

Въ своихъ грустныхъ мысляхъ я шелъ даже дальше, — я горевалъ, что когда-то не Швеція одержала верхъ въ борьбѣ со своимъ огромнымъ, тяжелымъ и неповоротливымъ сосѣдомъ, а онъ — этотъ сосѣдъ.

Но тутъ я умолкаю, боясь обвиненія въ антипатріотизмѣ.

Теперь, гдѣ я ѣхалъ, былъ настоящій континентъ, настоящая воинственная Европа, да еще Пруссія.

Таможня оказалась построже здѣсь, нежели тамъ, на сѣверѣ, въ благословенныхъ, только-что покинутыхъ мною странахъ.

Въ 5 часовъ вечера г. Роштокъ (Rostock). По недоразумѣнію я покинулъ здѣсь курьерскій поѣздъ, на которомъ ѣхалъ. Спросить ничего не удалось ни у кого. Кондуктора бѣгаютъ и отмалчиваются самымъ безцеремоннымъ образомъ. Всѣ и все спѣшитъ. Поѣздъ скорехонько умчался на Берлинъ, куда мнѣ не хотѣлось заѣзжать, такъ какъ мой планъ былъ возвратиться домой сѣверомъ Пруссіи, т.-е. черезъ Мемель и нашъ Полангенъ, который я такъ полюбилъ, послѣ перваго своего пребыванія тамъ.

Благодаря такому плану, при возвращеніи домой, пошли остановки и страшныя проволочки въ дорогѣ.

Во-первыхъ, здѣсь, въ Роштокѣ, пришлось прождать до половины восьмого вечера, пока не удалось сѣсть въ маленькій поѣздокъ. Затѣмъ остановка въ Нейбранденбургѣ (Neubrandenburg) отъ 10 часовъ вечера до 6 часовъ утра.

Благодаря необыкновенно любезному молодому начальнику станціи, который былъ, какъ потомъ оказалось, со всѣми и всегда очень добръ и услужливъ, мнѣ удалось переночевать въ вагонѣ I класса, такъ какъ вокзалы въ Пруссіи между поѣздами запираются, и тамъ посидѣть даже негдѣ, не говоря уже о томъ, чтобы прилечь.

1-го (13-го) августа.

Утромъ уѣзжаю на миніатюрномъ поѣздишкѣ въ Штеттинъ (Stettin). Оказывается, однако, что въ городишкѣ Люстровъ (Lüstrow) — еще мѣнять вагоны!

Жара. Пейзажи не интересны. Пресловутая современная Пруссія или Preussen передъ глазами.

Милѣйшій начальникъ станціи или Stations Vorstand въ Нейбранденбургѣ посовѣтовалъ мнѣ избрать до Мемеля такой путь: Stettin — Kranz — Königsberg — Insteburg.

Проѣхали провинціи Мекленбургъ-Шверинъ, съ замѣчательными въ сельскомъ хозяйствѣ сѣвооборотами и скотомъ; потомъ провинціи Восточную и Западную Пруссію, т.-е. Ost- и West-Preussen. Всюду

картина мира и трудолюбія. Масса работающихъ, сытыхъ, крѣпкихъ нѣмецкихъ крестьянъ въ соломенныхъ шляпахъ. Масса сытаго скота и лошадей. Среди всего этого спокойно расхаживаютъ аисты, которыхъ тутъ любятъ и берегутъ. Тамъ и сямъ, среди тучныхъ полей пшеницы и искусственныхъ пышныхъ луговъ, виднѣются села съ готическими колокольнями.

Съ приближеніемъ къ городамъ, каковы: Штетинъ и Кёнигсбергъ, опять сутолока, крѣпости и военщина. Опять этотъ кошмаръ, навязанный Пруссіею и остальной Европѣ послѣ 70-хъ годовъ.

Прусскихъ денегъ пришлось еще немного намѣнять на поѣздѣ у вагоннаго расторатора, такъ какъ дорогіе соотечественники, ѣхавшіе съ нами, отказали мнѣ въ этомъ, хотя, проходя мимо нихъ по вагону, я слышалъ, что имъ нужно обмѣнить прусскихъ денегъ на русскія.

Удивительно обидное и противное невниманіе и какая-то враждебность къ своимъ! Каждый одинъ другого боится, одинъ другому не вѣритъ, одинъ другого уже заранѣе ненавидитъ.

На самомъ дѣлѣ, достаточно мнѣ было заговорить по-русски съ вышепоименованными пассажирами и предложить имъ обмѣнъ русской сторублевой на прусскіе талеры и марки, о чемъ они только-что сами мечтали и твердили въ вагонѣ, какъ глаза ихъ затуманились, и даже разговоры между ними затихли. А главное то было странно, дико и обидно до глубины души, что эти соотечественники тотчасъ же даже разошлись въ разныя стороны другъ отъ друга.

Не правда ли, отвратительно и позорно передъ иностранцами? Хорошо еще, что нашего разговора въ ту минуту никто не могъ понять въ вагонѣ.

Навѣрное, вышеозначенные соотечественники отнеслись ко мнѣ такъ же подозрительно, какъ и я къ нимъ, послѣ ихъ афронта. Да и правда, если вспомнишь хорошенько дорогую родину, то, вѣдь, въ ней, дѣйствительно, всѣ другъ другу не вѣрятъ, всѣ одинъ другого боятся. Вездѣ мерещится шпіонъ.

Въ Кёнигсбергѣ (Königsberg) мнѣ рекомендовали гостиницы Schweizerhof и Hôtel de Russie. Я остановился въ послѣдней. Извозчикамъ платятъ по таксѣ, которую указываетъ машинка съ циферблатомъ, находящаяся на козлахъ каждаго экипажа. Сколько проѣдешь, столько, якобы, вѣрно и покажетъ стрѣлка циферблата. Однако на меня и тутъ нашелъ скептицизмъ.

Вечеромъ походилъ по городу Кёнигсбергу. Въ кабачкахъ, по случаю субботы, много выпивающихъ, но пьяныхъ ни одного. Публика не

изящна, непривлекательна, какъ тамъ, въ чудной, незабвенной Скандинавіи. Женщины здѣсь совсѣмъ не интересны.

Вернулся въ свою гостиницу, чтобы поужинать и спать. Въ ресторанѣ служили рослыя, массивныя нѣмецкія дѣвицы, которыя съ мѣстными посѣтителями дружески разговаривали, здоровались съ ними за руку и принимали отъ нихъ тутъ же, за столами, угощеніе. Держали себя эти тевтонки величественно, какъ истыя пруссачки. Но мнѣ онѣ напоминали больше ломовыхъ лошадей, мнящихъ себя арабскими кобылицами.

Все это было далеко до симпатичныхъ и простыхъ въ обращеніи датчанокъ и скандинавокъ.

Столъ здѣсь въ Германіи тоже много хуже стола въ вышеупомянутыхъ небогатыхъ странахъ, а также нежели въ бѣдной, якобы, и каменистой Финляндіи. Въ послѣдней кормятъ такъ обильно и такъ дешево, какъ я не встрѣчалъ нигдѣ, во всѣ свои путешествія по Европѣ.

Завтра воскресенье. Я рѣшилъ перебраться въ мѣстное морское купанье Kranz, весьма любимое и сильно посѣщаемое кёнигсбергцами. Оттуда собирался продолжать свой путь до Мемеля на пароходѣ.

2-го (14-го) августа.

Утромъ сегодня, часовъ въ 8, расплатился въ гостиницѣ и пустился пѣшкомъ на вокзалъ. Носильщикъ несъ мои вещи. Жара была такова, что казалось нестерпимо итти даже въ тѣни домовъ.

Да, здѣсь уже былъ континентъ, съ его удушливымъ климатомъ. На улицахъ, въ это воскресное утро, было уже довольно оживленное движеніе праздничной публики. Часто сверкали мундиры и каски прусскихъ юнкеровъ и вытянутыхъ, корректныхъ и самодовольныхъ офицериковъ. Особенно противны были между послѣдними молодые, упивавшіеся до очевидности „своимъ высокимъ назначеніемъ“.

На вокзалѣ была масса народа. Все это стремилось провести воскресенье у моря. Все это направлялось въ Кранцъ (Kranz). Поѣзда туда отходили часто. Но въ вагонахъ была все время тѣснота.

Въ виду этого я оставилъ свою кладь, хотя и небольшую, на храненіе въ Кёнигсбергѣ, съ тѣмъ чтобы ее завтра получить въ Кранцѣ, передъ моимъ отъѣздомъ оттуда. Самъ же помѣстился въ одинъ изъ поѣздовъ.

Въ вагонѣ III класса было биткомъ набито приличной, нарядной публикой. Во II — тоже. Первый оставался почти пустымъ.

Уже съ самаго въѣзда моего въ предѣлы Пруссіи, мнѣ рѣзко стали

бросаться въ глаза то тутъ, то тамъ проскакивавшіе среди публики еврейскіе типы, которыхъ на сѣверѣ я почти нигдѣ не замѣчалъ. Теперь въ Кёнигсбергѣ и на поѣздѣ этихъ типовъ было еще больше. Вообще весь составъ здѣшней публики казался мнѣ менѣе симпатичнымъ, нежели въ описанныхъ мною только-что странахъ.

Бросается въ глаза, что нѣмцы, особенно, галантерейнаго фасона, охотно читаютъ французскія книжонки, современнаго бульварнаго и порнографическаго происхожденія и вида. Даже видѣлъ здѣсь и нѣмецкія книжонки, пригнанныя и поддѣланныя подъ этотъ типъ. Обложки и заглавія въ родѣ: Eine dekolltirte Geschichte, достаточно убѣждали меня въ этомъ.

Что же касается самихъ вышеупомянутыхъ французскихъ книжонокъ, то я долженъ здѣсь добавить, что ихъ я встрѣчалъ въ витринахъ магазиновъ даже по всей Скандинавіи, не говоря уже о Даніи.

Вотъ какъ неудержимо распространяется по земному шару эта пошлая и вредная литература, эта язва нашего времени!

Между прочимъ, я замѣтилъ, что человѣка изъ Россіи тутъ въ Пруссіи сторонятся болѣе, нежели тамъ на сѣверѣ. Тутъ мнѣ положительно претило признаваться въ своей національности.

Кранцъ — хорошенькое, благоустроенное морское купанье. Оно чрезвычайно населено лѣтомъ. И все здѣсь дешево и удобно.

Вся масса публики, пріѣхавшей съ нашимъ поѣздомъ, хлынула въ ресторанъ, такъ какъ былъ часъ обѣда (т.-е. полдень). Я отправился искать вольнаго купанья, чтобы освѣжиться отъ несносной жары, и потому пропустилъ случай хорошо и сытно пообѣдать. Главная масса обѣдающихъ была въ саду Grand Hôte'lя и Monopol'я, гдѣ до 2 час. можно было получить хорошій обѣдъ въ 5 блюдъ за $1^1/_2$ марки. Въ воскресенье даютъ еще шестое блюдо за ту же плату.

Кажется, пора бросить наше, русское убѣжденіе, что за границей вездѣ живутъ люди впроголодь и что нигдѣ, будто бы, нельзя такъ наѣсться, какъ въ Россіи.

Проходя мимо общественныхъ купаленъ, гдѣ были цѣлыя толпы купающихся, я обратился къ какому-то почтенному господину, по наружности канонику, какъ мнѣ казалось. На мой вѣжливый вопросъ, гдѣ бы можно выкупаться на свободѣ, онъ грубо и рѣзко рыкнулъ: „Нигдѣ! Купанье на волѣ строго запрещено!“

Опять пахнуло на меня Пруссіей, военщиной, Бисмаркомъ и пр. прелестями современной Германіи. И я съ гнѣвомъ отшатнулся отъ грубіяна, долго глядя ему вслѣдъ съ недоумѣніемъ.

Пройдя весь паркъ, разстилающійся на берегу моря версты на 3 за

городъ, я, наконецъ, очутился въ уединеніи. Публика сюда не доходила уже. Только въ тѣни безконечной дюны, которая здѣсь тянется по всему прусскому берегу, сидѣлъ какой-то, долговязый, долгополый семинаристъ и одѣвался, очевидно, послѣ купанья.

Я прошелъ еще дальше вдоль дюнъ, на которыя входъ былъ строго воспрещенъ, въ виду того, что на нихъ разводились искусственные лѣса, которыми эти нестойкія дюны укрѣплялись. Тамъ я, наконецъ, выкупался. Вода была тепла и прѣсна. Послѣ купанья я легъ на свой гуттаперчевый плащъ въ тѣни осыпающейся дюны, чтобы хоть немного укрыться отъ жгучаго солнца. Тихая дремота сомкнула мои вѣжды, и я впалъ въ забытье.

Открывши глаза, я увидѣлъ шагахъ въ пятидесяти отъ себя купающагося мужчину лѣтъ 45 и наблюдающую его платье на берегу женщину, приблизительно такихъ же лѣтъ, какъ и онъ. Очевидно, эта пара были супруги, средняго достатка.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: уйти или остаться. Супруги, повидимому, считали себя здѣсь одними. Они такъ просто и такъ скромно, такъ добродушно относились другъ къ другу, что мнѣ было жаль ихъ потревожить, и я рѣшился еще потаиться. Дальше у нихъ шло все такъ же просто и почти трогательно, какъ и должно было ожидать отъ пожилыхъ супруговъ.

Онъ вышелъ изъ воды, въ которой пополоскалъ что-то изъ своего бѣлья. Она его тщательно вытерла со спины и помогла ему одѣться. Послѣ этого оба спокойно продолжали свой путь.

Передо мною разстилалась гладь свѣтло-голубого, спокойнаго моря. На горизонтѣ изрѣдка показывалась какая-нибудь рыбачья лодка. Кораблей тутъ совершенно не видно. Для нихъ, вѣроятно, эти мѣста моря слишкомъ мелки. Они, навѣрное, проходятъ гораздо далѣе отъ береговъ. Налѣво отъ меня, вдали совсѣмъ, виднѣлась набережная Кранца. Публики на берегу и въ водѣ почти уже не было. Всѣ, вѣроятно, теперь гуляли въ паркѣ. Направо разстилалась по низменному песчаному берегу безконечная балтійская дюна, — та же дюна, что тянется почти отъ Финляндіи и до самой сѣверо-западной Франціи, гдѣ берегъ становится уже нѣсколько выше и скалистѣе.

Я почувствовалъ голодъ и пошелъ по дорожкѣ, ведущей черезъ дюну въ паркъ. Тамъ, соблазнившись придорожнымъ плакатомъ о какомъ-то ресторанчикѣ Waldhaus'ѣ, въ которомъ предлагались публикѣ обѣды, ужины, кофе, пиво, раки и т. п., я забрелъ туда или, скорѣе, весьма неудачно заблудился. Ѣда оказалась плохою. Очевидно, обѣденное время прошло, такъ какъ было 4 часа, и публика теперь пила свой полуденный кофе.

Къ вечеру наплывъ гуляющихъ въ Кранцѣ все возросталъ. Публика прибывала на поѣздахъ, на экипажахъ и на велосипедахъ изъ Кёнигсберга. Въ паркѣ зазвучала роговая музыка. Я направился туда.

Сравнивая нѣмокъ съ ихъ сосѣдками и даже сродственницами скандинавками и датчанками, я пришелъ окончательно къ заключенію, что первыя, несмотря даже и на миловидность и на красоту, которая у нихъ иногда встрѣчается, носятъ на себѣ какой-то отпечатокъ приторности, непривлекательности, нескладности и безвкусицы. Даже костюмы ихъ менѣе симпатичны, нежели у ихъ сѣверныхъ одноплеменокъ.

Въ публикѣ нѣсколько разъ слышалъ русскую рѣчь. Обратившись раза два-три къ говорившимъ по-русски нянямъ, гимназистамъ и студентамъ, я однакоже убѣдился, что все это были лишь русскіе евреи. Евреевъ же вообще съ приближеніемъ къ нашей границѣ все виднѣлось больше да больше.

Вечеромъ на набережной было многолюдное гулянье съ музыкой. Прибрежные рестораны, курзалы и павильоны были весело освѣщены, и биткомъ набиты публикою. Электрическіе фонари набережной освѣщали ярко нарядныхъ гуляющихъ.

Я долго сидѣлъ здѣсь, осматривая публику. Ко мнѣ робко подходили и неувѣренно заговаривали со мною давишніе молодые евреи. Но сознавая въ себѣ ихъ притѣснителя, каковыми мы являемся относительно всѣхъ нашихъ подчиненныхъ народовъ, я себя чувствовалъ съ ними уныло и неуютно.

Къ полночи разошлись всѣ гуляющіе по домамъ. Набережная опустѣла и стала темнѣть. Фонари на ней гасили. Ночь была чудная, теплая, звѣздная. И мнѣ пришла фантазія провести ее на берегу моря, на воздухѣ. Я долго шелъ вдоль дюнъ, наконецъ остановился и легъ, завернувшись въ свой резиновый плащъ.

Картина ночи была такъ прекрасна, съ миріадами звѣздъ на темномъ, мягкомъ небѣ, съ тихимъ, еле шуршавшимъ моремъ, съ гаснущими огоньками вдали по берегамъ и въ самомъ Кранцѣ, что трудно было заснуть. Фантазія бодрствовала усиленнѣе обыкновеннаго. Въ нее тѣснились образы прошлаго. Передъ глазами проносились и страшныя и свѣтлыя видѣнія прошлаго, проходили злые и милые образы. Грусть и тоска воспоминаній тѣснили уставшую грудь. Сожалѣнія и раскаянія давили ее и выжимали на глазахъ запоздалыя, безплодныя и безсильныя слезы...

Нѣсколько разъ засыпалъ я и безъ конца просыпался. Резиновый плащъ оказывался не особенно удобнымъ одѣяломъ для сна. Онъ

весь намокалъ отъ испареній кожи, какъбудто бы отъ сильнѣйшей росы.

Впрочемъ, я вынужденъ былъ закутываться плотнѣе, во-первыхъ, чтобы не видать картинъ чудной, лѣтней тревожащей ночи, во-вторыхъ, чтобы не думать о гадюкахъ, которыхъ здѣсь, на дюнахъ, какъ мнѣ говорили, водится не мало.

3-го (15-го) августа.

Проснулся рано утромъ. Солнце показалось справа изъ-за дюнъ. Долго лежалъ, глядя на спокойное море. День обѣщалъ опять стать яснымъ и жаркимъ.

Кто-то пришелъ на берегъ моря купаться. Послѣ него и я сдѣлалъ то же. Потомъ опять полежалъ, такъ какъ еще было очень рано.

Чего-чего не припомнилось мнѣ тогда въ этой тишинѣ и въ моемъ одиночествѣ! Что-что только не прошло черезъ мои мысли! Какія-какія только воспоминанія не пронеслись въ воображеніи!

Наконецъ, стрѣлка часовъ приблизилась къ 7 часамъ. Я поднялся окончательно и пошелъ черезъ паркъ къ городу. По дорогѣ я выпилъ кофе въ одномъ изъ ресторановъ и пробѣжалъ послѣднія газеты. Между прочимъ, въ № 189 „Berliner Abendpost“ прочелъ слѣдующее:

„Vergangenen Sonnabend wurde der russische Unterthan Strzykalla, als er den Versuch machte, die Prosna zu durchwaten, von einem russischen Grenzsoldaten auf diesseitigem Territorium erschossen“*).

Каково? Вотъ и отголоски изъ дорогого отечества! Такъ и запахло, что на Шипкѣ все спокойно.

Впрочемъ, о подобныхъ происшествіяхъ на нашей границѣ я скоро услыхалъ очень многое, лишь только вступилъ на свою родную территорію.

Походивъ еще по городу, я пришелъ наконецъ на вокзалъ. Дорогою за городомъ я замѣтилъ, что тутъ на поляхъ воздѣлываютъ много разныхъ кормовыхъ растеній; между прочимъ, есть корнеплоды, клевера и желтыя и синія лупины.

Телѣги у крестьянъ здѣсь часто запряжены не только парою, но даже четверкою лошадей цугомъ. Не правда ли, какая экономія въ тратѣ человѣческой работы? А у насъ одинъ человѣкъ еще и до сихъ поръ

---

*) Въ прошлую субботу русскій подданый Стрикала, пробуя перейти въ бродъ Просну, былъ застрѣленъ русскимъ пограничнымъ стражникомъ на здѣшней территоріи.

нахлестываетъ и ругаетъ по-матерьному одинокаго, полуживого одра или „сырка“, годнаго часто лишь только на псарню въ котелъ.

Наконецъ, маленькій поѣздъ подвезъ насъ къ крошечному пароходику. И мы поплыли по Куришъ-Гафу. Узкая, совершенно песчаная и тонкая коса отдѣляетъ этотъ заливъ отъ моря. На косѣ видны хвойныя насажденія, мѣстами уже превращающіяся въ довольно видныя рощи. Здѣсь, въ сѣверной Пруссіи, правительство старается давно уже развести лѣса по безплоднымъ, песчанымъ, плоскимъ берегамъ. И вотъ усилія эти увѣнчиваются успѣхомъ. Необитаемые, мертвые пески становятся понемногу плодородными. И все это, благодаря зарождающемуся здѣсь лѣсу, — тому самому лѣсу, который у насъ на сѣверѣ поглощаетъ собою всякую культуру и человѣческую жизнь, который тамъ всѣхъ запугиваетъ и озвѣряетъ.

По косѣ и по берегамъ видны рыбачьи деревни, съ остроконечными колокольнями. Всѣ строенія крыты черепицею.

До Мемеля тутъ 120 километровъ.

Часа въ 4 вечера остановились у мѣстечка Шварцхортъ (Schwarzhort), расположеннаго на песчаной косѣ, но уже среди разросшихся хвойныхъ насажденій. Здѣсь есть и приспособленія для морскихъ купаній. На набережной видны еврейскія физіономіи. На нашемъ пароходикѣ ихъ еще больше.

Наконецъ черезъ часъ ѣзды прибыли въ Мемель (Memel), о которомъ я много прежде слыхалъ, именно, во время своего пребыванія на купаньи въ нашемъ курляндскомъ Полангенѣ.

Мемель — небольшой и ничѣмъ осбенно незамѣчательный городъ, развѣ только тѣмъ, что онъ представляетъ собою истинно еврейское гнѣздо. На улицахъ встрѣчаешь больше евреевъ, нежели нѣмцевъ и другихъ людей. Вывѣски магазиновъ часто даже написаны на еврейскомъ языкѣ. Есть части города, гдѣ кромѣ евреевъ никого нѣтъ.

Я попалъ въ такой кварталъ. Это ихъ здѣшній центръ. Дѣло было такъ. Остановившись въ весьма приличной гост. Hôtel de Russie, я сталъ спрашивать, гдѣ получить экипажъ, чтобы доѣхать въ Полангенъ, до котораго отсюда считается верстъ 10—12. Мнѣ обѣщали фаэтонъ или коляску, но за 12 марокъ минимумъ. Это мнѣ не понравилось, я рѣшилъ поискать сообщенія до Полангена посходнѣе. И вотъ меня направили въ самый центръ здѣшняго еврейства, именно, въ Hôtel zum Schwarzen Adler, т.-е. гостиницу „Чернаго орла“. Уже подходя къ мѣсту, гдѣ находилась эта гостиница, я чувствовалъ, что погружаюсь въ одинъ изъ ужасныхъ притоновъ, населенныхъ несчастными изгнанниками христіанской цивилизаціи. На улицахъ грязь, косматыя,

черномазыя дѣти, хитрыя, недовѣрчивыя физіономіи взрослыхъ, пронизывавшія меня насквозь, чтобы догадаться, зачѣмъ я нахожусь здѣсь — все это подавляло и нагоняло уныніе на меня. Подозрительныя, продувныя физіономіи высовывались даже изъ оконъ и являлись на порогахъ, чтобы посмотрѣть на необычнаго здѣсь прохожаго и чтобы догадаться, что ему нужно и нельзя ли имъ воспользоваться, нельзя ли съ него что-нибудь нажить. Одинъ, довольно прилично одѣтый молодой еврей, спросилъ меня даже прямо, не нужно ли мнѣ чего-нибудь особеннаго, не нуженъ ли мнѣ, напримѣръ, паспортъ, чтобы переѣхать черезъ границу.

Я и раньше зналъ, что въ Мемелѣ фабрикуютъ фальшивые паспорта и занимаются усиленно контрабандой такъ же, какъ и у насъ, въ сосѣднемъ Полангенѣ.

Въ гостиницѣ „Чернаго орла" меня встрѣтили чрезвычайно недовѣрчиво, точно подозрѣвали во мнѣ тайнаго сыщика. Меня здѣсь попросту боялись. И устроить здѣсь мнѣ ничего не удалось, для своего дальнѣйшаго путешествія.

Все это, вмѣстѣ взятое, произвело на меня такое тягостное, угнетающее впечатлѣніе, что я рѣшился обратиться къ русскому вице-консулу, чтобы хоть почувствовать подъ ногами какую-нибудь прочную почву, и отдохнуть душою ото всей этой вражды.

Но на этотъ разъ я жестоко ошибся въ своихъ надеждахъ. Здѣсь вице-консуломъ нашимъ былъ тогда нѣкто Дамье (Damie), какъ значилось на плакатѣ у его двери. Тамъ меня приняли лишь въ передней. Долго заставили меня объясняться съ миловидной горничной нѣмочкой, которая увѣряла меня, что ея господина нѣтъ дома.

Когда я сталъ выражать свое недовѣріе, то вышла разряженная по-визитному дама, назвавъ себя по-русски женою вице-консула и подтвердивъ, что его дѣйствительно не было дома. Кромѣ того, она безъ церемоніи заявила мнѣ, что уходитъ и сама въ гости сію минуту.

Я опѣшилъ окончательно. Но долженъ былъ покориться такому странному обращенію у консула съ его соотечественниками.

Вышеозначенная дама, впрочемъ, посовѣтовала мнѣ обратиться къ секретарю консула, нѣкоему г. Филипповичу, куда и распорядилась меня проводить.

Миленькая нѣмочка меня довела до указаннаго дома.

Я долженъ здѣсь сказать лишь то, что сохранилъ о пріемѣ господина Филипповича и о всей семьѣ его самое отрадное воспоминаніе. Тамъ старались меня всячески обласкать и успокоить, какъ будто бы силились загладить дурное, недостойное обращеніе со мною у нашего

вице-консула. Между тѣмъ самъ онъ, Филиппович, былъ даже не русскій, а полякъ; жена же его была нѣмка.

Эти симпатичные и культурные люди устроили мнѣ удобную и пріятную поѣздку до Полангена вмѣстѣ съ ихъ родственникомъ, который туда отправлялся завтра же.

Оказалось, что этотъ господинъ былъ полангенскимъ домовладѣльцемъ.

ГЛАВА III.

Возвращеніе въ Россію.

Выѣздъ изъ Пруссіи. — Иммерзаттъ и Ниммерзаттъ. — Полангенъ. — Остатки сезонной публики. — Прежніе знакомые. — Любительскій спектакль. — Данныя о Полангенѣ. — Янтарь. — Магнаты. — Пиры. — Остатки рабства. — Скиѳы. — Латыши и литовцы. — Контрабанда. — Пограничная стража. — Еще о Полангенѣ. — Стремленіе домой. — Голландская шапка. — Бирута. — Отъѣздъ. — Обращеніе мысли назадъ и впередъ.

4-го (16-го) августа.

Утромъ, когда я сидѣлъ у входа въ свою гостиницу, дожидаясь экипажа, обѣщаннаго мнѣ моимъ новымъ компаньономъ, меня долго осматривали и оцѣнивали два еврея съ противоположнаго тротуара. Наконецъ, одинъ изъ нихъ не выдержалъ, и подошелъ ко мнѣ, чтобы узнать, что мнѣ нужно, чего я дожидаюсь и есть ли у меня паспортъ, т.-е. не нужно ли мнѣ изготовить таковой, для переѣзда черезъ русскую границу.

Я съ досадой отвѣчалъ, что все у меня есть и что я возвращаюсь домой въ Россію, по законному паспорту, послѣ далекаго путешествія.

Надо было видѣть удивленіе и недовѣріе дѣлового, практическаго еврея, когда я объяснилъ ему, на его дальнѣйшіе вопросы, что я ѣздилъ лишь какъ туристъ, т.-е. не ради какого-нибудь гешефта, вокругъ всей Скандинавіи. Онъ такъ мнѣ и не повѣрилъ.

Наконецъ, мнѣ удалось уѣхать изъ Мемеля, изъ этого еврейскаго мрачнаго центра. И я съ отрадой увидѣлъ его черезъ нѣкоторое время у себя за спиною.

Вотъ мы сдѣлали привалъ въ поселкѣ Иммерзаттѣ (Immersatt)*), послѣднемъ прусскомъ мѣстечкѣ передъ нашей границей. Далѣе уже

---

*) Тутъ же рядомъ съ мѣстечкомъ Иммерзаттъ есть мѣстечко еще Ниммерзаттъ. То и другое названіе, по моему, намекаетъ на контрабанду и на доходность отъ нея. Контрабанда въ обоихъ мѣстечкахъ — главная спеціальность.

оставалась наша таможенная контора или, скорѣе, контора пограничной стражи, съ заставой или съ „рогаткой“, какъ ее тутъ называютъ.

Въ Иммерзаттѣ намъ пришлось закусить и передохнуть съ 12 до 2 часовъ дня, пока чиновники на русской заставѣ отдыхаютъ, какъ всѣ говорили, такъ что пропуска не бываетъ черезъ нашу границу въ эти часы.

Года два тому назадъ, когда я проводилъ лѣто въ Полангенѣ, мнѣ случилось дойти, гуляя до прусскаго Immersatt съ компаніей знакомыхъ. Тогда мы тоже закусывали здѣсь, въ томъ же садовомъ ресторанчикѣ, или въ Krug'ѣ, какъ такіе пріюты здѣсь называютъ. Въ тотъ разъ мы здѣсь застали двухъ молодыхъ прехорошенькихъ нѣмочекъ, дочерей содержателя вышепоименованной пивной. На этотъ разъ здѣсь была на лицо только лишь одна изъ двухъ хорошенькихъ сестеръ, другая уже вышла замужъ. Оставшаяся здѣсь была теперь уже не такъ мила и свѣжа на видъ, какъ тогда, прежде. Кромѣ того, она была грустна и задумчива.

Подкрѣпившись и предполагая, что чиновники на русской рогаткѣ, наконецъ, уже выспались и что, быть можетъ, они соблаговолятъ на насъ обратить теперь свое высокое вниманіе, мы тронулись въ путь. Что-то нерадостное копошилось въ душѣ, при приближеніи къ отечественнымъ порядкамъ и къ унылой, безталанной родинѣ.

И на самомъ дѣлѣ, встрѣча отчизною въ свое лоно возвращающагося ея блуднаго сына была далеко не столь радужная и любовная, каковою она изображена въ знаменитой притчѣ Христовой.

Во-первыхъ, насъ остановили, опустивъ передъ нами предварительно заставу, хотя мы уже и сами задержали своихъ лошадей. Здѣсь точно ждали съ нашей стороны непремѣнно своеволія, насилія или разбоя. Послѣ этого насъ позвали къ чиновнику въ контору. Пока онъ тамъ недовѣрчиво осматривалъ и пересматривалъ наши документы, разспрашивалъ и переспрашивалъ насъ, глядѣлъ и вглядывался въ насъ, въ это самое время часовые пограничной стражи, спросивъ насъ о количествѣ нашихъ скудныхъ чемодановъ, которые были всѣ на лицо, все-таки тщательно ихъ считали и пересчитывали, тогда какъ ихъ не было у насъ даже и полдюжины.

Вещей у пріѣзжихъ однако тутъ, на заставѣ, не досматриваютъ. Для этого въ самомъ Полангенѣ есть еще „настоящая“ таможня.

Что сіе все должно обозначать, я не постигаю. Только здѣсь, на рогаткѣ, отобрали у насъ документы, и послали ихъ и насъ вмѣстѣ въ Полангенъ, т.-е. въ таможню, подъ конвоемъ верховаго солдата, который былъ съ ружьемъ и боевыми патронами въ сумкѣ.

Каково! Это возвращеніе ничѣмъ не запятнаннаго гражданина въ свое отечество.

Въ полангенской таможнѣ, гдѣ меня, къ счастью, всѣ еще помнили, по первому моему посѣщенію вышеозначеннаго курорта, мои вещи, однако, тѣмъ не менѣе, осматривали ровно 20 минутъ! Это два-то саквояжика, да пледъ, на которые въ заграничныхъ таможняхъ никто не хотѣлъ и глядѣть даже!

Наконецъ, часу въ четвертомъ вечера я достигъ знакомаго кургауза графа Тышкевича, гдѣ уже нѣкогда стоялъ и водворился теперь опять удобно, и недорого въ своемъ прежнемъ облюбованномъ баракѣ, среди самаго кургаузскаго парка.

Переодѣвшись и выкупавшись, я пошелъ походить по парку, гдѣ засталъ лишь остатки лѣтней курсовой публики. Изъ Полангена обыкновенно въ это время уже разъѣзжаются купающіеся. Кой-кто тутъ былъ и изъ прежнихъ гостей. Поговорили, вспомянули и нѣкоторыхъ другихъ изъ прежнихъ пріѣзжихъ. Оказалось, что нѣкоторые больше сюда не появлялись, другіе же умерли и т. д.

Сердце невольно сжималось болѣзненно. Маленькій Полангенъ, гдѣ когда-то я такъ радостно, такъ хорошо провелъ лѣто, показался мнѣ теперь какъ будто мрачнымъ и унылымъ.

Я рѣшился поискать кое-кого изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ,— среди мѣстныхъ жителей. Поэтому первымъ долгомъ направился въ одно семейство, гдѣ была мать-вдова и нѣсколько барышенъ дочерей. Тамъ прежде меня хорошо принимали, и сами дѣвицы были недурны собою и милы.

Однако тутъ встрѣтилъ я теперь странныя перемѣны. Оказалось, что несмотря на относительную пустоту курорта Полангена въ то лѣто, всѣ квартиры моихъ барышенъ были заняты мужчинами. Мнѣ пояснили, что это „такое мѣсто", т.-е. близость парка и кургауза. Но я замѣтилъ, благодаря своему скептицизму, и другія особенности въ „такомъ мѣстѣ", которыя дѣлали его столь любимымъ постояльцами. Тогда я почувствовалъ грусть еще болѣе, и меня начало тянуть вонъ изъ Полангена.

Въ этотъ же первый вечеръ я попалъ на любительскій польскій спектакль. Его играли мѣстные владѣльцы, графы Т., со своими родными и знакомыми. Давали французскую драму въ одномъ актѣ и какую-то польскую комедію. Та и другая пьеса прошла великолѣпно. Прелестно играли всѣ эти польскіе аристократы и магнаты. Прелестны были и ихъ дамы на сценѣ и въ ложахъ. Особенно эффектна была на сценѣ и внѣ ея графиня О., урожденная графиня Т. Нельзя

было не замѣтить, что остальныя дамы здѣшняго аристократическаго кружка съ завистью посматривали на прелестную графиню, истинную жемчужину среди всѣхъ нихъ.

Однако, я замѣтилъ, или это только было лишь мое подозрѣніе, что какъ будто бы присутствіе единственнаго и нежданнаго русскаго на ихъ любительскомъ, неофиціальномъ спектаклѣ непріятно поразило его учредителей — поляковъ.

Меня легко можно было отличить по моему дорожному костюму среди другой публики, которая была вся болѣе или менѣе парадно одѣта. Кромѣ того, меня, вѣроятно, всѣ еще хорошо помнили, по первому моему пребыванію здѣсь. Такъ какъ въ Полангенѣ бываетъ неособенно много посѣтителей, то большинство изъ нихъ здѣсь какъ-то запоминаются и пріѣзжими, и мѣстными жителями.

Гости на спектакль допускались лишь по личному приглашенію. И меня, быть можетъ, слишкомъ опрометчиво пригласили вышеупомянутыя барышни на этотъ неофиціальный спектакль.

Этотъ фактъ, или фикція, еще хуже настроили меня. И я еще разъ рѣшилъ черезъ день или два ѣхать изъ Полангена домой.

Не могу здѣсь не добавить съ досадою, что въ то время мѣстная власть не разрѣшала официальнаго спектакля на польскомъ языкѣ, даже съ благотворительною цѣлью. Поэтому, конечно, и вышеописанный — остался частнымъ спектаклемъ. Поэтому, конечно, и появленіе на немъ русскаго было встрѣчено не особенно радостно.

5-го августа стараго стиля.

Опишу нѣсколько Полангенъ, такъ какъ считаю его достойнымъ большаго вниманія нашей публики, нежели какимъ она его даритъ до сихъ поръ.

Полангенъ — это небольшой городокъ Курляндской губерніи, Гробинскаго уѣзда, самый послѣдній жилой пунктъ на русской территоріи, по берегу Балтійскаго моря, въ сторону прусской границы. Отъ нея онъ находится въ какой-нибудь верстѣ всего. Расположенъ онъ на дюнахъ вдоль берега моря. Жителей въ Полангенѣ не болѣе 2000 человѣкъ. Купающихся сюда пріѣзжаетъ иногда до 500 человѣкъ. Мѣстное населеніе состоитъ изъ латышей, литовцевъ, поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ. Русскихъ здѣсь очень мало.

Характерною особенностью Полангена является янтарный промыселъ. Этотъ красивый минералъ (окаменѣлая древесная смола) выбрасывается во время бурь моремъ на берегъ кусочками разной величины.

Рѣдко попадаются большіе куски. Маленькіе же, величиною до грецкаго орѣха, здѣсь обыкновенны.

Обрабатывается этотъ янтарь тутъ на особой фабрикѣ или, точнѣе, въ небольшой мастерской. Владѣльцы этого промысла и фабрики — евреи. Нѣкоторыя вещицы изъ янтаря здѣсь выполнены очень красиво и со вкусомъ. У разносчиковъ онѣ всегда дешевы и доступны.

Весь городокъ Полангенъ принадлежитъ одному изъ графовъ Тышкевичей, потомку крупнаго польскаго магната. Это былъ одинъ изъ виднѣйшихъ польскихъ аристократовъ. Теперь сюда, въ Полангенъ, съѣзжаются на лѣто не только всѣ графы Тышкевичи, но и многіе ихъ родные и знакомые. Всѣ они живутъ въ особыхъ виллахъ, построенныхъ отдѣльно между кургаузомъ и берегомъ моря. Жизнь они здѣсь ведутъ веселую и счастливую. Среди нихъ есть очень красивыя женщины. Все это наряжается, катается и всячески наслаждается жизнью. Спектакли, грандіозные праздники и пиры разнообразятъ имъ тихое лѣтнее безоблачное существованіе.

Я помню, какъ въ первое свое пребываніе здѣсь, мнѣ удалось попасть на пикникъ, устроенный однимъ изъ братьевъ Тышкевичей, въ честь остальныхъ здѣсь живущихъ, его близкихъ и знакомыхъ. Пикникъ этотъ назывался ловлею раковъ въ одномъ изъ сосѣднихъ имѣній графа, именно въ Гжельвахъ. Тогда не только были приглашенные изъ Варшавы, но и всѣ жители Полангена могли принять участіе въ этомъ праздникѣ. И всѣ, кто только хотѣлъ, шли и ѣхали въ Гжельвы. Дѣло было поздно вечеромъ. Было уже темно. Версты двѣ оставалось доѣхать лѣсами, которыхъ здѣсь вообще много. И вотъ, эти двѣ версты дороги освѣщали литовскіе крестьяне горящими головнями, которыя они держали въ рукахъ, стоя по обѣ стороны нашего пути.

Въ лѣсу на полянѣ были зажжены костры, плошки и фонари. Тамъ же были накрыты огромные столы, съ холоднымъ, сытнымъ ужиномъ. Множество бутылокъ красовалось на скатерти, среди яствъ и посуды.

Все это отзывалось временами барства и крѣпостного права. Да, впрочемъ, оно тутъ почти еще въ силѣ. Тутъ, напримѣръ, преклоненіе народа передъ господами колоссальное, совершенно у насъ въ Россіи непонятное. Оно выражается на каждомъ шагу во всевозможномъ раболѣпствѣ бѣдно одѣтаго передъ одѣтымъ получше. Болѣе всего бросается въ глаза цѣлованіе рукъ простолюдинами у пановъ или хотя бы только у похожихъ на пановъ. Я видѣлъ, напримѣръ, цѣлованіе руки старухою у молодого человѣка.

Русскаго „варвара“ подобныя картины приводятъ въ тяжелое недоумѣніе.

Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, что вся полангенская аристократія только и тѣшится эгоистическимъ, благополучнымъ существованіемъ. Она кое-что удѣляетъ и альтруизму.

Самъ владѣлецъ Полангена, напримѣръ, пожертвовалъ и землю и строеніе подъ здѣшнюю прогимназію, поставивъ при этомъ лишь одно условіе, именно, чтобы въ этомъ строеніи не устраивали православнаго храма, на каковое дѣло онъ предлагалъ опять-таки особое мѣсто, тоже въ подарокъ. Но наши ретивые обрусители-опричники и тутъ показали себя какъ настоящіе скиѳы. Они втиснули-таки домашнюю церковь въ зданіе прогимназіи, отчудивъ тѣмъ навѣки у жертвователя его собственность и обманувъ его вмѣстѣ съ тѣмъ. Сверхъ всего, изъ всей этой исторіи подстроили и вывели для жертвователя еще и политически неблагонадежную оцѣнку и тѣмъ доставили ему, какъ кажется, новыя незаслуженныя непріятности.

6-го августа.

Наблюдая мѣстныя народности, пришлось убѣдиться, что всѣ онѣ чрезвычайно трудолюбивы, честны, кротки и добродушны. Особенно высоко цѣнятся здѣсь латыши, какъ извѣстно, самые любимые и нашими русскими землевладѣльцами рабочіе, и арендаторы.

Литовцы поражаютъ иностранца своею необыкновенною религіозностью. Говорятъ, даже папа ихъ называетъ „своею святою жмудью“.

Тягостное впечатлѣніе производитъ на непривычнаго здѣшняя страшно распространенная контрабанда и борьба съ нею.

Я затруднился бы сказать, кто только въ Полангенѣ не занимался тогда болѣе или менѣе контрабандою. Даже я не увѣренъ въ томъ, на сколько отъ нея свободны были сами блюстители мѣстныхъ порядковъ. Мѣстные же жители считаютъ это дѣло самымъ обыкновеннымъ. Я видѣлъ даже пріѣзжихъ на купанье, которые ходили на прогулку въ прусскій Иммерзаттъ (Immersatt) и запасались тамъ разною контрабандою, съ которою возвращались въ Полангенъ.

Жизнь и дѣятельность мѣстной пограничной стражи полна истинныхъ ужасовъ.

Бѣдные часовые иногда, чуть не плача, повѣствовали мнѣ сообщенія о своихъ мученіяхъ. Имъ, напримѣръ, приходилось 12 и болѣе часовъ дежурить съ заряженнымъ ружьемъ, по разнымъ мѣстамъ, на берегу моря. Особенно ужасно бываетъ имъ въ бурныя зимнія ночи. При этомъ нельзя задремать, потому что или подстрѣлитъ контрабандистъ, или наскочитъ дозорный начальникъ.

7-го августа.

Оставляя въ сторонѣ всѣ темныя стороны жизни въ Полангенѣ, я долженъ сказать, что это все-таки привлекательное мѣстечко, которое заслуживаетъ бóльшого вниманія публики, какъ, поистинѣ, лучшее морское купанье по нашему балтійскому побережью. Во всякомъ случаѣ, здѣсь вода менѣе прѣсна и менѣе спокойна, нежели въ другихъ мѣстахъ нашего Штранда. Дно здѣсь, какъ и по всему, впрочемъ, Штранду, идеальное. Глубина такъ постепенна, что можно купаться дѣтямъ даже безъ надзора старшихъ.

Дешевизна жизни въ Полангенѣ весьма значительна. Можно устроиться тамъ баснословно дешево, если только поселиться въ какомъ-нибудь скромномъ крестьянскомъ семействѣ. А для небогатыхъ людей и это иной разъ очень кстати. Для людей же, желающихъ помѣститься получше, можно рекомендовать кургаузъ или гостиницу и бараки въ паркѣ, устроенные и содержимые самимъ владѣльцемъ Полангена. Тамъ можно вполнѣ хорошо и удобно провести все лѣто. Цѣны и порядки очень сносные. Прислуга приличная и добродушная. Народъ мѣстный вообще кротокъ и привѣтливъ. Какъ наивно звучитъ его обращеніе: „пане добродѣю!"

Главное неудобство Полангена — это его плохое и недешевое сообщеніе съ Либавою, черезъ которую обыкновенно сюда направляются наши соотечественники, да и вообще пріѣзжіе изъ Россіи, Польши, Риги и т. д. Отъ Либавы до Полангена около 70—80 верстъ, которыя нужно проѣхать на лошадяхъ: или на частныхъ, или на почтовыхъ, или же на еврейскихъ клячахъ.

Въ заключеніе этого описанія еще разъ отъ души пожелаю, чтобы люди небогатые обратили побольше вниманія на Полангенъ, какъ на хорошій приморскій курортъ.

8-го августа.

Скучаю и стремлюсь домой. Все осмотрѣлъ, все обошелъ. Прежнія воспоминанія всѣ перебралъ въ памяти. Публика все разъѣзжается. И нѣтъ силъ долѣе оставаться здѣсь.

Еще разъ прошелся по берегу на сѣверо-западъ до „Холлендерской шапки", или Голландской шапки, какъ называется тамъ холмъ съ лѣсомъ. Посѣтилъ и ближайшую рощу Бируты, тоже съ холмомъ, находящуюся у самаго Полангена.

Роща и холмъ этотъ исторически извѣстные. Преданіе говоритъ, что во время язычества литвы, которая вообще весьма поздно перешла въ христіанство, здѣсь на холмѣ, въ вышепоименованной рощѣ

находился жертвенникъ богинѣ Прауримѣ. Красавица, жрица Бирута, поддерживала на немъ неугасимый огонь и должна была сохранять свое дѣвство. Какъ-то разъ литовскій князь Кейстутъ, проходя здѣсь съ войскомъ, послѣ одного удачнаго похода, увидѣлъ красавицу Бируту и взялъ ее насильно себѣ въ жены. Послѣ его смерти языческій народъ, раздраженный за поруганіе его святыни, схватилъ Бируту, кажется, въ Вильнѣ уже, притащилъ ее сюда, назадъ, къ жертвеннику Праурримы, и, растерзавъ ее тутъ на части, бросилъ останки ея въ море.

Кейстута и Бируту языческая Литва подозрѣвала въ тайной приверженности къ христіанству.

Тоскую и рѣшаюсь уѣхать поскорѣе. Факторъ еврей, каковыхъ тутъ много, ищетъ мнѣ компаньона, чтобы не ѣхать одному и не платить слишкомъ дорого за дорогу. Такъ отсюда стараются уѣзжать всѣ одинокіе пассажиры.

10-го августа.

Наконецъ, сегодня утромъ выѣзжаю домой по хорошему шоссе, идущему среди лѣсовъ.

Усталъ длинною дорогою и массою новыхъ впечатлѣній. Пора, пора и домой, въ русскую деревню, съ ея сонною тишиною, съ ея прозябаніемъ и еле тлѣющей жизнью! Тамъ все дремлетъ и спитъ. Тамъ и тебѣ никто не помѣшаетъ отдохнуть и выспаться, послѣ страшныхъ утомленія и суматохи путешествія.

О дальнихъ, прекрасныхъ культурныхъ странахъ, о тамошнихъ нарядныхъ, прочныхъ жилищахъ, объ ихъ чудныхъ, симпатичныхъ и счастливыхъ народахъ ты будешь съ отрадою вспоминать тамъ, дома у себя, глядя на полуразвалившіеся помѣщичьи усадьбы и деревни, на запущенныя, одичалыя поля, исковерканные лѣса, пересыхающія рѣки и пруды, и встрѣчаясь или съ безпардонными хищниками или съ безпечными, лѣнивыми, равнодушными ко всему и изможденными людьми, одѣтыми часто въ рубища!...

Много-много еще ужаснаго и темнаго ждетъ путешественника тамъ дома, въ уѣздѣ. Много и отчаянія и апатіи опять на него нахлынетъ тамъ, въ этой всемертвящей русской уѣздной и деревенской жизни. Но что же дѣлать? Хочется домой, туда, въ эту грустную, несчастливую страну.

А. Энгельмейеръ.

15 августа 1899 года.
С. Срезнево.

Цѣна 1 руб.

